

Д. В. Шульц
МОЯ ЖИЗНЬ
СРЕДИ
ИНДЕЙЦЕВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «МЫСЛЬ»

**ПУТЕШЕСТВИЯ
ПРИКЛЮЧЕНИЯ
ФАНТАСТИКА**

Д. В. Шульц

**МОЯ ЖИЗНЬ
СРЕДИ
ИНДЕЙЦЕВ**

Издательство «Мысль»
Москва • 1965

И (Амер)

III 95

ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

D. W. SCHULTZ

MY LIFE AS AN INDIAN

Boston and New-York, 1906

Перевод с английского В. К. ЖИТОМИРСКОГО

Предисловие и примечание Л. А. ФАЙНБЕРГА

Второе издание

Художник Л. М. ГОЛЬДБЕРГ

Предисловие

Вы не найдете имени Джемса Вилларда Шульца в Американской Энциклопедии. Лишь в самых подробных биографических справочниках о нем сказано несколько слов. А ведь Шульц — автор 40 романов и повестей, посвященных индейцам, художественных произведений, не превзойденных по своей правдивости и знанию индейской жизни. Заговор молчания вокруг имени Д. Шульца в американском литературоведении не случаен. Его книги — яркий обличительный документ против американского капитализма, обречшего на гибель или нищенское существование коренных жителей Америки — индейцев.

Шульц родился в небольшом городке Бунвилле, в штате Нью-Йорк, 26 августа 1859 года. Родители его занимались торговлей и были очень набожными людьми. Жизнь в городке текла настолько размеренно и однообразно, что даже похороны считались событием и чуть ли не главным развлечением горожан.

Мальчика с детства угнетала серая рутина жизни провинциального городка, фанатичная религиозная нетерпимость его обывателей. Его тянуло на лоно природы, и все свободное время он проводил в большом лесу к северу от Бунвилла. Он зачитывался книгами о путешествиях на Дальний американский Запад, тогда еще дикий и малозаселенный. К западу от Миссури простирались обширные, покрытые высокой травой степи — прерии. Здесь бродили миллионы бизонов.

До середины XVI века в прериях было мало индейцев. Те племена, которые позднее заселили прерии, жили в основном восточнее и севернее в лесных районах, а также на западе в предгорьях Скалистых гор.

Лишь когда индейцы научились использовать лошадь, привезенную в Америку европейцами, началось заселение прерий и сформировалась культура конных охотников на бизонов. Охота на бизонов была главным занятием почти всех индейцев, она давала и пищу, и одежду, и шкуры для покрытия жилищ — *типи*, лишь несколько племен (*канза, хидатса, мандан*), живших в восточной части прерий, в бассейнах Миссури и Миссисипи, занимались в равной мере охотой и земледелием.

Летом все племя охотилось вместе. Охоту организовывала существовавшая у индейцев прерий своего рода племенная милиция; ее члены назывались *акацита*. Они посылали специальных разведчиков, чтобы установить, где находятся стада бизонов. Затем в палатке племенного совета они вместе с вождями и старейшинами обсуждали план предстоящей охоты. Верховые охотники окружали стадо и по сигналу акацита начинали бить животных из луков. Индеец, дерзнувший отправиться за бизонами в одиночку и спугнувший стадо, сурово наказывался.

Зимой племя распадалось на несколько небольших, отдельно кочующих охотничьих групп.

Для успешной охоты на бизонов необходимы были лошади. Они покупались в восточных штатах Америки или захватывались в военных набегах. Среди индейцев прерий появилось имущественное расслоение, деление на богатых и бедных. Желание обзавестись лошадьми приводило к усилению межплеменных войн, искусственно разжигавшихся белыми, стремившимися ослабить индейцев и облегчить таким образом колонизацию их земель.

В XIX веке шла интенсивная колонизация Дальнего Запада поселенцами из восточных штатов. С 30-х годов XIX в. в прерии устремились толпы белых охотников, так как американские торговые компании стали закупать в больших количествах шкуры бизонов. Началось хищническое истребление бизоньих стад. При этом белые охотники брали лишь шкуры животных, а мясо оставляли гнить в степи. Только в 1846 году меховые фактории на реках Арканзас и Канада скупили сто тысяч бизоньих шкур.

В то же время белые торговцы побуждали и самих индейцев все в больших масштабах вести охоту на бизонов. Торговцы спаивали индейцев и за бесценок скупали у них шкуры. Миссионер отец Сколлен писал в 1876 году губернатору канадской провинции Манитоба: «...сотни бедных индейцев пали жертвами жажды белого человека к деньгам: одни отравленные, другие замерзшие в состоянии опьянения, третьи пораженные пулями Соединенных Штатов» *. Истребление бизонов всячески поощрялось правительством Соединенных Штатов, стремившимся лишить индейцев средств к существованию и тем самым сделать их экономически зависимыми.

Одновременно заключались грабительские договоры о продаже земли, и, опираясь на них, правительство США захватывало индейские территории. Деньги, которые должны были получить за это индейцы, поступали в фонд правительственного учреждения, так называемого Управления по делам индейцев. В счет этого фонда оно выдавало своим подопечным скудные продовольственные пайки, одеяла и некоторые другие предметы первой необходимости. Большую часть денег за земли, купленные еще в прошлом веке, правительство США не выплатило и по сей день. Только индейцам Калифорнии оно должно пять миллионов долларов.

К 80-м годам индейцы лишились значительной части своих земель и были оттеснены в резервации — своего рода заповедники для людей.

Именно в это критическое, переломное в судьбе индейцев прерий время и приехал к ним Шульц. Это было в 1878 году, когда Шульцу шел двадцатый год. Жизнь в прериях покорила юношу. «Никогда я не видел более прекрасной страны, чем эти обширные солнечные прерии и величественные горы», — писал он впоследствии. Шульц решает поселиться среди индейцев, известных под именем *черноногих*. Они входили в союз племен, объединяющих *блад*, или *кайнахов*, собственно *черноногих*, или *сиксиков* и *пиеганов*.

Вскоре Шульц женился на индейской девушке Мутси-ах-во-тан-акки ** и до самой ее смерти в 1903 году жил

* A. Begg. History of the Northwest. Toronto, 1894, v. II, p. 128.

** В повести Шульца «Моя жизнь среди индейцев» она выведена под именем Нэтаки.

вместе с черноногими в их резервации в провинции Альберта в Канаде.

Шульц стремился как можно лучше узнать жизнь индейцев. Он в совершенстве овладел языком черноногих и много времени проводил со стариками, слушая их рассказы о прежней вольной жизни, записывая предания и легенды. И чем больше Шульц узнавал индейцев, тем большей симпатией он проникался к ним, тем более суровые слова осуждения находил он для варварства белых колонизаторов.

И когда Шульц после смерти своей жены покинул резервацию, он решил рассказать правду об индейцах, правду, тщательно замалчивавшуюся большинством американских литераторов, изображавших коренных жителей Америки кровожадными дикарями. Даже в произведениях таких выдающихся писателей, как Майн Рид и Фенимор Купер, в общем относившихся с симпатией к индейцам, мы не найдем по-настоящему правдивого их изображения. И для Майна Рида и для Фенимора Купера индейцы все-таки дикари, иногда добрые и благородные, иногда злые и коварные, но в любом случае дикари, существа другой породы, чем белые герои их романов. И дело здесь не только в том, что над этими писателями тяготели традиционные представления буржуазного общества о «свирых команчах», но и в том, что никто из них не знал сколько-нибудь глубоко будничной жизни индейцев. Лишь Шульц сумел проникнуть в душу и сердце этих людей, узнать их так, как если бы он по рождению был одним из них. И поэтому он смог сказать об индейцах так, как никто другой в американской литературе, так, как сказали бы о себе сами индейцы.

Начиная с 1906 года один за другим появляются романы и повести Шульца: «Моя жизнь среди индейцев», «С индейцами в Скалистых горах», «Синопа — маленький индеец», «Глашатай бизонов», «Ошибка Одинокого Бизона», «Ловец орлов», «Сын племени навахов», «Кража шкуры белого бизона», «Большое знахарство Короткого Лука» и многие другие. Некоторые из этих произведений были переведены на русский язык еще 30 лет назад, но уже перед войной стали библиографической редкостью и частично были переизданы только в последние годы, большая же часть творческого наследия Шульца остается пока непереведенной.

Д. Шульц не выдумывал сюжетов своих произведений, все его книги рассказывают о событиях, действительно имевших место в недалеком прошлом или описанных в индейских легендах. Автор рассказывает о том, что он слышал от стариков или видел сам. Герои всех его книг — индейцы, такие, как они есть, не романтически приподнятые дети природы и не кровожадные злодеи, а просто люди, которые радуются и страдают, люди со всеми их достоинствами и недостатками. И поэтому произведения Шульца образуют настоящую эпопею жизни индейцев прерий, дают одновременно художественно яркую и научно достоверную картину, изображающую индейские племена в последний период их независимости перед поселением в резервациях, а также начало жизни в резервациях.

Книга Шульца «Моя жизнь среди индейцев» по форме изложения отличается от его остальных произведений. Обычно в своих произведениях сам Шульц или совсем не фигурирует, или выступает в роли слушателя. В «Моей жизни среди индейцев» автор и его жена Нэтаки — главные герои. Как видно из названия книги, она написана в форме автобиографической повести. Но фактически это не совсем так. Большая часть книги посвящена рассказу о жизни черноногих до их поселения в резервациях. Автор пишет о черноногих так, как если бы он приехал к ним в 1865 году или даже еще раньше, а не в 1878 году, как это было в действительности. Шульц не мог быть очевидцем многих событий, происшедших задолго до его приезда в прерию. Он пишет, что осенью 1870 года вместе с торговцем Ягодой построил форт Стенд-Оф. В действительности же Шульцу было в это время 11 лет и он жил со своими родителями далеко на востоке США. Не мог видеть Шульц и бесчисленные стада бизонов, об охоте на которых он рассказывает так ярко и красочно, ибо к 1878 году почти все бизоны были истреблены. Не участвовал Шульц, очевидно, и в военных набегах черноногих на другие племена, хотя описывает он такие набеги как очевидец.

Форма автобиографической повести для Шульца — литературный прием, позволивший живо и образно рассказать о жизни индейцев прерий в 1860—1870 годах. А главное, сделав самого себя действующим лицом, автор получил возможность непосредственно выражать свои

мысли, во весь голос сказать о своей симпатии и сочувствии к индейцам и осудить хищничество колонизаторов. «Я так же, как и индейцы, считаю, — пишет Шульц, — что белый человек — ужасный разрушитель. Он превращает покрытые травой прерии в бурые пустыни; леса исчезают перед ним, и только потемневшие пни указывают, где некогда находился их зеленый прелестный приют. Да что, он даже иссушает реки и срывает горы. А с ним приходят преступление, голод и нужда, каких до него никогда не знали. Выгодно ли это? Справедливо ли, что множество людей должно расплачиваться за жадность немногочисленных пришельцев?»

Шульц здесь правильно характеризует хищническое отношение колонизаторов к природе и к людям. Но он не понимает, что дело не в белом человеке и его цивилизации вообще, а в *капиталистической системе хозяйства*, которая не вечна. Поэтому взор Шульца обращен не вперед, а назад. Вспоминая жизнь индейцев до прихода колонизаторов, он пишет: «Увы, увy! Почему эта простая жизнь не могла продолжаться и дальше? Зачем железные дороги и мириады переселенцев наводнили эту чудесную страну и отняли у ее владельцев все, ради чего стоит жить? Они не знали ни забот, ни голода, не нуждались ни в чем. Из своего окна я слышу шум большого города и вижу бегущие мимо торопливые толпы. Сегодня резкая холодная погода, но большинство прохожих, и женщин, и мужчин, легко одеты, лица у них худые, а в глазах светятся грустные мысли. У многих из них нет теплого крова для защиты от бури, многие не знают, где добыть пищу, хотя они рады были бы изо всех сил работать за пропитание. Они «прикованы к тачке», и нет у них другой возможности освободиться, кроме смерти. И это называется цивилизация! Я считаю, что она не дает ни удовлетворения, ни счастья. Только индейцы, жители прерий, в те далекие времена, о которых я пишу, знали полное довольство и счастье, а ведь в этом, как нам говорят, главная цель человека — быть свободным от нужды, беспокойства и забот. Цивилизация никогда не даст этого, разве что очень, очень немногим».

Так, непонимание законов общественного развития приводит Шульца к отрицанию цивилизации, к реакционной и утопической идее — назад к природе, к предкам. Узость взглядов, оторванность от пролетариата и прогрес-

сивной интеллигенции больших городов лишили Шульца возможности понять поступательный характер исторического процесса. Зло и несправедливость капиталистической цивилизации для автора неотделимы от цивилизации вообще, и он зовет к примитивной полупервобытной жизни, к отказу от культурных ценностей, созданных человечеством за много тысяч лет.

Шульц не видит будущего для индейцев, и в частности для черноногих. Он считает, что они обречены на неизбежное вымирание, и Шульц, всем своим творчеством протестуя против этого, все же не борется активно за права индейцев.

Шульц не смог понять социальной и политической природы угнетения индейцев в капиталистической Америке. Не видя выхода из создавшегося положения, он пытается спрятаться от трагедии народа, среди которого жил, за пологом своей палатки, укрыться в мирке личного счастья. В одном месте книги он пишет о себе и Нэтаки: «...мы были молоды, любили друг друга; какое нам было дело до всего остального!»

Взаимоотношения белых и индейцев, часто недружественные, Шульц наивно объясняет личными качествами того или иного человека. В действительности дело обстояло сложнее: в конце XIX века правительство США стремилось изолировать индейцев от белых, всячески препятствовало их сближению, всей своей колониалистской политикой порождало взаимную вражду. Индейцы хотя и с интересом относились к культуре белых, но часто не отделяли ее от того зла, которое щедро сеял американский капитализм. Именно поэтому среди индейцев в конце XIX — начале XX века было широко распространено движение, звавшее к отказу от всего, что принесли с собой белые.

Шульц, живя среди индейцев, занимался торговлей. Правда, она была для него побочным, второстепенным занятием, но все же он не раз на протяжении своего повествования пытается оправдать обман индейцев и другие злоупотребления своих собратьев-купцов.

Следует сказать, что в какой-то мере Шульц приобщился и к примитивной племенной идеологии. Он нередко несправедливо отзывался о племенах, враждовавших с черноногими. И все-таки, несмотря на общественно-политическую ограиченность и непоследовательность Шульца,

его книга «Моя жизнь среди индейцев» звучит суровым приговором капиталистической цивилизации, гимном в защиту индейцев.

Несколько слов о современном положении индейцев черноногих. Живут они сейчас в трех маленьких резервациях на юге провинции Альберта в Канаде. В одной резервации обитают собственно черноногие, или сикспики (1250 человек), в другой — кайнахи, или блад (2000 человек), в третьей — пиеганы (730 человек). Все они занимаются земледелием, скотоводством, а также батрачат у белых фермеров. Подавляющая масса черноногих, как и другие индейцы Канады и США, живет очень бедно. Немногих зажиточных индейцев канадская администрация тем или иным способом проводит в вожди племени. Рядовые члены племени относятся враждебно к этим назначенным сверху вождям и называют их «вождями белых» *.

В последние годы в резервации черноногих создалась группа прогрессивной молодежи, борющаяся против подкупленных администрацией вождей и выступающая в защиту интересов рядовых индейцев. Это свидетельство роста политического самосознания индейцев и залог их будущих успехов в борьбе за свои права.

Книга Джемса Шульца, рисующая героическое прошлое индейцев, их ограбление и порабощение колонизаторами, сохраняет свою актуальность и в наши дни. Советского читателя эта правдивая и увлекательная книга познакомит с недавним прошлым индейцев прерий — одной из крупных групп американских индейцев.

Л. Файнберг

* L. M. Handts and J. R. Handts. Tribe under trust. Toronto, 1950, p. 125.

Главные действующие лица

Нэтаки — индеанка из племени черноногих, ставшая женой автора книги, веселая женщина с мягким характером, вокруг которой строится вся повесть. Лучшее из действующих лиц.

Женщина Кроу — женщина из племени арикара, некогда взятая в плен индейцами кроу, а затем отбитая у них племенем блад.

Миссис Берри — женщина из племени манданов, жена одного белого, торговавшего в давние времена с индейцами, мать Ягоды и подруга Женщины Кроу, хорошо знает старинные сказания своего племени.

Диана — индеанка-сирота, воспитанная Эштоном. Благородная женщина; ее постигает трагическая гибель.

Автор книги — двадцати лет от роду уезжает на запад, на территорию Монтаны, в поисках приключений и из любви к первобытному образу жизни. Он находит и то и другое среди пиеганов — черноногих. Он женится на девушке из этого племени и живет с индейцами много лет, ходит с ними на охоту и на войну, участвует в их религиозных обрядах и как муж индеанки ведет вообще индейский образ жизни.

Ягода — торговец, имеющий дела с индейцами, сам полуиндеец. Родился в верховьях Миссури. Говорит на полудюжинe индейских языков, хорошо знает индейские лагеря. Искусно пользуется всеми приемами, применяемыми в торговле с индейцами.

Гнедой Конь — белый траппер и торговец, женат на индеанке.

Эштон — молодой белый из Восточных Штатов; он хранит какую-то грустную тайну, но в конце концов обретает покой.

Просыпающийся Волк — один из старых служащих Компании Гудзонова залива, типичный траппер, торговец и переводчик раннего романтического периода пушной торговли.

Мощная Грудь — черноногий, начальник военных отрядов, вожь походов, обладатель магической трубки.

Скунс — черноногий, шурин Гнедого Коня; автор книги помогает Скунсу похитить невесту.

Говорит С Бизоном } черноногие, близкие друзья и товарищи
Хорьковый Хвост } по охоте и военным приключениям ав-
тора книги.

Глава I

Форт-Бентон

Широко раскинувшиеся побуревшие прерии; далекие крутые холмы с плоским верхом; за ними огромные горы с синими склонами и острыми вершинами, покрытыми снеговыми шапками; запах полыни и дыма костров лагеря; гром десятков тысяч копыт бизонов, бегущих по твердой сухой земле; протяжный тоскливый вой волков в ночной тишине — как я любил все это!

Я увядший, пожелтевший лист, сухой и сморщенный, готовый упасть и присоединиться к миллионам предшественников. Вот я сижу, ни на что не годный, зимой у камина, в теплые дни на веранде; я могу только переживать в памяти волнующие годы, проведенные на границе*. Мысли мои все возвращаются к прошлому, к тому времени, когда железные дороги и доставленные ими толпы переселенцев еще не стерли с лица земли всех нас: и индейцев, и пограничных жителей, и бизонов.

Любовь к вольной жизни в лесу и поле, к приключениям у меня в крови от рождения; должно быть, я унаследовал ее от какого-то далекого предка, потому что все мои близкие — верующие люди трезвых взглядов. Как я ненавидел все удовольствия и условности так называемого цивилизованного общества! С ранней юности я чув-

* Имеется в виду граница США и Канады.

ствовал себя счастливым только в большом лесу, лежавшем к северу от нашего дома, там, где не слышно ни звона церковных колоколов, ни школьного колокольчика, ни паровозных свистков. Я попадал в этот огромный старый лес лишь ненадолго, во время летних и зимних каникул. Но настал день, когда я мог отправиться куда и когда захочу, и однажды теплым апрельским утром я отплыл из Сент-Луиса на пароходе вверх по реке Миссури, направляясь на Дальний Запад.

Дальний Запад! Страна моей мечты и моих надежд! Я прочел и не раз перечел «Дневник» Льюиса и Кларка, «Восемь лет» Кэтлина, «Оregonскую тропу», книгу об экспедициях Фримонта *. Наконец-то я увижу страну и племена, о которых рассказывали эти книги. Наш крепкий плоскодонный, мелкосидящий пароход с кормовым колесом каждый вечер, когда темнело, пришвартовывался к берегу и снова отправлялся в путь утром, когда рассветало. Благодаря этому я видел все берега Миссури фут за футом на протяжении 2600 миль, от впадения ее в Миссисипи и до места нашего назначения — Форт-Бентона, откуда начинается навигация по реке.

Я видел красивые рощи и зеленые склоны холмов в нижнем течении, мрачные бедленды ** выше по течению и живописные скалы и обрывы из песчаника, изрезанные ветрами и ливнями, придавшими камню всевозможные фантастические формы, типичные для берегов судоходного

* Мериуэзер Льюис (1774—1809) — солдат пограничной милиции, сосед и друг Джефферсона. Избранный в президенты Джефферсон сделал Льюиса своим секретарем. Вместе с Вильямом Кларком (1770—1838) Льюис организовал на государственные средства экспедицию (1803—1806), прошедшую вверх по Миссури, через Скалистые горы и вниз по реке Колумбия к Тихому океану. Написал историю этой экспедиции, богатой приключениями, столкновениями с индейцами и т. п.

Джордж Кэтлин (1796—1872) — художник и этнограф, проживший много лет среди индейцев Дальнего Запада и Флориды, написал свыше 600 портретов индейцев и несколько книг.

Джон Чарлз Фримонт (1813—1890) — военный топограф, крупный исследователь Дальнего Запада. В 1842 году прошел по Oregonской тропе и пересек Скалистые горы. Принимал участие в завоевании Калифорнии. Автор многих книг («Экспедиция в Скалистые горы», «Записки о Верхней Калифорнии и др.). — *Прим. пер.*

** Бедленды — дурные земли. Сильно расчлененные и запутанные формы рельефа, образуются в результате интенсивной разрушительной работы поверхностных вод (особенно весенних).

верхнего течения реки. Я увидел также лагеря индейских племен на берегах реки и такое количество диких животных, какого и не мог себе представить. Часто наш пароход задерживали большие стада бизонов, переплывающих реку. Бесчисленные вапити* и олени бродили в рощах на склонах речной долины. На открытых низинах у реки паслись небольшие стада антилоп, и чуть ли не на каждом холме и скале в верхнем течении реки можно было видеть горных баранов. Мы видели много медведей-гризли, волков и койотов, а вечерами, когда стихал шум на пароходе, у самого борта играли и плескались бобры.

Но больше всего меня поражало огромное количество бизонов. По всей Дакоте и Монтане до самого Форт-Бентона на холмах, в долинах рек, на воде можно было изо дня в день видеть бизонов. Сотни утонувших бизонов, распухших, валялись на отмелях выброшенные течением или плыли мимо нас по реке. Я думаю, что коварная река со своими плывунами, зимой покрытая льдом неравномерной толщины, причиняла стадам не меньший урон, чем живущие по берегам индейские племена. Наш пароход часто проплывал мимо несчастных животных, сгрудившихся иногда по десятку и больше под крутым обрывом, на который они тщетно пытались взобраться; они стояли, медленно, но верно погружаясь в вязкую черную грязь или плывуны, пока наконец мутное течение не покрывало целиком их бездыханные тела. Естественно думать, что животные, переплывающие реку, оказавшись под высоким обрывистым берегом, должны повернуть обратно и плыть вниз по течению, пока не найдут хорошего места, чтобы выйти на берег. Но как раз этого бизоны во многих случаях не делали. Решив плыть к какой-либо точке, они направлялись к ней по прямой. Судя по тем бизонам, которых мы видели мертвыми или издыхающими под береговыми обрывами, животные как будто предпочитали скорее умереть, чем направиться к цели обходным путем.

Когда мы достигли страны бизонов, стало попадаться много мест, оставляя которые я испытывал сожаление. Мне хотелось сойти с парохода и исследовать эти места. Но капитан говорил мне: не торопитесь, езжайте до кон-

* Вапити — крупный американский олень (*Cervus Canadensis*).

па, до Форт-Бентона, — это то, что вам нужно, там вы познакомитесь с торговцами и трапперами всего Северо-Запада, с людьми, на которых можно положиться, с которыми можно путешествовать относительно безопасно. Боже мой, да если бы я вас здесь высадил? По всей вероятности, не прошло бы и двух дней, как с вас бы сняли скальп. В этих оврагах и рощах скрываются рыщущие повсюду военные отряды индейцев. Ну конечно, вы их не видите, но они тут.

Мне, глупому, наивному «новичку», никак не верилось, что я могу пострадать от рук индейцев, когда я так хорошо к ним отношусь, хочу жить с ними, усвоить их обычаи, стать их другом.

Наш пароход в Форт-Бентон этой весной пришел первым. Задолго до того, как мы увидели форт, жители заметили дым судна и приготовились к встрече. Когда мы обогнули речную излучину и приблизились к набережной, загрели пушки и взвились флаги. Все население форта приветствовало нас на берегу. Впереди толпы стояли два торговца, не так давно купившие здесь дело Американской пушной компании вместе с фортом и всем имуществом. Они были одеты в синие костюмы из тонкого сукна; длиннополые сюртуки со стоячими воротниками были усеяны блестящими медными пуговицами; на белых рубашках с воротничками чернели галстуки; длинные, гладко причесанные волосы спускались на плечи. Рядом с торговцами стояли их служащие — клерки, портной, плотник — в костюмах из черной фланели, тоже с медными пуговицами. Служащие также носили длинные волосы, а на ногах у них были мокасины * с подметками из сыромятной кожи, пестро расшитые замысловатыми яркими рисунками из бисера. Позади этих важных лиц теснилась живописная толпа. Здесь стояли группы служащих-французов, в большинстве креолов ** из Сент-Луиса и с нижней Миссисипи, проводивших всю свою жизнь на службе Американской пушной компании и протавивших бечевою немало судов на огромные расстояния вверх по извилам Миссури. Одежду этих людей составляли черные фланелевые верхние куртки с капюшонами

* Мокасины — обувь североамериканских индейцев, обычно сшитая из одного куска кожи и украшенная орнаментом.

** Креолы — здесь потомки французских колонистов на юге США.

и фланелевые или замшевые штаны, перехваченные яркими поясами. Толпились здесь еще погонщики мулов, независимые торговцы и трапперы, одетые большей частью в костюмы из замши, гладкой или вышитой бисером и отороченной бахромой; почти у всех за поясом торчали ножи и шестизарядные револьверы Кольта с пыжами и пулей; головные уборы, особенно у торговцев и трапперов*, были самодельные, главным образом из меха прерийной лисицы, грубо сшитого в круглую шапку мордой вперед со свисающим сзади хвостом. Позади белых стояли индейцы, взрослые мужчины и юноши из близлежащего лагеря и женщины — жены постоянных и временных белых жителей.

По тому, что я успел увидеть среди различных племен на пути вверх по реке, я уже знал, что обычный житель прерий — индеец — не похож на роскошно разодетое, украшенное орлиными перьями существо, каким он мне представлялся по картинкам и описаниям. Конечно, у всех у них есть такой маскарадный костюм, но носят его только в торжественных случаях. Индейцы, толпившиеся на берегу, были одеты в ноговицы из одеяла или кожи бизона, в гладкие или шитые бисером мокасины, ситцевые рубашки и плащи из одеяла или шкуры бизона. Большинство стояло с непокрытой головой; волосы их были аккуратно заплетены, лица раскрашены красновато-коричневой охрой или красно-оранжевой краской. У некоторых за плечами висели луки и колчаны со стрелами, у других — кремневые ружья, у немногих — более современные пистонные ружья. Женщины были в ситцевых платьях, на нескольких женах торговцев, клерков и квалифицированных рабочих я заметил даже шелковые платья, золотые цепочки и часы; у всех без исключения были наброшены на плечи яркие цветные шали с бахромой.

Весь тогдашний город можно было охватить одним взглядом. По углам большого прямоугольного форта из сырцового кирпича высились бастионы с пушками. Немного поодаль, за ним, стояло несколько домиков бревенчатых или из сырцового кирпича. Позади домов на широкой плоской речной долине рассыпались лагеря торгов-

* Трапперы — охотники на пушного зверя в Северной Америке, пользующиеся преимущественно ловушками, а не ружьем.

пев и трапперов, ряды фургонов с брезентовым верхом, а еще дальше, на нижнем конце долины, виднелось несколько сот палаток пиеганов. Вся эта пестрая публика скапливалась здесь уже в течение многих дней, нетерпеливо ожидая прибытия пароходов. Запас продовольствия и товаров, доставленный пароходами в прошлом году, далеко не удовлетворил спроса. Табак нельзя было достать ни за какие деньги. Только у Кено Билля, содержателя салуна и игорного дома, были еще крепкие напитки, и то это был спирт, разбавленный водой — четыре части воды на одну спирта. Кено Билль продавал этот напиток по доллару за стопку. В городе не было ни муки, ни сахара, ни бекона, но это не имело значения, так как имелось сколько угодно мяса бизонов и антилоп. Но все — и индейцы, и белые — жаждали ароматного дыма и пенящихся бокалов. Все это наконец прибыло, весь груз парохода состоял из табака и спиртного и, кроме того, некоторого количества бакалеи. Не удивительно, что гремели пушки и развевались флаги, а население приветствовало появление парохода криками ура.

Я сошел на берег и поселился в отеле «Оверленд», бревенчатом доме порядочных размеров с рядом пристроек из бревен. На обед нам подали вареный филей бизона, бекон с фасолью, лепешки из пресного теста, кофе с сахаром, патоку и тушеные сухие яблоки. Постоянные жильцы почти не прикасались к мясу, но поглощали хлеб, сироп и сушеные яблоки в поразительных количествах.

Для меня, новичка, только что прибывшего с востока, из Штатов, как говорили здесь пограничные жители, первый день был чрезвычайно интересен. После обеда я вернулся на пароход за багажом. На берегу, рассеянно поглядывая на реку, стоял седобородый, длинноволосый траппер. Его замшевые штаны так вытянулись на коленях, что казалось, он стоит, согнув ноги, в позе человека, собирающегося прыгнуть в воду. К нему приблизился один из моих спутников, легкомысленный, болтливый, записочный парень, направлявшийся в район золотых приисков; парень уставился на вздувшиеся мешком колени траппера и сказал:

— Что ж, дядя, если собрался прыгать, почему не прыгаешь, чего тут долго раздумывать?

Человек в замшевых штанах сначала не понял парня, но, проследив, куда направлен его взгляд, быстро сообразил, что означает этот вопрос.

— Прыгай сам, новичок, — ответил он и, внезапно обхватив ноги юноши пониже колен, швырнул его в неглубокую воду. Стоявшие около разразились хохотом и насмешками, когда сброшенный в воду, окунувшись, вынырнул и, отдуваясь и отплеываясь, вылез мокрый на берег. Не оглядываясь ни направо ни налево, он помчался на пароход, чтобы укрыться в своей каюте. Больше мы этого парня не видели до его отъезда на следующее утро.

Я привез с собой рекомендательные письма к фирме, купившей дело у Американской пушной компании. Меня приняли любезно, и один из владельцев отправился со мной, чтобы познакомить с разными служащими, постоянно живущими в городе, и с несколькими приезжими торговцами и трапперами.

Я познакомился с человеком всего на несколько лет старше меня; это был, как мне сказали, самый преуспевающий и самый смелый из всех торговцев в прериях Монтаны. Он превосходно говорил на нескольких индейских языках и был своим человеком в лагерях всех кочующих вокруг племен. Мы как-то сразу понравились друг другу, и остаток дня я провел в его обществе. Со временем мы стали настоящими друзьями. Он жив и сейчас, но так как мне придется в этой повести рассказывать о кое-каких наших совместных делах, в которых мы сейчас оба искренне раскаиваемся, то я не назову его настоящей фамилии. Индейцы звали его Ягодой, и в этой хронике прежней жизни в прериях он будет называться Ягодой.

Он не был красив — высокий, худой, с длинными руками и немного сутулый, но у него были великолепные ясные, смелые темно-карие глаза, которые могли светиться добродушной лаской, как у ребенка, или буквально сверкать огнем, когда Ягода бывал разгневан.

Не прошло и получаса с момента прибытия парохода, как цена виски упала до нормальной — в две монетки за стопку, а табака — до двух долларов за фунт. Белые, за немногим исключением, поспешили в бары пить, курить и играть в карты и кости. Некоторые бросились поскорее грузить в фургоны разные бочонки, чтобы отправиться в

индейский лагерь в нижнем конце речной долины, другие, закончив погрузку, выехали на реку Титон, погоняя всю своих лошадей. У индейцев скопились сотни первосортных шкур бизона, и они жаждали виски. Они его получили. С наступлением ночи единственная улица города наполнилась индейцами, мчавшимися взад и вперед с песнями и криками на своих пегих лошадаках. Бары в этот вечер бойко торговали с черного хода. Индеец просовывал в дверь хорошую шкуру бизона с головой и хвостом и получал за нее две или даже три бутылки спиртного. Мне казалось, что индейцы могли бы с таким же успехом смело входить через двери с улицы и вести торгу прилавка. Но мне сказали, что где-то на территории находится шериф, представитель властей США, и он мог появиться совершенно неожиданно*.

В ярко освещенных салунах у столов толпились жители города и приезжие: шла игра в покер и в более распространенный фараон. Я должен сказать, что в те бесконтрольные и незаконные времена игра велась совершенно честно. Много раз я бывал свидетелем того, как счастливые игроки срывали банк в фараоне, оставляя банкомета без единого доллара. Теперь не услышишь о таком событии в клубе — привилегированном игорном притоне наших дней. Люди, имевшие в то время игорное дело в пограничной области, довольствовались своим заранее определенным процентом.

В наше время профессиональные игроки в любом городке или большом городе, где запрещены азартные игры, начисто обирают игроков, пользуясь крапленными картами, ящичками с двойным дном для фараона и другими подобными жульничествами.

Я никогда не играл; не то чтобы я считал это недостойным для себя занятием, но я не видел никакого интереса в азартных играх. Как бы честно ни велась игра, по вокруг нее всегда возникают более или менее частые ссоры. У людей, наполовину или на две трети пьяных, возникают странные фантазии, и они совершают проступки, от которых в трезвом виде сами бы отшатнулись. А если присмотреться, то видишь, что, как правило, тот,

* Продажа спирта индейцам была запрещена, но закон этот не соблюдался, и торговцы получали большие барыши, спаивая индейцев и за бесценок приобретая у них шкуры бизонов и пушнину.

кто играет в азартные игры, большей частью много пьет. Карты и виски как-то связаны между собой. Профессиональный игрок тоже, бывает, пьет, но не во время игры. Вот почему он одет в тонкое сукно, носит бриллианты и массивные золотые часовые цепочки. Он сохраняет хладнокровие и загребает монеты пьяного отчаянного игрока. В тот первый вечер я смотрел в баре Кено Билля на игру в фараон. Один из игроков в фараон, высокий, грубый, бородатый погонщик быков, накачавшийся виски, все время проигрывал и норовил ввязаться в ссору. Он поставил синюю фишку, два с половиной доллара, на девятку и «посоллил» ее, то есть наложил на нее маленький кружок в знак того, что эта ставка должна быть бита; но выпавшая карта выиграла, и банкомет, смахнув кружок, забрал фишку.

— Эй ты, — крикнул погонщик, — ты что делаешь? Отдай мне фишку и еще такую же в придачу. Ты разве не видишь, что девятка выиграла?

— Конечно, выиграла, — ответил банкомет, — но ваша ставка была «посолена».

— Врешь! — крикнул погонщик, хватаясь за револьвер и привстав со стула.

Я увидел, как банкомет поднял свой револьвер; в то же мгновение Ягода крикнул: «Ложись, ложись!» — и потащил меня за собой вниз, на пол. Все, кто были в комнате и не могли сразу выскочить в двери, тоже бросились ничком на пол. Раздалось несколько выстрелов, следовавших один за другим с такой быстротой, что сосчитать их было невозможно. Затем ненадолго наступила напряженная тишина, прерванная задыхающимся, kloкочущим стоном. Лежавшие поднялись на ноги и бросились в угол; комнату заволочло дымом. Погонщик быков с тремя пулевыми отверстиями в груди сидел мертвый, откинувшись на спинку стула, с которого только что пытался встать. Банкомет, бледный, но на вид спокойный, стоял по другую сторону стола, пытаясь носовым платком остановить кровь, лившуюся из глубокой борозды, прорезанной пулей на его правой щеке.

— Еще бы чуть левее, Том, и все! — сказал кто-то.

— Да, он бы меня припечатал, — мрачно ответил банкомет.

— Кто он? Из чьего обоза? — спрашивали кругом.

— Не знаю, как его фамилия, — сказал Кено Билль, — но, по-моему, он приехал с обозом Джефа с Миссури. Давайте, ребята, уложим его в задней комнате, а я дам знать его друзьям, чтобы забрали хоронить.

Так и сделали. Вынесли испачканный кровью стул и посыпали золой темневшие на полу пятна. После того как участники уборки выпили по стопке за счет хозяина салуна, игра возобновилась. Ягода и я вышли из салуна. Мне было не по себе: дрожали ноги и поташнивало. Ни разу я еще не был свидетелем убийства. Больше того, я даже ни разу еще не видел кулачной драки. Я не мог забыть ни этого ужасного предсмертного хрипа, ни перекошенного лица и неподвижных раскрытых глаз мертвеца.

— Ужасно, правда? — заметил я.

— Ну, не знаю, — ответил Ягода, — получил, чего добивался. С этими типами всегда так бывает. Он первый начал вытаскивать револьвер, но немного опоздал.

— Что же теперь будет? — спросил я. — Банкомета арестуют? Нас вызовут свидетелями по делу?

— Кто его арестует? — задал в свою очередь вопрос мой приятель. — Здесь нет ни полиции, ни каких-либо представителей судебной власти.

— Но как же при таком количестве отчаянной публики, какое, очевидно, здесь бывает, как вы тут ухитряетесь соблюдать какой-то законный порядок?

— Семью одиннадцать — семьдесят семь, — наставительно ответил Ягода.

— Семью одиннадцать — семьдесят семь, — повторил я машинально, — что это такое?

— Это Комитет общественного порядка. Точно не известно, кто в него входит, но можете быть уверенными, что эти люди, представляющие общество, — сторонники закона и порядка. Преступники боятся их больше, чем судов и тюрем восточных штатов, так как комитет всегда вешает убийц и разбойников. Кроме того, не думайте, что люди, которых вы видели за игорными столами у Кено Билля, — отчаянная публика, как вы их назвали. Правда, они здорово играют и здорово пьют, но в общем это честные, смелые парни с добрым сердцем, готовые поддерживать до конца друга в справедливой борьбе и отдать нуждающемуся свой последний доллар. Но я вижу, что

эта небольшая переделка со стрельбой расстроила вас. Идемте, я покажу вам кое-что повеселее.

Мы пошли дальше по улице и подошли к довольно большому дому из сырцового кирпича. Через открытые двери и окна слышались звуки скрипки и гармонии. Мелодия была из самых веселых, какие мне доводилось слышать. Много раз в последующие годы я слышал эту мелодию и другие танцевальные мотивы, исполняемые вместе с ней; эту музыку привезли из-за моря на кораблях Людовика XV, и из поколения в поколение отцы обучали ей сыновей на слух. Французы-путешественники исполняли эту музыку по всему беспредельному течению Миссисипи и Миссури, и наконец она стала народной музыкой американцев на Дальнем Северо-Западе.

Мы подошли к открытым дверям и заглянули внутрь. «Алло, Ягода, заходи» и «Bon soir, monsieur Berry, bon soir entrez, entrez» * — кричали нам танцующие. Мы вошли и уселись на скамью у стены. Все женщины в зале были индеанки, как, впрочем, все женщины в Монтане в те времена, если не считать нескольких белых веселых девиц на приисках в Хелине и Вирджинии-Сити, но о них лучше не говорить.

У индеанок, как я заметил еще утром, когда видел их на набережной, были приятные лица и хорошие фигуры; они были высокого роста, платья на них сидели хорошо, несмотря на отсутствие корсетов; на ногах у них были мокасины. Эти женщины были совсем не похожи на приземистых, темнокожих туземных обитательниц восточных лесов, которых я встречал в Штатах. С первого взгляда можно было видеть, что это гордые, исполненные достоинства женщины. Но все же они были весело возбуждены, болтали и смеялись, как и собравшиеся вместе белые женщины. Это меня удивило. Я читал, что индейцы — неразговорчивый, мрачный, молчаливый народ и редко улыбаются; не может быть и речи о том, чтобы они смеялись и шутили свободно, не стесняясь, как дети.

— Сегодня, — сказал мне Ягода, — танцевальный вечер, устроенный торговцами и трапперами. Хозяина нет дома, а то бы я вас представил ему. Что касается остальных, — он сделал широкий жест, — то все они сейчас

* Добрый вечер, мосье Ягода, добрый вечер, входите, входите (франц.).

слишком заняты, чтобы начинать церемонию представления. Женщинам я вас не могу представить, так как они не говорят по-английски. Однако вы должны потанцевать с ними.

— Но если они не говорят на нашем языке, как я их приглашу на танец?

— Подойдите к кому-нибудь из них, к той, которую вы выберете, и скажите «ки-так-стай пес-ка?» — не потанцуете ли со мной?

Я никогда не был застенчивым или робким. Только что окончилась кадриль. Я смело подошел к стоявшей ближе всех женщине, повторяя все время слова приглашения, чтобы не забыть их, вежливо поклонился и сказал: «Ки-так-стай пес-ка?»

Женщина засмеялась, кивнула, ответила «а» и протянула мне руку. Позже я узнал, что «а» — значит «да». Я взял ее за руку и повел, чтобы занять место среди строящихся для новой кадрили пар. Пока мы ждали начала, она несколько раз заговаривала со мной, но я только тряс головой и повторял «не понимаю». Она каждый раз весело смеялась и что-то долго рассказывала своей соседке, другой молодой женщине с приятным лицом. Та тоже смеялась и поглядывала на меня; по глазам было видно, что она забавляется; я смутился и, кажется, покраснел.

Заиграла музыка. Моя партнерша, как оказалось, танцевала легко и грациозно. Я забыл о своем смущении и наслаждался кадрилию, необычной партнершей, необычной музыкой и всей необычной обстановкой. Как эти длинноволосые, одетые в замшу и обутые в мокасины жители прерий скакали, какие делали пируэты и глассе, как подпрыгивали и летали по воздуху!

Я думал о том, смогу ли я когда-нибудь научиться танцевать, как они, раз уж здесь такой стиль. Во всяком случае я решил попытаться, но сначала наедине.

Кадриль кончилась. Я хотел было усадить свою партнершу, но она подвела меня к Ягоде, который тоже танцевал, и что-то очень быстро ему сказала.

— Это миссис Гнедой Конь (индейское имя ее мужа), — сказал он мне. — Она приглашает нас пойти вместе с ней и ее мужем поужинать.

Мы, конечно, приняли приглашение и после нескольких танцев отправились к Гнедому Коню. Меня еще раньше познакомили с ним. Гнедой Конь был очень высокий,

стройный мужчина с темно-рыжими волосами, темно-рыжими бакенбардами и синими глазами. Позже я узнал, что он обладал исключительно счастливым характером и сохранял бодрость в самых тяжелых обстоятельствах; это был искренний, готовый на жертвы друг тех, кого он любил, и гроза пытающихся причинить ему зло.

Домом Гнедому Коню служила отличная, просторная индейская палатка * из восемнадцати шкур, стоявшая у берега реки рядом с его двумя фургонами с брезентовыми верхами. Жена Гнедого Коня развела огонь, вскипятила воду и вскоре поставила перед нами горячий чай с испеченными в переносной духовке лепешками, жареный язык бизона и тушеные бизоноы ягоды.

Мы ели с большим аппетитом. Меня восхищал комфорт палатки: мягкое ложе из бизоньих шкур, на котором мы сидели, наклонные плетенные из ивовых прутьев спинки по его концам, веселый очаг посредине палатки, сумки из сыромятной кожи оригинальной формы, раскрашенные и обшитые бахромой, в которых мадам Гнедой Конь держала свою провизию и всякие вещи. Все было для меня ново, и все мне очень нравилось. Мы курили, разговаривали, и, когда наконец Гнедой Конь сказал: «Вы, ребята, лучше бы остались переночевать», я почувствовал себя совершенно счастливым. Мы заснули на мягком ложе, укрывшись мягкими одеялами, под мягкое журчание речных струй. Первый мой день в прерии, думаю, я, был поистине богат событиями.

* Индейская палатка типа имеет коническую форму. Остов ее образовывали наклонно поставленные по кругу шесты. Верхние концы их связаны ремнем, а нижние воткнуты в землю. Сверху остов крылся бизоньими шкурами. При переездах типа разбирались и перевозились на лошадях.

Глава II

Военная хитрость влюбленного индейца

Решено было, что осенью, когда начинается сезон торговли с индейцами, я присоединяюсь к Ягоде. Ему принадлежал большой обоз с упряжками быков, на которых он летом перевозил грузы из Форт-Бентона в поселки золотоискателей. Ягода считал, что это гораздо выгоднее, чем закупать шкуры оленей, вапити и антилоп, почти единственный, имеющий ценность товар, какой в это время индейцы могли предлагать для обмена: шкуры бизонов ценятся, только если сняты с животных, убитых с ноября по февраль включительно. Я не хотел оставаться в Форт-Бентоне. Я хотел охотиться и странствовать по этой земле, залитой солнцем, дышать ее сухим, чистым воздухом. Итак, я купил себе постель, много табаку, патроны бокового огня калибра 11,2 мм для своего ружья системы Генри, обученную лошадь для верховой охоты на бизонов и седло и выехал из города с Гнедым Конем и его обозом. Может быть, если бы я отправился на прииски, мои финансовые успехи оказались бы большими. В Бентон прибыли новые пароходы, форт был полон людей, ехавших оттуда с тяжелыми мешочками золотого песка в измятых чемоданах и засаленных мешках. Эти люди составили себе состояние и направлялись обратно в Штаты, в «угодную богу страну».

Угодная богу страна! Никогда я не видел более прекрасной земли, чем эти обширные солнечные прерии и величественные, возвышающие душу своей грандиозностью горы. Я рад, что не заболел золотой лихорадкой, иначе я, вероятно, никогда бы не узнал близко этого края. Есть вещи гораздо более ценные, чем золото, например жизнь, свободная от забот и всяких обязанностей, жизнь, каждый день и каждый час которой приносит с собой свою частицу удовольствия и удовлетворения, выраженную в радостных занятиях и приятной усталости. Если бы я тоже отправился на поиски, то, возможно, составил бы себе состояние, вернулся бы в Штаты и осел в какой-нибудь смертельно скучной деревне, где самые интересные события — церковные праздники и похороны.

Фургоны Гнедого Коня, передний и прицеп с упряжкой из восьми лошадей, были тяжело нагружены провизией и товарами: Гнедой Конь отправлялся на летнюю охоту с кланом племени пиеганов, Короткими Плащами. Это-то и заставило меня сразу принять его приглашение ехать с ним. Мне представлялась возможность познакомиться с этим народом. О черноногих-пиеганах написано много.

Я очень подружился с шурином Гнедого Коня Лисисци-Скунсом. Я скоро научился пользоваться языком жестов, и Скунс стал помогать мне изучать язык черноногих, язык, настолько трудный, что лишь немногие белые смогли основательно овладеть им. Я могу сказать, что, тщательно записывая то, что узнавал при изучении языка, и обращая особое внимание на произношение и интонации, я научился говорить на языке черноногих не хуже, чем любой из знавших его белых, возможно, за одним или двумя исключениями.

Как я наслаждался этим летом, проведенным частично у подножия гор Белт, частично на реках Уорм-Спринг-Крик и Джудит. Я участвовал в частых охотах на бизонов, и мне удалось убить немало этих крупных животных, охотясь верхом на своей быstroногой, хорошо обученной лошади.

Вместе со Скунсом я охотился на антилоп, вапити, оленей, горных баранов и медведей. Я сидел часами на горных склонах или на вершине какого-нибудь отдельного холма, наблюдая стада и группы бродивших вокруг диких животных, смотрел на величественные горы и об-

ширную молчаливую прерию и иногда щипал себя, чтобы удостовериться, что это в самом деле я, что все это действительность, а не сон. Скунсу, по-видимому, все это не могло надоесть, как и мне. Он сидел рядом со мной, глядя на окружающее мечтательным взглядом, и часто восклицал: «И-там-а-пи» — это слово значит «счастье» или «я совершенно доволен».

Но не всегда Скунс чувствовал себя счастливым; бывали дни, когда он ходил с вытянутым, озабоченным лицом и не разговаривал со мной, только отвечал на вопросы. Как-то в августе, когда он был в таком настроении, я спросил, что с ним.

— Со мной? Ничего, — ответил он, потом после долгого молчания добавил: — Я лгу, мне очень тяжело. Я люблю Пиксаки, и она любит меня, но она не может быть моей: отец не хочет выдать ее за меня.

Снова долгое молчание.

— Ну и что же? — напомнил ему я, так как он забыл, что хотел сказать, или ему не хотелось говорить.

— Да, — продолжал он, — отец ее из племени гро-вантров*, но мать из пиеганов. Давным-давно мой народ покровительствовал племени гро-вантров, сражался за них, помогал оборонять их страну от всех врагов. Но потом наши племена поссорились и в течение многих лет воевали. Прошлой зимой был заключен мир. Я тогда впервые увидел Пиксаки. Она очень красива: высокая, с длинными волосами; глаза у нее, как у антилопы; руки и ноги маленькие. Я часто ходил в палатку ее отца, и, когда другие не обращали на нас внимания, она и я смотрели друг на друга. Как-то вечером, когда я стоял у входа в палатку, она вышла взять охапку дров из большой кучи, лежавшей рядом. Я обнял ее и поцеловал, и она обвила руки вокруг моей шеи и ответила на мои поцелуи. Так я узнал, что она меня любит. Думаешь ли ты, — спросил он с беспокойством, — что она поступила бы так, если бы не любила меня?

— Нет, думаю, что она так бы не поступила.

Лицо его просветлело, и он продолжал:

* Гро-вантр, или атсина, — индейское племя, жившее к западу от черноногих, на плато, непосредственно примыкавшем к Скалистым горам. В описываемое Шульцем время культура атсина и других племен плато была очень сходна с культурой индейцев прерий.

— В то время у меня было только двенадцать лошадей, но я отослал их ее отцу и просил передать ему, что хочу жениться на его дочери. Он отослал лошадей обратно и велел сказать мне: «Моя дочь не выйдет за бедняка». Я отправился с военным отрядом в поход против племени кроу, пригнал домой восемь отборных лошадей. Потом прикупил еще, и у меня в общем собралось тридцать две. Недавно я послал снова друга с этими лошадьми в лагерь гро-вантров еще раз просить отдать мне девушку, которую я люблю. Он скоро вернулся и привел обратно лошадей. Вот что сказал ее отец: «Моя дочь никогда не выйдет замуж за Скунса, так как пиеганы убили моего сына и моего брата».

Мне нечего было сказать. Он решительно взглянул на меня два или три раза и наконец сказал:

— Гро-вантры стоят сейчас на Миссури, около устья вот этой маленькой реки (Джудит). Я собираюсь выкрасть эту девушку у ее племени. Поедешь со мной?

— Да, — быстро ответил я, — я поеду с тобой, но почему я? Почему ты не позовешь с собой кого-нибудь из Носящих Ворона, ты ведь принадлежишь к этому обществу?

— Потому, — ответил он с принужденным смехом, — что мне, может быть, не удастся заполучить девушку. Она может даже отказаться следовать за мной, а тогда мои друзья расскажут об этом и на мой счет постоянно будут отпускать шуточки. Но ты, если меня постигнет неудача, никогда об этом не расскажешь.

Однажды вечером, в сумерки, мы потихоньку покинули лагерь. Никто, кроме Гнедого Коня, не знал о нашем отъезде, даже жена его ничего не знала. Она, конечно, хватилась бы брата и могла бы волноваться; Гнедой Конь должен был сказать ей, что юноша отправился со мной на день-два в Форт-Бентон. И как добрый Гнедой Конь хохотал, когда я сказал ему, куда и зачем мы едем!

— Ха, ха, ха! Вот это здорово! Новичок, 'проживший здесь всего три ~~месяца~~ месяца, собирается помочь индейцу выкрасть невесту!

— Когда человек перестает считаться новичком? — спросил я.

— Когда он уже все знает и перестает задавать глупые вопросы. Что касается тебя, то, по-моему, тебя перестанут называть «новичком» лет этак через пять. Большинство требуется около пятнадцати на акклиматизацию,

как у вас говорится. Но шутки в сторону, молодой человек, ты ввязываешься в очень серьезное дело. Смотри, не попади в переделку. Держись все время поближе к своей лошади и помни, что лучше удирать, чем драться. И вообще, придерживаясь этого правила, ты проживешь дольше.

Мы выехали из лагеря, когда стемнело, так как в те времена днем было опасно ехать по обширной прерии лишь вдвоем. Много военных отрядов различных племен рыскало по прериям, охотясь за славой и богатством в виде скальпов и имущества неосторожных путешественников. Мы выехали из долины реки Джудит и направились по равнине на восток. Отъехав достаточно далеко, чтобы можно было обогнуть глубокие лощины, выходящие в речную долину, мы повернули и поскакали параллельно течению реки. У Скунса на поводу бежала бойкая, но смирная пегая лошадка, навьюченная одеялами и большим узлом, завернутым в отличную шкуру бизона и перевязанным несколькими ремнями. Узел этот Скунс вынес из лагеря накануне вечером и спрятал в кустах. Светила великолепная полная луна, и мы могли ехать быстро, рысью или галопом. Мы успели отъехать всего на несколько миль от лагеря, как услышали рев бизонов. Было время гона, и быки непрерывно ревели низким монотонным ревом, атакуя друг друга и сражаясь, то в одной, то в другой группе огромных стад. Несколько раз в течение ночи мы проезжали близко от какой-нибудь группы, спугнутые животные убегали в мягком лунном свете, и твердая земля гремела под их копытами. Шум их бега был долго еще слышен после того, как они уже скрывались из виду. Казалось, что все волки края вышли этой ночью из своих логовищ: их тоскливый вой слышался со всех сторон вблизи и вдали. Унылый торжественный звук, так непохожий на задорный лающий фальцет койотов.

Скунс все скакал, подгоняя лошадь, не оглядываясь назад. Я держался рядом и ничего не говорил, хотя считал, что опасно ехать слишком быстро по прерии, изрешеченной норами барсуков и мелких грызунов. Когда наконец начало светать, мы оказались среди высоких, поросших соснами холмов и гребней в двух-трех милях от долины реки Джудит. Скунс остановился и осмотрелся, пытаясь разглядеть дали, еще окутанные предраассветной полутьмой.

— Как видно, — сказал он, — опасаться пока нечего. Бизоны и бегуны прерий (антилопы) спокойно пасутся. Но это не бесспорный признак отсутствия поблизости неприятеля. Может быть, в этот самый момент кто-нибудь сидит на соснах вот тех холмов и смотрит на нас. Едем скорее к реке, надо напоить лошадей, и спрячемся в лесу, в долине.

Мы расседлали лошадей в роще тополей и ив и повели их поить. На мокрой песчаной отмели, там, где мы подошли к реке, виднелись многочисленные человеческие следы, они казались такими же свежими, как наши собственные. Вид следов заставил меня насторожиться; мы огляделись с беспокойством, держа ружья наготове, чтобы можно было сразу прицелиться. На той стороне реки не было леса, а через рощу на нашем берегу мы только что прошли; ясно было, что те, кто оставили эти следы, не находятся в непосредственной близости от нас.

— Кри или люди из-за гор, — сказал Скунс, осмотрев следы. — Неважно, кто именно, все они наши враги. Нам надо быть осторожными и все время следить за тем, что делается вокруг: они могут быть близко.

Мы напились вволю и ушли назад в рощу, где привязали наших лошадей так, чтобы они могли понемногу объедать траву и дикий горох, пышно разросшийся под деревьями.

— Откуда ты знаешь, — спросил я, — что следы, которые мы видели, оставлены не кроу, или сиу, или людьми какого-нибудь другого племени прерий?

— Ты ведь заметил, — ответил мне Скунс, — что следы были широкие, округленные; можно было даже видеть отпечатки их пальцев. Это оттого, что люди эти были обуты в мокасины с мягкими подошвами: низ, как и верх, их мокасин сделан из выделанной оленьей или бизоньей шкуры. Такую обувь носят только эти племена; все жители прерий ходят в мокасинах с твердой подметкой из сыромятной кожи.

До того как мы увидели следы на песке, я почувствовал сильный голод, но теперь я так усердно всматривался в окружающее и прислушивался, не приближается ли враг, что ни о чем другом не думал. Как я жалел, что не остался в лагере, предоставив молодому индейцу самому выкрадывать свою девушку.

— Обойду рощу и осмотрю местность, — сказал Скунс, — а потом мы поедим.

Что же мы будем есть, думал я, отлично зная, что мы не смеем ни убить дичь, ни развести огонь, если бы даже у нас было мясо. Но я промолчал и, пока его не было, вновь оседлал лошадь, помня совет моего друга — держаться к ней поближе. Скунс скоро возвратился.

— Военный отряд прошел через эту рощу, — сказал он, — и ушел вниз по долине. Дня через два они попытаются украсть лошадей у гро-вантров. Ну, давай есть.

Он развязал узел, спрятанный в шкуре бизона, и разложил множество вещей: красное и синее сукно на два платья; материал был английский и продавался примерно по 10 долларов за ярд; тут были еще бусы, медные кольца, шелковые платки, красно-оранжевая краска, иголки, нитки, серьги — набор вещей, любимых индейцами.

— Для нее, — говорил он, аккуратно откладывая в сторону эти вещи и доставая еду: черствый хлеб, сахар, вяленое мясо и нанизанные на нитку сушеные яблоки. — Украл у сестры, — сказал он, — предвидел, что нам, может быть, нельзя будет стрелять дичь или разводить огонь.

День тянулся долго. Мы спали поочередно, вернее, спал Скунс. Я же почти и не задремал, так как все время ждал, что на нас налетит военный отряд. Ведь я был в то время новичком в этом деле, да и молодой индеец тоже. После того как мы утолили жажду, нам следовало отправиться на вершину какого-нибудь холма и оставаться там целый день. Оттуда мы могли бы издалека увидеть приближение неприятеля, и быстроногие лошади легко унесли бы нас за пределы досягаемости. Лишь по счастливой случайности нас не заметили, когда мы въезжали в долину и тополевую рощу, где военный отряд мог бы окружить нас; отсюда нам было бы трудно или даже невозможно ускользнуть.

У Скунса до сих пор не было определенного плана похищения девушки. Он говорил сначала, что прокрадется в лагерь к ее палатке ночью, но это, конечно, было рискованное предприятие. Если бы ему и удалось добраться до палатки своей девушки, не будучи принятым за врага,

конокрада, то он мог разбудить другую женщину, и тогда поднялся бы страшный шум. Но и если бы он смело явился в лагерь как гость, то, несомненно, старик Бычья Голова, отец девушки, разгадал бы истинную цель его посещения и тщательно следил бы за своей дочерью. Теперь сделанное нами открытие, что вниз по реке к лагерю гро-вантров продвигается военный отряд, давало Скунсу простой выход.

— Я знал, что мой дух-покровитель меня не оставит без помощи, — сказал он вдруг днем со счастливым смехом, — и вот видишь, путь, которым мы пойдем, теперь ясен. Мы смело въедем в лагерь и направимся к палатке великого вождя Три Медведя. Я скажу, что наш вождь послал меня, чтобы предупредить о движении к гро-вантрам военного отряда. Я скажу ему, что мы сами видели следы на речных отмелях. Тогда гро-вантры станут стеречь своих лошадей, они устроят неприятелю засаду. Будет большое сражение, сумятица. Все мужчины бросятся в бой, и тут-то настанет мой час. Я позову Пиксаки, мы сядем на лошадей и убежим.

Всю ночь мы ехали быстро и на рассвете увидели широкий темный разрез, рассекающий равнину, — там текла Миссури. Накануне вечером мы перебрались через Джудит и теперь продвигались по широкой тропе, изборужденной глубокими следами волокуш и кольев для палаток многочисленных лагерей пиеганов и гро-вантров, кочующих между великой рекой и горами к югу от нее.

Солнце стояло еще невысоко, когда мы наконец подъехали к окаймленной соснами долине реки и увидели внизу широкую и длинную низину в устье Джудита. Триста или даже больше белых палаток гро-вантров виднелись среди зелени тополевой рощи. Сотни лошадей паслись в долине, поросшей полынью и кустарниками. Тут и там галопом скакали всадники, перегоняя табуны на водопой или ловя лошадей для очередной охотничьей вылазки. Хотя мы были еще милях в двух от лагеря, до нас уже доносились его неясный шум, крики, детский смех, пение, треск барабанов.

— Ну, — воскликнул Скунс, — вот и лагерь! Сейчас начнется страшная ложь! — затем более серьезным тоном: — Смиловивись, великое Солнце! Смиловивись,

подводное существо, мое видение!* Помоги мне получить то, чего я здесь ищу.

Да, юноша был влюблен. Амур губит сердца красных так же, как и белых. И — сказать ли? — любовь красных, как правило, прочнее, вернее.

Мы въехали в лагерь, провожаемые изумленными взглядами. Нам показали палатку вождя. Мы слезли с лошадей у входа, какой-то юноша взял их, и мы вошли. В палатке было три-четыре гостя, с удовольствием закусывавших в этот ранний час и куривших. Вождь жестом пригласил нас сесть на почетное место, на его ложе в глубине палатки. Он был массивный, грузный мужчина, типичный представитель племени гро-вантров (Больших Животов).

Трубку передавали по кругу, и мы в свой черед затапулись из нее несколько раз. Один из гостей рассказывал что-то. Когда он кончил, вождь обратился к нам и спросил на чистом языке черноногих, откуда мы. В то время почти все старшее поколение гро-вантров бегло говорило на языке черноногих, но черноногие совершенно не умели говорить на языке гро-вантров. Язык последних слишком труден, чтобы кто-нибудь, кроме родившихся и выросших среди гро-вантров, мог ему научиться.

— Мы приехали, — ответил Скунс, — с Желтой реки (река Джудит), из местности выше устья Теплого родника (Уорм Спринг). Мой вождь Большое Озеро посылает тебе этот подарок (при этом Скунс вынул и передал ему длинную плетенку табаку) и просит тебя курить с ним как с другом.

— Так, — сказал Три Медведя, улыбаясь и откладывая в сторону табак, — Большое Озеро — мой друг. Мы будем курить с ним.

— Мой вождь поручил мне также передать тебе, что ты должен как следует стеречь своих лошадей, потому что наши охотники обнаружили следы военного отряда, направляющегося в эту сторону. Мы сами, этот белый, мой друг, и я, тоже напали на их следы. Мы видели их вчера утром на реке, выше по течению. Их двадцать или

* В религиозных воззрениях индейцев прерий большую роль играл культ духов-покровителей, являвшихся во сне в образе различных животных. Скунс видел во сне какое-то подводное существо, и оно стало его духом-покровителем и сверхъестественным помощником.

даже тридцать человек пеших. Может быть, сегодня ночью и уж, конечно, не позже, чем завтра ночью, они нападут на ваш табун.

Старый вождь задал много вопросов; он спрашивал, какого племени может быть этот отряд, где именно мы видели следы и тому подобное. Скунс отвечал на все, как мог. Затем нам подали вареное мясо, вяленое спинное сало бизона и пеммикан, и мы позавтракали. Пока мы ели, вождь разговаривал с другими гостями. Скоро они ушли, как я предположил, сообщить другим эту новость и подготовить внезапное нападение на участников предстоящего набега. Три Медведя объявил нам, что его палатка — наша палатка и что наших лошадей покормят. Внесли и сложили у входа наши седла и уздечки. Я забыл упомянуть, что Скунс спрятал свой драгоценный узел далеко от лагеря, на нашей тропе.

После завтрака мы курили, а вождь задавал нам разные вопросы, касающиеся пиганов. Потом Скунс и я прошлись по лагерю и спустились на берег реки. По дороге он показал мне палатку своего будущего тестя. Старик Бычья Голова был знахарь, и жилище его снаружи было расписано символами особой силы, данной ему в видениях: изображены были черной краской два громадных медведя-гризли, а под ними круглые красные луны. Мы посидели у реки, поглядели на плавающих в ней мальчиков и юношей. Но я заметил, что мой спутник наблюдает за женщинами, которые все время подходили набирать воду. Очевидно, та, которую он так хотел увидеть, не появилась, и мы спустя некоторое время пошли обратно к палатке вождя. Позади палатки две женщины душили толстого четырехмесячного щенка.

— Зачем они убивают собаку? — спросил я.

— Тьфу, — ответил Скунс, скривившись, — это угощение для нас.

— Угощение для нас! — повторил я в изумлении. — Ты хочешь сказать, что они собираются приготовить на обед эту собаку и думают, что мы будем ее есть?

— Да, гро-вантры едят собак. Они считают, что собачье мясо лучше мяса бизона и вообще всякого другого. Да, они приготовят тушеное собачье мясо и подадут его нам в громадных мисках; нам придется есть его, иначе они будут недовольны.

— Я к нему не притронусь, — воскликнул я, — нет, я ни за что к нему не притронусь.

— Нет, ты должен, ты будешь его есть, если не хочешь превратить наших друзей во врагов и, может быть, — добавил он грустно, — испортить мне возможность добыть то, за чем я приехал.

Пришло время, когда нам подали собачье мясо; оно казалось очень белым, и, право, запах его не был неприятным. Но это было собачье мясо. Ни разу в жизни я не испытывал ни перед чем такого ужаса, как перед необходимостью отведать этого мяса, однако я почувствовал, что должен это сделать. Я схватил ребрышко, решительно стиснул зубы, а потом проглотил бывшее на нем мясо, жмурясь и глотая раз за разом, чтобы оно не пошло обратно. И оно осталось у меня в желудке. Я заставил себя удерживать его, хотя было мгновение, когда неясно было, что победит — тошнота или моя воля. Так я ухитрился съесть маленький кусок из поданного мне мяса, налегая на пеммикан* с ягодами, служивший чем-то вроде гарнира. Я был рад, когда обед кончился. Да, я был чрезвычайно рад; прошло много часов, пока мой желудок пришел после этого в норму.

Предполагалось, что неприятель может появиться этой ночью. Поэтому, как только стемнело, почти все мужчины лагеря взяли оружие и прокрались сквозь кустарники к подножию холмов, растянувшись цепью выше и ниже по реке и позади того места, где паслись их табуны. Скунс и я приготовили и оседлали своих лошадей; он сказал вождю, что, в случае если начнется сражение, он, Скунс, сядет на коня и присоединится к людям вождя. В начале вечера мой товарищ ушел; я посидел еще час и, так как он не возвращался, лег на ложе, укрывшись одеялом и, заснув скоро крепким сном, проспал до утра. Скунс как раз вставал. Позавтракав, мы вышли и пошли побродить. Он рассказал мне, что ему удалось накануне вечером шепнуть несколько слов Пиксаки, когда она вышла за дровами, и что она согласна бежать с ним, когда наступит время. Он был в превосходном настроении и во

* Пеммикан — вид консервированной пищи у индейцев Северной Америки, затвердевшая паста из высушенного на солнце и истолченного в порошок мяса оленя или бизона, смешанного с растопленным жиром. Иногда примешивались также хорошо растертые дикie ягоды.

время нашей прогулки по берегу реки не мог удержаться от военных песен, которые черноногие распевают, когда они счастливы.

Ближе к полудню, когда мы вернулись в палатку, вместе с другими посетителями вошел высокий, крепко сложенный человек со злым лицом. Скунс толкнул меня локтем, когда вошедший сел напротив и мрачно взглянул на нас. Я понял, что это Бычья Голова. Густые и длинные волосы Бычьей Головы были свернуты в пирамидальную прическу. Некоторое время он разговаривал о чем-то с Тремя Медведями и гостями, а затем, к моему удивлению, начал произносить речь на языке черноногих; говорил он, обращаясь к нам, с неприкрытой ненавистью.

— Все эти рассказы о приближении военного отряда, — сказал он, — сплошная ложь. Подумайте, Большое Озеро послал их сказать, что его люди видели следы отряда. Я, конечно, знаю, что пиеганы трусы, но, когда их много, они, наверное, пошли бы по следам и напали на врага. Нет, никаких следов они не видели и никакого сообщения не передавали. Но я думаю, что враг проник к нам и находится в нашем лагере; он пришел не за нашими лошадьми, а за нашими женщинами. Прошлой ночью я вел себя как дурак. Я отправился подстергать конокрадов; я ждал всю ночь, но никто не появился. Нынче ночью я останусь в своей палатке и буду подстергать похитителей женщин, и ружье мое будет заряжено. Советую вам всем поступить так же.

Сказав свою речь, он встал и большими шагами вышел из палатки, что-то бормоча, наверное проклятия всем пиеганам, в особенности одному из этого племени. Старик Три Медведя с жесткой улыбкой проводил его взглядом и сказал Скунс:

— Не обращай внимания на его слова. Он стар и не может забыть, что твои единоплеменники убили его сына и брата. Другие, — он глубоко вздохнул, — другие тоже потеряли братьев и сыновей в войне с вашим племенем, но мы все же заключили прочный мир. Что было, то прошло. Мертвых не вернуть, но живые будут жить дольше и счастливее теперь после прекращения борьбы и взаимных грабежей.

— Ты говоришь правильно, — сказал Скунс. — Мир между нашими племенами — хорошее дело. Я не хочу помнить сказанное стариком. Забудь об этом и ты и сте-

реги своих лошадей, так как этой ночью, наверное, появится неприятель.

В сумерки мы снова оседлали лошадей и привязали их к колышкам около палатки. Скунс наложил свое седло на пегую лошадь и укоротил стремяна. На своей лошади он намеревался ехать без седла. Он сказал мне, что Пиксаки весь день пробыла под охраной жен своего отца, женщин из племени гро-вантров. Старик, не доверяя ее матери из племени пиеганов, не пустил Пиксаки за дровами и водой для палатки. Я опять лег спать рано, а мой спутник, как обычно, ушел. Но на этот раз мне не пришлось спокойно спать до утра. Я проснулся от ружейной стрельбы в прерии и суматохи в лагере: люди с криком бежали к месту сражения, женщины перекликались, возбужденно переговаривались, дети плакали и визжали. Я выбежал к нашим лошадям, стоявшим на привязи, захватив ружья, свое и Скунсово. У него было отличное ружье системы Хоукинса, подарок Гнедого Коня, заряжавшееся большими пулями (32 на фунт). Впоследствии я узнал, что старик Бычья Голова один из первых выбежал спасать своих лошадей, когда началась стрельба. Как только он покинул палатку, Скунс, лежавший неподалеку в кустарнике, подбежал к ней и окликнул свою любимую. Она вышла, за ней следовала ее мать, несшая несколько мешочков. Через минуту они подошли к тому месту, где я стоял. Обе женщины плакали. Скунс и я отвязали лошадей.

— Скорее, — крикнул он, — скорее!

Он нежно обхватил плачущую девушку, поднял ее, посадил на седло и передал ей поводья.

— Слушай, — говорила мать с плачем, — ты будешь с ней ласков? Я призываю Солнце поступать с тобой так, как ты будешь поступать с ней.

— Я люблю ее и буду с ней ласков, — ответил Скунс. Потом, оборотившись к нам: — За мной, скорее!

Мы помчались по прерии, направляясь к тропе, по которой въехали в долину реки, и прямо к месту сражения, разгоревшегося у подножия холма. Мы слышали выстрелы и крики, видели вспышки, вырывавшиеся из ружейных стволов. На такой оборот дела я не рассчитывал; снова я пожалел, что принял участие в этом походе для похищения девушки. Я не хотел мчаться туда, где летали пули, я не был заинтересован в этом сражении. Но

Скунс скакал впереди, его любимая девушка вплотную позади него, и мне ничего не оставалось, как следовать за ними.

Когда мы приблизились к месту боя, мой товарищ стал кричать:

— Где враги? Убьем их всех. Где они? Куда они по-
прятались?

Я понимал, для чего он кричит. Он не хотел, чтобы гро-вантры приняли нас по ошибке за кого-нибудь из участников набега. Но что если мы наткнемся на кого-нибудь из напавших на лагерь?

Стрельба и крики прекратились. Впереди все было тихо, но мы знали, что там, в освещенном луной кустарнике, лежат обе сражающиеся стороны: одни, пытаясь потихоньку скрыться, другие — обнаружить их, не подвергая себя слишком большому риску. Теперь от нас до подножия холма оставалось всего лишь ярдов сто, и я уже думал, что мы миновали опасное место, как вдруг прямо впереди Скунса сверкнула вспышка пороха на полке кремневого ружья и из дула его вырвалось пламя выстрела. Лошадь Скунса упала вместе с ним. Наши лошади разом остановились. Девушка пронзительно закричала.

— Они его убили, — кричала она, — на помощь, белый, они его убили!

Но не успели мы слезть с лошади, как увидели, что Скунс высвободился, вскочил на ноги и выстрелил во что-то скрытое от нас кустарником. Послышался глухой стон, шорох в кустарнике. Скунс одним прыжком очутился в зарослях и нанес кому-то три или четыре сильных удара стволом ружья. Нагнувшись, Скунс поднял ружье, из которого в него стреляли.

— Один есть, — крикнул он со смехом и, подбежав ко мне, привязал старое кремневое ружье к луке моего седла. — Пусть будет у тебя, — сказал он, — пока мы не выберемся из долины.

Я только собрался сказать ему, что глупо задерживаться из-за старого кремневого ружья, как рядом с нами вырос как из-под земли старик Бычья Голова. Извергая потоки брани, он схватил под уздцы лошадь Пиксаки и стал стаскивать девушку с седла. Она кричала и крепко держалась за седло. Скунс бросился на старика, повалил его наземь, вырвал у него из рук ружье и отшвырнул его

далеко в сторону. Затем легко вспрыгнул позади Пиксаки, стиснул пятками бока лошади, и мы снова помчались. Разгневанный отец бежал за нами и кричал, наверное, призывая на помощь, чтобы поймать беглецов.

Мы видели, что к нему приблизилось несколько человек гро-вантров, но они, видимо, не спешили и не сделали никаких попыток задержать нас. Несомненно, возгласы рассерженного старика дали им ключ к пониманию обстановки, и, конечно, вмешиваться в ссору из-за женщины было ниже их достоинства. Мы неслись вовсю, поднимаясь по длинному крутому склону холма, и скоро перестали слышать жалобы старика.

Обратный путь в лагерь пиганов занял у нас четыре ночи. В дороге Скунс часть времени ехал за моей спиной, а часть времени за спиной девушки. По пути мы подобрали драгоценный узел, спрятанный Скунсом. Приятно было наблюдать восторг девушки, когда она развязала узел и увидела, что в нем. В тот же день на отдыхе она сшила себе платье из красной шерсти, и я могу сказать без всякого преувеличения, что она была очень хороша, когда нарядилась в это платье и надела кольца и серьги. Она вообще была очень недурна собой, а впоследствии я убедился в том, что и душевная красота ее не уступает внешней. Она была верной и любящей женой Скунсу.

Опасаясь преследования, мы ехали домой кружным путем, выбирая по возможности самую глухую тропу. Прибыв в лагерь, мы узнали, что старик Бычья Голова опередил нас на два дня. Он был теперь совершенно не похож на высокомерного, злобного старика, каким был у себя дома. Он просто пресмыкался перед Скунсом, разглагольствовал о красоте и добродетели своей дочери и говорил о своей бедности. Скунс дал ему десять лошадей и кремневое ружье, отобранное у индейца, убитого в ночь нашего побега из лагеря гро-вантров. Бычья Голова рассказал нам, что совершивший набег отряд был из племени кри и что гро-вантры убили семерых; отряду не удалось украсть ни одной лошади, так неожиданно было для него нападение.

Больше я не участвовал в экспедициях для похищения девушек, но в дни своей юности, проведенной в прериях, совершил, мне думается, ряд других, не меньших группостей.

Глава III

Трагедия на реке Марайас

Как было условлено, я присоединился к Ягоде в конце августа и стал готовиться сопровождать его в зимней торговой экспедиции. Он предложил мне долю в своем предприятии, но я не чувствовал себя готовым принять это предложение, я хотел сохранить в течение нескольких месяцев абсолютную свободу и независимость, чтобы уходить и приходить когда захочу, охотиться, бродить с индейцами, изучать их образ жизни.

Мы покинули Форт-Бентон в первых числах сентября с обозом из бычьих упряжек, который медленно тащился, подымаясь на холм из речной долины, и немногим быстрее плелся по побуревшей, уже высохшей прерии. Быки всегда идут медленно, а сейчас им к тому же приходилось везти тяжелый груз.

Поразительно, какой большой груз товаров вмещался в этих старинных «кораблях прерии». Обоз Ягоды состоял из четырех упряжек с восемью парами быков в каждой; они везли двенадцать фургонов, нагруженных пятьюдесятью тысячами фунтов провизии, спирта, виски и товаров. В обозе было четыре погонщика быков, ночной пастух, который также гнал за нами «резерв» — запасных быков и несколько верховых лошадей, повар, три человека для постройки бревенчатых домов и помощи в торговле, затем Ягода с женой и я. Отраду, отваживавшемуся в те

времена путешествовать по прерии, следовало бы быть посильнее, но мы были хорошо вооружены, а к одному из прицепных фургонov была привязана пушка с шестифунтовыми снарядами. Считалось, что один ее вид или звук выстрела должен внушить ужас любому врагу.

Мы направлялись в одно место на реке Марайас, приблизительно в сорока пяти милях к северу от Форт-Бентона. Между этой рекой и Миссури, к северу от Марайаса до холмов Суитграсс-Хиллс и далее вся прерия была коричневой от бизонов. Мы направлялись на Марайас еще и потому, что она была излюбленной рекой черноногих, устраивавших здесь свои зимние лагеря. Ее совсем неглубокая долина заросла лесом, а под прикрытием тополевых рощ палатки индейцев были хорошо защищены от налетающих временами с севера снежных бурь; здесь было в изобилии топливо и росла отличная трава для лошадей. В долине Марайаса и отходящих от нее оврагах водилось много оленей, вапити и горных баранов; на шкуры этих животных всегда был спрос. Летнюю одежду и обувь племя изготовляло преимущественно из замши.

Сентябрь в прерии! В этих местах сентябрь — самый лучший месяц в году. Ночи в прерии прохладные, с частыми заморозками. Но днем тепло, чистый воздух так свеж, так бодрит вас, что кажется, никак им не надышаться! Величественный, изумительный простор прерий, раскинувшихся кругом, и горы, вздымающиеся со всех сторон, никогда не надоедали мне. На западе темнели Скалистые горы; их острые вершины резко выделялись на голубом небе. К северу виднелись три вершины холмов Суитграсс-Хиллс. На востоке смутно проступали горы Бер-По (Медвежьи Лапы); к югу, за Миссури, отчетливо были видны поросшие соснами горы Хайвуд. А между этими горами, вокруг них, за ними расстилалась бурая молчаливая прерия, усеянная своеобразными холмами с плоскими вершинами, глубоко изрезанная долинами рек и многочисленными, выходящими в них лощинами.

Есть люди, которые любят лес, густые заросли, где блистают уединенные озера и медленно текут тихие темные реки. И правда, в них есть свое очарование. Но только не для меня. Я предпочитаю беспредельную прерию с ее далекими горами и одинокими холмами, ее каньоны с фантастическими скалами, ее прелестные долины, манящие под кров тенистых рощ на берегах прозрачных

рек. В лесу поле зрения ограничено всегда несколькими ярдами или десятком-другим ярдов. Но в прерии... часто я взбирался на вершину плоского холма или на гребень и часами сидел там, глядя на огромные пространства, простирающиеся предо мной далеко-далеко до горизонта равнины по всем направлениям, кроме запада, где плоскость прерии внезапно нарушалась поднимающимися вдали Скалистыми горами. Хорошо было смотреть на бизонов, антилоп и волков, видневшихся в прерии; они ели, отдыхали, играли, бродили вокруг нас. По-видимому, их было здесь так же много, как и столетия тому назад. Никто из нас не подозревал, что все они так скоро исчезнут.

Мы потратили почти три дня на сорок пять миль, отделивших нас от цели путешествия. В пути мы не видели ни индейцев, ни даже признаков того, что они где-то поблизости. Бизоны и антилопы мирно паслись вокруг; при нашем приближении они отбегали недалеко в сторону и останавливались, принимаясь щипать короткую, но сочную траву прерий. На второй день к вечеру мы разбили лагерь на берегу ручья у подножия Гуз-Билла (Гусино-го Ключа), холма странной формы неподалеку от реки Марайас. Фургоны расположили, как обычно, так, что они образовали как бы корраль*, и в центре поставили нашу превосходную палатку из шестнадцати шкур. В ней спали Ягода и его жена, два человека из обоза и я; остальные укладывались спать в фургонах на товарах. Мы съели хороший ужин и рано легли спать. Ночь была очень темная. Немного после полуночи я проснулся от тяжелого топота в коррале; что-то с грохотом ударилось о фургон по одну сторону от нашей палатки, потом о другой фургон с другой стороны. Люди в фургонах перекликались, спрашивая друг у друга, что случилось. Ягода велел всем взять ружья и собраться у фургонов. Но раньше, чем мы успели вылезть из постелей, что-то ударило в нашу палатку, и она опрокинулась. Жерди с треском сломались, а шкуры покрова палатки стали носиться по корралю подобно живым существам. В полной темноте мы едва различали палатку, кружившуюся в бесовской пляске с невидимыми фигурами. Мгновенно возникла суматоха. Миссис Ягода визжала, мужчины кричали что-то

* Обнесенный забором загон для скота, обычно круглой формы. — *Прим. пер.*

друг другу, и вдруг все разом бросились под прикрытие фургонов и поспешно заползли под них. Кто-то выстрелил во вращающиеся шкуры. Ягода, лежавший рядом со мной, тоже выстрелил, и тут все мы начали стрелять; ружейные выстрелы трещали в коррале со всех сторон. С минуту, может быть, палатка вихрем кружилась и носилась из одного конца корраля в другой еще бешенее, чем раньше. Затем она остановилась и осела на землю бесформенной кучей. Из-под шкур слышались глубокие хриплые вздохи, потом все затихло. Ягода и я вылезли из-под фургона, осторожно подошли к смутно белевшей куче и зажгли спички. Мы увидели громадного убитого бизона, почти целиком закутанного в истрепанные и разорванные шкуры покрыва палатки. Мы так и не смогли понять, как и зачем этот старый бык забрел в корраль и почему, когда он ринулся на палатку, никто из нас не был растоптан. Ягода с женой спали в глубине палатки, и бизон в своем бешеном беге перескочил через них, по-видимому даже не зацепив копытом их постель.

На следующий день около полудня мы достигли реки Марайас и расположились лагерем на лесистом мысе. После обеда наши люди начали валить лес на бревна для домов, а Ягода и я, сев на лошадей, поехали вверх по реке на охоту. У нас было вдоволь мяса жирных бизонов, но мы решили, что для разнообразия хорошо было бы убить оленя или вапити.

Охотясь, мы подъехали в этот день к тому месту, где впоследствии произошла «битва Бэкера». Так называлось это событие, а место называлось «полем битвы Бэкера». Но никакой битвы здесь не было; здесь произошло чудовищное избиение людей. Вот как это случилось. Черноногие из пиеганов, перехватывавшие золотоискателей на пути с приисков в Форт-Бентон, убили одного человека, по имени Малькольм Кларк, старого служащего Американской пушной компании, жившего со своей индейской семьей неподалеку от водораздела Бэрд-Тэйл. Между прочим, этот Кларк был человек жестокого и буйного нрава; в припадке гнева он сильно избил молодого человека из племени пиеганов, который жил у него и пас его лошадей. Молодой индеец уговорил проходивший мимо военный отряд поддержать его и убил Кларка. Военное министерство решило, что настало время прекратить грабежи, и отдало распоряжение полковнику Бэкеру, часть кото-

рого стояла в форте Шоу, разыскать клан Черного Хорька и проучить индейцев*. Днем 23 января 1870 года команда подошла к обрыву, под которым лежала поросшая лесом долина реки Марайас.

Среди деревьев стояло восемьдесят палаток пиеганов, но это не был клан Черного Хорька. Вождем этого клана был Медвежья Голова, но полковник Бэкер не знал этого. Люди Медвежьей Головы были в большинстве настроены дружелюбно по отношению к белым.

Полковник Бэкер вполголоса сказал своим солдатам короткую речь, приказывая сохранить хладнокровие, бить наповал, не щадить врага. Затем он скомандовал: «Огонь!» Разыгралась страшная сцена. Накануне многие из индейцев этого лагеря ушли к холмам Суитграсс-Хиллс на большую охоту на бизонов. Поэтому, кроме вождя Медвежьей Головы и нескольких стариков, некому было отвечать на выстрелы солдат. Первый залп солдаты направили по низу палаток; этим залпом они убили и ранили множество спящих. Остальные кинулись вон из палаток — мужчины, дети, женщины, многие с младенцами на руках, но они тут же падали под выстрелами. Медвежья Голова, размахивая бумагой, удостоверяющей, что он вполне достойный человек и дружелюбно относится к белым, побежал к команде на обрыве; он кричал солдатам, чтобы они прекратили стрельбу, умолял их пощадить женщин и детей. Он упал, простреленный несколькими пулями. Из четырехсот с лишним душ, находившихся в это время в лагере, уцелело лишь несколько человек. Когда все кончилось, когда добились последних раненых женщин и детей, солдаты свалили в кучи на опрокинутые палатки тела убитых, домашний скarb и дрова и подожгли их.

Я побывал на этом месте несколько лет спустя. В высокой траве и среди кустарника белели уже обглоданные волками и лисицами черепа и кости безжалостно перебитых людей. «Как они могли это сделать? — спрашивал я сам себя много раз. — Что за люди эти солдаты, которые хладнокровно расстреляли беззащитных женщин и невинных детей?» В их оправдание нельзя даже сказать, что они были пьяны, не был пьян и командовавший

* Военные власти США обычно осуществляли избиение индейцев под фальшивым предлогом защиты белых колонистов от насилий и грабежей краснокожих. На самом же деле индейцы лишь защищались от насилий со стороны белых.

ими офицер, не грозила им и никакая опасность. Хладнокровно, умышленно, спокойно прицеливаясь, чтобы бить наповал, они перестреляли свои жертвы, добились раненых, а затем попытались сжечь их тела. Но я не буду больше говорить об этом. Подумайте обо всем этом сами и попытайтесь найти подходящее имя для людей, учинивших эту бойню*.

Во время путешествия вверх по реке мы видели много важенок и годовалых оленят, группу самок и молодых вапити, но ни разу не встретили самцов этих видов. На обратном пути перед заходом солнца самцы-олени стали выходить к воде из оврагов и лощин. Мы убили большого жирного оленя. Мадам Ягода повесила всю переднюю четверть туши над очагом в палатке. Мясо, вращаясь над огнем, медленно жарилось в течение нескольких часов. К 11 часам она объявила, что мясо готово, и мы не устояли перед соблазном отведать жаркого, хотя уже основательно поели, когда начало темнеть. Оленина была так вкусна, что очень скоро от туши не осталось уже ничего, кроме костей. Я не знаю лучшего способа жарить мясо. Жарить нужно на малом огне в палатке, где нет ветра. Мясо подвешивается на треноге; пока оно жарится, время от времени его нужно подталкивать, заставляя вращаться. Чтобы зажарить тушу как следует, надо несколько часов, но результаты с лихвой окупают труд.

Наши люди скоро срубили деревья, перетаскивали нужные для постройки бревна и сложили стены форта, настлали крышу из жердей и засыпали ее толстым слоем земли.

В готовой постройке было восемь комнат размером приблизительно шестнадцать на шестнадцать футов. Одна из них служила для торговли, две комнаты были жилые,

* Избиение, устроенное Бэкером 23 января 1870 года на реке Марайас, — событие, о котором в то время знали все. Официальное сообщение утверждало, что солдаты убили 173 индейцев и взяли в плен 100 женщин и детей. Позже на основании более точных известий считали, что убито 176 человек. Как сообщалось, 15 из числа застреленных были люди в воинском возрасте — от 15 до 37 лет, 18 — пожилые и старые мужчины от 37 до 70 лет. Убитых женщин насчитывалось 90, а детей моложе 12 лет — среди них много грудных — 55. Когда известие об этой бойне пришло в Восточные Штаты, газеты много писали о ней и публика взволновалась. С возмущением называлось имя генерала Шеридана, руководившего жестокой бойней. Нет никакого сомнения в том, что жители атакованного подполковником Бэкером лагеря были мирные индейцы. — *Прим. ред. американского издания.*

в каждой стояли грубо сложенные из камней на глиняном растворе, но вполне годные для отопления камины с трубой. Остальные комнаты служили складами товаров, мехов и шкур. В стенках торгового помещения мы проделали множество маленьких отверстий, через них можно было просунуть ствол ружья. Заднюю сторону квадрата охраняла наша шестифунтовая пушка. Мы считали, что принятые меры для защиты от нападения заставят даже самых отчаянных смельчаков призадуматься прежде, чем решиться напасть на форт.

Едва мы закончили форт, как пришли черноногие-пиеганы и поставили свои палатки в длинной, широкой долине примерно в одной миле от нас ниже по течению. Большую часть времени я проводил в лагере с женатым молодым человеком, по имени Хорьковый Хвост, и еще с одним, со странным именем Говорит С Бизоном. Эти два индейца были неразлучны; они оба полюбили меня, а я их. Оба жили в новых палатках с хорошенькими молодыми женами. Как-то я сказал им:

— Вы так друг к другу привязаны, не понимаю, почему бы вам не жить вместе в одной палатке. Вам бы пришлось меньше возиться с укладкой, меньше уставали бы лошади при переходах, меньше тратилось бы труда на сбор сучьев для топлива, на разбивку и свертывание палаток.

Говорит С Бизоном расхохотался.

— Сразу видно, — ответил он, — что ты не женат. Запомни, друг мой: двое мужчин могут мирно и долго дружить, но две женщины — никогда. Не пройдет и трех дней, как они начнут ссориться из-за пустяков да еще будут пытаться втянуть в свои раздоры мужей. Вот почему мы живем отдельно, чтобы не ссориться с женами. Сейчас они любят друг друга, так же как любим друг друга и мы. К счастью для всех, у нас две палатки, два очага, два выючных комплекта и прочный мир.

Подумав, я понял, что они правы. У меня были знакомые две сестры, белые. Впрочем, это особая история. За мужние женщины ни белые, ни индейки не могут в мире и дружбе вести общее хозяйство.

Я наслаждался жизнью в этом большом лагере с семьями палаток, в них жило около трех с половиной тысяч человек. Я научился игре в колесо и стрелу и другой, в которой партнер прячет в одной руке кусочек кости; я

даже выучил песню игроков, которую поют вечерами вокруг очага в палатке, когда играют в угадывание кости. Я ходил смотреть на танцы и участвовал в танце «ассина-песка» — танце ассинибойнов. Учтите, что мне еще не исполнилось двадцати лет; я был еще мальчик, и притом, может быть, более глупый, более беззаботный, чем большинство юношей.

В танце ассинибойнов участвуют только молодые неженатые мужчины и девушки. Старшие, родители и родственники, бьют в барабаны и поют песню, сопровождающую этот танец, очень оживленный и довольно свободный. Женщины сидят на одной половине палатки, мужчины — на другой. Начинается пение, в котором участвуют все. Танцующие становятся друг против друга, они приподнимаются на носках, затем опускаются на пятки, сгибая колени. При этом они выступают вперед, сближаясь, затем отступают, снова сходятся и снова отступают много раз; все поют, все улыбаются, кокетливо заглядывают друг другу в глаза. Танец длится, бывает, несколько часов с частыми перерывами для отдыха, иногда чтобы поест и покурить. Но самое интересное наступает в конце праздника. Снова ряды юношей и девушек сблизились; внезапно одна из девушек поднимает свой плащ или накидку, набрасывает его на голову себе и выбранному ею юноше и крепко целует его. Зрители заливаются смехом, барабаны бьют еще громче, песня становится еще звонче. Ряды отступают назад, у избранника очень смущенный вид, все рассаживаются по местам. Расплата за поцелуй происходит на следующий день. Если молодому человеку девушка очень нравится, он может подарить ей лошадь или двух лошадей, во всяком случае он должен сделать ей подарок, хотя бы медный браслет или нитку бус. Мне кажется, что я был «легкой добычей» для этих бойких и, боюсь, корыстолюбивых девиц, так как меня накрывали плащом и целовали чаще, чем всех остальных. А на следующее утро три или четыре девушки со своими матерями являлись на наш торговый пункт: одной нужно было дарить много ярдов яркого ситца, другой — красную шерсть и бусы, третьей — одеяло. Они разоряли меня, но, когда танцы устраивались снова, я опять участвовал в них.

Я танцевал, играл в азартные игры, участвовал в скачках, но все же моя жизнь в лагере не была только одной

непрерывной цепью легких развлечений. Я часами проспживал со знахарями и старыми воинами, изучая их верования и обычаи, слушая их рассказы о богах, повествования о войне и охоте. Я посещал различные религиозные церемонии, слушал патетические обращения знахарей к Солнцу, когда они молились о здоровье, долголетию и счастье своего народа. Все это было чрезвычайно интересно.

Увы, увы! Почему эта простая жизнь не могла продолжаться и дальше? Зачем железные дороги и мириады переселенцев наводнили эту чудесную страну и отняли у ее владельцев все, ради чего стоит жить? Индейцы не знали ни забот, ни голода, не нуждались ни в чем. Из своего окна я слышу шум большого города и вижу бегущие мимо торопливые толпы. Сегодня резкая холодная погода, но большинство прохожих — и женщин и мужчин — легко одеты, лица у них худые, а в глазах светятся грустные мысли. У многих из них нет теплого крова для защиты от ненастья, многие не знают, где добыть пищу, хотя они рады были бы изо всех сил работать за пропитание. Они «прикованы к тачке», и нет у них другой возможности освободиться, кроме смерти. И это называется цивилизация! Я считаю, что она не дает ни удовлетворения, ни счастья. Только индейцы, жители прерий, в те далекие времена, о которых я пишу, знали полное довольство и счастье, а ведь в этом, как нам говорят, главная цель человека — быть свободным от нужды, беспокойства и забот. Цивилизация никогда не даст этого, разве что очень-очень немногим.

Глава IV

Поход за лошадьми

Молодые и пожилые мужчины из племени черноногих постоянно отправлялись в военные походы группами в десять — пятьдесят человек или даже больше. Они развлекались, устраивая набеги на окрестные племена, которые вторгались в обширную область охоты черноногих, угоняли лошадей у этих племен, если удавалось, приносили из набегов скальпы *. Возвращение отряда после удачного похода торжественно обставлялось. В нескольких милях от лагеря участники похода облачались в свои живописные военные наряды, красили лица, убирали лошадей орлиными перьями, расписывали им шкуры, а затем спокойно подъезжали к вершине холма, с которого была видна деревня. Здесь они запевали военную песню, бешено нахлестывая коней, пускали их вскачь и, стреляя из

* Следует напомнить, что до прихода колонизаторов обычай скальпирования бытовал только у нескольких индейских племен, живших в восточной части Американского континента, да и ими применялся очень редко. Лишь с приходом колонизаторов обычай привозить скальпы убитого врага как военный трофей действительно получил широкое распространение. Колониальные власти прямо поощряли этот обычай, назначая премии за скальпы убитых врагов — белых и индейцев. Распространению скальпирования способствовало также усиление междоусобных войн между индейцами, разжигавшихся колониальными властями.

ружей, гоня перед собой взятых у врага лошадей, мчались с холма в долину. Задолго до их появления лагерь уже кипел от возбуждения. Женщины, побросав работу, выбегали им навстречу, за женщинами медленнее и спокойнее шли мужчины. Как женщины обнимали вернувшихся невредимыми любимых! И сейчас же начинали раздаваться женские голоса, певшие хвалу мужу, сыну или брату. «Вернулся Лисья Голова! — восклицала какая-нибудь женщина. — О, ай! Вернулся храбрый Лисья Голова и гонит перед собой десять лошадей из вражьего табуна. И он принес с собой скальп врага, убитого в бою. О, храбрец! Он принес оружие убитого врага, храбрый Лисья Голова!»

Так каждая женщина восхваляла доблесть своего родственника. А вернувшиеся воины, усталые, голодные, но гордые своим успехом, довольные, что они опять дома, расходились по своим палаткам, где их верные женщины — матери, жены, сестры — спешили приготовить им мягкое ложе, принести свежую воду и подать праздничный обед из отборного мяса, пеммикана и сушеных ягод. Женщины, счастливые и гордые, не могли усидеть на месте; время от времени какая-нибудь из них выходила и, проходя между палатками, снова пела хвалу своему любимому.

Как только один из отрядов возвращался, другие индейцы, побуждаемые удачей вернувшихся и соперничая с ними, составляли новый отряд и отправлялись в поход против кроу, ассинибойнов*, кри или какого-нибудь из племени по ту сторону Хребта мира, как они называют Скалистые горы. Поэтому я не удивился, когда однажды утром мои друзья сообщили мне, что собираются отправиться в набег на ассинибойнов.

— И если хочешь, — сказал в заключение Говорит С Бизоном, — ты можешь отправиться с нами. Ты ведь помогал своему другу выкрасть девушку, ты можешь также попробовать угнать лошадей!

— Я еду с вами, — ответил я.

Когда я рассказал Ягоде о своем намерении, он и его жена стали энергично возражать.

— Ты не имеешь права рисковать своей жизнью, — сказал он, — из-за каких-то лошадей.

* Ассинибойны — племя, жившее к востоку от черноногих.

— Подумайте, как ваши родные будут горевать, — сказала его жена, — если что-нибудь с вами случится.

Но я уже твердо решил отправиться и так и сделал. Не ради стоимости лошадей или другой возможной добычи — меня привлекала острота и новизна этого предприятия. Нас было тридцать человек; предводительствовать нами, быть начальником отряда должен был Мощная Грудь, суровый, опытный воин лет сорока. Ему принадлежала магическая трубка, которая, как считалось, обладала большой силой. Он носил ее с собой во многих походах, и она всегда приносила ему и его отряду удачу, помогала им выйти невредимыми из столкновений. Но, несмотря на все это, нам пришлось пригласить старого знахаря помолиться вместе с нами в священной паровой палатке перед выступлением в поход и поручить этому знахарю молиться за нас ежедневно. На этот ответственный пост мы пригласили старика Одинокого Вапити: его магия была очень могущественной и уже много лет оказывалась угодной Солнцу.

Паровая палатка была недостаточно велика, чтобы вместить нас всех. За один раз в нее входила только половина отряда. Я со своими двумя друзьями оказался в последней группе. У входа в паровую палатку мы сбросили свои кожаные плащи или одеяла (больше на нас ничего не было), пролезли через низкий вход и молча расселись кругом внутри; в палатку подавали раскаленные камни и бросали их в яму посередине палатки. Одинокий Вапити начал обрызгивать их, макая в воду хвост бизона. Удушливый горячий пар окутал нас, и Одинокий Вапити запел молитвенную песню, обращенную к Солнцу, к которой мы все присоединились. Затем старик долго и сосредоточенно молился, призывая Солнце быть к нам милостивым, провести нас невредимыми через все опасности и даровать нам успех в нашем предприятии.

После молитвы Одинокий Вапити набил магическую трубку, зажег ее поданным снаружи углем, и трубка пошла по кругу; каждый из нас, выпустив дым к небу и к земле, произносил короткую молитву к Солнцу и Матери (земле). Когда пришел мой черед, я тоже помолился как умел, вслух, как и все остальные. Никто не улыбался. Товарищи мои верили, что я искренне считаю себя одним из индейцев, говорю, думаю и поступаю, как они. Я хотел узнать этот народ, узнать как следует, и я считал, что

единственный путь для достижения этой цели — пожить некоторое время их жизнью. Итак, я горячо помолился Солнцу, думая о том, чему меня учили когда-то в далекой отсюда стране: «Да не будет у тебя других богов пред лицом моим» и т. д. Когда-то я верил во все это и слушал по воскресеньям проповеди пресвитерианского проповедника, грозившего нам геенной огненной и страшным гневом мстительного бога. Прослушав такую проповедь, я боялся ложиться спать, ожидая, что во сне меня схватят и ввергнут в погибель. Но все это теперь было в прошлом. У меня не было ни веры, ни страха, ни надежды, так как я пришел к выводу, что человек может сказать только одно: «Я не знаю». И я охотно молился Солнцу, следуя своему плану.

Осень уже шла к концу, и мы считали, что ассинибойны сейчас далеко, где-нибудь около устья Малой реки, так черноногие называют реку, которую мы зовем Милк. Решено было поэтому отправиться верхом, а не пешком. Излюбленный для набегов способ передвижения был пеший, так как отряд при этом не оставляет следов и может успешно скрываться в дневное время.

Однажды вечером, предводительствуемые начальником отряда, мы выступили, направляясь на юго-восток по темной равнине параллельно реке. Мои товарищи не были похожи на изукрашенных бахромой и бусами, расцвеченных и убранных орлиными перьями воинов, о каких мы читаем в книжках или каких видим на картинках. Они были одеты в простые будничные ноговицы, рубашки, мокасины и плащи из одеял или шкуры бизона. Но к седлам у них были привязаны красивые военные наряды, а в трубках из сыромятной кожи лежали головные уборы из орлиных перьев или рогов и хорьковых шкурок. При вступлении в бой, если на это было время, воины облачались в военные наряды. Если времени не хватало, то наряд брали с собой в сражение, так как все части его считались могучими талисманами, особенно рубашка, на которой бывает написано краской видение владельца. Это какое-нибудь животное, или звезда, или птица, явившийся индейцу во время долгого поста, обязательного при переходе от беззаботной юности к ответственной жизни воина.

Мы быстро ехали всю ночь, и утро застало нас недалеко от устья реки Марайас. Со всех сторон были мирно

отдыхающие или пасущиеся бизоны и антилопы; очевидно, нигде по близости не было людей.

— Сегодня нам нет нужды прятаться днем, — сказал Мощная Грудь и, отрядив одного из людей наблюдателем на край обрыва, повел остальных вниз в долину, где на берегу реки все, кроме Хорькового Хвоста и меня, расседлали и пустили лошадей; нам же велено было добыть мяса. Заряд пороху и пуля много значат для индейца; так как у меня было много патронов для моего ружья генри и я мог получить их еще вдоволь, то на мою долю выпала приятная обязанность добывать мясо. За мясом не нужно далеко ходить. Меньше чем в полумиле отсюда мы увидели небольшое стадо антилоп, спускавшихся в долину на водопой. Прячась за кусты ирги (канадской рябины) и диких вишен, мне удалось подобраться к стаду на сто ярдов и застрелить двух хороших антилоп-самцов. Мы взяли мясо, языки, печень и рубцы и вернулись в лагерь. Скоро все занялись поджариванием любимых кусков на огне, все, кроме Мощной Груды. Ему всегда полагалось лучшее мясо или, если он хотел, язык. Мясо готовил для него юноша, впервые вышедший на военную тропу учиться военному делу; юноша этот носил для начальника воду, ходил за его лошадью, был по существу его слугой. Начальник отряда — важное лицо, почти столь же недоступное, как генерал армии. В то время как все остальные болтают, шутят и рассказывают разные истории у костра, он сидит в стороне, а если хочет — у особого костра. Много времени он проводит в молитве и размышлениях о смысле своих сновидений. Часто бывает, что вдали от дома накануне вступления во вражескую деревню начальнику отряда приснится сон, который заставит его повернуть с отрядом назад, не сделав даже попытки достигнуть своей цели.

Покинув реку Марайас, отряд в дневное время тщательно скрывался и прятал как можно лучше лошадей. Мы обошли по краю восточный склон гор Бэр-По, восточный предел гор Литтл-Роки (Малые Скалистые), на языке черноногих Ма-кви-ис-стук-из (Волчьи горы). Мы думали, что встретим где-нибудь в этих местах стоянку племени гро-вантров (читатель помнит, что они в то время были в мире с черноногими), но не увидели никаких признаков их пребывания, кроме следов четырехмесячной или пятимесячной давности, и решили, что гро-вантры

еще находятся на реке Миссури. Каждый раз, как отряд разбивал лагерь, выставляли одного или двух человек в таком месте, откуда можно было обозревать окружающие горы и прерию, и каждый вечер они докладывали, что животные ведут себя спокойно и что во всей этой обширной местности нет признаков других людей, кроме нас самих.

Один раз на рассвете мы оказались у подножия очень высокого холма немного к востоку от гор Литтл-Роки. Мне сказали, что это Хэри-Кэп (Мохнатая Шапка) — удачное название, так как вся верхушка холма покрыта густой сосновой чащей. Мы разбили лагерь у подножия Хэри-Кэп, вблизи ручья на красивой заросшей травой поляне, со всех сторон окруженной кустарником. Говорит С Бизоном и я получили приказ взобраться на вершину холма и оставаться там до середины дня, пока нас не сменят. Мы оба оставили себе от ужина по большому куску жареного бизоньего мяса. Выпив столько воды, сколько могли вместить, и захватив это жареное мясо, мы взобрались наверх по широкой тропе, протоптанной дикими животными среди сосен, и наконец достигли вершины. Здесь мы обнаружили несколько походных жилищ-шалашей из жердей, веток кустарника, кустов гнилых бревен; покров был уложен так плотно, что сквозь него нельзя было бы увидеть ни проблеска огня. Этим способом пользовались военные отряды всех племен, чтобы развести костер, не выдавая проходящему врагу своего присутствия. Мы нашли шесть таких укрытий; некоторые из них были построены совсем недавно, и, вероятно, по близости были еще другие. Мой спутник показал мне укрытие, в постройке которого он сам участвовал в позапрошлом лето, и сказал, что этот холм часто посещают военные отряды всех племен прерии, так как с него легко обозревается обширная местность. Действительно, отсюда было видно далеко кругом. К северу мы видели течение реки Милк и прерии за ней. К югу перед нами лежала прерия, простиравшаяся до Миссури, а за рекой опять шла прерия, виднелись далекие горы Сноуи и Мокасин и темные ущелья Масселшелл. К востоку до самого горизонта тянулись пологие холмы и острые гребни.

Мы сели и поели жареного мяса, затем Говорит С Бизоном набил и зажег свою черную каменную трубку. Закурили. Немного спустя я стал дремать.

— Спи, — сказал Говорит С Бизоном, — а я посторожу.

Я улегся под деревом и скоро очутился в стране снов. Около десяти он разбудил меня.

— Смотри, — воскликнул он в возбуждении, указывая на юг в направлении Миссури, — сюда идет военный отряд.

Протерев глаза, я посмотрел в ту сторону, куда он показывал. Небольшие стада бизонов разбегались к востоку, западу и к северу. Затем показался плотно сбившийся табун лошадей, быстро приближающихся к нашему холму; табун гнала группа всадников.

— Это или кри, или ассинибойны, — сказал мой спутник, — они совершили набег на кроу или на гро-вантров и, опасаясь преследования, мчатся домой со всей скоростью, на какую только способны их лошади.

Прыгая по склону холма, мы понеслись вниз. Казалось, не прошло и минуты, как мы очутились среди наших товарищей и рассказали им новость. Все кинулись седлать лошадей, облачаться в военные наряды, надевать головные уборы и снимать чехлы со щитов. Тогда Мощная Грудь сам взошел на склон холма до такого места, откуда он мог видеть приближающийся отряд; все ждали его внизу. Он стоял ярдах в ста от нас и все смотрел и смотрел на прерию. Люди начали нервничать, я во всяком случае. Мне казалось, что он никогда не спустится вниз, чтобы сообщить нам план действий. Должен сознаться, что теперь, когда настало время участвовать в атаке, я испытывал страх и был бы очень рад оказаться в этот момент в безопасности рядом с Ягодой, далеко отсюда на реке Марайас. Но отступать было невозможно; я должен был идти с остальными и делать свое дело. Мне хотелось, чтобы все уже кончилось.

Прошло пять или десять минут в ожидании, и Мощная Грудь присоединился к нам.

— Они пройдут немного к востоку от нас, — сказал он, — поедем вниз по этой лощине и встретим их.

Это была не настоящая лощина, а просто неглубокое, широкое, более низкое место на равнине, однако достаточной глубины, чтобы скрыть нас. Через небольшие промежутки времени наш предводитель осторожно подъезжал к краю лощины и смотрел на юг. Наконец он скомандовал остановиться.

— Теперь наш отряд прямо у них на дороге, — сказал он, — как только послышится топот копыт их лошадей, мы выскочим отсюда на них.

Сердце мое стучало, горло пересохло. Мне было страшно. Как в полусне я услышал команду Мощной Груды, и мы поскакали из лощины.

— Смелее, — кричал наш предводитель, — смелее! Уничтожим их всех до одного!

Неприятель и табун, который он гнал перед собой, были не более как в ста ярдах от нас, когда мы оказались с ними на одном уровне. Наше появление было так внезапно, что лошади их бросились врассыпную: одни поскакали на восток, другие — на запад. Несколько секунд всадники пытались собрать их снова, но тут наши люди оказались уже среди них. Они пытались остановить нас, стреляя из ружей и луков. Некоторые были вооружены только луками. Я видел, как четверо из них один за другим свалились с лошадей наземь; остальные повернули лошадей и поскакали, разбегаясь во все стороны; наш отряд преследовал их по пятам. Их было больше, чем нас, но, по-видимому, неприятель был не очень храбрый. Может быть, наше внезапное, неожиданное нападение с самого начала деморализовало их. Почему-то, едва выехав из лощины и увидев их, я перестал ощущать страх; вместо этого на меня нашло возбуждение — мне хотелось быть впереди. Я выстрелил в нескольких из неприятельских всадников, но, конечно, не знал, падают ли они от моих выстрелов или от выстрелов воинов нашего отряда. Когда неприятель повернул назад и побежал, я наметил себе одного всадника, сидевшего на большой рыже-пегой лошади, и погнался за ним. Он скакал прямо к Хэри-Кэп, чтобы укрыться в соснах. Я сразу увидел, что его лошадь лучше моей и что он уйдет, если не остановить его пулей. Я старался попасть в него, стреляя раз за разом, и каждый раз думал: «Вот сейчас обязательно попаду» — и промахивался. Три раза он заряжал свое кремневое ружье и отстреливался. Но целил он, должно быть, не лучше меня, так как я ни разу даже не слышал свиста его пуль и не видел их попадания. Он все скакал и скакал, и расстояние между нами все увеличивалось. Достигнув подножия холма, он погнал лошадь вверх по крутому склону; скоро он добрался до точки, где уклон был так близок к отвесному направлению, что лошадь уже не могла двигаться дальше.

Он соскочил и, бросив лошадь, стал карабкаться вверх. Я тоже спешил, стал на колено и, не торопясь, прицелился. Я выстрелил три раза, раньше чем он достиг сосен. Видно было, как пули врезались в землю: ни одна из них не ударилась ближе чем в десяти футах от бегущей цели.

Так плохо я, пожалуй, никогда еще не стрелял.

Конечно, я был не настолько глуп, чтобы преследовать индейца в густом сосновом лесу, где он имел бы передо мной все преимущества. Лошадь его сбежала с холма и ускakала в прерию. Я поехал за ней и скоро поймал ее. Возвращаясь к тому месту, где мы бросились в атаку из лощины, я видел воинов нашего отряда, подъезжающих со всех сторон, гоня перед собой лошадей. Скоро все собрались вместе. Отряд не потерял ни одного человека, и только один был ранен — юноша, по имени Хвостовые Перья. Его правая щека была страшно разодрана стрелой, и он прямо раздулся от гордости. У неприятеля было девять убитых, мы захватили шестьдесят три лошади. Все были в восторге от исхода схватки. Все говорили сразу, рассказывали, что каждый сделал. Мне удалось привлечь к себе внимание Мощной Груди.

— Кто они? — спросил я.

— Это кри.

— Откуда ты знаешь, кто они?

— Я понял несколько слов из того, что они кричали, — ответил он. — Но если бы даже они не издали ни единого звука, я узнал бы кри по их гнусным лицам и одежде.

Я подъехал к одному из убитых, лежавших на земле неподалеку. Он был оскальпирован, но видно было, что лицом он сильно отличается от черноногих. Кроме того, на его подбородке виднелись три синих вытатуированных знака, а его мокасины и одежда были непохожи на те, что я видел до сих пор.

Сменив лошадей, отряд повернул к дому; всю вторую половину дня мы медленно двигались без остановок. Возбуждение мое прошло, и, чем больше я думал о схватке, тем больше был доволен, что не убил того индейца кри, которого загнал в сосны. Но другие, в которых я стрелял, те, что упали на моих глазах? Мне удалось убедить самого себя в том, что пули, от которых они упали, не мои. Разве я не выстрелил двадцать раз в человека, которого

преследовал, и разве все мои пули не пролетели далеко в стороне от цели? Конечно, не я свалил их. Я захватил отличную лошадь, более сильную и резвую, чем мой конь, и был доволен.

Через четыре или пять дней наш отряд приехал домой. Можете себе представить, какое возбуждение вызвало наше прибытие, сколько танцев со скальпами исполнили те, кто когда-нибудь потерял близких, погибших от руки индейцев кри. Маленькие группы людей с выкрашенными в черное руками, лицами и мокасинами ходили из конца в конец деревни; они несли скальпы, привязанные к ивовым прутьям, пели грустную поминальную песню и танцевали медленный танец в такт пению. Церемония эта показалась мне очень внушительной; жаль, что я забыл песню, которая напомнила бы мне о старом времени.

Дорогой Ягода и его жена заклали тучного тельца в честь моего благополучного возвращения. Помимо самого лучшего мяса, хлеба и бобов мы съели за обедом три пирога из сушеных яблок и пудинг с изюмом. Нужно отметить, что два последних блюда были редким угощением в то время в этих местах.

Я был рад вернуться в форт. Как весело пылал огонь в широком камине в моей спальне, как мягко было лежать на ложе из шкур бизона и одеял. Некоторое время я держался поближе к огню и ничего не делал, только спал, ел и курил. Казалось, что я никогда не отосплюсь.

Глава V

На охоте

В один прекрасный день в форт приехал Гнедой Конь со своей женой, с которыми я провел лето, и с ними вместе молодой Медвежья Голова — в прошлом Скунс — и его жена из племени гро-вантров, которую я помогал ему выкрасть. Собственно говоря, я только отправился с ним в этот поход в лагерь гро-вантров и горячо сочувствовал его предприятию. Ягода и его жена, как и я, были рады видеть их всех снова и отвели семье Гнедого Коня одну из комнат в форте на то время, пока Конь будет строить собственный бревенчатый дом. Он решил зимовать с нами, ставить капканы на бобров, травить волков и, может быть, немного торговать с индейцами. С помощью Медвежьей Головы он вскоре выстроил удобный двухкомнатный дом позади нашего строения, с двумя хорошими каминами, такими же, как наши. Я был рад каминам, так как рассчитывал проводить немалую толику времени перед ними в предстоящие длинные зимние вечера. Нет на земле ничего, что давало бы такое ощущение покоя и прочного мира, как веселый огонь в широком камине, когда наступят зимние холода и по прерии начнут проноситься идущие с севера снежные бури.

Среди прочих вещей я привез с собой на запад дробовое ружье и теперь с началом перелета на юг гусей и уток очень хорошо охотился. Каждый раз за мной шло

несколько индейцев посмотреть, как я бью пернатую дичь. Видеть, как птица падает от выстрела, доставляло им такое же удовольствие, какое я испытывал при попадании. Один раз я убил на лету одиннадцать диких уток-свистух, из пролетавшей стаи, и зрители пришли в дикий восторг. Но мне не удавалось уговорить их принять убитую птицу: они не ели ни птиц, ни рыбы, особенно нечистой считалась у них рыба. Им нравилась только ни-тап-и-вак-син — настоящая пища, под которой они подразумевали мясо бизонов и других жвачных.

В ноябре многие из племени собственно черноногих спустились с севера, где они проводили лето на берегах реки Саскачеван и ее притоков, а вслед за ними пришли кайна, или блады, тоже племя черноногих. Кайна разбили лагерь в одной миле вниз по течению от пиеганов, а пиеганы поставили свои палатки примерно на полмили выше нашего форта. Вокруг нас расположилось 9000—10 000 индейцев, считая женщин и детей, и торговцы были заняты все дни напролет. Шкуры бизонов еще не достигли высшего качества: шерсть отрастает до полной длины только около 1 ноября, но шла оживленная закупка шкур бобров, вапити, оленей и антилоп. Из бакалейных товаров индейцы покупали в общем только чай, сахар и кофе, которые обходились им в среднем по доллару за мерку в одну пинту. Одеяло с обратной тройной проборкой стоило двадцать долларов, или за него давали четыре полномерных (с головой и хвостом) шкуры бизона; ружье стоимостью в пятнадцать долларов продавалось за сто; виски — очень слабое — шло по пять долларов за кварту; даже пакетик красно-оранжевой краски стоил два доллара. Торговля была, несомненно, прибыльной. Собственно говоря, в ассортименте торговцев не было ни одного предмета, который не был бы для индейцев роскошью. Торговцы рассуждали примерно так: индейцам эти товары не нужны, но раз уж они хотят их получить, то пусть платят за них такую цену, какую я потребую. Я рискую в этом деле жизнью только ради большой прибыли.

Конечно, Ягода не рассчитывал один обслужить покупателей всех трех лагерей. В Форт-Бентон все время приезжали группы индейцев со шкурами бизонов и мехами; собственно, большая часть торговли шла через Форт-Бентон. Тем не менее и у маленького форта на реке Марайас дела шли отлично.

Зима в тот год наступила рано — в первой половине ноября. Озера и реки замерзли, несколько раз уже выпал снег; северо-восточные ветры сметали его в сугробы в лощинах и на подветренной стороне холмов. Вскоре бизоны начали держаться подальше от реки, где были большие лагеря. Немногочисленные животные, конечно, часто забредали и сюда, но большие стада оставались вдали, в прерии к северу и к югу от нас. Когда выпал снег, они во всяком случае перестали приходить на водопой, так как получали достаточно воды в виде снега, поедаемого вместе с травой. Как бы ни была сурова и продолжительна зима, бизоны оставались жирными, пока получали воду таким способом. Но когда с началом таяния снега всюду в прерии возникали маленькие озера воды, бизоны начинали пить ее и быстро худели. Так как бизоны уже не подходили близко к реке, индейцы были вынуждены, чтобы добыть необходимое мясо и шкуру, отправляться в двух-, трехдневные вылазки, разбивая лагерь на месте охоты. Несколько раз за зиму я отправлялся с ними в компании своих друзей Хорькового Хвоста и Говорит С Бизоном. На охоту брали с собой лишь несколько палаток, в которых устраивались жить по пятнадцати — двадцати человек. Группу охотников сопровождало небольшое число женщин — сколько требовалось, чтобы готовить пищу.

Как правило, охотники все вместе выходили каждое утро и, увидев большое стадо бизонов, приближались к нему как можно осторожнее, пока наконец встревоженные животные не бросались бежать. Тогда начиналась грандиозная погоня, и, если все шло хорошо, охотники убивали много жирных самок бизона. Почти у всех пиганов были какие-нибудь ружья: кремневые или пистонные, гладкоствольные или нарезные. Но во время погони многие индейцы, особенно если под ними были резвые, обученные лошади, предпочитали пользоваться луками и стрелами, так как можно выпустить две или три стрелы в разных бизонов за то время, что тратится на перезарядку ружья, хотя эти старые гладкоствольные ружья заряжались быстро. Охотник держал несколько пуль во рту. Разрядив ружье, он тотчас же высыпал порцию пороха из рога или фляги на ладонь, а потом в дуло. Затем, вынув пулю изо рта, он бросал ее поверх пороха, раза два резко ударяя по стволу, чтобы утрясти заряд, и насыпал порох на полку или вставлял пистон в зависимости от системы

ружья. При такой зарядке ружье нужно было держать дулом кверху, иначе пуля выкатывалась из него. При выстреле охотник нажимал на курок в то мгновение, когда ружье опускалось до уровня цели. Некоторые охотники — меткие стрелки — верхом на исключительно быстрых и выносливых лошадях часто убивали за одну погоню по двадцати и более бизонов. Однако среднее число убитых животных на одного человека, по-моему, не превышало трех. После такой охоты главный лагерь представлял собой подобие бойни. Выючные лошади шли цепочками, одна за другой, нагруженные мясом и шкурами, а некоторые охотники перебрасывали одну-две шкуры или большие пласты мяса через седла и садились сверху. Все было залито кровью: лошади, тропы, одежда и даже лица охотников.

Я бывал на нескольких охотах в такую холодную погоду, что шкура бизона, застывая, стояла коробом, как только отделялась от туши под ножом; но индейцы свеживали свою добычу голыми руками. На мне бывало надето очень теплое белье, рубашка из толстой фланели, замшевая рубашка, жилет и пиджак, короткая верхняя куртка из шкуры бизона и штаны из такого же материала, и все же временами я мерз, а на щеках и носу у меня были болячки от частого примораживания. Индейцы надевали на себя только две рубашки, два одеяла или ноговицы из кожи бизона, меховые шапки, перчатки из бизоньей шкуры и мокасины без носков. Но они никогда не мерзли и не дрожали от холода. Они приписывали свою невосприимчивость к холоду благоприятному влиянию ежедневного купания: они купались всегда, даже если для этого приходилось прорубать отверстие во льду. И они заставляли купаться своих детей-малышей начиная с трехлетнего возраста, вытаскивая сопротивляющихся из постели, чтобы отнести их под мышкой и окунуть в ледяную воду.

Во время таких кратковременных охот не бывало ни азартных игр, ни танцев. Отряд охотников всегда сопровождал какой-нибудь знахарь, и вечера проходили в молитвах Солнцу об успехе охоты и в пении песен, которые можно назвать охотничьими, особенно песни о волке — самом удачливом из охотников. Спать все ложились рано.

Возможно, читателю приходилось видеть на северо-восточной равнине круги из камней или небольших валунов; диаметр этих кругов составляет от двенадцати до

двадцати футов и даже более. Эти камни применялись как грузы, чтобы придавить нижний край шкур, покрывающих палатку, и этим предохранить ее от опрокидывания в сильный ветер. Когда лагерь снимался с места, камни просто скатывали с кожи. Часто такие круги находят на расстоянии многих миль от воды. У читателя может возникнуть вопрос: как люди на этих стоянках ухитрялись утолять свою жажду? Они растапливали снег. Лошади их ели снег вместе с травой; топливом служил навоз бизонов. Круг из камней — это признак давнишнего лагеря зимних охотников. Некоторые из лагерей такие древние, что верхушки камней едва виднеются в траве, так как постепенно в течение многих сезонов дождей под действием собственного веса камни погрузились в почву.

К концу ноября закупка шкур бизонов шла полным ходом; было убито много тысяч бизонов; и женщины все время занимались дублением шкур, требующим немалой затраты сил и времени. Я часто слышал и читал, что индейцы-мужья не жалеют своих жен, что индейки проводят жизнь в тяжелой неблагодарной работе. Эти утверждения весьма далеки от истины, если говорить о кочевниках северной прерии. Правда, женщины собирают топливо для очага палатки — вязанки сухих ивовых прутьев или сучьев упавших тополей. Они также готовят пищу и кроме дубления шкур бизона превращают еще шкуры оленей, вапити, антилоп, горных баранов в мягкую замшу для домашнего употребления. Но ни одна индейка не страдает от чрезмерной работы; если им хочется, они отдыхают; они знают, что и завтра будет день, и все, что нужно делать, они делают без спешки. Муж никогда не вмешивается в дела жены, так же как она не вмешивается в его обязанности, в добычу шкур, мехов и мяса — основы их жизни.

Большинство индейок — почти все — от природы трудолюбивы и гордятся своей работой. Им доставляло удовольствие наполнять одну за другой кожаные сумки отборным сушеным мясом и пеммиканом, выделывать мягкие шкуры бизонов и замшу для домашнего употребления или на продажу, вышивать удивительные узоры из бус или крашенных игл иглошерста* на верхах мокасин,

* Иглошерсты — род крупных грызунов семейства дикообразовых.

платьях, ноговицах и сбруе. Если шкуры шли в продажу, то женщины получали свою долю из выручки. Если муж решал купить себе спиртное, что ж, это его дело, но жена покупала себе одеяла, красную и синюю шерсть, оранжевую краску, бусы, пестрые ситцы, разные другие предметы обихода и украшения.

Ягода и часть его людей в течение зимы совершали несколько поездок в Форт-Бентон. В одну из них Ягода привез свою мать, которая жила там со своей подругой Женщиной Кроу. Старшая миссис Ягода была чистокровной индеанкой из племени манданов, но с очень светлой кожей и каштановыми волосами. Она была высокая, стройная, красивая женщина, очень гордая и важная, но с добрейшим сердцем. Ко мне она была очень добра, ходила за мной, когда я болел, и давала мне диковинные горькие лекарства; она заботливо убирала разбросанные мной вещи, стирала и чинила мою одежду, шила мне красивые мокасины и теплые перчатки. Она не могла бы смотреть за мной лучше, будь она моей родной матерью. Я знал, что никогда не смогу отплатить ей за все, что она для меня сделала. Когда я заболел горной лихорадкой и у меня вечерами начинался бред, она принялась ухаживать за мной и благополучно выходила меня. Ее подруга Женщина Кроу была также добра ко мне. У этой женщины была романтическая история. Как-то вечером мы сидели у огня, и она рассказала мне историю своей жизни.

Глава VI

История Женщины Кроу

Ис-сеп-аки — Женщина Кроу, как ее звали черноногие, была из племени арикара, которое во времена Кетлина, посетившего эти племена в 1832 году, жило на довольно значительном расстоянии от манданов, ниже их по течению, на берегах Миссури. Как и манданы, племя арикара жило в деревне, состоявшей из покрытых землей хижин, похожих на холмики, окруженной высоким крепким тыном из тополевых бревен, вбитых в землю стоймя. Арикара входят в разбросанное по обширной территории семейство пауни, или кэддо, но они давно оторвались от своих родичей. Они могут разговаривать с кроу, родственными жителями деревни гро-вантров. Язык арикара, как и язык племени манданов, чужеземцу изучить чрезвычайно трудно. Временами между племенами кроу и арикара устанавливались хорошие отношения, но бывали долгие периоды, когда они воевали друг с другом.

Женщина Кроу рано вышла замуж. Должно быть, девушкой она была красавицей, так как даже в старости, когда я знал ее, несмотря на морщины и седину, она все еще была хороша. У Женщины Кроу были очаровательные глаза, искрящиеся и насмешливые, а характер у нее был удивительно счастливый. После многих злоключений она наконец нашла у своей подруги миссис Ягоды тихое пристанище и достаток, которые были ей теперь обеспе-

чены до конца жизни. Вот что она рассказала мне, когда мы сидели перед камином в тот далекий зимний вечер.

«Мы были очень счастливы, мой молодой муж и я, так как по-настоящему любили друг друга. Он был хороший охотник, и всегда наша палатка бывала снабжена мясом и шкурами. Я тоже усердно трудилась, летом сажая и поливая росшие на небольшом клочке земли бобы, кукурузу и тыквы, а зимой выделявая множество шкур бизона и замшу для дома. Мы были женаты уже два года; наступило лето, и по какой-то причине все бизоны, за исключением нескольких старых быков, ушли от реки и оставались вдали от нас в прерии. Мужчины наши не любили охотиться в прерии, так как племя наше невелико; мужчины наши — храбрый народ, но что могут сделать несколько человек против большого отряда многочисленных врагов? Итак, некоторые довольствовались тем, что сидели в безопасности дома и ели жесткое мясо бродивших вблизи быков. Другие, похрабрее, составили отряд, чтобы отправиться туда, где находились большие стада. Мой муж и я отправились с этим отрядом. Муж не хотел, чтобы я ехала с ним, но я настояла на этом. С того дня, как мы поженились, мы не расставались ни на одну ночь. Я поклялась всюду следовать за ним. Весь день наш отряд ехал на юг по покрытой зеленой травой прерии. К вечеру мы увидели много групп бизонов. Их было так много, что равнина казалась темной. Мы спустились в небольшую долину и расположились лагерем у речки, окаймленной тополями и ивами.

Лошади наши были не очень сильны, так как их всегда на ночь загоняли в ограду деревни, а днем они паслись все на той же земле и скоро вытоптали и съели всю траву, поэтому они не могли окрепнуть. То тот, то другой враг всегда по ночам бродил крадучись вокруг деревни, и нельзя было пустить лошадей пастись снаружи и переходить на места, где корм хороший.

Из лагеря у речки мы каждое утро выходили на охоту. Женщины следовали за мужчинами, внимательно осматривавшими местность, чтобы затем преследовать ту группу бизонов, к которой легче всего можно было приблизиться. Затем после погони мы подъезжали к тому месту, где лежали эти большие животные, и помогали свежевать их и рубить мясо. Вернувшись в лагерь, мы бывали до вечера заняты, разрезая мясо на тонкие пласты и разве-

шивая его вальтирся на ветру и солнце. Так наш отряд выезжал на охоту три дня, и лагерь наш окрасился в красное. Издалека был виден его красный цвет, цвет вялившегося мяса. Мы были совершенно счастливы.

Я гордилась своим мужем. Он был всегда впереди: первым он настигал бизонов, последним прекращал погоню; он убивал их больше, чем любой из отряда, и всегда жирных, превосходных животных. И он был так щедр. Если кому-нибудь не удавалось убить бизонов, он подзывал его и дарил ему одного, а то и двух убитых им.

На четвертый день мы выехали вскоре после восхода солнца, и недалеко от лагеря мужчины устроили погоню и убили много бизонов. Мой муж застрелил девять штук. Мы работали вволю, свежая и разделывая мясо для укладки, чтобы везти его домой, как вдруг увидели, что те наши люди, которые находились на дальнем конце участка охоты, поспешно сели на лошадей и быстро поскакали к нам с криками: «Враги, враги!» Затем мы тоже увидели нападающих: много мужчин на лошадях, быстро скакавших на нас. Их длинные военные головные уборы развевались по ветру; они пели военную песню, она звучала грозно. Врагов было так много, а наших мужчин так мало... бесполезно было сопротивляться. Все сели на лошадей; наш предводитель крикнул:

— Скачите к лесу близ лагеря — это наш единственный шанс. Смелее, скачите, скачите быстрее!

Я нахлестывала свою лошадь изо всех сил и била ее пятками по бокам. Муж ехал рядом со мной и тоже хлестал ее, но несчастное животное не могло скакать быстрее, а враг все приближался. Внезапно муж мой вскрикнул от боли, взбросил кверху руки и свалился на землю. Увидев это, я остановила лошадь, слезла и, подбежав к нему, подняла и положила его голову к себе на колени. Он был при смерти, кровь струей бежала у него изо рта, но он с трудом сказал:

— Возьми мою лошадь. Скачи быстрее, ты можешь оставить их позади.

Но я не хотела. Если он умрет, я тоже хотела умереть. Пусть враг убьет меня тут же, рядом с ним. Я слышала топот копыт приближающихся лошадей и, накрыв голову плащом, склонилась над моим мертвым мужем. Я ждала, что меня застрелят или поразят палицей, и радовалась этому, так как хотела последовать за дорогой тенью. Но

нет, они пронеслись мимо, и я слышала выстрелы, крики и звуки военной песни, когда они поскакали дальше. Немного спустя я снова услышала лошадиный топот и, подняв голову, увидела высокого человека, мужчину уже в летах, смотревшего на меня сверху.

— Ага, — сказал он, — хороший выстрел. Он был далеко, но ружье мое не дрогнуло.

Это был индеец кроу, и я могла говорить с ним.

— Да, ты убил моего дорогого мужа. Теперь сжался надо мной, убей и меня.

Он засмеялся.

— Как, — сказал он, — убить такую хорошенькую молодую женщину! Нет. Я возьму тебя к себе домой, и ты станешь моей женой.

— Я не хочу быть твоей женой. Я убью себя, — начала было я, но он прервал меня.

— Ты поедешь со мной и сделаешь, как я скажу, — продолжал он, — но сначала я должен оскальпировать моего врага.

— Нет, — крикнула я, вскочив на ноги в тот момент, как он спешился. — Нет, не скальпируй его. Позволь мне похоронить его, и я сделаю все, что ты велишь. Я буду работать на тебя, буду твоей рабой, только дай мне похоронить это бедное тело, чтобы волки и птицы не тронули его.

Он снова засмеялся и сел в седло.

— Пусть будет, как ты говоришь, — сказал он. — Я поеду за лошадью для тебя, и ты тогда сможешь отвезти тело в лес около лагеря.

Так и сделали. Я закутала моего дорогого в шкуры бизона и привязала тело ремнями к площадке, которую устроила на дереве около речки. Я была в страшном горе. Прошло много-много времени, много зим, пока я оправилась и почувствовала, что стоит жить.

Человек, взявший меня в плен, был вождем; он владел большим табуном лошадей, отличной палаткой, множеством дорогих вещей. У него было пять жен. Эти женщины устали на меня, когда мы приехали в лагерь. Первая жена указала мне место у входа и сказала:

— Положи там свой плащ и вещи.

Она не улыбнулась, не улыбались и остальные его жены. У всех жен вождя был сердитый вид, и они никогда не относились ко мне дружелюбно! Мне поручалась

вся самая тяжелая работа, меня заставляли счищать мездру со свежих шкур, которые они затем дубили. В этом состояла моя каждодневная работа, если я не была занята сбором сучьев. Как-то вождь спросил меня, чью бизонью шкуру я очищаю от мездры, и я сказала ему. На другой день и в следующие дни он задавал мне тот же вопрос, и я говорила ему, какой из жен принадлежит шкура бизона, над которой я тружусь. Тогда он рассердился и стал ругать своих жен.

— Больше вы не будете поручать ей делать за вас работу, — сказал он, — сами счищайте мездру с ваших шкур, собирайте свою долю сучьев; запомните, что я сказал, я два раза повторять не буду.

Этот вождь из племени кроу был добрый человек и очень хорошо относился ко мне. Но я не могла любить его. Я холодела, когда он прикасался ко мне. Как я могла любить его, когда я не переставала скорбеть об ушедшем?

Мы совершили много походов. Племя кроу имело огромные табуны лошадей. После того как во вьюки или на волокуши, связанные из палаточных шестов, грузили все лагерное имущество, оставались еще свободными сотни сытых, сильных коней. Однажды зашел разговор о заключении мира с моим племенем; я была рада, так как очень хотела увидеться со своими. Созвали совет, на котором решили послать к вождю племени арикара двух молодых людей с табаком и предложением заключить мир. Посланные отправились, но не вернулись назад. Прождав их три луны (месяца), кроу решили, что посланных убили люди племени арикара. Затем мы ушли с реки Вапити (Йеллоустон) и перешли в верховья реки Вяленого Мяса (Масселшелл). Шло пятое лето моего пребывания в плену. Наступило время ягод, и кусты были усыпаны спелыми плодами, которые мы, женщины, собирали в большом количестве и сушили на зиму. Однажды мы отправились в заросли на северном склоне долины, довольно далеко от лагеря; там было больше ягод, чем в любом другом из найденных нами ягодных мест. Утром в нашей палатке разыгралась ссора: мой хозяин — я никогда не называла его своим мужем — потребовал за едой, чтобы ему показали, сколько ягод мы собрали. Жены принесли свои запасы: у первой жены было пять мешков ягод, у других — по два-три мешка. Я могла предъявить только один полный мешок и другой, лишь частично наполненный.

— Что это? — спросил вождь. — Моя маленькая жена арикара разленилась?

— Я не ленюсь, — ответила я сердито, — я собрала очень много ягод. Каждый вечер я раскладывала их сушить, а после захода солнца хорошенько прикрывала их, чтобы ночью роса не повредила им; но утром, когда я снова выставляла ягоды на солнце, их оказывалось много меньше, гораздо меньше, чем было. Это случалось каждую ночь с того дня, как мы стали здесь лагерем.

— Странно, — сказал он. — Кто мог их брать? Вы, женщины, что-нибудь знаете? — спросил он жен.

Они сказали, что ничего не знают.

— Лжете вы, — крикнул он, рассердившись, и, встав, оттолкнул первую жену с дороги. — Вот, маленькая, твои ягоды, я видел, как они воровали их. И он отобрал у первой жены два мешка, а у остальных по одному и бросил их мне.

Ох и разозлились же эти женщины! Все утро они со мной не разговаривали, но если бы взглядом можно было убить, то я бы умерла: все время они злобно косились на меня. Когда вождь пригнал лошадей, каждая выбрала и поймала свою, и все поехали на ягодный участок.

Все пять жен весь день держались вместе, оставляя меня одну. Если я приближалась к ним, они отходили к кустам подальше. Позже, после полудня, они начали подвигаться ко мне и вскоре все работали вблизи вокруг меня. По-прежнему они не заговаривали со мной, и я тоже молчала. Мой мешочек был уже снова полон. Я наклонилась, чтобы высыпать из него ягоды в большой мешок. Что-то со страшной силой ударило меня по голове. Больше я ничего не помню.

Когда я очнулась, солнце уже садилось. Я была одна, лошадь моя исчезла, не было и моего большого мешка с ягодами. Маленький мешочек валялся пустой около меня. У меня кружилась голова, я чувствовала слабость. Я ощупала свою голову: на ней вздулась большая опухоль, волосы склеила засохшая кровь. Я села, чтобы осмотреться, и услышала, что кто-то меня зовет; ко мне подъехал вождь и слез с лошади. Он ничего не говорил сперва, только тщательно ощупал мою голову и руки, затем сказал:

— Они уверяли меня, что не могли отыскать тебя, когда собрались возвращаться в лагерь, что ты убежала,

Я знал, что это неправда. Я знал, что найду тебя здесь, но думал, что найду тебя мертвой.

— Хотела бы я, чтобы так и было, — ответила я и тут только расплакалась. Какой одинокой я себя чувствовала! Вождь посадил меня к себе в седло, сел на лошадь позади меня, и мы поехали домой, в свою палатку. Когда мы вошли, жены мельком взглянули на меня и отвернулись. Я собиралась лечь на свое ложе у входа, но вождь сказал:

— Поди сюда, теперь твое место здесь, рядом со мной. А ты, — обратился он к своей первой жене и сильно толкнул ее, — ты займешь ее ложе у входа.

Вот и все. Он не обвинил своих жен в попытке убить меня, но с этого времени обращался с ними холодно, не шутил с ними и не смеялся, как бывало раньше. А когда он уезжал из лагеря на охоту или на поиски отбившейся от табуна лошади, я должна была сопровождать его. Он ни на один день не оставлял меня одну с остальными женами. Так и получилось, что мне было велено приготовиться к походу, когда он собрался с несколькими друзьями в набег на северные племена. Сборы мои заняли не много времени: я уложила в маленькую сумку шило, иглы и нити из сухожилий, приготовила пеммикан и была готова.

Наш отряд был невелик: пятнадцать мужчин и еще одна женщина, недавно вышедшая замуж за военного вождя. Отряд не собирался нападать на врага; мы должны были совершить набег на табуны первого встречного лагеря. Отряд шел пешком, передвигаясь ночью и отдыхая днем. Через много ночей отряд вышел к Большой реке (Миссури) выше порогов, как раз напротив того места, где река Скалистого Мыса (Сан) впадает в нее. Уже рассвело. Вверх по долине маленькой реки виднелись палатки большого лагеря и табуны лошадей, один за другим направляющиеся к холмам на пастбища. Около нас находилась лощина, поросшая ивой. Мы поспешили спрятаться среди деревьев, пока нас не заметил кто-нибудь из рано вставших жителей лагеря.

Мужчины долго совещались, обсуждая, что делать. Наконец они решили переправиться через реку, а затем, захватив несколько лучших лошадей, двинуться на восток по этому же берегу. Они думали, что наше движение на восток перед обратной переправой заставит неприятеля предположить, если он будет нас преследовать, что мы

кри или ассинибойны. Где-нибудь на сухом, густо поросшем травой месте отряд должен повернуть и направиться к дому. Неприятель там потеряет наш след и будет продолжать идти в том же направлении, в каком шли мы, и отряд сможет возвратиться домой верхом, не торопясь, не боясь, что его нагонят.

Вскоре после того, как стемнело, мы переправились через реку, дойдя берегом против течения до места, где лежало несколько больших бревен, оставшихся после половодья. Мужчины скатили бревна в воду, связали их вместе, положили на плот оружие и одежду и посадили нас, двух женщин. Затем, держась одной рукой и гребя другой и сильно работая ногами, они скоро благополучно перегнали плот на ту сторону. Выйдя на берег, они тотчас же развязали ремни, оттолкнули бревна в реку и тщательно замыли наши следы на илистом берегу. Мы высадились у самого устья реки Скалистого Мыса, ниже его по течению, на краю зарослей дикой вишни. Нам, двум женщинам, приказали оставаться здесь до возвращения мужчин. Они намеревались войти в лагерь поодиночке, отрезать от привязи сколько удастся лошадей и собраться как можно скорее здесь, в зарослях. Мужчины немедленно отправились, а мы, две женщины, сели ждать их возвращения. Мы немного поговорили и уснули, так как обе были утомлены долгим походом, в течение которого ни разу не спали вдоволь. Немного спустя меня разбудил вой волков, бродивших неподалеку. Я посмотрела на Семерых (Большая Медведица) и увидела по их положению, что было уже за полночь. Я разбудила свою спутницу, и мы снова немного поговорили, удивляясь, почему никто из мужчин еще не вернулся; может быть, в неприятельском лагере допоздна танцевали, или играли в кости, или пировали и мужчины наши ждали, пока все успокоится, прежде чем войти? Потом мы опять уснули.

Когда мы проснулись, светило солнце; мы вскочили и огляделись. Никто из нашего отряда еще не вернулся. Это нас испугало. Подойдя к опушке зарослей и выглянув из них вверх по долине, мы снова увидели табуны лошадей и тут и там разъезжающих по холмам всадников. Я была уверена, что наших мужчин обнаружили и убили или так загнали, преследуя, что они не смогли к нам вернуться. Так думала и моя спутница. Мы считали, что, как только наступит ночь, кто-нибудь из них придет

за нами. Нам ничего не оставалось, как сидеть на месте. День тянулся долго-долго. У нас не было еды, но не это волновало; моя спутница страшно беспокоилась.

— Может быть, моего мужа убили, — повторяла она все время, — что мне делать, если он убит?

— Я тебя понимаю, — говорила я, — у меня тоже был когда-то любимый муж, и я потеряла его.

— Разве ты не любишь своего мужа, вождя кроу? — спросила она.

— Он мне не муж, — ответила я, — я его раба.

Мы пошли к реке, умылись и вернулись на опушку, где можно было выглядывать из зарослей, и там сели. Моя спутница начала плакать.

— Если они не вернутся сюда, — говорила она, — если их убили, что мы будем делать?

Я уже об этом думала и сказала ей, что далеко к востоку отсюда, на берегах Большой реки, живет мое племя и что я пойду вдоль реки, пока не найду своих. Ягод было много. Я могла ловить кожаной петлей живущих в кустарнике кроликов. У меня были кремь и огниво, чтобы разводить огонь, и я не сомневалась, что смогу совершить это далекое путешествие, если ничего не случится. Но мне не пришлось сделать этой попытки. После полудня мы увидели двух всадников, ехавших по берегу реки Скалистого Мыса. Время от времени они останавливались, слезали с лошадей и осматривали берег: они ловили капканами бобров. Мы заползли обратно в середину заросли, перепуганные, едва осмеливаясь дышать. В заросли, изрезанной широкими тропами, протоптанными бизонами, негде было по-настоящему спрятаться. Что если трапперы зайдут в нее? Так и вышло: они наткнулись на нас. Один схватил меня, другой — мою спутницу. Они заставили нас сесть на лошадей и привезли в свои палатки. Все жители лагеря столпились вокруг, чтобы поглядеть на нас. Для меня это уже было не ново, и я просто смотрела на них, но моя подруга накрыла голову плащом и громко плакала.

Мы попали к племени блад из черноногих. Я не понимала их языка, но могла говорить руками * (язык жестов).

* Племена прерий говорили на множестве различных языков. Чтобы иметь возможность общаться между собой, они создали и широко применяли так называемый язык жестов, в котором каждое движение руки имело вполне определенное значение.

Человек, взявший меня в плен, начал задавать мне вопросы. Тогда он рассказал мне, что люди его племени захватили врасплох военный отряд, пытавшийся ночью пробраться в лагерь, убили четверых и гнали остальных до оврагов у реки, где те сумели ускользнуть в глубокие темные лощины.

— Был ли один из убитых, — спросила я, — высокий человек, носивший ожерелье из когтей медведя-гризли?

Он сделал знак, означающий «да».

Значит, мой вождь кроу мертв. Не могу передать тебе, что я почувствовала. Он был добр ко мне, очень добр. Но он или те, кто с ним, убили моего молодого мужа. Этого я не могла забыть. Я подумала о пяти его женах. Они не пожалеют о нем, весь огромный табун лошадей принадлежит теперь им. Они будут рады, если я тоже не вернусь обратно.

Ты видал Глухого, индейца из племени блад, который сегодня приходил поговорить со мной. Я прожила в его палатке много лет. Он и его жена были очень добры ко мне. Прошло некоторое время, и я уже могла думать о своем племени без слез; я решила, что уже никогда больше не увижу своих. Меня больше не называли рабой и не заставляли работать за других. Глухой говорил, что я его самая молодая жена, и мы шутили о том, как он взял меня в плен. Я стала его женой и жила счастливо.

Так шли зимы, и мы старели. Однажды летом, когда мы пришли за покупками в Форт-Бентон, я встретила здесь свою подругу, которая приехала на огненной лодке (пароходе) к своему сыну. Это был счастливый день, так как мы играли с ней вместе, когда были детьми. Она тотчас же отправилась к Глухому и стала просить его отпустить меня жить с ней; он согласился. И вот я здесь, на старости лет живу счастливо, в довольстве. Глухой часто приходит поговорить с нами, выкурить здесь трубку. Мы были рады его приходу сегодня, и, уходя домой, он унес с собой много табаку и новое одеяло для своей старухи жены.

Ну вот, сын мой, я рассказала тебе длинную историю, и уже давно наступила ночь. Ложись спать, тебе ведь рано вставать завтра на охоту. Женщина Кроу разбудит тебя. Да, так меня прозвали черноногие. Я раньше ненавидела это имя, но потом привыкла к нему. Со временем мы ко всему привыкаем».

Глава VII

Белый бизон

Однажды вечером во второй половине января во всех трех больших лагерях царило большое возбуждение. Несколько охотников-пиеганов, только что вернувшихся из длившейся несколько дней охоты на бизонов в прерии к северу от реки, видели там белого бизона. Новость эта быстро распространилась по лагерям; отовсюду на торговый пункт шли индейцы за порохом, пулями, кремнями, пистонами, табаком и разными другими товарами. На завтра намечался выход охотничьих отрядов из всех трех селений, и люди спорили, какому племени достанется шкура белого животного. Каждый, конечно, держал пари за свое племя. Почти все племена прерий считали бизона-альбиноса священным, собственностью Солнца. Когда убивали белого бизона, то шкуру его всегда великолепно выделывали. При ближайшем празднестве в священной палатке с большой церемонией шкуру приносили в дар Солнцу, вешая ее выше всех других приношений на центральном столбе постройки. Здесь шкура оставалась висеть, постепенно сморщиваясь и разваливаясь на куски. Военные отряды других племен, проходя через покинутую стоянку, не прикасались к белой шкуре, опасаясь навлечь на себя гнев Солнца. Считалось, что человек, убивший белое животное, удостоен особой благосклонности Солнца, и не только он, но и все племя, к которому он принадле-

жит. Выделанная белая шкура никогда не продавалась. Никто, добывший белую шкуру, не мог хранить ее дольше, чем до ближайшего празднества в священной палатке, большой ежегодной религиозной церемонии. Однако знахарю разрешалось брать обрезки, полученные при подравнивании краев шкуры, и использовать их для заворачивания магических трубок или в виде головной повязки, которая, впрочем, надевалась лишь в торжественных случаях.

Конечно, я начал расспрашивать о бизонах-альбиносах. Мой друг Ягода сказал, что за всю свою жизнь он видел только четырех. Один очень старый пиеган сказал мне, что видел их семь; последнюю, очень большую шкуру белой коровы его племя купило у манданов за сто двадцать лошадей и принесло в дар Солнцу. Далее я узнал от Ягоды, что эти альбиносы не белоснежные, как белый дрозд или белая ворона, а кремового цвета. Конечно, я хотел, если удастся, увидеть животное, о котором столько говорили, увидеть его живым, несущимся по прерии со своими темными товарищами. На следующее утро я присоединился к одному из охотничьих отрядов в компании, как обычно, со своими друзьями Говорит С Бизоном и Хорьковым Хвостом. План охоты обсуждался в палатке Хорькового Хвоста, и, так как предполагалось, что эта охота потребует много времени, мы решили взять свою палатку со всем имуществом.

— Впрочем, — сказал Хорьковый Хвост, — хотя мы не будем пускать других, но наших жен возьмем с собой, если вы думаете, что они не затеют ссоры из-за того, как правильное кипятить воду или куда ставить пустой чайник.

Жена Хорькового Хвоста швырнула в него мокасином, мадам Говорит С Бизоном надула губы и воскликнула: «кье». Все рассмеялись.

Выехали не очень рано. Дни были короткие, и, проехав около двадцати миль, наш отряд разбил лагерь в неглубокой широкой ложине. Лагерь состоял из пятнадцати палаток, и все они, кроме нашей, были битком набиты охотниками. По вечерам у нас бывало много посетителей, заходивших покурить, поговорить и поужинать, но, когда мы, ложась спать, расстилали бизоньи шкуры и одеяла, в палатке оказывалось просторно. На следующее утро выехали рано и остановились у окаймленной ивами

речки; она начиналась у западного холма цепи Суитграсс-Хиллс и терялась дальше на высохшей прерии. Место для лагеря выбрали идеальное, превосходно укрытое; оно изобиловало топливом и водой. Большое стадо, в котором охотники заметили бизона-альбиноса, встретилось им милях в пятнадцати к юго-востоку от нашего лагеря и при преследовании убежало на запад. Наш отряд считал, что выбрал самое лучшее место, какое только можно найти, для обследования местности в поисках стада. Видевшие белого бизона рассказывали, что это довольно крупное животное и очень быстроногое; белый бизон сразу выбежал к голове стада и оставался настолько далеко от их самых резвых лошадей, что так и не удалось установить, бык ли это или корова. Наш лагерь был самым западным из лагерей охотников. Другие отряды пиеганы, черноногие и бледы расположились лагерем к востоку от нас, вдоль холмов и к юго-востоку, в прерии. Отряды договорились, что не будут устраивать погони, а постараются как можно меньше пугать бизонов, пока не найдут альбиноса или пока не настанет время вернуться назад, к реке. Тогда, конечно, состоятся одна-две большие погони, чтобы нагрузить выючных животных мясом и шкурами.

Погода была неблагоприятная. Не говоря уже о резком холоде, воздух был полон блестящей изморози, образовавшей густую дымку, сквозь которую тускло просвечивало солнце. Предметы в прерии в полумиле от нас или даже ближе нельзя было различить. Мы были почти у подножия западного холма, но и он, и его сосновый лес исчезли в сверкающем морозном тумане. Несмотря на это, отряд каждый день отправлялся на поиски к югу, западу или на север то с одной, то с другой стороны холма в сторону Малой реки (Милк). Мы видели много бизонов, тысячи голов, группами от двадцати — тридцати и до четырехсот — пятисот, но не могли найти белого. Другие отряды часто заглядывали в наш лагерь перекусить или покурить; мы встречали их и в прерии, но они сообщали нам такие же сведения: много бизонов, но альбиноса нет. Повторяю, стояли резкие холода. Антилопы держались в лощинах, бродили, сгорбившись, опустив головы; проезжая у подножия южного склона холма, мы видели оленей и вапити и даже горных баранов в такой же позе. Только бизоны, волки и койоты были, можно сказать, довольны; бизоны, как обычно, паслись кругом, а звери бегали по

прерии, пожирали добычу, которую они валили, перегрызая ей поджилки, и выли и лаяли все долгие ночи напролет.

Не помню, сколько дней держалась такая холодная погода, пока мы тщательно охотились за бизоном-альбиносом. Перемена наступила однажды часов в десять утра, в то время, как наш отряд медленно огибал верхом западную сторону холма. Внезапно мы почувствовали на лице перемежающееся теплое дуновение воздуха; морозный туман мгновенно исчез, и стали видны Скалистые горы, частью закутанные в плотные темные тучи.

— Ага, — воскликнул один из владельцев магических трубок, — недаром я молился вчера вечером о горном ветре! Вот, смотрите, он дует; велика моя сила, дарованная Солнцем.

В то время как он говорил это, с силой налетел теплый чинук (теплый юго-западный ветер); он дул порывами, с ревом и шквалами. Тонкий покров снега на траве исчез. Казалось, наступило лето.

Мы находились на высоте нескольких сот футов над равниной, на нижнем склоне холма; по всем направлениям, насколько хватал глаз, видны были бизоны, бизоны, бизоны. Грандиозное зрелище! Природа проявила благосклонность к индейцам, создав для их пропитания такие громадные стада. Если бы не белые с их виски, побрякушками и жаждой земли, то стада эти существовали бы и сегодня. И с ними краснокожие, живущие простой, счастливой жизнью.

Пытаться найти среди всех этих темных животных единственное белое казалось почти так же бесполезно, как искать пресловутую иголку в стоге сена. Все спешили; я наводил свою длинную подзорную трубу на стадо за стадом, разглядывая их, пока, не застилало глаза, и тогда передавал ее кому-нибудь рядом. Почти все охотники отряда брали подзорную трубу, но результат оставался тот же: белого бизона мы не находили. Приятно было сидеть на теплом ветру, опять под ярким солнцем. Мы набили трубки и, покуривая, разговаривали, конечно о животном, за которым гоняемся. Каждый имел свое мнение о том, где оно сейчас находится: назывались различные места от реки Миссури до реки Саскачеван, от Скалистых гор до гор Бэр-По. В то время как мы беседовали, среди бизонов к юго-востоку от нас произошло какое-то движение. Я на-

вел трубу на это место и увидел несколько индейцев, гнавших стадо голов в сто или больше прямо на запад. Индейцы скакали далеко позади стада, больше чем на милю от него, и бизоны быстро увеличивали этот разрыв, но всадники продолжали погоню настойчиво, упрямо, растянувшись в длинную неровную цепочку. Я передал трубу Хорьковому Хвосту и сказал, что вижу. Все вско-
чили на ноги.

— Должно быть, — сказал мой друг, — они нашли белого, иначе они прекратили бы погоню. Они далеко позади стада, и лошади их устали. Они бегут вялым галопом. Да, они преследуют белого бизона. Я вижу его! Я вижу его!

В одно мгновение мы оказались в седле и поскакали наперерез стаду. Ехали рысью, иногда на короткое время переходя в галоп, так как нужно было беречь лошадей для окончательной погони. Менее чем через полчаса отряд наш подъехал к низкому, длинному, похожему на могильную насыпь возвышению, близ которого, как нам казалось, должно было пройти стадо.

Мы, конечно, понимали, что бизоны могут почуять нас и свернуть в сторону задолго до того, как приблизятся к нам настолько, что можно будет броситься на них, но приходилось рисковать. Прошло некоторое время, показавшееся мне очень долгим; и наш предводитель, выглядывавший из-за верхнего края возвышения, велел готовиться; все сели на лошадей. Затем он крикнул, чтобы мы следовали за ним, и отряд ринулся через возвышенность. Стадо, бывшее еще более чем в 500 ярдах от нас, почуяло нас и повернуло к югу. Мы работали плетками изо всех сил; сыромятные ремни на коротких рукоятках впивались в бока лошадей, доводя их до безумия. Сперва мы начали быстро догонять стадо, затем некоторое время скакали примерно с его скоростью и наконец стали отставать. Но погоня продолжалась, потому что все видели желанную добычу — альбиноса, бежавшего в голове стада. Я был уверен, что никому из нас не удастся нагнать его, но, так как все остальные продолжали скакать, тоже гнал свою лошадь, бессовестно нахлестывая ее, хотя она на-
прягала все свои силы.

Затасканная, но верная поговорка: всегда случается неожиданное. Из ложицы прямо впереди несущегося стада вылетел одинокий всадник и врезался в самую гущу бизонов, заставив животных рассыпаться во все

стороны. За время, меньшее, чем занимает рассказ, он поравнялся с альбиносом; видно было, как он наклонился и всадил несколько стрел одну за другой между ребер животного; бизон остановился, зашатался и упал на бок. Когда мы подъехали, всадник стоял над бизоном с поднятыми руками и горячо молился, обещая Солнцу шкуру и язык животного. Это была корова-трехлетка желтоватобелая; но с глазами нормального цвета. Я считал раньше, что у всех альбиносов глаза розовые. Счастливый охотник был пиеган, по имени Волшебный Хорек. Он был в таком возбуждении, так дрожал, что не мог работать ножом. Несколько человек из нашего отряда сняли за него шкуру с бизона и вырезали язык, а он стоял над ними все время и умолял быть осторожными, не порезать шкуру, так как они работают для Солнца. Мясо белого бизона не брали. Его считается кощунством. Проявленный язык предназначался в жертву Солнцу вместе со шкурой. Пока свеживали животное, подъехал отряд, который гнал стадо, когда мы его заметили. Это были северные черноногие, видимо не очень довольные тем, что добычу захватили пиеганы. Скоро они уехали в свой лагерь, а мы в свой, сопровождаемые Волшебным Хорьком. Он выехал утром из своего лагеря на восток, чтобы поймать несколько отбившихся лошадей, и завершил свой день так неожиданно для себя. Так кончилась эта охота.

До полного исчезновения бизонов я видел еще одного белого, но не чистого альбиноса. Ягода и я купили эту шкуру, уже выделанную; за отсутствием более подходящего термина мы называли ее пятнистой. Странно, что животное это убили в 1881 году, когда остатки больших стад еще паслись в области между реками Йеллостон и Миссури, где спустя два года бизонов практически совершенно уничтожили. Это тоже была корова, крупная, пятилетнего возраста. Шерсть на голове, брюхе и хвосте была белоснежная, и на каждом боку находилось по белому пятну примерно в восемь дюймов в диаметре. Когда шкуру сняли, разрезав ее, как обычно, то кругом нее получилась чисто белая полоса шириной в восемь — десять дюймов, резко контрастировавшая с прекрасной глянцевитой, темно-коричневой серединой шкуры. Это животное убил молодой индеец из северных черноногих между речкой Биг-Крукед-крик и речкой Флат-Уиллоу; обе они впадают в Масселшелл в нижнем ее течении. В то время

мы владели большим торговым пунктом на Миссури, милях в двухстах ниже Форт-Бентона, и филиалом на речке Флат-Уиллоу. Ягода на пути в этот филиал встретил отряд черноногих, только что закончивший погоню, и увидел убитого пятнистого бизона, с которого еще не снимали шкуру. В тот день Ягода не поехал дальше, а отправился с молодым охотником в палатку его отца, где старик приветливо принял Ягоду. Весь день до глубокой ночи он упрашивал старика продать шкуру. Но это противоречило всей практике и традиции, так как такая шкура принадлежит Солнцу. Продать ее было бы кощунством. Молодой охотник выпутался из этого положения, подарив ее отцу. Наконец перед тем, как лечь спать, старик выколотил пепел из последней трубки, вздохнул и с усталым видом сказал Ягоде:

— Ладно, сын мой, будь по-твоему; моя жена выделяет шкуру, и когда-нибудь я тебе эту шкуру подарю.

Это была прекрасно выделанная шкура, и на чистой белой стороне кожи старик изобразил историю своей жизни: врагов, которых он убил, лошадей, которых он захватил, битвы, в которых он сражался с племенем гризли, животных и звезды — своих покровителей. В этой же долине на Миссури кроме нас жили и другие торговцы. Однажды старик приехал со своей старухой женой и показал им всем эту изумительную шкуру. Конечно, все хотели получить ее.

— Я еще не решил окончательно продать ее, — говорил хитрый старик каждому. — Позже... там посмотрим, посмотрим.

Тогда все торговцы стали состязаться в стремлении угодить старику. До конца зимы они снабжали его виски, табаком, чаем, сахаром и разными другими вещами в таком количестве, какое он только мог потребить. Два или три раза в неделю он и его старуха приходили к нам, нагруженные бутылками виски, усаживались перед камином в нашей комнате и выпивали в свое удовольствие. Я любил смотреть на них и слушать их разговоры. Они казались такими счастливыми, так любили друг друга, так охотно предавались воспоминаниям о славных днях, когда были молоды и сильны. Так продолжалось несколько месяцев. Наконец как-то весной, когда случайно наши соперники сидели и болтали в нашей лавке, старая пара вошла и бросила шкуру на прилавок.

— Вот, — сказал старик Ягоде, — вот, сын мой. Я исполняю свое обещание. Но убери ее сейчас же с моих глаз, не то я могу соблазниться и взять ее обратно.

Как мы радовались огорчению наших соперников! Каждый из них думал, что именно он получит эту оригинальную шкуру. Но они все были новички, никто из них не знал по-настоящему индейцев.

В эту зиму мы закупили 4000 бизоньих шкур, больше, чем все остальные, вместе взятые! В конце концов мы продали и эту шкуру. Слава о ней распространилась вверх и вниз по реке. Один канадский джентльмен из Монреаля, совершавший путешествие по нашему краю, услышал о ней. Когда пароход, на котором он ехал, пристал у нашего пункта, этот джентльмен зашел к ним и купил ее, прежде чем мы успели опомниться. Мы не хотели ее продавать и назвали цену, которую считали совершенно недопустимой. К нашему изумлению, он выложил две крупные бумажки, перекинул шкуру через плечо и поспешил назад, на пароход. Ягода и я посмотрели друг на друга и сказали кое-что, чего нельзя повторить.

Глава VIII

Зима на реке Марайас

В Северной Монтане есть городок, жизнь в котором в то время в иные дни текла так же гладко и однообразно, как в деревне на нашем изнеженном Востоке. Но бывало и такое время, что, войдя в город, вы бы увидели всеобщий разгул. Это походило на эпидемию: если кто-нибудь принимался накачиваться, то все быстро включались в это занятие: доктора, адвокаты, купцы, скотоводы, овцеводы — все решительно. Хорошо помню последнее подобное событие, свидетелем которого я был. Около двух часов дня они добрались до шампанского, на самом деле это был шипучий сидр или что-то в этом роде по пяти долларов бутылка; и с полсотни людей переходили из салуна в лавку, из лавки — в гостиницу, по очереди угощая всю компанию — по шестидесяти долларов за раз. Я упоминаю об этом, так как собираюсь рассказать о пьянстве в Монтане в старое время.

В течение многих дней в индейском лагере царили тишина и порядок, и вдруг все мужчины затевали пьяную гулянку. Право, я считаю, что в такие периоды индейцы хотя и были свободны от всякого сдерживающего начала и не знали, что значит слово «закон», но вели себя лучше, чем ведет себя в таком состоянии подобная же компания наших рабочих. Правда, пьяные они часто ссорились, а

ссора разрешалась только кровью. Но пусть тысяча белых напьются вместе — разве не последуют ужасные сцены?

Пьянство имело одну очень неприятную сторону. Однажды вечером, когда индейцев вокруг торгового пункта жило мало, Ягода, один торговец, по фамилии Т., и я сидели, беседуя, у камина в лавке. В начале вечера в ней было много народу и двое еще оставались в помещении, отсыпаясь в углу против нас после выпивки. Вдруг Ягода крикнул: «Берегись, Т.!» — и в то же мгновение резко толкнул его на меня с такой силой, что мы оба полетели на пол. Толкнул он нас как раз вовремя, все же стрела оцарапала кожу на правом боку Т. Один из пьяных индейцев проснулся, хладнокровно вложил стрелу в лук и собирался уже выпустить ее в Т., когда Ягода заметил это. Раньше чем индеец успел вытащить из колчана другую стрелу, мы накинулись на него и выбросили за дверь. Почему он выпустил стрелу в Т., из-за воображаемой обиды или потому, что ему что-то приснилось, мы так и не узнали.

Однажды, охотясь на берегах Миссури, я убил бизона с «бобровой» шкурой — так ее называют торговцы за чрезвычайно тонкую, густую и шелковисто-глянцевитую шерсть. «Бобровые» шкуры — редкость, и я снял ее целиком с рогами и копытами. Мне хотелось, чтобы эту шкуру выделали особенно хорошо, так как собирался подарить ее своему приятелю в восточных штатах.

Женщина Кроу, милая старуха, заявила, что сама выполнит эту работу, и тут же натянула шкуру на раму. На следующее утро замерзшая шкура стала твердой, как доска, и Женщина Кроу, стоя на ней, сдирала с нее мездру, когда к палатке подошел полупьяный индеец кри. Я случайно был поблизости и, увидев, что он собирается стащить Женщину Кроу со шкуры, подбежал и изо всех сил ударил его кулаком прямо в лоб. Я не раз слышал, что сбить индейца с ног почти невозможно, и считаю, что это верно. Индеец кри поднял сломанный шест остова палатки, длинную и тяжелую жердь, и пошел на меня. Я был безоружен, пришлось повернуться и обратиться в позорное бегство. Но бежал я не так быстро, как преследователь. Трудно сказать, чем бы все кончилось, вероятно, он убил бы меня, если бы Ягода не увидел, что происходит, и не поспешил на помощь. Кри как раз собирался нанести мне удар по голове, когда Ягода выстрелил, и

индеец упал с пробитым пулей плечом. Несколько человек из племени кри забрали его и унесли домой. Затем к нам явился вождь племени кри со своим советом, и у нас состоялось бурное разбирательство дела. Кончилось тем, что мы заплатили за нанесенный ущерб. Мы всегда старались по возможности жить с индейцами без трений.

Несколько сезонов мы вели торговлю с индейцами кри и северными черноногими на Миссури, так как эти племена последовали за последними стадами бизонов с реки Саскачеван на юг, в Монтану. Я очень дружил с одним молодым черноногим, но однажды он пришел совсем пьяный, и я отказался дать ему спиртное. Он очень рассердился и ушел с угрозами. Я совершенно забыл об этом происшествии, как вдруг несколько часов спустя вбежала его жена и сказала, что Взял Ружье Под Водой (Итсуйинмакан) идет сюда, чтобы убить меня. Женщина была страшно напугана и умоляла меня пощадить ее и не убивать ее мужа, которого она горячо любит; он сам, когда протрезвится, будет страшно стыдиться попытки причинить мне вред. Я подошел к двери и увидел приближающегося бывшего друга. На нем не было никакой одежды, кроме мокасин. Лицо, туловище, руки и ноги его были фантастически раскрашены зелеными, желтыми и красными полосами. Он потрясал винчестером калибра 0,44 и призывал Солнце в свидетели моего убийства, уничтожения его худшего врага. Разумеется, я также мало хотел убить этого индейца, как его жена видеть мужа убитым. Пораженная ужасом, она убежала и спряталась в куче бизоньих шкур, а я стал за открытой дверью с винчестером. Индеец с длинным именем приближался, распевая, выкрикивая военную песню и повторяя много раз: «Где этот негодный белый? Покажите мне его, чтобы я мог всадить в него пулю, только одну пулю!»

Он вошел большими шагами, держа ружье с курком на взводе, высматривая меня впереди, и в тот момент, когда он проходил мимо, я хлопнул его по голове стволом своего ружья. Он свалился без чувств на пол; ружье его выстрелило, и предназначавшаяся мне пуля пробила ящик консервированных томатов, стоявший на полке. При звуке выстрела женщина выбежала из своего укрытия, думая, что я, конечно, убил его. Как она радовалась, убедившись в своей ошибке. Вдвоем мы крепко связали его и доставили домой в палатку.

Часто приходится читать, что индеец никогда не прощает нанесенного ему удара и вообще никакой обиды, как бы он сам ни был виноват. Все это неправда. На следующее утро Взял Ружье Под Водой прислал мне отличную бизонью шкуру. В сумерки он пришел просить у меня прощения. И после того мы стали большими друзьями. Всегда, когда у меня находилось время для короткой охоты в оврагах позади лагеря или в прерии, я брал его с собой, и никогда у меня не было более верного и внимательного спутника.

Не могу сказать, чтобы у всех торговцев были такие же хорошие отношения с индейцами, как у Ягоды и у меня. Встречались среди торговцев нехорошие люди, которым правилось причинять боль, видеть кровь. Я знаю случаи, когда такие люди убивали индейцев просто ради забавы, но никогда в честном открытом бою. Люди эти были отчаянные трусы и совершенно беспринципные. Они продавали «виски», состоявшее из табачного настоя, кайенского перца и прочей гадости. Правда, Ягода и я тоже продавали слабые напитки, но их малая крепость объяснялась только добавлением чистой воды. Я не оправдываю торговлю виски. Спаивание индейцев — зло, чистое зло, и никто лучше нас не понимал этого, когда мы разливали зелье. Виски причиняло неисчислимые страдания, вызывало много смертей, страшно деморализовывало племена прерии. Во всем этом деле была лишь одна смягчающая зло черта: в то время наша торговля виски не лишала индейцев необходимых средств существования, они всегда могли добыть еще мяса, еще меха, стоило только убить дичь. По сравнению с различными правительственными чиновниками и группами политиканов, грабившими индейцев и вынуждавшими их умирать от голода в резервациях после исчезновения бизонов, мы были просто святыми.

В общем зима, проведенная на реке Марайас, прошла приятно. Дни летели незаметно, занятые охотой с индейцами, беседами по вечерам у очага в палатке или у камина в нашем доме или в доме Гнедого Коня. Иногда я ходил с Гнедым Конем осматривать его приманки. Интересное зрелище представляли собой громадные волки, околеченые трупы которых валялись вокруг, даже прямо на приманках.

Чтобы изготовить хорошую приманку, разрезали спину убитого бизона и вливали в мускулы, кровь и внутренности три флакона стрихнина — три восьмых унции. Видимо, одного глотка этой смертельной смеси было достаточно, чтобы убить волка; редко жертва успевала отойти больше чем на 200 ярдов, как ее настигала смерть. Конечно, отравлялось и множество койотов и прерийных лисиц, но они не шли в счет. На большие волчьи шкуры с густым мехом был хороший спрос на Востоке; они шли на полости для саней и карет и продавались уже в Форт-Бентоне по цене от трех до пяти долларов за штуку. Однажды мне пришла в голову фантазия взять домой несколько закоченевших на морозе волков и расставить их вокруг дома Гнедого Коня. Странное и любопытное это было зрелище — волки, стоявшие кругом с поднятыми головами и хвостами, как будто они охраняли дом. Но задул чинук, волки скоро повалились, и с них сняли шкуры.

Так проходили дни, и наступила весна. Река очистилась ото льда; разом прошла масса с треском сталкивающихся больших льдин. Склоны долин потемнели от зазеленевшей травы. В каждом болотце трубили гуси и крикали утки. Мы все, индейцы и белые, ничего не хотели делать, только лежали на земле, греясь на солнце, курили и мечтали, спокойные и довольные.

Глава IX

Я ставлю свою палатку

— Почему ты не возьмешь себе жену? — спросил меня вдруг Хорьковый Хвост как-то вечером, когда Говорит С Бизоном и я сидели и курили с ним у него в палатке.

— Да, — поддержал его мой второй друг, — почему? Ты имеешь на это право, так как на твоём счету есть победа, даже две. Ты убил индейца кри и захватил у кри лошадь в сражении близ Хэри-Кэп.

— Лошадь я захватил, — отвечал я, — и очень хорошую. Но ты ошибаешься насчет индейца кри. Ты ведь помнишь, что он скрылся, убежал в сосны на Хэри-Кэп.

— Да я не о нем говорю, — сказал Говорит С Бизоном. — Мы все знаем, что он ускользнул; я говорю об одном из тех, кто упал вначале, когда мы все стали в них стрелять: высокий такой, в шапке из барсучьей шкуры, вот его ты убил. Я видел пулевую рану на его теле. Ни одна пуля из наших ружей не могла оставить такое маленькое отверстие.

Это было для меня ново. Я хорошо помнил, что несколько раз стрелял именно в этого воина, но никогда не думал, что моя пуля его настигла. Я не знал, радоваться ли мне или огорчаться по этому поводу, но наконец решил, что лучше радоваться, так как он убил бы меня, если бы только смог. Я обдумывал этот вопрос, вспоминая

мельчайшие события того памятного дня, но хозяин палатки нарушил мою задумчивость:

— Я спрашиваю, почему ты не возьмешь себе жену? Ответь.

— Да за меня никто не пойдет, — ответил я. — Разве этого недостаточно?

— Къяй-йю! — воскликнула мадам Хорьковый Хвост, прикрыв рот ладонью — так черноногие выражают удивление или изумление. — Къяй-йю! Что за довод! Я хорошо знаю, что нет девушки в лагере, которая не хотела бы стать его женой. Да не будь этого лентяя, — при этом она ласково стиснула руку Хорькового Хвоста, — если бы он куда-нибудь уехал и больше не вернулся, я добилась бы своего — уговорила тебя взять меня. Я бы ходила за тобой следом, пока ты не согласился.

— Макаканисци! — воскликнул я. Это легкомысленное разговорное словцо выражает сомнение в правдивости собеседника.

— Сам ты макаканисци, — возразила она. — Как ты думаешь, почему тебя приглашают на все эти ассинибойнские танцы, где девушки разодеты в свои лучшие платья и стараются накрыть себя своими плащами? Почему, потвоему, они надевают все самое лучшее и ходят на торговый пункт со своими матерями или родственницами по всякому поводу? Не знаешь? Так я тебе скажу: каждая ходит в надежде, что ты обратишь на нее внимание и пошлешь к ее родителям своего друга сделать от твоего имени предложение.

— Это правда, — сказал Хорьковый Хвост.

— Да, правда, — подтвердили Говорит С Бизоном и его жена.

Я рассмеялся, пожалуй немного деланно, и переменял тему разговора, начав расспрашивать, куда направляется военный отряд, выход которого намечался на завтра. Тем не менее я много думал об этом разговоре. Всю долгую зиму я чувствовал некоторую зависть к моим добрым друзьям Ягоде и Гнедому Коню, которые были, по-видимому, так счастливы со своими женами. Ни одного сердитого слова, всегда добрая дружба и явная любовь друг к другу. Видя все это, я не раз говорил самому себе: «Нехорошо мужчине быть одному». Кажется, это цитата из Библии или, нет, из Шекспира. Во всяком случае это правда. У черноногих есть почти такое же изречение:

«Мат-á-кви тэм-эн-и-ни-по-ке-ми-о-син» («Нет счастья без женщины»).

После этого вечера я стал внимательнее присматриваться к разным девушкам, которых встречал в лагере или на торговом пункте, и говорил себе: «Интересно, какая бы из нее вышла жена? Аккуратна ли она, хороший ли у нее нрав, добродетельна ли она?» Но я все время помнил, что не имею права взять себе жену из этих девушек. Я не собирался оставаться долго на Западе. Моя семья никогда не простила бы мне брак с одной из них. Родные мои принадлежали к старому гордому пуританскому роду; я представлял себе, как они в ужасе всплеснут руками при одном намеке на такой брак.

Читатель заметил, что до сих пор я в своем рассказе часто заменял слово «жена» словом «женщина». Белый житель прерии всегда говорил о своей половине: «Моя женщина». Так говорили и черноногие: «Нет-о-ке-ман» — «Моя женщина». Никто из белых жителей прерии не вступал в законный брак, разве что считать законным браком индейский способ брать себе жену, давая за нее выкуп из стольких-то лошадей или товарами. Во-первых, во всей стране не было никого, кто мог бы совершить венчание, если не считать случайных бродячих священников-иезуитов. А потом белым жителям прерии, почти всем без исключения, было наплевать на отношение закона к этому делу. Закона не было. Они не были также верующими, веления церкви ничего для них не значили. Они брали себе индеанок; если женщина оказывалась хорошей и верной, то, значит, все в порядке; если нет — они расставались. При этом ни на секунду не задумывались о возможных осложнениях и возлагаемых на себя обязанностях. Их символ веры был прост: «Ешь, пей и веселись — сегодня мы живы, а завтра помрем».

«Нет, — говорил я себе много раз, — нет, так не годится. Охоться, ходи на войну, делай что угодно, но не бери себе жены и осенью возвращайся к своим». Такую линию поведения я себе наметил и хотел ее держаться. Но...

Как-то утром Женщина Кроу и я сидели под тенью навеса, устроенного ею из двух волокуш и нескольких бизоньих шкур. Как обычно, она была занята вышиванием мокасин разноцветными иглами иглошерста, а я основательной чисткой своего ружья перед охотой на антилоп.

Мимо нас прошли две женщины, направляясь в лавку с тремя или четырьмя бизоньими шкурами, одна из них — девушка лет шестнадцати или семнадцати — не то чтобы красивая, но славненькая, довольно высокая и хорошо сложенная. У нее были красивые большие, ласковые и выразительные глаза, превосходные белые ровные зубы и густые волосы, заплетенные в косы, спускавшиеся почти до земли. В ней было что-то очень привлекательное.

— Кто это? — спросил я у Женщины Кроу. — Кто эта девушка?

— Ты не знаешь ее? Она часто здесь бывает — это двоюродная сестра жены Ягоды.

Я отправился на охоту, но она оказалась не очень интересной. Все время мне вспоминалась эта двоюродная сестра. Вечером я поговорил о ней с Ягодой. Он сказал, что отец ее умер, мать ее была знахаркой и славилась непреклонной честностью и добротой.

— Хочу взять к себе эту девушку, — сказал я, — что ты об этом думаешь?

— Посмотрим, — ответил Ягода, — я поговорю со своей старухой.

Прошло несколько дней, и никто из нас не упоминал об этом деле. Потом как-то днем миссис Ягода сказала мне, что я могу взять к себе эту девушку, если только обещаю всегда хорошо с ней обращаться и быть с ней ласковым. Я охотно согласился.

— Отлично, — сказала миссис Ягода, — пойди в лавку и выбери шаль, материал на платье — белый муслин; стой, не надо, я сама выберу все, что нужно, и сошью ей несколько платьев, как у белых женщин, вроде моих.

— Подожди! — воскликнул я. — Что я должен уплатить? Сколько лошадей или что там требуется?

— Мать ее говорит, что никакого выкупа не нужно, что ты только должен сдержатъ свое обещание хорошо обращаться с ее дочерью.

Ничего не требовать в виде выкупа за дочь было совсем не в обычае. Как правило, родителям посылали много лошадей, иногда полсотни и даже больше. Иногда отец требовал столько-то лошадей; если количество не указывалось, то жених давал, сколько мог. Нередко также бывало, что отец девушки предлагал какому-нибудь многообещающему юноше, хорошему охотнику и смелому участнику набегов, стать его зятем. В таком случае

лошадей давал отец девушки, а иногда давал в приданое даже палатку и домашнюю обстановку.

Итак, мне отдали девушку. Мы оба чувствовали себя неловко, когда однажды вечером — мы ужинали — она пришла к нам со спущенной на лицо шалью. Гнедой Конь и его жена были у нас; вместе с Ягодой и его мадам они стали изводить нас своими шутками, пока мать Ягоды не положила этому конец. Мы долгое время испытывали смущение друг перед другом, особенно она. «Да» и «нет» — вот почти все, чего я мог от нее добиться. Но комната моя претерпела чудесное превращение. Все было в полном порядке и совершенно чисто, одежда моя была хорошо выстирана, а мои «талисманы» каждый день аккуратно вынимались и развешивались на треножнике. Я купил себе перед этим военный головной убор, щит и разные другие предметы, считаемые у черноногих священными, и никому не говорил, что не верю в их святость. Я требовал, чтобы с этими вещами обращались с должной торжественностью и полагающимися церемониями.

Дни проходили, а молодая женщина все более становилась для меня тайной. Мне хотелось знать, что она думает обо мне и размышляет ли о том, что я могу о ней думать. Я не мог ни в чем ее упрекнуть: она всегда была аккуратна, всегда усердно занималась нашими мелкими домашними делами, заботливо следила за моими нуждами. Но мне всего этого было мало. Я хотел узнать ее, ее мысли, ее взгляды. Мне хотелось, чтобы она разговаривала со мной и смеялась и рассказывала разные истории, как она это часто делала в доме у мадам Ягоды, — я сам это слышал. Но вместо этого, когда я входил, смех застревал у нее на губах, она как будто вся застывала, уходила в себя. Перемена наступила, когда я меньше всего этого ожидал. Однажды днем в лагере пиеганов я узнал, что составляется военный отряд для набега на кроу. Говорит С Бизоном и Хорьковый Хвост отправлялись в этот поход и звали меня с собой. Я охотно согласился и вернулся на пункт, чтобы приготовиться к походу.

— Нэтáки, — сказал я, вбегая в комнату, — дай мне с собой все мои мокасины, несколько пар чистых носков и пеммикану. Где мой коричневый холщовый мешочек? Куда ты положила мой ружейный чехол? Где?..

— Куда ты собираешься?

Это был первый вопрос с ее стороны, заданный мне.

— Куда? Я отправляюсь в военный поход. Мои друзья отправляются в поход и позвали меня с собой...

Я замолчал, потому что она внезапно встала и повернулась ко мне; глаза ее блестели.

— Ты отправляешься в военный поход! — воскликнула она. — Ты, белый, отправляешься с шайкой индейцев красться ночью по прерии, чтобы воровать лошадей и, может быть, убивать каких-то несчастных, живущих в прериях. И тебе не стыдно?

— Ну вот, — сказал я довольно неуверенно, — а я думал, что ты будешь рада. Разве индейцы-кроу тебе не враги? Я обещал и должен отправиться.

— Это хорошее занятие для индейцев, — продолжала она, — но не для белого. Ты богат, у тебя есть все, что тебе нужно; за бумажки, за желтую твердую породу (золото), которую ты носишь с собой, ты можешь купить все, что тебе потребуется. Тебе должно быть стыдно красться по прерии, как койот. Никто из твоих никогда этого не делал.

— Я должен ехать, — повторял я. — Я обещал.

Тогда Нэтаки начала плакать; она подошла ко мне и схватила за рукав.

— Не уезжай, — просила она, — если ты поедешь, тебя убьют, я знаю, а я так люблю тебя.

Ни разу в жизни я не был так удивлен, я просто оторопел. Значит, все эти недели молчания объяснялись просто свойственной ей робостью, покровом, скрывавшим ее чувства. Я был доволен и горд, узнав, что она любит меня, но под этой мыслью скрывалась другая: нехорошо я поступил, взяв к себе эту девушку, добившись, что она полюбила меня, когда скоро должен буду вернуть ее матери и уехать на родину.

Я охотно обещал не уезжать с военным отрядом; тут Нэтаки, добившись своего, внезапно почувствовала, что вела себя слишком смело, и попыталась снова принять сдержанный вид. Но мне не хотелось такого оборота дела. Я схватил ее руку, усадил рядом с собой и стал доказывать ей, что она не права, что смеяться, шутить, быть друзьями и товарищами лучше, чем проводить дни в молчании, подавляя естественное чувство.

С этого времени всегда светило солнце,

Не знаю, правильно ли я поступил, занеся все это на бумагу, но думаю, если бы Нэтаки знала, что здесь написано, она сказала бы с улыбкой: «Да, расскажи все. Расскажи все, как было». Потому что, как вы увидите, все это кончилось хорошо, все, кроме самого последнего, настоящего конца.

Те, кто читали книгу «Рассказы из палаток черноногих», знают, что черноногий не смеет встречаться со своей тещей. Мне кажется, что найдется немало белых, которые радовались бы такому обычаю в цивилизованном обществе. У черноногих мужчина никогда не должен заходить в палатку своей тещи, а она не должна входить к нему, когда он дома. И теще и зятю приходится всячески изхитряться, терпеть всякие неудобства, чтобы избежать встречи в какой-нибудь момент, в каком-нибудь месте. Этот странный обычай ведет часто к смешным положениям. Однажды я видел, как высокий важный вождь упал на спину за прилавком, заметив, что в дверях показалась его теща. Я видел, как человек бросился на землю у тропинки и накрылся плащом; а один раз мне пришлось увидеть, как мужчина спрыгнул с обрыва в глубокую воду одетый, в плаще, когда неожиданно неподалеку показалась его теща. Однако, когда дело касалось белого, обычай этот несколько видоизменялся. Зная, что зять не обращает на это внимания, теща появлялась в комнате или палатке, где он находился, но не разговаривала с ним. Мне правилась моя теща, и я был рад, когда она заходила. Спустя некоторое время мне даже удалось добиться, чтобы она со мной разговаривала. Моя теща была хорошая женщина, с очень твердым характером, очень прямая, и дочь свою она воспитала в таком же духе. Обе друг в друге души не чаяли. Нэтаки никогда не надоедало рассказывать мне, как много ее добрая мать для нее сделала, какие советы ей давала, сколько жертв принесла ради своего ребенка.

Глава X

Я убиваю медведя

В конце апреля мы покинули торговый пункт. Ягода намеревался возобновить перевозку грузов на золотые прииски, как только начнут прибывать пароходы, и перевез семью в Форт-Бентон. Туда же отправился и Гнедой Конь со своим обозом. Блады и черноногие ушли на север, чтобы провести лето на реках Белли и Саскачеван. Большая часть черноногих перекочевала на реку Милк и в район Суитграсс-Хиллс. Клан Короткие Плащи, с которым я был связан, двинулся к подножию Скалистых гор, и я отправился с ним. Я купил палатку и полдюжины вьючных и упряжных лошадей для перевозки нашего имущества. У нас была переносная духовка, две сковороды, маленькие чайники и немного оловянной и жестяной посуды, которой Нэтаки очень гордилась. Наш провиантский запас состоял из мешка муки, сахара, соли, бобов, кофе, бекона и сушеных яблок. У меня было много табаку и патронов. Мы были богаты: весь мир лежал перед нами. Когда настало время выступать, я попытался помочь уложить наше имущество, но Нэтаки сразу остановила меня.

— И тебе не стыдно? — сказала она. — Это моя работа. Отправляйся вперед и поезжай с вождями. А всем этим займусь я.

Я сделал, как мне было велено. С этого времени я ехал впереди со старейшинами племени или охотился в пути; а вечерами, когда я приезжал в лагерь, наша палатка уже бывала поставлена, рядом лежала куча сучьев, внутри горел яркий огонь, на котором готовился ужин. Все это делали моя жена и ее мать. Когда все уже было в порядке, теща уходила в палатку своего брата, у которого она жила.

У нас бывало много гостей, и меня постоянно приглашали на угощение и покурить то к одному, то к другому приятелю. Нашего запаса провизии хватило ненадолго, и мы скоро оказались вынужденными питаться одним мясом. Все были довольны этим, кроме меня: временами мне так хотелось яблочного пирога или хотя бы картошки. Часто мне снилось, что я счастливый обладатель конфет.

Покинув форт, мы двинулись берегом вверх по реке Марайас, затем вдоль ее самого северного притока, реки Кат-Банк, пока не дошли до сосен у подножия Скалистых гор. Здесь водилось множество диких животных. Бизонов и антилоп в этих местах встречалось немного, но вапити, оленей, горных баранов и лосей было даже больше, чем я видел к югу от Миссури. Что касается медведей, то вся эта местность страдала от них. Ни одна женщина не отваживалась без сопровождения ходить за дровами или жердями для палаток и волокуш. Многие охотники никогда не трогали гризли: медведя считали магическим или священным животным, многие верили, что на самом деле он — человеческое существо. Обыкновенное обозначение медведя — кьяйо, но знахари, владельцы магических трубок, обязаны были, говоря о нем, называть его Пáксиквойи — Липкая Пасть.

Кроме того, одни только знахари могли брать шкуру медведя, и то лишь полоску для головной повязки или завертывания трубки. Однако всякому разрешалось брать когти медведя на ожерелье и другие украшения. Некоторые индейцы, наиболее склонные к рискованным предпрятиям, носили трехрядное или четырехрядное ожерелье из когтей убитых ими медведей; этими ожерельями очень гордились.

Однажды утром вместе с Мощной Грудью я отправился на водораздел между реками Кат-Банк и Милк. Он сказал мне, что мы сможем легко проехать через сосны

на водоразделе к подножию безлесной горы, где всегда бывают горные бараны. Нам нужно было мясо, а в это время года горные бараны бывают даже в лучшем состоянии, чем самцы антилопы в прерии. Мы нашли широкие тропы, протоптанные дикими животными в лесу, и скоро приблизились к опушке со стороны гор. Спешившись и привязав лошадей, мы стали осторожно продвигаться; через минуту сквозь переплетающиеся ветви сосен нам стала видна довольно большая группа горных баранов — самцов, идущих по ракушечнику у подножия скалы.

Я предоставил Мощной Грудь первый выстрел, и он начисто промахнулся. Прежде чем он успел перезарядить ружье, я сумел уложить двух баранов из своего генри. Оба были очень крупные, на боках с тонким слоем сала. Добыв таким образом нужное количество мяса, мы навьючили лошадей и двинулись по направлению к дому. Выезжая из сосен, мы увидели в четырехстах или пятистах ярдах от нас крупного гризли, старательно разрывающего дерн на голом склоне холма в поисках гофера* или муравейника.

— Убьем его! — воскликнул я.

— Окийи (идем), — сказал Мощная Грудь, но с таким выражением, которое значило: ладно, но это ты предложил, не я.

Лошади наши шли вдоль опушки леса вниз, к подошве холма; мой спутник молился об успехе, обещая Солнцу жертву. У подножия холма мы повернули в глубокую лощину и ехали по ней вверх, пока не оказались, по нашему мнению, совсем близко от того места, где видели медведя. Здесь лощина кончилась; и верно, зверь находился всего ярдах в пятидесяти от нас. Он заметил нас так же быстро, как мы его, присел на задние лапы и зашевелил носом, нюхая воздух. Мы выстрелили оба — и с ревом, от которого волосы становились дыбом, медведь покатился, кусая и царапая когтями свой бок, там, где в него вошла пуля. Затем, вскочив на ноги, он ринулся на нас с открытой пастью. Мы оба погнали своих лошадей к северу, так как повернуть назад вниз по склону холма было бы неразумно. Я раза два выстрелил в зверя как только мог быстрее, но безрезультатно. Тем временем

* Гофер — мешетчатая крыса, североамериканский грызун.

медведь одолел разделяющее нас пространство поразительно длинными прыжками и уже почти настиг лошадь моего спутника. Я выстрелил еще раз и опять промахнулся. В этот момент Мощная Грудь вместе со своим седлом и мясом барана отделился от бегущей лошади: подпруга, старый потертый сыромятный ремень, лопнула.

Хай-йа, друг! — крикнул он умоляюще, взлетая на воздух еще верхом на седле.

С громким звуком седло и Мощная Грудь плепнулись в двух шагах от набегающего медведя. Изумленный зверь с испуганным ревом круто повернул назад и побежал к лесу. Я кинулся за ним, стреляя раз за разом. Наконец удачным выстрелом мне удалось перебить ему позвоночник. Тут уже было нетрудно прикончить его, спокойно прицелившись, всадить пулю у основания мозга. Когда все кончилось, я вдруг вспомнил, как смешон был Мощная Грудь, когда летел на седле, и как он с выпученными глазами звал меня на помощь. Я начал хохотать, и казалось, не смогу остановиться. Мой спутник подошел и стоял очень серьезный, поглядывая на меня и на медведя.

— Не смейся, друг, — сказал он. — Не смейся. Лучше молись доброму Солнцу, принеси ему жертву, чтобы когда-нибудь, когда тебе придется туго под натиском врага или зверя вроде лежащего тут, ты так же счастливо избежал его, как я. Поистине Солнце услышало мою молитву. Я обещал принести ему жертву: я собирался повесить в его палатке отличное белое одеяло, которое купил недавно. Но я сделаю больше: я повешу и одеяло, и свою шапку из выдры.

У медведя был отличный мех, и я решил снять шкуру и дать ее выделать. Мощная Грудь сел на мою лошадь, чтобы поймать свою, скрывшуюся из виду в долине, а я принялся за работу. Работа оказалась нелегкой, так как медведь был очень жирен, а мне хотелось снять шкуру как можно чище. Задолго до того, как я кончил работу, мой друг вернулся со своей лошадью, слез с седла поодаль, уселся, набил трубку и раскурил ее.

— Помоги мне, — попросил я, когда он кончил курить. — Я устал.

— Не могу, — ответил он, — это против велений моих духов; мне во сне было запрещено прикасаться к медведям,

Мы вернулись в лагерь рано; услышав, что я подъехал к палатке, Нэтаки выбежала из нее.

— Кьяйо! — воскликнула она, увидев медвежью шкуру. — Кьяйо! — воскликнула она еще раз и убежала назад в палатку.

Мне это показалось довольно странным, так как, когда я возвращался с охоты, она всегда обязательно снимала с лошади вьюк, расседливала ее и отводила к палатке юноши, ходившего за моим маленьким табуном. Прodelав все это сам, я вошел в палатку, там стояли приготовленные для меня блюдо с вареным мясом и миска супу. За едой я рассказывал про охоту, но, когда я описывал, как Мощная Грудь летел по воздуху и какой у него был вид, когда он звал меня, Нэтаки не смеялась вместе со мной. И это мне тоже показалось странным, так как она легко подмечала комическую сторону во всем.

— Это отличная шкура, — сказал я в заключение, — шерсть на ней длинная, густая и темная. Я хотел бы, чтобы ты выделала ее для меня.

— Ах, — воскликнула она, — я знала, что ты будешь просить об этом, как только я ее увидела. Пожалей меня, я не могу этого сделать. Я не могу к ней притронуться. Только редкие женщины и даже редкие мужчины могут благодаря силе своих духов иметь дело с медвежьей шкурой. Если это пытаются сделать остальные, то их постигает большое несчастье — болезнь, даже смерть. Никто из женщин здесь не осмелится выделать эту шкуру. Есть женщина из клана Кут-ай-им-икс (клан Не Смейся), которая могла бы это сделать для тебя, еще одна такая есть в клане Бизоний Навоз, их несколько таких, но все они далеко.

Я не стал больше говорить на эту тему и, выйдя спустя немного из палатки, растянул шкуру на земле и приколот ее колышками. Нэтаки беспокоилась, несколько раз выходила взглянуть, что я делаю, затем поспешно возвращалась в палатку. Я продолжал работать; на шкуре оставалась еще уйма сала. Как я ни старался, я не мог снять все. К вечеру я был весь в сале и устал от этой работы.

Я проснулся вскоре после рассвета. Нэтаки уже встала; ее не было в палатке. Я слышал, как она молилась около палатки и говорила Солнцу, что собирается взять медвежью шкуру, снять мездру и выдубить кожу. Нэтаки мо-

лила своего бога быть к ней милостивым; она ведь не хотела выделывать эту нечистую шкуру и даже боится притронуться к ней, но муж хочет, чтобы ее превратили в мягкую выделанную шкуру.

— О Солнце, — закончила она, — помоги мне, защити меня от злых сил тени (духа или души) этого медведя. Я принесу тебе жертву. Дай мне и дальше здоровья, дай нам всем: моему мужу, моей матери, моим родным, мне, дай нам всем долгую жизнь, счастье, пусть мы доживем до старости.

Сперва я думал окликнуть ее и сказать, что не нужно дубить эту шкуру, что в конце концов мне не так уж нужна выделанная медвежья шкура. Но потом я решил, что будет хорошо, если Нэтаки выполнит эту работу. Если она и не убедится в том, что зловредного влияния дух медведя не оказывает, то по крайней мере приобретет уверенность в себе и в силе своих духов. Поэтому я некоторое время пролежал не двигаясь, прислушиваясь к частому жвик-жвик скребка, которым она срезала мясо и сало со шкуры.

Спустя немного она вошла и, увидев, что я не сплю, развела огонь, чтобы готовить завтрак. Как только огонь разгорелся, она вымылась, переменив раз десять воду; затем, положив сухой травы глицерии на несколько раскаленных углей, она склонилась над душистым дымом, потирая в нем руки.

— Что это ты делаешь? — спросил я. — Почему так рано жжешь глицерию?

— Для очищения, — ответила она, — я снимаю мездру с медвежьей шкуры и буду дубить ее для тебя.

— Вот это мило с твоей стороны, — сказал я ей, — когда мы поедем в Форт-Бентон, я подарю тебе самую красивую шаль, какую только удастся найти. Нужно ли тебе будет принести жертву? Скажи мне, и я достану, что нужно.

Моя маленькая жена была довольна. Она радостно улыбнулась, потом стала очень серьезной. Сев рядом со мной, Нэтаки наклонилась ко мне и прошептала:

— Я помолилась. Я обещала принести жертву от твоего и своего имени. Мы должны дать что-нибудь хорошее. У тебя два коротких ружья (револьверы). Можешь ты отдать одно? А я, я дам свое синее шерстяное платье,

Синее шерстяное платье! Ее самая любимая вещь, платье, которое она редко надевает, но часто вынимает из сыромятного кожаного чехла, разглаживает, складывает, разворачивает, рассматривает, любуясь им, а затем снова прячет. Разумеется, если она может расстаться с этим платьем, то я могу решиться на утрату одного из своих шестизарядных револьверов. У одного из них — это были старые кольты, заряжаемые пистонами и пулей, — была привычка выпускать все заряды разом. Вот этот я и пожертвую. Итак, после завтрака мы вышли и недалеко от лагеря повесили свои приношения на дереве. Пока Нэтаки молилась, я влез на дерево и крепко привязал наши вещи к толстому суку. Весь день женщины из лагеря приходили глядеть на дубильщицу медвежьей шкуры; некоторые женщины уговаривали ее немедленно бросить работу; все пророчили ей, что с ней приключится какое-нибудь несчастье. Но она не обращала на них внимания, и через четыре или пять дней у меня был большой мягкий ковер из медвежьей шкуры, которым я немедленно накрыл наше ложе. Но по-видимому, нельзя было оставлять ее там, если я хотел, чтобы ко мне ходили гости, так как никто из моих друзей не желал входить в палатку, пока в ней находится шкура. Мне пришлось спрятать медвежью шкуру под сырыми бизоньими шкурами позади нашей палатки.

Наш клан Короткие Плащи пробыл на реке Кат-Банк приблизительно до первого июня. Мухи начинали надоедать нам, и пришлось перекочевать в прерию, где их было гораздо меньше. Переправившись через гребень водораздела, мы спустились по течению реки Милк на несколько дней пути и наконец временно расположились лагерем как раз у северной стороны восточного холма из цепи Суитграсс-Хиллс, где находились остальные пиеганы. Из одного лагеря в другой все время ходило множество гостей.

От посетителей мы узнали, что в клане Не Смейся вскоре после ухода с реки Марайас разыгрался большой скандал. Желтая птица — молодая хорошенькая жена старого Он Оглядывается — сбежала с юношей, по имени Две Звезды. Думали, что они отправились на север к бладам или черноногим, и муж отправился в погоню за ними. Об этом происшествии было много толков, делались всякие

предположения о том, чем все кончится. Скоро мы узнали развязку.

Однажды вечером Нэтаки сообщила мне, что виновная пара прибыла с севера и находится в палатке их молодого друга. Они избежали встречи с мужем, когда он прибыл в лагерь бладов, и вернулись обратно на юг. Муж, вероятно, продолжает свой путь в лагерь черноногих в поисках беглецов, а они тем временем собираются посетить племя гро-вантров. Они надеются, что через некоторое время муж прекратит погоню и тогда, уплатив ему основательное отступное, они получают возможность мирно жить вместе.

Уже на следующее утро, вскоре после восхода солнца, наш лагерь был разбужен пронзительными, исполненными ужаса женскими воплями. Все выскочили из постелей и повибегали из палаток. Мужчины хватали оружие, думая, что на нас, может быть, напали враги. Но нет, это кричала Желтая Птица: муж отыскал ее и схватил, когда она пошла к реке по воду. Он держал ее за руку и тащил в палатку нашего вождя. Женщина упиралась, кричала и вырывалась от него. В палатках готовили завтрак, но в лагере в это утро было очень тихо. Не слышно было ни пения, ни смеха, ни разговоров, даже дети вели себя тихо. Я что-то сказал по этому поводу жене.

— Тише, — ответила она, — как мне ее жалко. Я думаю, что случится что-нибудь ужасное.

Вскоре мы услышали, как лагерный глашатай громко объявляет, что в палатке Большого Озера — нашего вождя — состоится совет, и перечисляет имена тех, кто должен присутствовать: владельцы магических трубок, зрелые охотники и воины, мудрые старики. По одному они стали собираться в палатке вождя. В лагере установилась глубокая тишина.

Мы уже позавтракали, и я успел выкурить две трубки, когда снова раздался голос глашатая. «Всем женщинам, всем женщинам, — кричал он. — Вы должны немедленно собраться в палатке нашего вождя, где будет подвергнута публичной казни женщина, виновная в неверности. Вы должны быть свидетельницами того, что постигает женщину, опозорившую своего мужа, своих родных и самое себя».

Я понимаю, что очень немногие женщины хотели идти, но следом за глашатаем шла группа Бешеных Собак из Общества Друзей — своего рода лагерная полиция; она переходила из палатки в палатку и заставляла женщин выходить. Когда один из полицейских поднял входной полог, Нэтаки метнулась ко мне и судорожно вцепилась в меня.

— Идем, — сказал полицейский, заглядывая в палатку, — идем. Поторопись. Разве ты не слышала приглашения?

— Она больше не пиеганка, — сказал я спокойно, хотя был сильно рассержен. — Она теперь белая женщина и не пойдет.

Я думал, что полицейский может начать спорить, но ничего не последовало. Он опустил входной полог и ушел, не говоря ни слова.

Мы напряженно ждали, что будет дальше.

— Что они собираются делать? — спросил я. — Убьют ее или?..

Нэтаки содрогнулась и не ответила; она еще крепче прижалась ко мне. Внезапно мы снова услышали пронзительные вопли. Затем опять наступила тишина, пока не заговорил мужской голос — наш вождь.

— Кьи! — сказал он. — Все вы, стоящие здесь, были свидетелями того, какая кара постигает ту, которая окажется неверной своему мужу. Измена — великое преступление. Давным-давно наши отцы держали совет, как должно наказывать женщину, принесшую горе и стыд в палатку мужа и родителей. И как они решили поступать, так и было поступлено сегодня с этой женщиной, чтобы всем видевшим эту казнь она послужила предостережением. Женщина эта отмечена знаком, который она будет носить всю жизнь. Куда бы она ни пошла, люди, взглянув на нее, засмеются и скажут: ага, женщина с отрезанным носом! Вот идет женщина дурного поведения, хороша, нечего сказать!

Затем один за другим несколько мужчин произнесли краткие речи одного и того же содержания, и, когда они кончили, вождь велел всем разойтись. Женщина, подвергшаяся казни, пошла на реку умыть свое окровавленное лицо: ей отрезали нос. Нос был отрезан от переносицы до губы одним кривым разрезом. Это было ужасное зрелище — живой череп.

А юноша? Он поспешил в свой лагерь, к себе в палатку, как только эту женщину поймали. Ему ничего не сказали, ничего ему не сделали. В этом и цивилизованные и нецивилизованные народы одинаковы. Страдает всегда женщина, мужчине ничего не делается.

— Понимаешь, — говорила мне Нэтаки, — женщину не в чем винить. Она всегда любила Две Звезды, но он очень беден, и ее дурной отец заставил дочь пойти за нехорошего старого Он Оглядывается; у него уже есть пять жен, с которыми он обращается подло и жестоко. Ах, как мне ее жалко!

Глава XI

История кутене

Мы только что позавтракали. Нэтаки расчесала и заново заплела косы, перевязав их голубой лентой, нарядилась в свое лучшее платье, надела самые красивые из своих мокасин.

— В чем дело? — спросил я. — По какому поводу весь этот парад?

— Сегодня Одинокий Вапити вынесет свою священную трубку и пройдет с ней по всему лагерю. Мы пойдем позади него. А ты не пойдешь?

Конечно, я хотел идти и тоже надел нарядную одежду: замшевые штаны с бахромой и вышитыми ярким бисером лампасами, замшевую рубашку с бахромой и бисерной вышивкой, роскошно разукрашенные мокасины. Должно быть, в этом наряде у меня был живописный вид; мои волосы были так длинные, что спадали мне волнами на плечи. Индейцы терпеть не могут коротко остриженные волосы. Не раз я слышал, как, рассказывая о старом времени, о разных агентах и других видных представителях Американской пушной компании, индейцы говорили: «Да, такой-то был вождь — у него были длинные волосы. Сейчас уже нет белых вождей: все, с кем мы теперь встречаемся, коротко острижены».

Мы опоздали. Внутри палатки знахаря и вокруг нее была такая толпа, что мы не могли протиснуться к ней

поближе, но шкуры покрытия были кругом завернуты кверху, и мы могли видеть, что делается внутри. Очистив руки дымом горячей глицерии, Одинокый Вапити снимал повязки с трубки, точнее, с ее чубука. При снятии каждого покрова он и сидевшие в палатке пели соответствующую песню. Они спели песни антилопы, волка, медведя, бизона — последняя пелась очень медленно, низким голосом, торжественно.

Наконец длинный чубук, укутанный в меха, роскошно украшенный пучками орлиных перьев, был освобожден от покровов. Благоговейно взяв трубку, Одинокый Вапити поднял ее к солнцу, опустил к земле, направил ее на север, юг, восток и запад, произнося молитву о даровании нам всем здоровья, счастья и долголетия. Затем, встав с места и держа чубук перед собой в вытянутых руках, он в медленном спокойном танце двинулся из палатки наружу. Мужчины один за другим, в том числе и я, последовали за ним. Пошли за ним также и женщины и дети, и образовалась длинная процессия, похожая на змею, извивавшуюся среди палаток лагеря. Несколько сот человек шло танцуя, распевая песни магической трубки. Кончив одну песню, мы делали небольшую передышку перед тем, как начать следующую, и в это время народ разговаривал, смеялся. Они были счастливы; не было среди них ни одного, кто бы не верил в действенность своих молитв и поклонения, в то, что Солнцу угодно зрелище разодетых во все лучшее, танцующих в его честь индейцев. Так мы шли все вперед, пока не обошли кругом весь лагерь; когда шедший во главе Одинокый Вапити подошел ко входу в свою палатку, он отпустил нас; и мы побрели в разные стороны по домам, чтобы переодеться в будничную одежду и приняться за будничные дела.

— Кьи, — сказала Нэтаки, — какой счастливый танец! А как хорошо выглядел народ, одетый в свою хорошую одежду.

— Да, — ответил я, — это был танец радости, и народ выглядел замечательно. Я обратил внимание на одну женщину, самую хорошенькую из всех и лучше всех одетую.

— Кто это? Скажи сейчас же.

— Да та жена белого, которая живет в этой палатке, разумеется.

Нэтаки ничего не сказала и даже отвернулась от меня. Я заметил выражение ее глаз; она была довольна, но стеснялась показать это.

Июньские дни длинные, а мне казалось, что они пролетают быстро. Так было интересно охотиться, сидеть в тени палаток, смотреть на народ, занятый разными работами, слушать рассказы стариков. Однажды в наш лагерь пришли три индейца из племени кутене*; они принесли Большому Озеру от своего вождя табак и сообщение, что его племя посетит племя пиеганов. Они прибыли к нам прямо из своей страны, что по ту сторону Скалистых гор, пройдя через густые леса западного склона, через покрытые ледниками вершины больших гор, по глубокому каньону реки Кат-Банк, а потом сто миль по обширным прериям к нашему лагерю. Откуда они знали, как направить свой путь так уверенно, чтобы выйти прямо к единственному лагерю на этом огромном пространстве, занятом горами и усыпанной холмами, как часовыми, расстилающейся во все стороны прерией? Может быть, отчасти они руководились инстинктом. Может быть, они шли по следам какого-нибудь возвращающегося домой военного отряда, а может быть, отряд искателей добычи из людей их собственного племени указал им место, где находятся те, кого они ищут. Как бы то ни было, они пришли прямо к нам от истоков Колумбии, и наши вожди приняли принесенный ими табак, курили его в совете и нашли, что он хорош. Были в совете такие, кто, потеряв родственников в войне с горным племенем, отвергал заключение мира и настойчиво выступал с речами против него. Но большинство было не на стороне возражающих, и посланные отбыли с поручением передать своему вождю, что пиеганы будут рады принять надолго как гостей его самого и его племени.

Через некоторое время они пришли. Их было немного, не более семисот, но, как я выяснил, они составляли большую часть племени. Физически они сильно отличались от пиеганов: не выше их, пожалуй, но более крепкого сложения, с большими руками и ногами. Такое сложение, естественно, результат их жизни в горах. Племя кутене — искусные охотники на горных баранов и козлов, и постоянное лазание по горам развило мускулы их ног до почти

* Кутене — одно из племен плато. См. примечание к стр. 24.

неестественных размеров. Черноногие презирали такой образ жизни: они не охотились на тех диких животных, к которым нельзя подъехать верхом вплотную или близко, а самая тяжелая работа, выполняемая ими, состояла в разделке туш убитых бизонов и навьючивании мяса на лошадей. Не удивительно, что руки и ноги у черноногих маленькие и изящной формы, к тому же руки у них были мягкие и гладкие, как у женщин.

Вождь племени кутене старик Саоокинапи — Видна Спина — с несколькими из старейшин пришел немного раньше основной группы людей. Наш вождь Большое Озеро не подозревал даже, что ожидаемые гости уже близко, когда входной полог его палатки поднялся и вошли кутене. Обычай требовал, чтобы хозяин, застигнутый врасплох гостем, делал ему подарок; к тому времени, как была выкурена первая трубка, вождь племени кутене стал на пять лошадей богаче, чем был, входя в лагерь.

Кутене поставили свои палатки у самого нашего лагеря, и еще не успели женщины как следует собрать их и развести огонь, как уже полным ходом шли взаимные посещения, пиры и обмен подарками. Кутене принесли с собой много аррорута* и сушеный квамаш — желтые, сладкие, липкие жареные клубни, казавшиеся очень вкусными людям, много месяцев не видевшим никаких овощей. Пиеганы были чрезвычайно довольны этими овощами и дарили в ответ кутенейским женщинам из своих запасов много отборного пеммикана, сушеного и вяленого мяса. Пиеганы меняли бизонью выделанную и сыромятную кожу на дубленые шкуры горных баранов, лосей и других горных животных.

Конечно, молодые люди из обоих племен занялись ухаживанием. Пиеганские юноши отправились в лагерь кутене, и наоборот; они стояли молча, торжественно разодетые в свои роскошные наряды, лица их были расписаны бросающимися в глаза рисунками, длинные волосы аккуратно заплетены. У отдельных счастливых с левого запястья свисало на ремешке зеркальце; оно все время вертелось и бросало зайчики яркого солнечного света; некоторые зеркала были оправлены в грубые деревянные рамки, которые владелец покрыл резьбой и ярко раскрасил. Разумеется, эти кавалеры прерий не заговаривали

* Аррорут — крахмальная мука, получаемая из клубневых растений,

ни с одной из девушек; нельзя было даже, наблюдая юношей, сказать с уверенностью, что они смотрят на девушек. Юноши стояли часами, по-видимому устремив взгляд на какой-то далекий предмет, но в действительности тайком они наблюдали девушек, знали до мельчайших подробностей черты лица каждой из них, каждую особенность их движений и поз. А девушки? Они, казалось, совершенно не замечали, что в лагере есть молодые люди. Нельзя было поймать их на том, что они смотрят на юношей, но тем не менее они смотрели и собирались вместе и обсуждали внешность то того, то другого, его доблесть, его характер совершенно так же, как это делают белые девушки. Я знаю это наверное, потому что Нэтаки все это мне рассказывала. Она рассказала мне, как девушки тайком высмеивают тщеславного поклонника, который им не нравится, но воображает, что во всем лагере он единственный очаровательный красавец.

Молодые люди из обоих лагерей часто устраивали скачки, играли в азартные игры и танцевали. Старшие смотрели на это со спокойным одобрением и беседовали об охотах и битвах, о далеких местах и вещах, которые им довелось повидать. Большая часть бесед велась на языке жестов, но среди кутене было несколько мужчин и женщин, говоривших на языке черноногих, который они изучили, находясь в плену или живя долгое время с этим племенем. Вообще не было ни одного окрестного племени, в котором один-два человека не говорили бы на языке черноногих. Но ни один черноногий не говорил на каком-либо языке, кроме собственного и языка жестов. Черноногие считали все остальные народы низшими и полагали, что изучать другой язык — ниже их достоинства. Один кутене, говоривший на языке черноногих, довольно бодрый, несмотря на преклонный возраст, часто бывал у меня в палатке. Ему, вероятно, было ясно, что он желанный гость, так как для него у нас всегда была готова миска с едой и сколько угодно табака.

В ответ на мое гостеприимство и частые подарки табака он рассказывал мне о своих путешествиях и приключениях. Когда-то он очень много странствовал и был своего рода этнографом, так как бывал у многих племен в разных местах этого края, от земли черноногих до берега Тихого океана и к югу до Большого Соленого озера, изучая языки и обычаи индейцев. Как-то вечером он

рассказал нам историю, которую называл «Рассказом о питающихся рыбой». Она показалась Нэтаки и мне интересной.

«Случилось это давным-давно, в дни моей молодости, — начал он. — Нас было четверо близких друзей, все холостяки. Мы уже побывали в нескольких успешных набегах; каждый из нас собирал себе приличный табун лошадей и вещи, готовясь к тому времени, когда мы возьмем себе жен и заведем каждый собственную палатку. Многие хотели присоединиться к нашим походам, но мы не хотели никого брать, так как думали, что четыре — счастливое число, по одному на каждую из стран света. Между собой мы даже называли друг друга не по именам, но по различным странам света: одного — Север, другого — Юг, третьего — Восток, я был Запад. Два набега мы ранее совершили в прериях, один — на юг.

На этот раз мы направились на запад, прослышав, что далеко вниз по течению большой реки живет народ, богатый лошадьми. Мы вышли в начале лета и решили продвигаться вперед, пока не найдем эти прекрасные табуны лошадей, даже если до них два или три месяца пути. Кроме оружия, уздечек и запасных мокасин мы несли с собой шила и нитки из сухожилий, чтобы шить себе новую одежду и новую обувь, если та, что на нас, износится.

Мы прошли мимо озера флатхедов, остановившись у них лагерем на двухдневный отдых, и оттуда продолжали свой путь к озеру племени пан-д'орей* через большой лес, где часто не было никакой тропы, кроме протоптанной дикими животными. Над озером около северной его оконечности мы увидели дым очагов племени пан-д'орей и несколько их лодок на воде. Но мы не приблизились к их лагерю. У них были хорошие табуны, из которых мы могли выбрать себе самое лучшее, если бы захотели, но мы пошли вперед. Мы жаждали открытий, хотели увидеть далекую землю и ее народ.

По мере продвижения лес становился все гуще и темнее. Таких больших деревьев, как там, мы никогда не видели. Дичи было мало; казалось, что в этом лесу никогда не жили звери и птицы; в нем было слишком темно и мрачно. Зверь и птицы, как люди, любят солнце. Олень и лось, когда хотят отдохнуть, уходят под покров густого

* Флатхед и пан-д'орей — племена плато.

леса, но они никогда не заходят далеко от открытых мест, где можно постоять на солнышке и видеть над собой синее небо. То же и с людьми. Бедные, не имеющие лошадей племена, скудные боги которых дали им в охотничьи угоды только лес, не остаются в его темном, безмолвном чреве, а ставят свои жилые палатки на какой-нибудь лужайке, на берегу озера или реки или же там, где огонь расчистил небольшой участок.

Нам не нравился огромный лес, через который мы шли. Пища наша кончилась, и нам пришлось бы голодать, если бы не многочисленные рыбы, которых мы убивали стрелами. Все исхудали и пали духом. Вечерами мы сидели вокруг костра, лишь изредка прерывая молчание, чтобы спросить, кончится ли когда-нибудь этот лес и не лучше ли нам повернуть и пуститься в обратный путь. Даже Восток, который всегда болтал и шутил, теперь молчал. Я думаю, мы повернули бы обратно, если бы нам не было так неприятно отказываться от начатого предприятия; мы боялись, что это в будущем принесет неудачу. Нам и в голову не приходило, что нас ожидает гораздо худшее, чем неудача. Но мне кажется, что нам было какое-то предупреждение, так как я беспокоился, испытывал страх, но перед чем — я не мог бы сказать. Другие чувствовали то же, что и я, но никто не хотел сдаваться, как и я. Потом уже я стал обращать внимание на это чувство. Трижды впоследствии я возвращался назад после начала набега и знаю, что во время одного из этих походов я поступил разумно, так как мои товарищи, которые смеялись надо мной и отправились дальше, не увидели уже больше своих палаток.

После многих дней пути мы наконец вышли на открытую местность. Здесь росли группы деревьев, но большую часть этой страны занимали прерии с многочисленными уступами, холмами и валунами из темно-коричневого голого камня. Река стала шире, глубже, течение было сильнее. Здесь было множество вапити и оленей, много черных медведей, тетеревов; здесь мы снова слышали пение птиц. Мы убили молодого самца вапити и устроили пир; нам было хорошо. Нигде кругом не было признаков близости людей, ни лошадиных следов, ни дыма от очагов в лагерях. Мы решили, что можно безопасно развести огонь тут же среди бела дня, и провалились около костра до следующего утра, отдыхая, за едой, отсыпаясь. Когда

взошло солнце, мы снова двинулись в путь, шли очень осторожно, взбираясь на каждый холм и гребень, чтобы видеть, что впереди. В этот день не было признаков людей, но на следующий вдалеке, ниже по течению реки, показался дым. Держась в узкой полосе леса, окаймлявшей реку, мы продолжали идти вперед, пока не увидели, что дым поднимается на противоположном берегу. Откуда-то ниже по течению, близко от места, где на той стороне, должно быть, находился лагерь, слышался рев, какой бывает от большого порога; даже около нас течение реки было очень сильным. Это нужно было обсудить, и мы тут же занялись этим. Если мы переправимся и захватим лошадей, то будет ли на том берегу тропа, по которой можно будет погнать табун по направлению к нашему дому, а если нет, то как их переправлять через широкую быструю реку и дальше к тропе, по которой мы пришли? Наконец тот, кого мы называли Югом, сказал:

— Мы тратим время на разговоры, а сами еще не видели ни другого берега, ни лошадей, ни даже людей и их лагеря. Давайте переправимся, осмотрим, что удастся, а затем уже решим, что лучше делать.

Это были мудрые слова, и все согласились с ним. На берегу было много плавника, и незадолго до захода солнца мы скатили короткое сухое бревно в воду и привязали к нему другое, очень маленькое, чтобы большое бревно не крутилось в воде. Решили не ждать ночи для переправы, так как река была широкая и быстрая и мы хотели видеть, куда плывем. С одной стороны, было бы неразумно начинать переправу сейчас: кто-нибудь из жителей лагеря мог увидеть нас и поднять тревогу. Но с другой — нужно было рискнуть; из лагеря ниже по течению еще никто не показывался, и мы надеялись переправиться в кустарники незамеченными. Свалив в кучу одежду и оружие на плот, мы оттолкнули его от берега. Все шло хорошо, пока мы не проплыли значительную часть пути. Тут плот попал в очень быстрое течение над углублением в русле, куда вода реки как будто бы сбегала со всех сторон. Как мы ни старались, нам не удавалось из этой полосы выбраться. Когда мы пытались продвинуться к тому берегу или назад к берегу, от которого отплыли, то казалось, что приходится взбираться на гору. И все время нас несло быстрее и быстрее вниз, туда, где ревел порог, вниз, к лагерю неизвестного племени.

— Бросим плот, — сказал Север, — и поплывем назад к нашему берегу.

Мы попытались сделать это, но не могли выбраться из быстрого, затягивавшего и тащившего нас течения посередине реки; река влекла нас, как беспомощные сухие листья. Один за другим мы вернулись к плоту и ухватились за него.

— Это наша единственная возможность, — сказал Юг, — мы можем держаться за плот и, может быть, пройдем через пороги и мимо лагеря незамеченными.

Мы обогнули излучину реки и увидели впереди то ужасное, к чему нас стремительно несло. Течение сужалось в проход между двумя высокими скалистыми стенами. Зеленая вода, пенясь, вздымалась большими волнами, кружилась водоворотами вокруг громадных черных скал, перехлестывала через них.

— Держитесь, держитесь изо всех сил! — крикнул Юг.

Я еще крепче стиснул руками маленькое бревно; но моя сила здесь не значила ничего, ровно ничего. Внезапно нас рвануло вниз всех вместе с плотом, вниз под бешеную, зеленую, кипящую воду. Наши бревна ударились о скалу, меня оторвало от них, завертело и потащило вперед. Меня вытолкнуло на поверхность, перенесло через гребень большой волны, а потом снова потащило под воду, вниз, вниз... не знаю, на какую глубину. Моя левая нога попала между двух камней, вода тащила меня, и нога сломалась вот в этом месте, над щиколоткой. На несколько мгновений я застрял на месте, затем вода отхлынула назад, высвободила меня, вытолкнула наверх, и я снова несколько раз глотнул воздух. Опять я погрузился и на этот раз пробыл под водой так долго, что думал уже не поднимусь наверх. Я молился все время, но тут перестал. «Бесполезно, — сказал я себе, — я сейчас умру». Но все же я снова выкатился наверх и очутился в спокойной, но быстро текущей воде. Надо мной была лодка, через борт ее наклонился низкорослый, толстый, темнолицый человек. Я заметил, что волосы его имели такой вид, как будто он никогда их не расчесывает; у него было очень широкое лицо и очень большой рот. Я почувствовал, как он схватил меня за волосы, и умер (потерял сознание).

Когда я очнулся, то увидел, что лежу в маленькой старой рваной палатке из шкур вапити. Я лежал на ложе; на меня кто-то набросил плащ из бобровых шкур. Старый

седоволосый человек, напевая непонятную мне песню, накладывал на мою сломанную ногу палки и перевязывал их. Я понял, что это лекарь. Мужчина, которого я видел наклонившимся через борт лодки, сидел рядом. В палатке были еще три женщины, одна совсем молодая и красивая. Когда я посмотрел на нее, она отвернулась, но другие сидели и глазели на меня. Вошло еще несколько мужчин; все они были низкого роста, широкоплечие и мускулистые. У них тоже была очень темная кожа; все они были неказистые; и, что хуже всего, над губой и на подбородке у них росли волосы. Разговаривая, они все время поглядывали на меня. Речь их казалась мне очень странной: она как будто выходила у них из глубины живота и вырывалась из горла со звуком, который издает кора, когда ее рывками отдирают от дерева. Я подумал, что никогда не смогу научиться говорить на таком языке. Старый лекарь причинял мне сильную боль, бинтуя мою ногу, но я лежал совершенно тихо. Мне хотелось знать, удалось ли кому-нибудь из моих друзей выйти живыми из этих страшных порогов и скрыться, или же их подобрали, как меня. Позже я узнал, что водяные боги взяли их; во всяком случае ни один из моих друзей больше не вернулся в страну племени кутене.

Я подумал, что эти чужие люди очень добры: они вытащили меня из реки и заботятся обо мне. Я попытался дать им понять, что я чувствую, но это оказалось невозможным: они не понимали языка жестов, ни одного знака, что было очень странно.

Когда лекарь забинтовал мою ногу, они дали мне поесть рыбы, кусок крупной жирной форели. Оказалось, что они питаются рыбой, которую бьют острой ниже порогов и в больших количествах сушат на зиму. Страна была полна диких животных: вапити, оленей, черных медведей, но эти странные люди редко охотились, довольствуясь рыбой и ягодами. Пока я не поправился, я страдал от отсутствия мяса. Я долго вынужден был смиренно лежать в палатке, затем стал, ковыляя, выходить, каждый день отходя от палатки немного дальше, пока не смог добраться до реки и смотреть на рыбную ловлю. Тут для меня нашлась работа. Мне дали кучу рыбы и нож и показали, как разделять ее для сушки. Вдруг мне стало понятно, почему меня вытащили из реки и позаботились обо мне: я был рабом. Я слышал, что есть такой народ,

который захватывает своих врагов, вместо того чтобы убивать их, и заставляет пленных выполнять тяжелую работу. Я нашел этот народ. Я, кутене со сломанной ногой, лишенный возможности убежать, был рабом питающихся рыбой людей с волосатыми лицами. Я был в глубоком горе. Работу мне давали женщины, жены того мужчины, который взял меня в плен; они показывали мне, что делать. Девушка, дочь хозяина, не приказывала мне ничего, это делали другие. Девушка была со мной всегда ласкова, жалела меня; когда могла, она делала порученную мне работу. Если ее мать возражала, то начиналась ссора, но девушка не боялась этого.

«Когда моя нога поправится, — повторял я про себя, — я убегу. Украду оружие этого мужчины и снова приду к Хребту мира».

Но перелом заживал медленно; я еще не умел хорошо ходить, когда мой план лопнул. Однажды хозяева стали все укладывать: узлы с сушеной рыбой, палатки, все имущество погрузили в лодки, и мы двинулись вниз по реке. Мы плыли вниз очень далеко; река становилась шире, она текла через большие темные леса; наконец мы оказались вблизи огромного озера, не имевшего другого берега. Озеро все время бушевало, оно было покрыто огромными волнами и терялось в густом тумане. Ужасное это было место. Там мы стали лагерем вместе со множеством таких же питающихся рыбой. Кроме рыбы мы теперь ели водяных дьяволов, плававших быстрее выдры. У мяса их был противный вкус.

Мало-помалу я стал говорить на этом трудном языке настолько, что мог немного объясняться. Спустя некоторое время мне позволили брать лук и охотиться; я убил много оленей, несколько черных медведей, вапити. Но я тосковал: приближалась зима, не имело смысла до весны пытаться идти на родину. А когда удастся уйти, как я, не умея управлять тяжелой длинной лодкой, доберусь назад вверх по этой большой реке, переправлюсь через другие реки, которые мы когда-то миновали. Правда, наш лагерь стоял на берегу реки и я мог идти вдоль него до страшных порогов и переправиться подальше от них выше по течению, но путь был далекий, через обширные леса, валежник, густой кустарник. Путешествие предстояло очень тяжелое, но мне приходилось испытать его.

Дух сна показал мне выход. Ночью он сказал: «Попроси девушку, ты ей нравишься, она тебе поможет».

Проснувшись утром, я посмотрел на нее через палатку. Она глядела на меня, и глаза ее были ласковы, она улыбнулась. Это был хороший признак. Я сказал, что отправляюсь на охоту. Поев, я взял оружие питающегося рыбой и вышел. Но я не стал охотиться, отошел немного в глубь леса и спрятался. Днем она должна была выйти за дровами; если она будет одна, я смогу поговорить с ней. Уходя, я выразительно посмотрел на нее, и она, кажется, поняла мой взгляд, так как тотчас же пришла в лес. Увидев меня, она начала собирать сучья то тут, то там, но все время приближаясь ко мне, часто оглядываясь на лагерь. Я спрятался за корни поваленного дерева, скоро и она зашла за него, и мы стояли рядом, поглядывая на лагерь сквозь разветвления корней, и разговаривали. Я боялся начать: я плохо говорил на ее языке, очень плохо. Я пытался подобрать нужные слова, но они не шли. Она подняла на меня глаза, положила руку мне на плечо и сказала:

— Ты хочешь уйти к своим?

— Да, — ответил я, коверкая слова, — да, я хочу уйти, но большая река, не понимаю лодка.

Она засмеялась, осмотрелась тщательно, не идет ли кто-нибудь, и затем сказала короткими фразами, которые я понял:

— Я знаю лодку, я возьму тебя, будь добр ко мне, я тебя люблю.

— Да, — сказал я, — я буду добр к тебе. Я сделаю тебя своей женой и дам тебе все: много лошадей, хорошую палатку, красивую одежду.

Она засмеялась тихо счастливым смехом,

— Ночью, когда все уснут, мы уйдем.

Я прервал ее:

— Это далеко, много снега, надо ждать, пока распустятся листья.

Она легонько толкнула меня и продолжала:

— Я сказала этой ночью; я знаю, куда идти, что делать; ты пойдешь этой ночью со мной. Я возьму, что надо; когда все будет готово, я позову тебя вот так: она легонько потянула меня за руку.

Я, крадучись, ушел в лес, но скоро пришел с другой стороны в лагерь и сказал, что болен и не могу охотиться.

Одна из старых женщин дала мне лекарства. Она боялась, что ее раб не сможет работать, охотиться и принести шкуры. Мне пришлось выпить лекарство, у него был очень неприятный вкус. Лучше было солгать как-нибудь иначе. Казалось, что ночь никогда не наступит, но в свое время солнце зашло, мы поужинали и улеглись. Огонь погас, и в палатке стало совсем темно. Немного спустя питающийся рыбой и его жена захрапели; наконец я почувствовал то, чего ждал: кто-то легонько потянул мою руку. Я медленно встал, взял лук со стрелами и нож, которые, вернувшись с охоты, небрежно положил около своего ложа, и бесшумно выскользнул из палатки. Девушка взяла меня за руку и повела вниз к реке, к маленькой лодке, принадлежащей другой семье. Она заранее уложила в лодку несколько плащей из шкур, немного еды, мех с хорошей водой, так как вода страшного озера была соленой и оно часто боролось с большой рекой и отгоняло вверх ее снеговую и родниковую воду. Мы сели в лодку: я — впереди, девушка — сзади на весла, совершенно беззвучно оттолкнулись от берега, и она вывела нас в темноту и молчание широкой, глубокой реки. Немного спустя девушка дала мне весло, и я стал неуклюже макать его в воду с большим шумом, но теперь шум уже не имел значения. Мы все плыли и плыли, не говоря ни слова, пока не начало светать. Тогда наша лодка пристала к берегу, в месте, где было много мелких камней. Мы нагрузили ими лодку, и она опустилась настолько, что ее не стало видно. Тогда мы ушли в глубину леса и почувствовали себя в безопасности. Преследователи не могли бы увидеть ни лодку, ни нас и даже заподозрить, что кто-нибудь может здесь скрываться.

Мы плыли три ночи вверх по большой реке, а затем повернули по небольшой реке, текущей с севера. Это была красивая река, прозрачная и быстрая. Всюду на берегах ее виднелись следы диких животных. Мы плыли вверх по берегу узенькой речки к высоким холмам. Там я убил оленя, моя жена соорудила шалашик из жердей и веток кустарника. Мы развели небольшой костер и поели. Наш шалаш стоял в безопасном месте. Здесь нужно было ждать весны. Я должен был охотиться и добыть много шкур, она — построить хорошую палатку. Так сказала моя жена. И впервые за много месяцев я почувствовал себя счастливым. У меня был кто-то, кого я любил, кто-то,

кому я был нужен. Когда настанет лето, мы сможем вдвоем отправиться дальше к моему племени. Да, я был счастлив. Я пел целые дни, за исключением того времени, когда охотился. Вечерами мы сидели у нашего маленького очага и ели; я учил ее своему языку, которым она быстро овладела, и рассказывал ей о своем племени, о нашей стране, о прериях, о горах, о дичи.

Я уже не так нетерпеливо ждал лета. Дни бежали быстро, и каждый день был счастливым днем. Но скоро на ивах показались листья, стала расти трава, и однажды вечером мы вытащили свою лодку и поплыли вниз к большой реке. Мы направились вверх по ней, двигаясь по ночам, пока не достигли страшных порогов. Там мы утопили нашу лодку, чтобы никто не узнал, что мы прошли этим путем, и пустились в далекий путь по тропе, по которой я когда-то прошел со своими погибшими друзьями. Большой лес не казался теперь таким мрачным, а путь таким долгим. Наконец мы пришли к озеру племени панд'орей.

— От этого места, — сказал я, — мы поедem верхом. Я возьму несколько лошадей у этого племени.

Моя жена возражала, но я настоял на своем. Она устала от нашего продолжительного путешествия пешком; видно было, что с каждым днем она устает все больше. Я должен был добыть хотя бы одну лошадь для нее. Я видел лагерь и около него множество лошадей. Когда люди в лагере уснули, я вошел, несмотря на то что ярко светила луна, прямо в проходы между палатками, украл женское седло и отрезал от привязи двух самых лучших лошадей, каких только смог найти. Я повел их туда, где оставил жену. Она была страшно напугана, так как никогда не ездила на лошади. Я оседлал одну из них, сел на нее и проехался немного, лошадь была смиренная. Я затянул подпругу, усадил жену в седло, укоротил ремни стремян и показал ей, как держаться в седле. Затем я сел на вторую лошадь и, ведя лошадь жены на поводу, двинулся по так хорошо знакомой мне тропе.

Все произошло, когда мы еще не очень далеко отъехали. Жена моя закричала, лошадь ее вырвалась от меня и начала становиться на дыбы. Когда я подбежал, жена уже была мертва: подпруга лопнула, жена упала, и лошадь убила ее.

Сначала я не мог этому поверить. Я обнял ее, звал ее, ощупывал ее всю и наконец нашел место удара: голова ее была пробита сверху. Должно быть, я на какое-то время сошел с ума. Я вскочил и убил ее лошадь, потом убил свою. Я молился ее и своим богам, умоляя вернуть ей жизнь, но все было напрасно. Наступило утро. Я отнес ее немного в сторону от тропы и похоронил как мог. Я посмотрел на запад, в сторону той земли, где я так страдал, потерял своих товарищей, попал в рабство, нашел любящую жену лишь для того, чтобы потерять ее, и заплакал от гнева и горя. Затем, одинокий, я оторвался от того места, где она лежала, и снова пустился в путь к своему племени.

Сейчас я старик, но многие прошедшие зимы не погасили моего горя. Я все еще оплакиваю ее, и так будет, пока я жив».

Нэтаки часто вспоминала рассказ старика.

— Кьяйю! — восклицала она. — Какая несчастная, как это грустно!

— Кто, что? — спрашивал я.

— Да молодая жена кутене, конечно. Подумай только, умереть как раз, когда она нашла свое счастье. Никогда больше не видеть солнечного света, гор и этих прекрасных прерий.

— Прерий она никогда не видела, — сказал я как-то, когда мы говорили об этой истории. — Она жила в стране лесов и больших рек, дождей и туманов.

Нэтаки вздрогнула.

— Не хочу видеть этой страны! — воскликнула она. — Ненавижу дождь. Я хочу всегда жить в этих солнечных прериях. Как добр Старик*, давший нам эту богатую страну.

* Творец у черноногих, Солнце. — *Прим. авт.*

Глава XII

Большие скачки

Посещение нашего лагеря племенем кутене закончилось, как и многие прежние, крупной ссорой, грозившей одно время стать серьезной. Ссора началась из-за лошадиных скачек. У кутене была рослая, хорошего сложения и очень резвая вороная кобыла, которую пиеганы пытались побить на скачках то на одной, то на другой лошади. Скачки следовали одна за другой, и каждый раз вороная кобыла оказывалась победительницей. Пиеганы были в сильном проигрыше: они потеряли ружья, лошадей, одеяла, всевозможные украшения — и выходили из себя. Они утверждали, что победители ухитрились тайно натереть чем-то нескольких пиеганских лошадей, у которых от этого уменьшилась быстрота бега. В этом крайне затруднительном положении пиеганы решили послать к владам за одной лошадью, известной своей резвостью, и сторожить ее днем и ночью, пока не состоятся скачки. Немного спустя отправленная к владам делегация вернулась с лошадью, действительно превосходной, чистокровной американской гнедой, несомненно захваченной у какого-нибудь несчастного путешественника на трансконтинентальной дороге далеко на юге. Лошадь должна была отдохнуть четыре дня, а затем участвовать в больших скачках, на которых пиеганы рассчитывали вернуть свои потери. Нечего и говорить, что все это время лошадь охраняли.

Днем, когда она паслась в прерии на самой сочной траве, какую только можно было найти, около нее бродило с полдюжины молодых людей, а ночью она была сплошь окружена интересовавшимися скачками наблюдателями.

Наконец настал знаменательный день, и все жители обоих лагерей, даже женщины и дети, вышли туда, где должны были состояться скачки, — на ровный участок длиной около 500 ярдов. Заклучались отчаянные пари; я никогда не видел — ни раньше, ни позже — такой массы вещей, какая была разложена на равнине. В той или иной куче вещей можно было увидеть образцы всего, что оба племени употребляют в быту или в качестве украшения; тут же не участвующие в пари юноши или мальчики держали на привязи множество лошадей — ставки пари. Даже женщины заключали пари: в одном месте можно было видеть медный чайник, поставленный против шитого бисером платья, в другом — кожаную сумку сушеного бизоньего мяса против дубленой шкуры вапити, ярд красной шерсти против двух медных браслетов.

Я стоял в толпе других зрителей у финиша, где попереk пыльной скаковой дорожки была прочерчена борозда. Старт давался с места; мы видели, как два юных ездока, голые, если не считать обязательной набедренной повязки, подвели беспокоящихся, пляшущих коней к старту ярдах в 500 от нас. Лошади стартовали; зрители, стоявшие шпалерой вдоль дорожки, начали кричать, подбадривать ездоков, требуя, чтобы они старались вовсю. Смешанный шум возгласов на языках черноногих и кутене все усиливался; немалую роль в этом шуме играли пронзительные крики женщин. Мы со своего места не могли судить, которая из лошадей впереди: они приближались к нам быстрыми длинными скачками и, казалось, бежали ровнень. Вот они уже приблизились к цели, и толпа вдруг затихла. Все затаили дыхание. Можно было слышать, как широкие ремни плеток, которыми ездоки усиленно подгоняли лошадей, хлопают по бокам напрягающих все силы скакунов. Вот они достигли конца; еще несколько скачков, и они пересекли борозду почти что голова в голову; мне казалось, что кутенейская лошадь на несколько дюймов опередила другую. Немедленно поднялся громкий говор и крики, все бросились к ставкам.

«Мы выиграли, — кричали пиеганы, — мы выиграли!» Я полагаю, что то же самое говорили и кутене в своих

непонятных сердитых выкриках. Люди хватались за ставки и, стараясь завладеть ими, тянули, толкали друг друга. В середине борющейся кучки какой-то кутене вытащил старинный кремневый пистолет и прицелился в своего противника, но кто-то как раз вовремя ударил снизу по стволу, и пуля полетела далеко в сторону. При звуке выстрела женщины в испуге бросились к своим палаткам, волоча за собой плачущих детей. Горячие головы из пиеганских юношей и мужчин начали кричать друг другу: «Бери оружие! Убьем этих кутенейских жуликов».

Борьба из-за вещей, поставленных на пари, прекратилась. Каждый участник пари, по-видимому, схватил, не встречая возражений, то, что принадлежало ему, и поспешил в свою палатку. Через несколько мгновений место скачек опустело; остались только вожди пиеганов и кутене, несколько старейшин их племен, Нэтаки и я. Нэтаки схватила меня за руку, в глазах ее был настоящий ужас; она умоляла меня сейчас же уйти с ней.

— Будет большое сражение, — говорила она, — оседаем лошадей и уедем подальше. Идем.

— Это сражение меня не касается, — отвечал я, — я белый.

— Да, — воскликнула она, — ты белый, но ты также пиеган. Кутене будут стрелять в тебя так же охотно, как во всех остальных.

Я сделал ей знак помолчать, так как хотел слышать, к какому решению придут вожди. Большое Озеро отправил своего глашатая домой.

— Скажи им, — велел он, — вот мое слово. Я сейчас отправлюсь в лагерь моего друга Спина Видна. Кто хочет сражаться против кутене, должен будет сражаться против меня и этих людей со мной.

Глашатай поспешно удалился; тогда вождь обратился ко мне.

— Идем, — сказал он, — ты тоже за мир. Идем с нами.

Я пошел с ними в лагерь кутене. Нэтаки, страшно обеспокоенная, шла следом за нами. Едва мы пришли, как увидели все увеличивающуюся толпу возбужденных всадников, с криками несущихся на нас из другого лагеря.

— Дайте мне ружье, — потребовал Большое Озеро, — кто-нибудь дайте мне ружье.

Когда ему передали ружье, он выступил вперед; его старое красивое лицо выражало суровую решимость, глаза

сверкали гневом. За нашей спиной шуршали шкуры и трещали жерди палаток; их поспешно разбирали перепуганные женщины, укладывавшие вещи. А около нас собирались мужчины кутене, готовясь защищаться и защищать своих. Они хорошо знали, что не могут тягаться с пиеганами, которые были гораздо многочисленнее. Но стоило только взглянуть на них, приготовившихся к бою, увидеть упрямые взгляды и сжатые губы, чтобы знать наверное, что они будут стоять до конца.

Во главе быстро скакавших к нам пиеганов ехал молодой воин, по имени Олененок. Я его очень не любил, так как чувствовал, что он меня ненавидит. Впоследствии у меня с ним были серьезные неприятности. У него было подлое жестокое лицо, безжалостное и коварное, и бегающие глазки. Потом мы узнали, что большинство людей в этой разгневанной толпе пиеганов не слышало из-за суматохи и возбуждения, что объявил глашатай, или выехало раньше, чем он прибыл в лагерь. Теперь они ехали, решив безжалостно расправиться с теми, кого сейчас считали своими врагами. Большое Озеро поспешил им на встречу. Он кричал им что-то и делал знаки остановиться. Но так как они не обращали на него внимания, он пробежал еще дальше вперед и, наведя ружье на Олененка, воскликнул:

— Остановись, или я буду стрелять.

Олененок неохотно сдержал лошадь и сказал:

— Почему ты меня остановил? Эти собаки кутене ограбили и обманули нас. Мы хотим отомстить им.

Он собрался двинуться дальше и окликнул следовавших за ним. Большое Озеро снова поднял ружье.

— Тогда целься в меня, — крикнул он, — я теперь кутене. Целься, стреляй. Я даю тебе эту возможность.

Олененок не поднял ружья. Он продолжал сидеть на лошади и свирепо глядеть на вождя, затем повернулся в седле и, взглянув на толпу, которая подъехала к нему сзади, крикнул, чтобы они следовали за ним. Но уже среди толпы появились другие вожди пиеганов, то угрожая людям, то уговаривая их вернуться в лагерь. Никто не выехал вперед, но некоторые двинулись обратно, к своим палаткам. Олененок пришел в страшную ярость; он тыкал пальцем то в них, то в кутене, ругая их всеми скверными словами, какие только приходили ему в голову. Но, несмотря на свой гнев и вызывающее поведение,

он не делал попытки двигаться вперед. Наведенное на него ружье вождя, его спокойный, холодный, упорный и ясный взор совершенно лишили Олененка уверенности.

Бормоча что-то невразумительное, он наконец повернул лошадь и с мрачным видом поехал назад, в лагерь, в хвосте тех, кого он несколько секунд тому назад с таким азартом вел вперед. Вожди вздохнули с глубоким облегчением. Вздохнули и я, и Нэтаки, снова стоявшая рядом со мной.

— Какие упрямые головы у этой молодежи, — заметил Большое Озеро, — как трудно с ними управляться.

— Ты говоришь правду, — сказал Спина Видна, — если бы не ты, не твое твердое слово, то сейчас в прерии лежало бы много мертвых. Теперь мы отправимся в горы, может быть, не скоро встретимся.

— Да, — согласился пиеган, — нам лучше расстаться. Но гнев наших молодых людей скоро остынет. Давай встретимся будущим летом где-нибудь около этих мест.

Так и решили, и, пожав на прощание всем руки, мы покинули их. Прибыв в наш лагерь, Большое Озеро дал приказ немедленно сняться, и палатки стали поспешно разбирать. Он также дал указания айинайкикам, хватающим, задерживающим, группе Общества Друзей, которая была, так сказать, полицией, не позволять ни одному из молодых людей оставлять лагерь ни под каким предлогом. Он боялся, что, отделившись от нас, они все же нападут на кутене, которые уже вытягивались в длинную колонну, направляясь на запад по волнистой прерии. Немного позже выступили и мы, взяв направление на юг; на второй день после полудня пиеганы разбили лагерь на реке Марайас в нижнем конце долины Медисин-Рок, прямо против того места, где позже был построен форт Конрад и где сейчас реку пересекает железная дорога Грейт-Фоллс — Канада.

На самом краю нижнего конца долины, примерно в 100 ярдах от реки и у подножия поднимающегося здесь холма, лежат образующие круг большие валуны, частично погружившиеся в почву, лежат, если железнодорожные вандалы не взяли их для строительных работ. Диаметр круга равен приблизительно шестидесяти пяти футам. Отдельные валуны весят не меньше тонны. Кто и зачем уложил их здесь, я не смог узнать. У черноногих нет никакого предания об этом, они только говорят, что это сде-

лано предками — áккайтуппи. Это, кстати, интересное слово. С ударением на первом слоге, как показано здесь, его точное значение «давнишние люди». Но если произнести его с ударением на втором, а не на первом слоге, то оно значит «много людей». Но в первом случае следовало бы добавить слово «сумó» — время, которое обычно опускается скорее всего ради благозвучия.

Хотя черноногие ничего не знают о круге из валунов, но у них есть что порассказать о магическом камне (медисинрок). Этот камень лежит рядом со старой, изборозженной волокушами тропой, приблизительно в трех милях выше по течению, у вершины холма на краю верхнего конца долины. В книге «Рассказы из палаток черноногих» приводится история о камне, который, стремясь отомстить за оскорбление, преследовал Старика * и раздавил бы его в лепешку, если бы не своевременно подставленная дубинка. В какой-то степени черноногие — пантеисты **, они считают живыми многие неодушевленные предметы и поклоняются им. Этот камень — один из нескольких, которым они приносят жертвы и молятся. Другой такой камень находится на холме у реки Ту-Медисин, близ старого русла реки Марайас — тропы к реке Белли. Этот кварц с красными крапинами (красный цвет — магический или священный цвет) — валун в несколько тонн весом. Он лежит на очень крутом песчаном склоне, открытом юго-западным ветрам. Ветер, постепенно перемещая песок, подрывает камень, и он мало-помалу оседает, сдвигаясь все ниже по склону холма. Хотя черноногие хорошо понимают причину этого движения, камень этот для них — священный предмет. Проходя мимо, они останавливаются и кладут на него браслет, ожерелье, несколько бусин или какое-нибудь другое приношение и просят камень быть к ним милостивым, хранить их от всякого зла и даровать им долголетие и счастье. В последний раз, когда я проходил мимо камня, на нем и вокруг него лежало не меньше бушеля разных мелких приношений. Там они, вероятно, лежат и по сей день, если только их не подобрали белые поселенцы.

Через много лет после того дня, когда я в последний раз проезжал мимо этого камня, мы с Нэтаки пересекали

* См. примечание на стр. 121. — *Прим. пер.*

** Ошибка: автор, видимо, хотел сказать «анимисты». — *Прим. пер.*

долину Ту-Медисин в поезде новой железной дороги. Мы сидели на застекленной площадке заднего спального вагона, откуда хорошо была видна вся долина. О, какой унылый, пустынный вид! Не было уже сочной травы, даже полыни, которая когда-то густо росла на равнине и на склонах холмов. Не было великолепных старых тополей, зарослей ивы и дикой вишни, окаймлявших реку. Нэтаки молча стиснула мне руку, и я видел слезы на ее глазах. Я ничего не говорил, ни о чем не спрашивал. Я понимал, о чем она думает, и сам чуть не заплакал.

Какая ужасная перемена!

Нет уже наших друзей, исчезли стада диких животных. Даже облик местности изменился. Удивительно ли, что мы испытывали грусть?

Глава XIII

Женщина из племени Снейк

На нижнем конце долины, напротив Медисин-Рок, рукав реки Марайас (Драй-Форк) соединяется с руслом основного течения. Весной рукав превращается в бурный грязный поток, но большую часть года это мелкая, а иногда и вовсе пересыхающая речка; вода в ее русле сохраняется лишь по глубоким ямам или там, где устраивают подпор прилежные бобры. Почему, почему я упорно пишу в настоящем времени, как будто и сейчас там живут бобры? Но я не буду переделывать написанной строки.

На следующий день, после того как мы разбили лагерь у этой реки, предполагалась охота на бизонов в прерии за Медисин-Роком, где было обнаружено огромное стадо. Но Хорьковый Хвост и я предпочли отправиться на разведку вверх по рукаву Драй-Форк. В наших палатках лежало немало кожаных сумок с сушеным мясом; летние же шкуры бизонов нам были не нужны, и, конечно, мы могли в любое время, в любом месте добыть сколько угодно свежего мяса. Мы пересекли реку и проехали через речную долину, затем направились по широкой, глубокой, протоптанной дикими животными тропе, шедшей вверх по довольно узкой пойме рукава Драй-Форк; мы ехали, переправляясь то на ту, то на эту сторону. Мы миновали много бобровых плотин и видели несколько бобров, плававших в своих прудах. Тут и там по берегу узкими

полосами тянулись заросли ивы; иногда из них выбегал в сторону холмов белохвостый олень, вспугнутый нашим приближением. Встречались отдельные тополя, искалеченные, часто засохшие, со стволами, гладко отполированными бизонами, которые о них чесались. Попадалось множество гремучих змей: мы поминутно вздрагивали от раздававшегося рядом с тропой внезапного звука, которым она предупреждала о себе. Всех увиденных змей мы убивали, если не считать одной или двух, успевших уйти в близкие норы.

По мере того как мы поднимались по долине, антилоп становилось все больше. Прерия между рукавом Драй-Форк и ближайшей к югу речкой в лощине Пан-д'орей была одним из их излюбленных пастбищ в этой части страны. Увидев впереди стадо антилоп или бизонов, мы, если можно было, объезжали его, поднимаясь по лощине в прерии; нам не хотелось, чтобы животные в панике разбегались перед нами, давая этим знать, может быть, близкому врагу о нашем присутствии и о том, куда мы направляемся.

Мы покинули лагерь не раньше восьми или девяти часов, много позже отъезда охотников на бизонов, и к полудню были уже далеко в верховьях Драй-Форка, в двенадцати — четырнадцати милях от лагеря. К западу и востоку тянулся длинный залесенный гребень; зелень прерывалась скалами песчаника. Мы направились к ним вверх по лощине. Доехав до подножия гребня, мы привязали лошадей к колышкам и, взобравшись на гребень, сели, чтобы осмотреть местность. Я взял с собой жареный филей антилопы и, развязав мешочек, разложил еду на плоском камне.

— Возьми себе тоже, — сказал я.

Хорьковый Хвост отрицательно покачал головой.

— Что ты? — спросил я. — Не хочешь есть? Возьми себе половину. Я брал и на тебя.

«Неразумно, — ответил он, — есть в разведке, на охоте или когда едешь куда-нибудь в сторону от лагеря. Нужно наесться как следует утром, когда встанешь, съесть очень много. Затем седлай лошадь и выезжай. Чувствуешь себя крепким, едешь и едешь. Скажем, ты охотишься, может быть, неудачно, но ты не теряешь бодрости; ты все едешь, твердо веря, что тебе еще повезет, что ты скоро встретишь группу антилоп или бизонов или какую-нибудь

дичь. Солнце поднимается все выше и выше, доходит до середины, начинает опускаться в свою палатку за краем [света]. У тебя к седлу привязана пища, ты говоришь себе: «Я голоден, остановлюсь и поем».

На вершине какого-нибудь гребня или холма ты слезаешь с лошади и, полулежа отдыхая на земле, начинаешь есть; а тем временем твои ясные зоркие глаза исследуют прерию и долины или кустарники и склоны гор, отыскивая что-нибудь живое. Конечно, ты очень голоден. Еда во рту кажется тебе вкусной, желудок твой требует, чтобы ты его наполнил, и ты продолжаешь есть, пока не исчезнет последний кусочек. И тогда, хайя! Какая наступает в тебе перемена! Тело твое вдруг расслабляется, глаза больше не пытаются проникнуть вдаль, веки опускаются. Земля кажется такой удобной, это мягкое ложе. Тебя клонит ко сну. Только с большим усилием ты удерживаешься, чтобы не заснуть. Так ты лежишь, а солнце все опускается, все опускается к своей палатке. Ты знаешь, что следовало бы встать, что нужно сесть на лошадь и ехать, пока не увидишь, что там, за тем высоким, длинным гребнем, но еда сделала свое дело, и ты лжешь самому себе, говоря: «Не думаю, чтобы там за гребнем я нашел дичь. Отдохну здесь немного, а потом отправлюсь домой. Наверное, я что-нибудь убью на обратном пути». Так ты полулежишь, разленившийся, сонный, как насытившийся медведь, а к вечеру встаешь и отправляешься домой, не найдя по дороге никакой дичи. Ты возвращаешься в свою палатку, твои видят, что ты не привез ни мяса, ни шкур. Твои женщины, ничего не говоря, расседлывают лошадь; тыходишь и садишься на свое ложе: тебе стыдно, и ты начинаешь врать, рассказываешь, как далеко ты ездил, как опустела вся округа и как ты дивисься, куда могла деться вся дичь».

— Нет, друг, мне филия не надо. Ешь, если хочешь сам. Дай-ка мне твою подозрную трубу, я осмотрю местность.

Все, что говорил Хорьковый Хвост, была правда. Разве я не испытывал уже не раз расслабленность, сонливость, вызванные полуденным завтраком? Я решил никогда больше не брать с собой еду, отправляясь в однодневную поездку. Но этот раз не в счет. Я съел больше половины жаркого, присоединился к товарищу покурить и заснул,

Хорьковый Хвост должен был несколько раз толкнуть меня в бок, пока ему удалось разбудить меня. Я сел и протер глаза. Горло у меня пересохло, во рту был противный вкус — все из-за полуденного завтрака и сна. Я увидел, что солнце уже прошло полпути, опускаясь к далеким синим вершинам Скалистых гор. Долго же я спал! Мой друг внимательно смотрел в трубу на что-то к западу от нас и бормотал себе под нос.

— Что ты видишь? — спросил я, лениво зевая, и потянулся за его трубкой и кисетом.

— Не может быть, — ответил он, — чтобы я действительно видел то, что я вижу. И все же я уверен, что ни глаза, ни подозрная труба меня не обманывают. Я вижу женщину, одинокую женщину, которая идет пешком по верху гребня прямо на нас.

— Дай посмотреть, — воскликнул я, бросив трубку, и взял подозрную трубу, — ты уверен, что это тебе не снится?

— Посмотри сам, — ответил он, — она на третьем бугре отсюда.

Я навел подозрную трубу на указанный им бугор. Действительно, по его зеленому склону, легко шагая, спускалась женщина. Она остановилась, повернулась и, закрыв рукой глаза от солнца, посмотрела на юг, потом на север, наконец, назад, в ту сторону, откуда пришла. Я заметил, что она несла на спине небольшой узелок и держалась прямо, у нее была тоненькая фигура. Очевидно, молодая женщина. Но почему она здесь и идет пешком по обширной прерии, громадность и безмолвие которой должны наводить ужас на одинокую и незащищенную женщину.

— Что ты об этом думаешь? — спросил я.

— Я ничего не думаю, — ответил Хорьковый Хвост, — бесполезно пытаться объяснить такое странное явление. Она идет сюда. Мы встретимся, и она расскажет нам, что все это значит.

Женщина скрылась из виду во впадине за вторым бугром гребня, но скоро появилась наверху бугра и, продолжая идти вперед, спустилась в следующую впадину. Поднявшись на вершину бугра, на склоне которого мы сидели, она сразу увидела нас и остановилась. Поколебавшись мгновение, она снова пошла к нам своей непринужденной, легкой, грациозной походкой. Боюсь, что оба мы

бесцеремонно и холодно уставились на нее, но в манере ее, когда она подходила прямо к нам, не было ни страха, ни неуверенности. Первое, что я увидел, были красивые глаза, большие, ясные, ласковые, честные глаза; в следующее мгновение я увидел, что у нее чрезвычайно красивое лицо, блестящие длинные волосы, аккуратно заплетенные, стройная фигура. Она подошла вплотную к нам и сказала:

— Как?

— Как, как? — ответили мы.

Она сняла свой узелок, села и начала говорить на непонятном для нас языке. Мы прервали ее знаками и сказали, что не понимаем ее речи.

— Это женщина из племени снейк (змея), — сказал Хорьковый Хвост. — Я знаю, что она из этого племени, по покрою и рисунку ее мокасин.

Хотел бы я знать, к какому племени принадлежал, в какую эпоху жил тот человек, которому пришла мысль создать язык жестов, при помощи которого все племена прерий от Саскачевана до Мексики могут разговаривать между собой и сообщать все, чего не может произнести их язык. Вот мы сидели и не могли понять ни слова из языка этой женщины, но благодаря удивительному изобретению кого-то из древних незнание языка не имело для нас значения.

— Кто ты? — спросил Хорьковый Хвост. — И откуда ты идешь?

— Я снейк, — ответила женщина знаками, — и иду я из лагеря моего племени, издавека, с юга.

Она остановилась, и мы объяснили знаками, что понимаем. Несколько секунд она сидела и думала, наморщив лоб, вытянув губы. Затем продолжала:

— Три зимы тому назад я стала женой Двух Медведей. Он был очень красив, очень храбр, у него было доброе сердце. Я любила его, он любил меня, мы были счастливы.

Она снова замолчала; по ее щекам катились слезы. Она несколько раз смахнула их и с усилием продолжала:

— Мы были очень счастливы, потому что он никогда не сердился. Никто в нашей палатке никогда не слышал недовольных речей. Это была палатка пиров, песен и смеха. Каждый день мы молились Солнцу, просили у него продолжения счастья, долгой жизни.

Три месяца тому назад, за два месяца до этого, который уже почти кончился, произошло то, о чем я рассказываю. Зима уже прошла, начали появляться трава и листья. Однажды утром, проснувшись, я увидела, что я одна в палатке. Мой вождь встал, когда я спала, и ушел. Он взял ружье, седло и веревку, из этого я поняла, что он отправился на охоту. Я была рада. «Он принесет домой мясо, — сказала я, — какое-нибудь жирное мясо, и мы устроим пир». Я набрала дров, принесла воды, а затем села ждать его возвращения. Весь день я сидела в палатке, ожидая его, шила мокасины, прислушивалась, не раздается ли топот его охотничьей лошади. Солнце зашло, и я развела большой огонь. «Теперь уже он скоро придет», — сказала я.

Но нет, он все не шел, и я начала беспокоиться. До глубокой ночи я сидела и ждала, и страх все сильнее и сильнее сжимал мое сердце. Скоро жители нашей деревни легли спать. Я встала и пошла в палатку моего отца. Но не могла заснуть. Когда наступило утро, мужчины выехали на поиски моего вождя. Весь день они искали в прерии, в лесу, на берегах реки, но не нашли ни его, ни каких-либо следов его, ни его лошади. Три дня они разъезжали по всем направлениям и затем прекратили поиски. «Он умер, — сказали они, — он утонул или его убил медведь или же какой-нибудь враг. Должно быть, это был враг, иначе его лошадь вернулась бы в свой табун».

Но я думала, что он жив; я не могла поверить в его смерть. Моя мать говорила мне, чтобы я отрезала свои волосы, но я не хотела. Я сказала ей: «Он жив. Когда он вернется, то разгневается, если увидит, что нет моих длинных волос, потому что он их любит. Много раз он сам расчесывал и заплетал их».

Шли дни, а я все ждала, ждала, смотрела, не идет ли он. Я начала думать, что он, может быть, умер, и тут однажды ночью мой сон вселил в меня надежду. На следующую ночь и на следующую за ней я видела тот же сон, а на четвертую, когда мой сон привиделся мне снова и сказал мне то же, я поняла, что это правда, что он жив. «Далеко на севере, — сказал мне мой сон, — на реке в прериях твой вождь лежит раненый и больной в лагере жителей прерий. Иди, отыщи его и помоги ему выздороветь. Он грустит в одиночестве, он зовет тебя»,

Я собралась и однажды вечером, когда все уснули, отправилась в путь — это был единственный способ уйти. Если бы отец и мать знали, что я собираюсь сделать, они бы меня задержали. Я взяла с собой еды, шило и сухожилия, большой запас кожи для мокасин. Когда моя провизия кончилась, я стала ловить силками белок, зайцев, выкапывала корни; я не голодала. Но путь был долгий, очень долгий, и я боялась медведей, бродивших по ночам. Они не причинили мне вреда. Мой дух сна, должно быть, не давал им обидеть меня. Лагерь этот, сказал мне дух сна, там, откуда видны горы. После многих дней пути я вышла к Большой реке и еще много дней шла вниз по ней, пока не увидела дома белых, но лагеря, который искала, не нашла. Повернув на север и дойдя до первой реки, я двинулась вдоль нее к горам, но и там не нашла людей. Тогда я снова пошла на север и шла, пока не вышла к этой маленькой речке, и здесь встретила вас. Скажите мне, не в нашем ли лагере мой вождь?

Вы говорите, сумасшедшая? Ну, это зависит от точки зрения. Есть люди, верящие в «рай, обещанный пророками». Некоторые, например, верят в откровение, будто бы явленное некоему Джозефу Смиту; другие веруют в Аллаха; некоторые — в исцеление болезней верой во Христа; у других разные иные религии и верования. Если все они сумасшедшие, то и эта индейка была сумасшедшая, так как верила в сон, ни на секунду не сомневаясь, что, следуя его указаниям, она найдет своего дорогого пропавшего мужа. Для большинства индейцев сон — это действительность. Они верят, что во сне общаются с духами, верят, что их тени-души, временно освободившись от тела, странствуют далеко и переживают разные приключения. Если, например, черноногому приснится зеленая трава, то он абсолютно уверен, что доживет до следующей весны.

Мы, конечно, были вынуждены сказать страннице, что ее пропавшего мужа нет в нашем лагере. Хорьковый Хвост сообщил ей также, что у нас гостят несколько северных черноногих и людей племени блад, и посоветовал пойти с нами и расспросить их. Она охотно согласилась на это, и мы отправились домой. Мой друг ехал на норовистой маленькой кобыле, на которой нельзя было сидеть вдвоем; я был вынужден посадить женщину позади себя,

и мы вызвали сенсацию, когда около захода солнца въехали в лагерь.

Хорьковый Хвост согласился приютить ее в своей палатке, и я надеялся, что ссажу ее поблизости, не замеченный хозяйкой одного дома, стоявшего немного дальше. Но не тут-то было. Я издалека увидел Нэтаки; она стояла и смотрела на нас, на красивую молодую женщину, сидящую верхом позади меня, крепко обхватив руками мою талию. Когда я подъехал к своей палатке, никто меня не встретил; впервые мне позволено было расседлать самому свою лошадь. Я вошел в палатку и сел. Нэтаки жарила мясо; она не заговорила со мной и не подняла глаз. Молча она подала мне воду, мыло, полотенце и гребень. Когда я умылся, Нэтаки поставила передо мной миску супу, мясо, и тут она посмотрела на меня грустным, укоризненным взглядом. Я глупо и растерянно ухмыльнулся; хотя я ни в чем не был виноват, но как-то не мог ответить на ее взгляд и поскорей занялся едой. Жена моя убежала в другой конец палатки, покрыла голову шалью и расплакалась. Раньше мне казалось, что я голоден, но почему-то еда была невкусная. Я немного поел, нервничая, затем вышел и отправился к Хорьковому Хвосту.

— Пошли свою мать в мою палатку, — сказал я, — и пусть она все расскажет Нэтаки.

— Ага! — засмеялся он. — Молодые поссорились, да? Девочка ревнует? Ладно, мы это живо уладим. — И он попросил мать пойти к нам.

Часа через два, когда я пошел домой, Нэтаки встретила меня радостной улыбкой, настояла на том, чтобы я поужинал второй раз, и подарила мне пару роскошных мокасин, которые она тайно шила, чтобы принарядить меня.

— Бедная Женщина Снейк, — сказала она, когда мы уже засыпали, — как мне ее жалко. Завтра я подарю ей лошадь.

Глава XIV

Женщина Снейк ищет своего мужа

Нэтаки гордилась принадлежавшим ей маленьким табуном лошадей, частично родившихся от кобыл, которых в разное время дарили ей родственники. Она любила говорить об этих лошадях, описывая цвет, возраст и приметы каждой. Безлошадный черноногий был мишенью упреков и предметом жалости. Лошади составляли богатство племени, и владелец большого табуна занимал положение, которое можно сравнить только с положением миллионера у нас. Были отдельные индейцы, которым принадлежало от ста до трехсот — четырехсот лошадей. Если у владельца не было сыновей, то он брал какого-нибудь мальчика-сироту, чтобы пасти табун и водить лошадей два или три раза в день на водопой. Владельцы любили часами сидеть в прерии или на холмах, чтобы быть среди табуна и наслаждаться видом лошадей, щиплющих сочную траву. Когда кто-нибудь умирал, основная часть его собственности делилась между мужскими родственниками; их бывало так много, что редко случалось кому-либо наследовать значительное число лошадей. Тому, кто мог считать своих лошадей сотнями, они доставались во время частых набегов на соседние племена, в лагеря которых нужно было прокрадываться ночью, в рукопашных схватках во многих боях. Не удивительно, что такой

человек гордится своими лошадьми, самим собой и что народ относится к нему с уважением.

Табуном Нэтаки ведал ее дядя, Рыбья Шкура, у которого тоже было много лошадей. Когда на другой день, после того как мы нашли Женщину Снейк, лошадей Нэтаки выгоняли на пастбище, она выбрала сытую, толсто-брюхую пегую лошадь, выпросила у одной из теток старое женское седло, наложила его на лошадь и отвела ее к палатке Хорькового Хвоста. Она передала Женщине Снейк концы поводьев. Сначала та не понимала, что означает этот жест. Но когда Нэтаки знаками объяснила ей, что лошадь будет ее, что это подарок, она так радовалась, что приятно было на нее смотреть. Обе женщины очень подружились, и некоторое время Женщина Снейк жила с нами. «Я отдыхаю, — говорила она, — и расспрашиваю посетителей из других племен. Если я вскоре ничего не услышу о своем вожде, то снова отправлюсь на поиски».

Но ей не было суждено исполнить свое намерение. Однажды, когда Нэтаки и она собирали в лесу дрова, мимо них прошел направлявшийся в наш лагерь отряд племени блад. Она побежала за ними со всех ног. Нэтаки последовала за ней, думая, что бедная женщина лишилась разума. Гости слезли с лошадей и вошли в палатку нашего вождя. Женщина Снейк, взволнованная, дрожащая, указывала на чернопегую лошадь, одну из тех, на которых приехали гости, и говорила на языке жестов:

— Я знаю ее, лошадь моего вождя. Спросите этого человека, где он ее взял.

Нэтаки вошла в палатку и передала просьбу одной из женщин, а та, как только в разговоре наступила пауза, повторила просьбу Большому Озеру. Конечно, все ее слышали, и один из гостей сказал:

— Пегая лошадь моя, я захватил ее.

— Введите эту женщину сюда, — приказал Большое Озеро и рассказал гостям о том, как мы нашли ее одну в прерии, про ее сон и поиски мужа.

Она вошла, горя нетерпением, позабыв о врожденной женской робости, туда, где сидело много вождей и старейшин.

— Кто, — быстро показывала она жестами, — кто ехал на пегой лошади?

— Я, — ответил жестами блад, — в чем дело?

— Это моя лошадь, лошадь моего мужа, та, на которой он выехал из дому однажды утром, три месяца тому назад. Что с моим мужем? Видел ли ты его? Как его лошадь попала к тебе?

Блад поколебался мгновение, затем ответил:

— Мы были в военном походе далеко к югу от Многодающей земли*. Как-то на рассвете на нас напал человек верхом на пегой лошади, и я убил его. Лошадь я взял себе.

Когда он жестами отвечал ей, женщина вдруг заметила на нем ожерелье из медвежьих когтей. Указывая на него, она задохнулась ужасным, полным отчаяния рыданием и выбежала вон из палатки. Она пробежала, плача, через лагерь, села на краю леса, накрыла голову плащом и начала причитать по убитому.

Слышал ли читатель когда-нибудь, как женщина из прерии оплакивает потерю любимых, как она в отчаянии, с разбитым сердцем часами повторяет его или ее имя снова и снова? Нет ничего на свете горестнее, сильнее передающего чувство человека, которого смерть лишила любимого ребенка, родственника, товарища. Я могу сравнить с этим одно — стон горюющей голубки. Этот плач воплощает все чувства, все мысли совершенно одинокой, покинутой. Я где-то читал или слышал, будто бы индеец, сегодня потерявший кого-нибудь, забывает об этом назавтра. К черноногим и манданам это никак не относится. Не раз я слышал, как черноногие горюют о человеке, умершем много лет тому назад. Манданы заботились об останках покойников. Каждая семья хоронила своих на кладбище, располагая могилы маленьким кругом, и оставшиеся в живых часто отправлялись туда, чтобы положить там самую лучшую еду и поговорить с черепами дорогих покойников в точности так, как если бы они были живы во плоти. Не годится англосаксу кичиться постоянством своих привязанностей; этому он может еще поучиться у презираемых им краснокожих. У индейцев — я говорю об упомянутых выше двух племенах — никогда не бывало разводов, кроме случаев, когда они были вызваны супружеской изменой, да и такие разводы были редки. Никогда

* Местность вблизи Хелины (штат Монтана). Этот город, кстати, носит у черноногих то же имя. Край был богат дичью и ягодами, откуда и его название Кво-токвюси-сакэм (Многодающая земля). — *Прим. авт.*

также индейцы не мучат и не бросают своих детей. Родители-индейцы безгранично любят своих детей, гордятся ими, жертвуют для них всем. И с такой же любовью молодежь относится к старшим. Семейные узы у них священные.

Я часто слышал, как черноногие называют белых бессердечными за то, что они оставили своих родителей и родной дом, чтобы странствовать в поисках приключений по чужим землям. Они не могут понять, как человек, чувствующий по-настоящему, может расстаться с отцом и матерью, как бывает у нас, на месяцы и годы. «Жестокие сердца», «сердца из камня», — говорят они о нас, и не без основания.

Женщина Снейк продолжала горевать, проводя в плаче большую часть времени наверху на холме или на опушке леса. Она отрезала себе волосы, расцарапала щиколотки, мало ела, похудела, смотрела на все безучастно. Наконец настал день, когда она, вместо того чтобы встать со всеми жившими в палатке Хорькового Хвоста, осталась лежать на своем ложе.

— Я умираю, — сказала она на языке жестов, — и рада этому. Я не поняла своего сна. Я думала, что мне велено искать моего вождя во плоти. На самом деле сон значил, что моя тень должна искать его тень. Теперь я это поняла ясно и через несколько ночей отправлюсь за ним. Я знаю, что найду его.

И она отправилась за ним. Она умерла на четвертый день болезни. Женщины с уважением, достойно похоронили ее на стоявшем неподалеку дереве*.

* У черноногих, как и у многих других племен земного шара, в прошлом был широко распространен обычай хоронить умерших на деревьях или на высоких деревянных помостах, где их не достали бы хищные звери.

Глава XV

Я возвращаюсь к своим

Длинные летние дни текли неторопливо, мирно, счастливо. Не было нападений на нас военных отрядов, а молодежь, ходившая в походы на другие племена, возвращалась нагруженная добычей, без потерь.

Может быть, в те времена я не имел привычки особенно задумываться над разными вопросами. Но я чувствовал удовлетворение, был совершенно доволен тем, что приносил мне каждый день и каждый час, и не думал о будущем и о том, что оно мне сулит. Но одно меня беспокоило — настойчивые письма из дому, требовавшие моего возвращения. Я получал письма с опозданием на несколько месяцев, так же как и нью-йоркскую «Трибьюн» и другие газеты. Я перестал читать газеты, ограничиваясь заголовками; газеты меня не интересовали, но меня не могло не волновать содержание писем. Были серьезные причины, по которым я должен был прислушиваться к письмам и отправиться домой ко дню своего совершеннолетия или еще раньше. Немало неприятных минут переживал я перед тем, как взломать печати; затем, бросив их в огонь очага палатки, я отправлялся вместе с Нэтаки кататься верхом, или на какой-нибудь пир, или в собрание друзей. Интересно было видеть, с какой чрезвычайной тщательностью обращались с моей почтой. Мои друзья в Форт-Бентоне надежно увязывали ее в пакет, а

затем те, кому они ее вручали, снова заворачивали ее в разные покрывки и наново перевязывали. Черноногие всегда относились к письму и чтению как к важнейшему из умений. Бывало, какие-нибудь черноногие часами просиживали за рассматриванием картинок в моих журналах и газетах, и хотя они упорно держали их боком или даже вверх ногами, но, по-видимому, несмотря на это, понимали, что они значат. Нэтаки имела обыкновение разворачивать мои письма и пытаться узнать, что в них написано, хотя, разумеется, не знала ни одной буквы алфавита. Она очень быстро научилась узнавать почерк моей матери, и если я получал письма от других, написанные характерным женским почерком, внимательно глядела на меня, когда я их читал, а затем спрашивала, кто их написал.

— Ну, — отвечал я небрежно, — это письма от родственников, женщин нашего дома; просто они сообщают мне разные новости и спрашивают, здоров ли я, хорошо ли мне.

Тогда она с сомнением качала головой и восклицала:

— Родственники! Как же, родственники! Скажи мне по правде, сколько у тебя девушек в той стране, откуда ты пришел?

Я отвечал искренне, клялся Солнцем, призывая его в свидетели того, что у меня есть только одна любимая, которая стоит тут, и она удовлетворялась этим до получения следующей пачки писем. Лето шло, и письма стали приходить все чаще. Я понимал со все растущим сожалением, что дни моих счастливых, беззаботных странствований идут к концу, что я должен отправляться домой и начинать карьеру, которой от меня ждут.

Мы покинули Марайас вскоре после смерти Женщины Снейк и двинулись на юг через лощины Пан-д'орей-кули и ни. Мы разбили лагерь на реке Титон, которую Льюис и Кларк называли Тэнси, а черноногие удачно называли Ун-и-кис-ис-и-си-сак-та, Молочная река (Милк), так как воды ее в нижнем течении всегда молочного цвета. В конце августа мы перешли в местность, расположенную на этой реке, всего в трех милях к северу от Форт-Бентона. Почти каждый день я ездил туда, часто в сопровождении Нэтаки, у которой была какая-то неутолимая жажда ярких ситцев, лент, шалей и бус. Там мы встречались с Ягодой и его милой женой, с его матерью и Женщиной

Кроу; обе подруги недавно вернулись от манданов, у которых они гостили. Однажды в форт явился и Гнедой Конь со своим обозом. Он и Ягода делали приготовления к зимней торговле. У меня начало сильно портиться настроение. Я показал им письма, сказал, чего от меня ждут, и объявил, что должен возвращаться на Восток. Они оба долго, громко, раскатисто хохотали и хлопали друг друга по спине, а я мрачно, с упреком смотрел на них. Мне не казалось, что я сказал что-нибудь шуточное или смешное.

— Он отправится домой, — сказал Гнедой Конь, — и будет впредь хорошим пай-мальчиком.

— И будет посещать церковь, — добавил Ягода.

— И будет ходить трудным, но праведным путем до скончания мира и тому подобное, — закончил Гнедой Конь.

— Видите ли, — возразил я, — я должен поехать, как бы мне ни хотелось остаться здесь с вами. Я просто должен ехать.

— Да, — согласился Ягода, — ты действительно должен поехать, но ты вернешься. Да, ты вернешься, и скорее, чем ты думаешь. Прерии и горы, свободная жизнь держат тебя и никогда не отпускают. Я знавал других, возвращавшихся отсюда в Штаты, но если они тут же не умирали, то скоро приезжали сюда обратно. Они ничего не могли поделать. Имей в виду, я сам туда возвращался. Поступил там учиться, но Монтана звала меня, и мне все время было не по себе, пока я не увидел снова ее освещенные солнцем пустые прерии и Скалистые горы, резко и ясно вырисовывающиеся вдаль.

— А потом, — вставил Гнедой Конь на языке черноногих, на котором говорил с такой же легкостью, как на английском, — а потом, как обстоит дело с Нэтаки? Ты думаешь, что можешь позабыть ее?

Он попал в самое чувствительное место. Это-то и мучило меня. Я не мог ответить. Мы сидели в углу в салуне Кено Билля. Я вскочил со стула, выбежал вон и, сев на лошадь, поскакал через холм в лагерь.

Мы поужинали: ели сушеное мясо и спинное сало (осаки), тушеные сухие яблоки — как все это было вкусно! — и хлеб, выпеченный из пресного теста. Потом я лег и несколько часов вертелся и метался на своем ложе.

— Нэтаки, — спросил я наконец, — ты не спишь?

— Нет.

— Я хочу тебе что-то сказать. Я должен на время уехать. Меня зовут мои домашние.

— Это для меня не новость. Я давно уже знала, что ты уедешь.

— Откуда ты знала? — спросил я. — Я никому об этом не говорил.

— Разве я не видела, как ты читаешь эти маленькие бумаги? Разве я не смотрела при этом на твое лицо? Я видела, что говорят тебе эти письма. Я знаю, что ты собираешься покинуть меня. Я всегда знала, что так будет. Ты такой же, как и все белые. Они все неверные, бессердечные. Они женятся на один день.

Она начала плакать. Всхлипывала не громко, а тихонько, с отчаянием, с болью в сердце. Как я себя ненавидел! Но я уже заговорил на эту тему. Я чувствовал, что должен довести дело до конца, и начал лгать ей, испытывая к себе с каждым мгновением все большую ненависть. Я сказал ей, что мне исполнился двадцать один год, что в это время белый юноша становится мужчиной. Я сказал, что я должен вернуться домой, чтобы подписать бумаги, касающиеся имущества, оставленного моим отцом.

— Но, — сказал я, призывая в свидетели моих слов Солнце, — я вернусь. Я вернусь через несколько месяцев, и мы снова будем счастливы. Пока меня не будет, Ягода позаботится о тебе и твоей доброй матери. Ты ни в чем не будешь нуждаться.

Так я лгал, объясняясь с ней. Я развеял ее опасения и утешил ее; она спокойно заснула. Но я не мог заснуть. Утром я опять поехал в форт и долго разговаривал с Ягодой. Он согласился заботиться о Нэтаки и ее матери, снабжать их необходимой пищей и одеждой до того времени, как я ему объяснил, пока Нэтаки не забудет меня и не станет женой другого. У меня перехватило горло, когда я сказал это. Ягода тихонько засмеялся.

— Она никогда не будет женой другого, — сказал он, — ты будешь счастлив вернуться. Не пройдет и шести месяцев, как я с тобой увижусь.

Последний в эту навигацию пароход разгружался у набережной; он должен был на следующее утро отправиться в Сент-Луис. Я вернулся в лагерь и стал готовиться к отъезду. Делать было почти нечего, только упаковать немного индейских вещей, которые я хотел взять

с собой на родину. Нэтаки поехала обратно в форт вместе со мной, и мы провели вечер с Ягодой и его семьей. Это было для меня невеселое время. Мать Ягоды и верная старая Женщина Кроу обе долго и серьезно читали мне лекцию об обязанностях мужа по отношению к жене, о верности; мне было больно слушать их, так как я собирался сделать то, что они так сурово осуждали.

Наутро я расстался с Нэтаки, пожал всем руки и взойшел на борт. Пароход вышел на середину реки, повернул, и мы понеслись вниз по быстрому течению через Шонкинскую косу и по излучине. Старый форт, счастливые дни прошедшего года превратились в воспоминания.

На пароходе было много пассажиров, главным образом золотоискателей из Хелины и Вирджиния-Сити, возвращавшихся в Штаты с большим или меньшим количеством золотого песка.

Они играли в карты, пили, и в тщетной попытке избавиться от своих мыслей я присоединился к их безумной компании. Помню, что я проиграл за раз триста долларов и что мне было очень плохо от скверных спиртных напитков. Около Кау-Айленда я чуть не упал за борт. Мы наехали на большое стадо бизонов, плывших через речку, и я попытался, стоя на носу, накинуть веревку на огромного старого самца. Петля удачно охватила его голову, но я и три моих помощника не рассчитывали на такой рывок, какой мы испытали, когда веревка натянулась. Мгновенно ее вырвало из наших рук. Я потерял равновесие и полетел бы вслед за ней в воду, если бы стоявший позади меня человек не схватил меня за ворот и не оттащил назад.

Каждый вечер мы пришвартовывались к берегу. Когда мы вошли в Дакоту, стали дуть встречные ветры. В начале октября, когда мы прибыли в Каунсил-Блафс, я с радостью покинул пароход и сел в поезд Тихоокеанской железной дороги. Через несколько дней я приехал в маленький город в Новой Англии, где был мой дом.

Я смотрел на город и его жителей новыми глазами. Я был равнодушен к ним. Это было красивое место, но все перегороженное заборами, а целый год я прожил там, где оград не знают. Люди здесь были хорошие, но какая узость мысли! Их жеманные и скованные условностями манеры напоминали безобразные изгороди, огораживающие здешние фермы. Вот как большинство из них меня

приветствовало: «А, юноша, значит ты вернулся домой? Целый год у индейцев прожил? Чудо, что тебя не оскальпировали. Индейцы, я слышал, — ужасный народ. Что ж, погулял и будет. Я думаю, ты теперь остепенешься и займешься каким-нибудь делом».

Только с двумя людьми во всем городишке можно было говорить о том, что я видел, что делал, так как только они могли понять меня. Один из них был бедный маляр, с которым порядочные люди не общались, так как он не посещал церкви и иногда среди бела дня заходил в бар. Другой был бакалейщик. Оба они охотились на лисиц и куропаток и любили жизнь в диких местах. Вечерами я долго сидел с ними у печки в бакалейной лавке, после того как степенные деревенские люди улягутся спать, и рассказывал об обширных прериях и горах, о диких животных и краснокожих. Воображение рисовало им эту чудесную страну и свободную жизнь в ней, и они вскакивали от волнения и шагали по комнате, вздыхая и потирая руки. Им хотелось увидеть, испытать все это, как видел и пережил я, но они были «прикованы к тачке». Они не могли оставить дом, жену, детей. Я жалел их.

Но даже им я ничего не говорил еще об одной ниточке, которая привязывала меня к той солнечной стране. Не было ни минуты, когда бы я не думал о Нэтаки и несправедливости, которую совершил по отношению к ней. За несколько тысяч миль, разделявших нас, я видел ее мысленным взором, видел, как она с безучастным видом помогает матери в разных домашних делах в палатке. Не слышно было ее звонкого, открытого, заразительного смеха, а выражение глаз было далеко не счастливым. Так я видел ее в воображении днем, а по ночам во сне. Я просыпался, зная, что только что говорил с ней на языке черноногих и пытался оправдать перед ней свою неверность.

Дни проходили убийственно однообразно в постоянных спорах с родными. Слава богу, с матерью я не спорил. Я думаю, что она сочувствовала мне. Но были еще дяди, и тети, и старые друзья моего давно умершего отца. Все они, конечно, имели самые лучшие намерения и считали своей обязанностью давать мне советы и заботиться о моем будущем. С самого начала мы заняли противоположные позиции. Они притянули меня к ответу в связи с

моим отказом посещать церковь. Посещать церковь! Слушать проповедь, наверное, о предопределении и о геенне огненной, уготованной всем, кто уклонится от трудного, но праведного пути. Я уже в это не верил. Год, проведенный с матерью-природой, и обильный досуг для размышлений научили меня многому. Не проходило дня, чтобы кто-нибудь из них не прочитал мне нотацию за то, например, что я выпил невинный стаканчик пива с каким-нибудь траппером или проводником из Северных лесов. В любом из этих простых лесных жителей было больше настоящей человеческой душевности, больше широты взглядов, чем в сердцах всех моих преследователей.

Наискосок от нас через дорогу жил добрый старый член методистской общины. У него была привычка по воскресеньям забираться в мансарду и молиться. В летний день, когда окна бывали открыты, можно было часами слышать, как он молит бога простить ему многие тяжкие грехи и даровать скромное местечко в будущей жизни. Он приходил ко мне и уговаривал изменить мой образ жизни. Изменить образ жизни! Что я такое сделал, думал я. Почему все они так обо мне беспокоятся? Был ли этот человек счастлив? Нет, он жил в вечном страхе перед ревнивым богом. Что я сделал? Я был ласков с «паршивыми овцами», жаждавшими услышать доброе слово. Я заходил в бар отеля среди бела дня и чокался с ними. По моему мнению, в этом не было греха. Но глубоко в сердце я носил большую тяжесть. Одно зло я совершил, большое зло. Что же будет с Нэтаки?

И вот настал вечер, когда все желающие мне добра собрались у нас дома. Они решили, что я должен купить дело уходящего на отдых купца, который за сорок или пятьдесят лет скопил небольшое состояние. Это была последняя капля. Я восстал и попытался высказать им, что я думаю о том ограниченном существовании, которое они ведут. Но я не находил слов и, схватив шляпу, выбежал из дома. Я вернулся домой уже после полуночи, но мать ждала меня. Мы сели у камина и поговорили обо всем. Я напомнил ей, что с ранних лет предпочитал лес и реку, ружье и удочку всем так называемым светским развлечениям; сказал, что не в состоянии жить в городке или даже в большом городе и заняться каким-нибудь городским делом, особенно таким, которое вынудит меня торчать в магазине или в конторе. И эта мудрая женщина признала,

что было бы бесполезно заниматься чем-нибудь в этом роде, раз у меня сердце не лежит к городской жизни. Она признала также, что лучше всего мне вернуться в прерии и горы, раз я уж так их полюбил.

О Нэтаки я не сказал ничего. Когда-нибудь в будущем, решил я, мать узнает от меня все. Впервые за последние несколько недель я лег спать с легким сердцем. Два дня спустя я сел в поезд. Прибыв в Сент-Луис, я остановился в Плантерс-отеле у радушного Бена Стикни. Тут я установил связь с тем, что меня интересовало. Я встречал здесь людей из Техаса и Аризоны, из Вайоминга и Монтаны, и мы говорили о неогороженной земле, об индейцах и торговле бизоньими шкурами, о скоте и золотодобытчиках, о разных пережитых нами приключениях. Мы собирались вечерами в холле, сидели и курили далеко за полночь или же всей компанией ходили знакомиться с городом вполне на западный манер. Если мы бывали чуть-чуть навеселе, то полиция относилась к этому снисходительно: полицейские смотрели в другую сторону, когда мы в своих широкополых шляпах проходили мимо гурьбой, иногда распевая во весь голос.

Я не забывал и Нэтаки. Я купил еще один чемодан и, бродя по магазинам, набрал много разных предметов туалета интересного и красивого рисунка: нитки бус, два браслета змейкой, золотое ожерелье и всякие другие вещи, дорогие женскому сердцу. Под конец чемодан был набит так, что я едва закрыл его; собрав свои вещи, я сел в поезд, идущий в Коринн (штат Вайоминг). Мы пробыли в пути, помнится, четверо суток. Оттуда я ехал неделю лошаадьми до Хелины и еще два дня до Форт-Бентона. Первое, что я спросил, было «где Ягода?» Торговец на пункте ответил, что Ягода в устье Марайаса с пиеганами, но мать его и Женщина Кроу живут здесь, в долине, выше по реке, и, подмигнув мне, понимающе добавил, что, кажется, с ними живет одна молодая женщина, по имени Нэтаки.

Было еще раннее утро. Я вышел из лавки и побежал по пыльной тропе. Из трубы домика начал подниматься легкий дымок. Я толкнул дверь и вошел. Нэтаки стояла на коленях перед очагом, раздувая неохотно разгоравшееся пламя.

— Ах, — воскликнула она, вскакивая и подбегая ко мне, — он приехал! Мой муж приехал!

Она обхватила мою шею руками и поцеловала меня; через мгновение она уже была в другой комнате и кричала:

— Проснитесь, вставайте, мой муж вернулся!

Мать Ягоды и Женщина Кроу выбежали и тоже стали обнимать и целовать меня. Мы пытались все говорить разом, Нэтаки повисла на моей руке и смотрела на меня полными слез глазами.

— Ах, — повторяла она, — они меня все время уверяли, что ты не вернешься, но я знала, что они ошибаются. Я знала, что ты меня не забудешь.

Вот это действительно были мои близкие. Я вернулся к себе. Я поклялся никогда больше даже не помышлять о том, чтобы оставить свою маленькую жену, что бы ни случилось, и я сдержал свое слово. Я говорю «сдержал слово», да у меня ни разу не было ни основания, ни желания поступать иначе.

Странный получился завтрак у меня с Нэтаки. Собственно говоря, завтрака и не было. Мы оставили попытки есть, и она рассказывала обо всем, что произошло за время моего отсутствия. Затем она начала расспрашивать меня, что я все это время делал, что я видел, здорова ли моя матушка. Мне нечего было рассказывать. Я хотел только слушать, как она говорит, видеть, как она счастлива, и это делало меня тоже счастливым. Через некоторое время доставили мои чемоданы, и я, передавая ей ключ от одного из них, сказал, что чемодан и все, что в нем, ее. Сколько было возгласов изумления и восхищения, когда она распаковывала и разворачивала разные вещи и раскладывала их тут и там на столе, на ложе, на стульях. Она надела через голову ожерелье, защелкнула на руках браслеты, подбежала ко мне, молча поцеловала меня, потом сняла их.

— Они слишком хороши, — сказала она, — я недостаточно красива, чтобы носить их.

Потом она вернулась ко мне и прошептала:

— Но всего этого для меня слишком много. Можно мне подарить часть моим бабушкам? Она подразумевала миссис Ягodu и Женщину Кроу.

Среди вещей было несколько платьев скромного рисунка и шали, которые и предназначались для «бабушек». Я сказал, что эти вещи будут подходящими подарками для пожилых женщин. Как она была довольна, когда

взяла их и отнесла нашим верным друзьям. Оглядываясь назад, на это утро, я думаю о нем как об одном из самых приятных в моей жизни.

Немного спустя я вышел прогуляться и зашел в салун Кено Билля. Декабрь, но снега на земле нет. Солнце прогревает, дует слабый чинук. Я подумал о далекой деревне в Новой Англии, погребенной под трехфутовым слоем снега, и содрогнулся.

В салуне Кено Билля я застал обычную компанию. Судья Д., блестящий юрист, бывший командир в войну фениев*, играл в карты с шерифом на угощение. Нескольким погонщикам быков и мулов дулись в фараон. Трапперы в замшевой одежде и лисьих шапках, обутые в мокасины, спорили о том, как лучше всего ставить капкан на бобра в покрытой льдом запруде. Все они были рады видеть меня, и меня сейчас же повели к стойке. Кто-то спросил, между прочим, что нового в Штатах. Не то чтобы их это интересовало; они говорили о Штатах как о далекой чужой стране.

— Гм! — сказал судья Д. — Ты там недолго пробыл, а?

— Да, — ответил я, — недолго. Мне и в Монтане хорошо.

— Монтана! — воскликнул судья, подымая стакан. — За Монтану и ее обласканные солнцем прерии! За ее величественные горы, за ее индейцев и бизонов и за тех из нас, кого благосклонная судьба подарила жизнью в пределах Монтаны! Боги возлюбили нас больше всех остальных людей!

Мы все аплодировали этому тосту и осушили стаканы.

Так бывало в пограничных городах. Кто-нибудь с утра начинает утолять внезапно возникшую жажду, и остальные по одному, по двое, по трое, по четверо присоединяются к нему — купцы, юристы, доктора, все — до тех пор, пока не останется ни одного трезвого, пока все не будут навеселе и вполпьяна. На этот раз начал судья Д. — мир праху его. К четырем часам дня народ уже разошелся вовсю. Я оставил компанию и отправился домой. Меня больше прельщала бизонья шкура, ложе и трубка, огонь в камине и общество веселой Нэтаки.

* Ирландские революционеры, боровшиеся за освобождение страны от англичан. Имеются, вероятно, в виду неудачные попытки восстания 1865—1868 годов. — *Прим. пер.*

Перед заходом солнца вдруг вкатились Ягода и Гнедой Конь со своими женами. Как я был рад снова видеть их всех!

— А вы не думали, что я вернусь? — спросил я нерешительно.

Они рассмеялись.

— Разве я тебе не говорил, что ты вернешься, — сказал Ягода. — Я только удивляюсь, почему ты не приехал раньше.

Мы до поздней ночи сидели у огня. Женщины болтали в другой комнате. Отправились спать.

— Маленькая моя, — сказал я, беря Нэтаки за руку, — пожалей своего мужа. Он не такой хороший, как следовало бы. В его сердце есть нехорошие...

— Молчи! — воскликнула она. — Молчи! Ты хороший, совсем хороший. Я не хочу, чтобы ты был другим; будь такой, какой ты есть. Ты вернулся ко мне. Я не могу сказать, как я счастлива, я не умею выразить этого,

Глава XVI

История просыпающегося волка

Когда Ягода и Гнедой Конь вернулись в устье Марай-аса, Нэтаки и я, конечно, отправились с ними. Известие о нашем предстоящем приезде опередило нас, и, когда мы в сумерки прибыли в большой лагерь пиеганов, наша палатка уже стояла между палатками Говорит С Бизоном и Хорькового Хвоста. Рядом лежала куча дров; внутри весело пылал разведенный огонь; в глубине палатки было разостлано наше ложе из мягких бизоновых шкур и теплых одеял, стояли сиденья для гостей с удобными спинками, на своих местах были разложены наша кухонная утварь и кожаные сумки, наполненные сухими ягодами, самым лучшим сушеным мясом, языками и пеммиканом. Все это сделала матушка Нэтаки, встретившая дочь крепкими объятиями и поцелуями, а меня сдержанным, но искренним приветствием. Она была хорошая женщина, можно сказать благородная женщина. Да, благородная, возвышенная, жертвующая собой женщина, всегда что-нибудь делающая для облегчения страдания больных и горя осиротевших.

Едва я успел вылезть из фургона и войти в палатку, предоставив Нэтаки и ее матери вносить наше имущество, как начали приходить мои друзья. Они, видимо, были очень рады снова встретиться со мной. И я был рад увидеть их и услышать, как они, крепко пожимая мне

руку, говорили: «А-ко-тво-ки-тук-а-ан-он» — «наш друг вернулся».

Они коротко рассказывали мне о случившемся за время моего отсутствия, а затем потребовали, чтобы я рассказал о своей поездке. Пока Нэтаки готовила небольшое угощение, а они курили, я рассказал им о поездке, как мог, назвав число дней, в течение которых плыл пароходом, а затем ехал поездом, чтобы добраться до дома, покрыв расстояние, которое потребовало бы 100 ночевок, если бы я ехал верхом. Я должен был повторить этот рассказ несколько раз в течение вечера у разных друзей и в палатке вождя. Когда я кончил, старик вождь стал особенно расспрашивать о железной дороге и поездках, огненных фургонах — ис-тей ан-и-кас-им, как он их называл.

Он хотел знать, не подвигаются ли железные дороги к его стране.

— Нет, — ответил я, — сюда они не приближаются. Есть только одна, идущая с востока на запад и проходящая далеко к югу отсюда по земле племени вулф (волк) и питающихся бараниной.

— Так, — сказал он, задумчиво поглаживая подбородок, — так! Эту дорогу многие из нас видели во время набегов на юг. Да, мы ее видели, видели ее фургоны, набитые людьми, с ревом мчавшиеся по прерии, убивая и распугивая бизонов. Напиши как-нибудь нашему Великому отцу (президенту) и скажи ему, что мы не допустим, чтобы железная дорога появилась в нашей стране. Да, скажи ему, что я, Большое Озеро, шлю ему такое послание: «Мы не позволим белым прокладывать путь для огненных фургонов через страну моего народа или сесть здесь и вскапывать почву в наших долинах, чтобы сажать то, чем они питаются».

В этот вечер я присутствовал на многих ужинах; едва заканчивалось посещение одной палатки, как меня приглашали в другую. Было уже поздно, когда я наконец вернулся домой и лег отдыхать; песни и смех большого лагеря, вой волков и койотов убаюкивали меня. Думая о далекой деревне в Новой Англии, погребенной в глубоком снегу, и об ее унылой скуке, я пробормотал: «Трижды благословен я милостивыми богами».

Нэтаки толкнула меня локтем.

— Ты разговариваешь во сне, — сказала она.

— Я не спал, я думал вслух.

— О чем же ты думал?

— Боги милостивы ко мне, — ответил я, — они добры ко мне и дали мне много счастья.

— Да, — согласилась она, — они добры. Нам нечего просить у них, они дали нам все. Завтра мы принесем им жертву.

Я заснул под ее молитву, решив, что Восток меня никогда больше не увидит, разве что иногда как гостя, быть может.

На следующий день вожди и старейшины держали совет и решили, что мы должны перекочевать к подножию гор Бэр-По. Мы отправились туда по бурой, усеянной бизонами прерии и разбили лагерь на речке, вытекавшей из заросшей соснами лощины. Здесь мы оставались несколько дней.

Тут было много вапити, оленей, горных баранов, и на утренней охоте Скунс и я убили четырех жирных самок, выбрав их, а не баранов, так как период спаривания уже почти закончился. Стада этих, ныне ставших редкими животных были так многочисленны, что мы, несомненно, могли бы убить двадцать баранов и больше, если бы только захотели. Но мы взяли не больше того, что могли унести наши лошади.

Вернувшись в лагерь, я застал Нэтаки занятой очисткой от мездры шкуры самки бизона, которую я убил. Она привязала шкуру к раме из четырех жердей для остова палатки и заморозила ее; в таком состоянии шкура легче очищается применяемым для этого коротким скребком из рога вапити со стальным режущим краем. Но и в таких условиях работа эта чрезвычайно тяжела и крайне утомительна. Я сказал, что мне хотелось бы, чтобы она перестала заниматься такой работой. Что-то в этом роде я уже говорил по такому же случаю, и на этот раз тон мой был, может быть, немного резок. Она отвернулась от меня, но я успел заметить, что по щекам ее покатались слезы.

— Что я сделал? — спросил я. — Я совсем не хотел доводить тебя до слез.

— Что же, я ничего не должна делать, — спросила она в свою очередь, — только сидеть в палатке сложа руки? Ты охотишься и добываешь мясо, ты покупаешь у торговцев разную пищу, которую мы едим. Ты покупаешь мне одежду и все остальное, что я ношу, чем пользуюсь. Я тоже хочу что-нибудь делать, чтобы мы могли жить,

— Но ты же много делаешь. Ты готовишь, моешь посуду; ты даже таскаешь дрова. Ты шьешь мне мокасины и теплые перчатки, стираешь мою одежду. Когда мы переходим на новые места, ты разбираешь и ставишь палатку, навьючиваешь и развьючиваешь лошадей.

— И все-таки большую часть времени я ничего не делаю, — сказала она прерывающимся голосом, — и женщины отпускают шутки и смеются надо мной, говорят, что я гордая и ленивая, ленивая! Слишком гордая и слишком ленивая, чтобы работать!

Я поцеловал ее, осушил ее слезы и сказал, чтобы она дубила столько шкур, сколько ей захочется, но только не работала слишком много и подолгу за раз. Немедленно она расцвела улыбками и, приплясывая, выскочила из палатки; вскоре я услышал однообразное чик-чик-чик — звук скребка о мерзлую шкуру.

Однажды ночью вокруг луны появилось слабосветящееся кольцо, а наутро более яркое кольцо окружало солнце, по обе стороны от которого были видны большие ложные солнца. Кольца эти предвещали наступление в недалеком будущем сильной бури; радужные ложные солнца были надежным предупреждением, что какой-то враг, может быть большой военный отряд, приближается к нашему лагерю. Такое сочетание событий было неблагоприятно, и для обсуждения его был созван совет. Племя не боялось встречи с любым врагом, который захочет вступить с нами в бой, но ночью в сильную бурю отряд мог бы, несомненно, приблизиться невидимо и неслышно и украсть много лошадей; снег, гонимый метелью, начисто закроет следы отряда, и его нельзя будет преследовать и настигнуть. Решено было немедленно сняться и перейти в устье Крик-ин-зе-миддл, на Миссури. Если выпадет много снега и установятся сильные холода, то будет легче укрываться в глубокой долине реки. Лошадей можно тогда кормить сочной корой тополей, и они сохранят отличное состояние. Из-за переноса лагеря враг, в приближении которого совет был уверен, вероятно, не сможет обнаружить наши следы, особенно если обещанная приметами буря наступит скоро. К десяти часам последняя палатка была снята и уложена, и мы потянулись на юго-восток к намеченной цели. В полдень пошел снег. Вечером мы стали лагерем в Крик-ин-зе-миддле (Речка Посередине), названной так потому, что истоки ее находятся

на полпути от гор Бэр-По к горам Литтл-Роки. Первые путешественники называли ее Кау-Крик (Коровья речка).

На следующее утро продолжал падать легкий снежок и сильно похолодало. Тем не менее мы снова снялись и двинулись дальше; еще засветло мы пришли к реке. Здесь мы намеревались оставаться довольно долго; охотники разъехались, кто ближе, кто дальше, по обеим сторонам долины и в прерии, расставляя западни для волков. В то время стрихнин еще не вошел во всеобщее употребление. Западни делались просто из нескольких пестов длиной в шесть — восемь футов, поставленных под углом примерно в сорок пять градусов и поддерживаемых двумя подпорками. На песты накладывали несколько центнеров больших камней. Когда волк хватал приманку в глубине западни, тяжелая крыша обрушивалась и придавливала его. Ягода и Гнедой Конь всячески поощряли ловлю волков, так как в Штатах появился большой спрос на волчьи шкуры. Там из них делали полости для саней. Шкуры первого сорта продавались в Форт-Бентоне по четыре-пять долларов за штуку.

Буря не очень разыгралась, и через несколько дней снова задул теплый чинук. Не появился также и ожидавшийся военный отряд. Дела моих друзей-торговцев шли так хорошо, что им приходилось каждые две-три недели ездить снова за товарами или, когда можно было, присоединяться к партиям индейцев, отправлявшихся посетить Форт-Бентон.

Я много слышал об одном белом, его звали Хью Монро, или на языке черноногих Просыпающийся Волк — Макво-ай-пво-атс. Однажды во второй половине дня мне сказали, что он со своим многочисленным семейством прибыл в лагерь, и немного спустя мы встретились с ним на пиру, заданном Большим Озером. Вечером я пригласил его к себе в палатку и долго разговаривал с ним за ужином; мы ели хлеб, мясо и бобы и выкурили множество трубок. С течением времени мы с ним крепко подружились. Просыпающийся Волк, несмотря на старость, был одним из самых живых и деятельных людей, каких мне пришлось встречать. Это был голубоглазый блондин, приблизительно пяти с половиной футов росту, с твердо очерченным, квадратным подбородком и сильно выдающимся носом; черты его изобличали его действительный харак-

тер — смелый и решительный. Отец Просыпающегося Волка, Хью Монро, был полковником английской армии, мать происходила из Ла-Рошей, знатной французской эмигрантской семьи монреальских банкиров, владевших крупными поместьями в этом краю. Хью-младший родился в имении в Тририверсе, он недолго ходил в церковную школу, только пока не научился читать и писать. Все каникулы и много дней, когда он пропускал занятия, Хью проводил в большом лесу, окружавшем имение. Любовь к природе, к приключениям, к жизни в первобытных условиях была у него в крови. Хью появился на свет в июле 1798 года. В 1813 году, всего пятнадцати лет от роду, он убедил родителей разрешить ему поступить на службу Компании Гудзонова залива и весной того же года отправился на Запад с флотилией каное. Отец дал ему хорошее английское гладкоствольное ружье, мать пару знаменитых дуэльных пистолетов Ла-Роша и молитвенник. Духовник семьи подарил Хью четки и крест и велел молиться почаще. Флотилия плыла все лето и осенью прибыла на озеро Виннипег; там они зазимовали. Весной, как только озеро очистилось ото льда, путешествие возобновилось, и наконец в один из июльских дней Монро увидел Маунтин-Форт, новую факторию компании, построенную на южном берегу реки Саскачеван, недалеко от подножия Скалистых гор.

Вокруг форта стояли лагерем тысячи черноногих, ожидая начала продажи привезенных флотилией товаров или надеясь получить в кредит порох и пули, кремневые ружья, капканы и табак на предстоящий охотничий сезон. У компании еще не было переводчика, знающего язык черноногих; речь их переводилась сначала на язык кри, а затем уже на английский. Многие из собственно черноногих, северные черноногие, хорошо говорили на языке кри, но более южные племена союза черноногих, блады и пиеганы, не понимали кри. Начальник фактории, несомненно, заметив у Монро необычные способности, сразу поручил ему жить и кочевать с пиеганами, чтобы изучить их язык и проследить также за тем, чтобы они будущим летом вернулись со своими мехами в Маунтин-Форт. Поступили известия, что американские купцы, следуя по пути Льюиса и Кларка, с каждым годом продвигаются все дальше и дальше на запад и достигли устья реки Йеллоустон, приблизительной восточной границы обшир-

ной территории, которую черноногие считают своими охотничьими землями. Компания опасалась конкуренции американцев. Монро должен был, как только сможет, мешать им.

«Наконец наступил день нашего выхода, — рассказывал мне Монро, — и я выступил в поход вместе с вождями и знахарями во главе длинного каравана. Тут были жители 800 палаток пиеганов, около 8000 человек. Им принадлежало несколько тысяч лошадей. Какое это было грандиозное зрелище: длинная колонна всадников, волокуши и выючные лошади и просто незанятые лошади, идущие по прериям. Да, это было грандиозное, вызывавшее восхищение зрелище! Весь долгий день мы все ехали и ехали на юг и примерно часа за два до захода солнца подъехали к краю долины, в которой текла красивая речка, окаймленная тополями. Мы спешили на верху холма и разостлали свои плащи, намереваясь посидеть на них, пока караван не спутится мимо нас в долину, чтобы расставить палатки. Один знахарь вынул большую каменную трубку, набил ее и стал пытаться разжечь, пользуясь кремнем, огнивом и куском трута, но ему почему-то не удавалось высечь искру. Я сделал ему знак передать трубку мне и, вытащив из кармана увеличительное стекло, навел его на фокус — табак зажегся, и я несколько раз затянулся через длинный чубук. Все сидевшие вокруг, как один, вскочили на ноги и бросились ко мне, крича и жестикулируя, будто они все сошли с ума. Я тоже вскочил, страшно испуганный, думая, что они сейчас что-нибудь со мной сделают, может быть убьют меня, но за что, я не понимал. Сам вождь стремительно выхватил у меня из рук трубку и начал курить ее и молиться. Но он успел затянуться только раз или два, как кто-то другой схватил ее, а у него ее взял еще кто-то. Другие оборачивались и говорили речи проходящей колонне. Мужчины и женщины соскакивали с лошадей и присоединялись к нашей кучке. Матери теснились около меня и терли об меня своих детей, произнося при этом горячие молитвы. Я различил слово, которое успел уже узнать, «Натос» — Солнце, и внезапно мне стал ясен смысл всей суматохи: они думали, что я обладаю большой магической силой, что я призвал само Солнце зажечь трубку и оно исполнило мою просьбу. Мой жест, когда я держал руку со стеклом

над трубкой, означал обращение к их богу. Возможно, что они не заметили увеличительного стекла, или если и заметили, то приняли его за тайное магическое средство или амулет. Как бы то ни было, но я вдруг стал значительным лицом. С этого времени ко мне относились с величайшим вниманием и лаской.

Когда я вечером вошел в палатку Одиного Ходящего — вождя племени (я был его гостем), меня встретило глухое рычание, раздавшееся с обеих сторон входа. Я ужаснулся, увидев двух почти взрослых медведей-гризли, казалось готовых броситься на меня. Я остановился и замер на месте, но волосы мои, кажется, начали становиться дыбом; у меня было ощущение, что все мое тело сжимается. Мне недолго пришлось пробыть в таком напряжении. Одиного Ходящий отозвал своих любимцев, и они немедленно улеглись, положив морды между лапами, а я прошел к указанному мне месту, первому ложу по левую руку вождя. Прошло порядочно времени, пока я привык к медведям, и в конце концов у меня с ними установились сносные отношения. Они перестали рычать на меня, когда я входил в палатку или выходил из нее, но не позволяли прикоснуться к ним; если я делал такую попытку, они взъерошивали шерсть и готовились драться. Весной однажды ночью медведи исчезли, и больше их никто не видел. Одиного Ходящий был безутешен; много дней он ходил на поиски и звал их, но тщетно. Говорят, что медведя-гризли нельзя приручить, но эти два гризли во всяком случае казались достаточно ручными; по-видимому, они по-настоящему любили своего хозяина, который кормил их сам. Их никогда не привязывали, и, когда наш лагерь переходил на новые места, они шли следом за волокушами его семейства вместе с собаками. Спали они всегда там, где я их впервые увидел, — по обе стороны от входа.

Есть ли среди нас, охотников нашего времени, исследователей-любителей, хоть один, кто не радовался бы, найдя спрятанное далеко в глубине леса озерко или же скрытый в недоступных твердых гор ледник, когда он твердо знает, что их не видел еще ни один белый, или же, взобравшись на еще не покоренный и безымянный пик, сам давал бы ему имя, какое захочет, которое впоследствии принимают все и печатают на картах правительственного картографического бюро? Представьте же себе, что

должен был чувствовать юный Просыпающийся Волк, спускаясь на юг по широким прериям в тени гигантских гор, расположенных между Саскачеваном и Миссури; юноша знал, что он первый представитель своей расы, который видит все это. Его наслаждение было еще глубже от того, что он путешествовал с совершенно первобытным народом, среди которого многие еще пользовались каменными наконечниками стрел и копий и каменными ножами; с народом, языка и обычаев которого не понимал ни один белый, а он, Просыпающийся Волк, должен был со временем изучить. Ах, если бы нам выпало это счастье! Мы опоздали родиться!

Монро часто вспоминал об этом первом путешествии с пиеганами как о самом счастливом времени своей жизни. Передвигаясь небольшими переходами, иногда обходя подножия гор, а затем снова пересекая в сорока — пятидесяти милях от них широкие прерии, индейцы пришли ко времени листопада к реке Груды Скал (называемой белыми река Сан). Здесь они пробыли три месяца, а остаток зимы провели на Желтой реке (Джудит). Пиеганы пересекли путь, которым шли Льюис и Кларк, и снова оказались в обширной области, по которой не проходил еще ни один белый. С наступлением весны они двинулись еще дальше на юг, к реке Масселшелл, потом вниз по ней до слияния ее с Миссури, пересекли эту большую реку и продолжали кочевать в западном направлении вдоль подножия гор Литтл-Роки, а оттуда мимо гор Бэр-По до реки Марайас и ее притоков. Давно уже было решено, что до лета черноногие не вернутся в Маунтин-Форт. Ружья и пистолеты были уже бесполезны, так как были расстреляны до последнего все заряды пороха и пули. Но какое это имело значение? Разве у них не было луков и больших пучков стрел? Что в конце концов из товаров белого торговца было абсолютно необходимо для их благополучия и счастья? Ничего. Даже табак не был им нужен, потому что весной они посадили на берегах Джудита на большом участке свой собственный На-вак-о-сис, урожай которого соберут в свое время.

Один за другим предметы одежды молодого Просыпающегося Волка изнашивались и были выброшены. Женщины его палатки выделывали шкуры оленей и горных баранов; Одинокое Ходящий сам кроил и шил из них рубашки и ноговицы, которые Просыпающийся Волк стал

носить взамен выброшенного. Женщинам не позволялось шить мужскую одежду. Вскоре он был полностью одет в индейскую одежду, вплоть до пояса и набедренной повязки; его волосы отросли так, что спадали волнами ему на плечи. Он начал подумывать о том, чтобы заплести их в косы. Ап-а-ки, робкая молодая дочь вождя, шила ему обувь — летние тонкие мокасины на сыромятной подошве, красиво вышитые окрашенными иглами иглошерста; зимние — из толстой, мягкой, теплой шкуры бизона. Как-то он рассказал мне историю этой девушки и своего маленького романа. Монро был человек умеренных привычек во всем, но в тот новогодний вечер он выпил столько хорошего, горячего, приправленного пряностями шотландского виски, что обнажил свои сокровенные мысли, а я не сомневаюсь, что это были в основном мысли о давно уже умершей любимой.

«Я не мог не обратить на нее внимания, — сказал он, — в первый же вечер моего пребывания в палатке ее отца. Она была года на три моложе меня, но уже сформировавшаяся девушка, высокого роста, тоненькая, но с хорошей фигурой, красивым лицом и прекрасными глазами, с длинными волосами, с быстрыми и изящными движениями; на нее было приятно смотреть. Я привык глядеть на нее, когда думал, что никто этого не замечает; скоро я убедился, что мне больше нравится оставаться в палатке, где я мог по крайней мере быть близко к ней, чем отправляться на охоту или в разведку с мужчинами. Меня все больше радовало наступление вечера, когда я мог занять свое место в палатке напротив нее. Так проходили дни, недели, месяцы. Я учился языку пиеганов легко и быстро, но я никогда не заговаривал с ней, а она сомной, потому что, как вы знаете, черноногие считают неприличным, чтобы юноши и девушки разговаривали друг с другом.

Однажды вечером в палатку пришел человек, начавший расхваливать одного юношу, с которым я часто охотился. Он говорил о храбрости юноши, о его доброте, богатстве и кончил тем, что этот молодой человек дарит Одинокое Ходящему тридцать лошадей и желает поставить собственную палатку вместе с Ап-а-ки. Я взглянул на девушку и перехватил ее взгляд; что это был за взгляд! В нем выражались одновременно страх, отчаяние и еще

что-то; я не смел верить себе, что правильно истолковываю это что-то. Вождь заговорил.

— Скажи своему другу, — сказал он, — что все, что ты о нем говоришь, правда. Я знаю, что он настоящий мужчина, хороший, добрый, храбрый, великодушный молодой человек, но, несмотря на все это, я не могу отдать ему свою дочь.

Снова я взглянул на Ап-а-ки, а она на меня. Теперь она улыбалась, в глазах ее светилось счастье и то самое особенное выражение, которое я заметил перед этим. Но хотя она улыбалась, я не мог улыбнуться, так как слова Одинокго Ходящего убили во мне всякую надежду, какую я мог питать на то, что когда-нибудь она станет моей. Я слышал, как он отказался от тридцати лошадей. На что же мог надеяться я, когда мне не принадлежала даже та лошадь, на которой я ездил? Я, получавший на службе только 20 фунтов в год, из которых еще нужно вычесть стоимость разных покупаемых мной вещей. Разумеется, девушка эта не для меня. И что хуже всего, в ее глазах, когда она глядела на меня, было это особенное выражение; как я ни был молод и неопытен в отношениях с женщинами, я понял, что она любит меня, как и я ее. Я страдал.

После этого вечера Ап-а-ки уже не опускала глаз, когда я ловил ее взгляд на себе, а отвечала мне открытым, бесстрашным, любящим взглядом. Мы знали теперь, что любим друг друга. Время шло. Однажды вечером она вошла в палатку, когда я выходил из нее, и наши руки встретились в пожатии. Так мы стояли мгновение, нежно, но крепко сжимая друг другу руки. Я дрожал. Я чувствовал, как дрожат мускулы ее руки. Кто-то крикнул: «Опустите полог, палатка полна дыма». Я вышел, шатаюсь, и сел на землю. Несколько часов я просидел так, пытаюсь придумать какой-нибудь способ добиться осуществления своего желания, но не мог составить никакого пригодного плана действий и, чувствуя себя глубоко несчастным, лег спать. Немного позже, может быть недели две спустя, я встретил ее на тропинке; она несла домой вязанку дров. Мы остановились и мгновение молча смотрели друг на друга; затем я произнес ее имя. Дрова с треском посыпались на землю; мы обнялись и поцеловались, не обращая внимания на то, что кто-нибудь, может быть, нас видит.

— Я не могу больше этого выносить, — сказал я на-

конец. — Идем сейчас, сейчас же к твоему отцу, и я поговорю с ним.

— Да, — прошептала она, — да. Соберемся с духом и пойдем к нему. Он всегда был добр ко мне, может быть, он будет сейчас великодушен.

Позабыв о вязанке дров, мы взялись за руки и пошли. Мы остановились перед Одиноким Ходящим на теневой стороне палатки, где он сидел и курил свою длинную трубку.

— У меня нет тридцати лошадей, — сказал я, — нет даже одной, но я люблю твою дочь, и она любит меня. Прощу тебя, отдай ее за меня.

Вождь улыбнулся.

— А почему, как ты думаешь, я отказался от тридцати лошадей? — спросил он и, раньше чем я успел ответить, продолжал: — Потому что я хотел, чтобы моим зятем был ты. Я хочу белого зятя, потому что он хитрее, много мудрее индейца, а мне нужен советчик. Мы не слепы, я и мои женщины. Мы уже давно видели, что этот день приближается, ждали, что ты заговоришь. Это произошло; теперь остается сказать только: будь добр к ней.

В тот же день для нас поставили небольшую палатку и положили в нее шкуры бизонов, кожаные сумки с сушеным мясом и ягодами, дали нам один из двух своих медных чайников, дубленые кожи, вьючные седла, веревки — все, что должно иметься в палатке. Далеко не последним делом было то, что Одиноким Ходящим сказал мне, чтобы я выбрал себе тридцать лошадей из его большого стада. Вечером мы поселились в своем доме и были счастливы».

Старик прервал свой рассказ и сидел, молча вспоминая прежние дни.

— Я знаю, что вы чувствовали, — сказал я, — потому что мы испытывали то же самое.

— Знаю, — продолжал он, — видя мир, довольство и счастье в этой палатке, я не мог удержаться, чтобы не рассказать вам о днях своей юности.

Когда он ушел, я пересказал Нэтаки все, что он говорил. Это произвело на нее большое впечатление, так как, когда я кончил, на ее глазах были слезы. Она все повторяла: «Как мне его жаль! Как он одинок!»

На другой день вечером, когда он вошел и сел на свое обычное место, Нэтаки подошла к нему и поцеловала его, поцеловала дважды.

— Я целую вас, — сказала она прерывающимся голосом, — потому что мой муж передал мне все, что вы ему рассказали вчера вечером, потому что... — но больше она ничего не смогла сказать.

Просыпающийся Волк наклонил голову; я видел, как вздымается его грудь, как слезы скатываются по его гладко выбритым щекам. Кажется, и у меня в горле был какой-то комок. Но вот он выпрямился, нежно положил руки на голову маленькой женщины и сказал:

— Молю бога, чтобы он дал вам долгую жизнь и чтобы вы были всегда так же счастливы, как сейчас.

Монро пробыл на службе Компании Гудзонова залива много лет; у него была большая семья: мальчики и девочки, большинство из них живы и сейчас. Старшему, Джону, около семидесяти пяти лет, но он еще настолько бодр, что каждую осень взбирается на Скалистые горы вблизи своего дома, убивает несколько горных баранов и вапити, ловит кашканом бобров. Старый Монро никогда не бывал больше в родительском доме, не видел своих родителей с того дня, когда расстался с ними на пристани в Монреале. Он собирался как-нибудь поехать к ним ненадолго погостить, но все откладывал поездку, потом пришли письма двухлетней давности, сообщавшие, что и мать и отец умерли. Пришло также письмо от адвоката, который писал, что родители завещали Монро значительное состояние и он должен приехать в Монреаль и подписать ряд документов, чтобы вступить во владение. В это время начальник фактории Маунтин-Форт уезжал в Англию в отпуск. По простоте своей Монро доверчиво выдал ему полномочие на ведение этого дела. Начальник фактории не вернулся, и в силу документов, им подписанных, Монро утратил наследство. Но это его мало беспокоило. Разве у него не было палатки, семьи, хороших лошадей и обширной земли, буквально кишевшей дикими животными, по которой он мог странствовать? Чего еще можно желать?

Расставшись с Компанией Гудзонова залива, Монро временами работал на Американскую пушную компанию, но большей частью странствовал как «независимый траппер» от Саскачевана до Йеллоустона и от Скалистых гор до озера Виннипег. Истоки южного Саскачевана были его излюбленными охотничьими угодьями. В начале 50-х годов он привел в эти места знаменитого иезуитского па-

тера Де-Смета; у красивых озер, расположенных к югу от горы Чиф-Маунтин, они воздвигли громадный деревянный крест и назвали оба этих водных пространства озерами Сент-Мэри. На следующую зиму, после того как сыновья Монро Джон и Франсуа женились, вся семья в трех палатках стояла лагерем в этих местах. Однажды ночью на них напал большой военный отряд ассинибойнов. Дочери Лиззи, Амелия и Мэри умели стрелять, и все вместе храбро сопротивлялись нападению. Незадолго до рассвета они прогнали индейцев, потерявших пять человек. Одного из них застрелила Лиззи, как раз когда он собирался вытащить жерди, загораживавшие выход из загона для лошадей.

В эту зиму они убили свыше трехсот волков и, кроме того, добыли меха бобров, куниц и скунсов. Их устройство для ловли волков было настолько оригинально и в то же время просто, что стоит о нем рассказать.

На берегах выходного протока озер Монро построили длинный сарай с основанием размером двенадцать на шестнадцать футов; стенки сарая имели большой уклон внутрь и подымались вверх до высоты в семь футов; на верху пирамиды было устроено отверстие шириной примерно два с половиной фута и длиной восемь футов. В этот сарай забрасывались целиком олени, четверти бизоньих туш, всякое бывшее под рукой мясо. Волки, чуя запах крови и мяса и видя его ясно через промежутки в четыре — шесть дюймов между бревнами, в конце концов взбирались наверх и спрыгивали вниз через отверстие. Но выпрыгнуть назад они уже не могли, и утро заставляло их в сарае, где они беспокойно кружились, совершенно сбитые с толку. Порох и пули были драгоценностью в те времена, поэтому трапперы убивали волков из лука стрелами и, открыв устроенную в одном конце дверь, давали попавшим в сарай с волками койотам уйти. Сняв шкуры с убитых волков, трапперы тотчас же выбрасывали трупы в реку, чтобы по близости не оставалось ничего подозрительного для зверей.

Милый старый Просыпающийся Волк! Он вечно оплакивал упадок индейцев, в частности пиеганов.

— Посмотрели бы вы на них, какие они были давным-давно, — говорил он, — какой это был гордый и смелый народ! А сейчас это проклятое виски! Нет больше великих вождей, знахари утратили свое могущество.

Читатель помнит, что старик был католиком. Но я знаю, он глубоко верил в то, что составляло религию черноногих: он считал, что молитвы и тайные чары знахарей имеют силу. Он часто вспоминал о страшном могуществе человека, по имени Старое Солнце.

«Был один человек, — рассказывал он, — который, несомненно, беседовал с богами и владел отчасти их таинственным могуществом. Иногда темной ночью, когда все затихнет и успокоится, он приглашал нескольких из нас в свою палатку. Когда все рассаживались, жены его засыпали огонь золой, и внутри палатки становилось так же темно, как снаружи. Он начинал молиться. Сначала Солнцу, верховной силе, потом Ай-со-пвом-стан — создателю ветров, затем Сис-тсе-ком — грому и Пу-пом — молнии. Он молился, призывая их прийти и исполнить его волю; и сначала полы палатки начинали колебаться от первого дуновения приближающегося ветра, затем ветер становился постепенно все сильнее, пока наконец палатка не начинала шататься под его порывами, шесты — гнуться и скрипеть. Начинал греметь гром, еле слышный, отдаленный, и вспыхивали слабые зарницы; гроза все приближалась, пока не начинало казаться, что она у нас над головами. Раскаты грома оглушали нас, вспышки молний ослепляли, все мы сидели, оцепенев от страха. Тогда этот удивительный человек приказывал грозе уйти, ветер стихал, гром и молния удалялись с ворчанием и вспышками все дальше, пока мы не переставали слышать и видеть их».

Старик твердо верил, что все это он слышал и видел. Ни я, ни вы не сможем объяснить этого. Разве что хитрый старый волшебник гипнотизировал свою аудиторию.

Глава XVII

Дружеское посещение нас племенем Кроу

В те времена, о которых я пишу, черноногие не были поражены, как сейчас, различными формами туберкулеза. Отдельные случаи этой болезни все же наблюдались. Жена Четырех Рогов, молодого человека из клана Коротких Плащей, была больна туберкулезом, и ей становилось все хуже и хуже. Так как палатка этой молодой пары стояла совсем близко от нашей, мы, естественно, часто их видели. Четыре Рога был очень высокий, хорошо сложенный мужчина лет двадцати восьми — тридцати, с приятными чертами лица; его жена была красивая, чистая и аккуратная женщина, но болезненное исхудание сильно сказалось на ее когда-то хорошей фигуре. Муж славился как знаменитый участник набегов и неутомимый охотник. Взятые у врагов и заботливо выведенные им лошади составляли большой табун. В его палатке всегда лежали кипы отличных бизоньих шкур и мехов для обмена на все, что понадобится или приглянется его жене. Не было ничего, чего бы он для нее пожалел; она была для него всем, как и он для нее.

Когда она заболела, он пригласил лекаря и заплатил ему за визит тремя лошадьми. Однако лекарства и молитвы не принесли облегчения; попробовали позвать другого лекаря, дали ему в уплату пять лошадей, но и он не помог. Один за другим все лекари племени перебывали

у пациента, и теперь конец был уже близок. Отличный табун лошадей уменьшился до какой-нибудь дюжины. Шкуры бизонов, меха, дорогие одеяла, украшения — все было отдано лекарям. Как-то поздно вечером в нашу палатку вбежал посланный.

— Четыре Рога, — сказал он, — зовет вас. Он просит вас обоих поспешить.

Мы застали бедную женщину задыхающейся. Четыре Рога сидел около нее на ложе, закрыв лицо руками. Старая женщина, накинув плащ на голову, подкладывала дрова в огонь. Я налил в стакан большую порцию виски и добавил в него сахару и горячей воды. Нэтаки подала стакан страдалице. От виски она оживилась. Вскоре ей стало легче дышать; тогда она сказала мне очень медленно, с перерывами:

— Никогда за всю свою жизнь я не сделала ничего дурного. Я не лгала, не крала, не делала того, что навлекает позор на родителей женщины и на нее. И все же боги покинули меня, и смерть моя близка. У вас, как и у нас, есть боги. Я слыхала о них. Творец, его сын и мать сына. Прошу тебя, помолись им. Может быть, они смиловятся и вернут мне здоровье.

Боюсь, я не смогу объяснить, что я почувствовал, услышав эту простую просьбу. Я хотел бы удовлетворить ее, но знал, что не могу. Как может молиться тот, кто сам не верует. Я мысленно искал какого-нибудь повода для отказа; искал, что сказать, как объяснить, что я не способен молиться. Я поднял глаза и увидел, что Нэтаки серьезно, внимательно смотрит на меня. Мы с ней не раз говорили о религии, о религии белых, и она знала, что во все это я не верю. Тем не менее я видел, что она ждет от меня выполнения просьбы умирающей. Я сделал отрицательный жест: нет. Тотчас же она пододвинулась к страдалице и сказала:

— Я помолюсь за тебя этим богам. Давно, когда я была девочкой, один Черный Плащ* и мой дядя научили меня.

И она начала: «Ап-ай-сту-токи, кйн-а-ан-он» и т. д. Это было «Отче наш». Какой-то исполненный рвения иезуит, возможно сам отец Де-Смет, перевел эту молитву на язык черноногих, и хорошо перевел.

* Католический священник. — *Прим. пер.*

Но как раз когда кончилась молитва, изо рта женщины хлынула темная струя, последнее смертельное кровотечение.

— Пусть то, что убивает тебя, — закричал Четыре Рога, — убьет и меня! Я скоро последую за тобой на Песчаные Холмы*.

И, наклонившись над ней, он стал пить кровь, бежавшую из уст любимой. Последним усилием она обхватила своими худыми руками его шею и умерла. Это было ужасное зрелище.

— Идем, — сказал я спустя немного, нежно поднимая его, — идем со мной ко мне в палатку. Пусть женщины исполнят сейчас свою работу.

Бросив на умершую последний долгий взгляд, он поднялся и пошел за мной. Я отвел ему ложе гостя и подал кружку виски, которую он проглотил разом. Немного погодя я дал ему еще кружку. Утомленный долгим бдением, сраженный крепким напитком, он лег, и я накрыл его шкурой. Он проспал крепким сном до после полудня следующего дня. К этому времени Нэтаки и другие женщины закутали тело умершей в бизоньи шкуры и одеяла и привязали ее к ветвям дерева где-то внизу около реки. Не знаю, был ли Четыре Рога болен этой болезнью уже давно или же заразился здесь, на смертном одре жены, но он умер этой же ужасной смертью приблизительно через шесть недель. Если существуют Песчаные Холмы, будем надеяться, что его тень встретила там ее тень и что мрак этой обители теней для соединившихся стал светлее.

Дядя, о котором упомянула Нэтаки, был француз-креол, один из первых служащих Американской пушной компании. Он женился на сестре матери Нэтаки и был очень добр к своим родственникам. Нэтаки провела две зимы в его доме в Форт-Бентоне и много времени прожила в его палатке, когда он кочевал вместе с племенем жены. Сам глубоко верующий католик, он старался распространить католическое учение среди народа, который он теперь считал своим. Я не стал бы ничего говорить ей о произнесенной ею молитве, но дня через два вечером она сама начала этот разговор, спросив меня, почему я не исполнил просьбы ее умирающей подруги.

* Песчаные Холмы — страна мертвых, по поверьям индейцев прерий.

— Как же я мог это сделать, не веря, как я тебе говорил, в то, что Черные Плащи и прочие рассказывают нам? — спросил я в свою очередь.

— Уж конечно, — сказала она, — если могу верить я, не умея ни говорить на вашем языке, ни читать Священное писание Черных Плащей, то ты должен был бы верить, раз ты все это понимаешь.

— В этом самом писании, — объяснил я, — создатель говорит, что мы не должны иметь других богов, кроме него, и что он накажет тебя каким-нибудь ужасным образом, если ты будешь молиться другим, а не ему. Поэтому, если ты молишься ему, ты не должна больше молиться Солнцу и вообще ничему другому.

— А все-таки, — заявила Нэтаки решительно, — я буду молиться и ему, и нашим богам. Это писание к нам не относится, только к белым. Мы бедные, мы как слепцы, идущие ощупью по высоким скалам. Нам нужна помощь всех богов, каких только мы найдем.

— Ты права, — сказал я, — нам действительно нужна помощь. Молись им всем и, так как я не могу сам, молись за меня.

— Ах, — вздохнула она, — как будто я и так всегда не молюсь! Вот Солнце, ты видишь его каждый день. Какое оно доброе, оно дает нам свет и тепло. Разве ты можешь не верить в него?

— Да, — ответил я, — в него я верю; оно — жизнь земли.

Это ей было приятно, и она занялась своей работой, довольная, напевая песню.

В феврале пиеганов посетила депутация от племени кроу, которое зимовало на реке Тонг, к югу от нашего лагеря. Они принесли нашему вождю в подарок от вождя кроу табак и другие предметы и предложили от их племени заключить прочный мир с пиеганами.

Во главе депутации был Пожиратель Камней, наполовину кроу, наполовину черноногий. Его мать девушкой была взята в плен племенем кроу и со временем стала женой сына захватившего ее воина. Пожиратель Камней, разумеется, в совершенстве владел обоими языками. Посланных приняли хорошо, и они гостили у самых видных членов племени. Предложение их требовало зрелого размышления; пока вожди и главные воины обсуждали его, гостей угощали, предоставляя им лучшее, что было в ла-

гере. Сам Пожиратель Камней был моим гостем, и у нас с ним по вечерам у огня было много интересных бесед.

— Счастлива ли твоя мать, живя у кроу? — спросил я его однажды вечером. — И кем ты сам себя чувствуешь: пиеганом, кроу или и тем и другим?

«Вот как обстоит дело, — ответил он. — Моя мать любит моего отца, и я люблю его, он всегда был добр к нам. Вообще мы вполне счастливы. Но бывают времена, когда возвращается военный отряд со скальпами пиеганов или захваченными у них лошадьми, громко хвастая своей победой и обзывая пиеганов трусливыми собаками. Тогда мы сильно горюем. И часто гордые молодые кроу смеются надо мной, шутят на мой счет и осыпают ругательными прозвищами. Да, временами мы бываем очень несчастны. Мать уже давно уговаривает отца переговорить с вождями и побудить их заключить мир с ее племенем. Я тоже давно уже говорю ему все, что могу, в пользу этого плана. Но большинство племен всегда возражает. Какой-нибудь из вождей встанет и скажет:

— Пиеганы убили моего сына. Я хочу мести, а не мира. Другие начнут говорить, выкрикивать, что они потеряли брата, отца, дядю или племянника в войне против пиеганов и что они и думать не могут о заключении мира. Не так давно мой отец опять созвал совет для рассмотрения этого вопроса и, как всегда, встретил сопротивление многих из старейшин. Последний из выступавших сказал ему:

— Нам надоело, что нас созывают разговаривать о заключении мира с пиеганами. Если тебе так хочется быть с ними в дружбе, так отправляйся и живи с ними. Сделайся сам пиеганом.

— И сделаюсь! — крикнул отец, рассердившись. — И сделаюсь! Я стану пиеганом и буду сражаться вместе с ними против их врагов, — сказав это, он встал и отправился домой, а я последовал за ним.

Мой отец тоже бесстрашный на войне, добрый и великодушный; его все любят, за исключением немногих, которые завидуют его положению. Когда стало известно, что он сказал на совете, к нему начал приходить народ и просить его взять свои слова обратно. Стали ходить также к другим вождям и настаивать на объявлении мира при условии, что пиеганы на это согласны,

— Хватит с нас этой войны, — говорили они. — Посмотрите, сколько вдов и сирот она наделала. У нас есть своя большая страна, полная бизонов, у пиеганов есть своя. Оба племени могут жить, не убивая друг друга.

Так в конце концов отец добился своего, и нас послали к вам. Я надеюсь, что мы вернемся с пиеганским табаком».

Пожирателя Камней позвали на пир, и вскоре после этого ко мне зашел выкурить трубку Просыпающийся Волк. Я попросил его рассказать мне о войнах между этими двумя племенами.

— Ага, — сказал он, засмеявшись жестким смехом, — я был в одном из боев. Тяжелый это был день для нас. Начну с начала. Черноногие — северный народ. Когда-то они жили в стране озера Слейв-Лейк (озеро Рабов). Кри дали это название озеру потому, что обращали в рабство захваченных врагов. Постепенно черноногие начали кочевать на юг и дошли до здешних, изобилующих дичью обширных прерий, где зимы мягкие. Тут они встретились с разными племенами — кроу, ассинибойнами, шошонами* и разными горными племенами — кутене, пан-д'орей и стони. Черноногие гнали все эти племена впереди себя, овладевая их страной. Временами они бывали в мире с этими племенами, но большей частью воевали с ними. В 1832 году черноногие заключили мирный договор с кроу в форте Юнион. Мир этот продержался только два года. В 1855 году опять при заключении договора в устье реки Джудит, так называемого договора Стивенса между Соединенными Штатами и рядом племен, черноногие, кроу, гро-вантры, пан-д'орей, кутене, не-персе и другие согласились прекратить войны между собой и не нарушать границ охотничьих угодий чужих племен. Границей, разделяющей территории черноногих и кроу, была назначена река Масселшелл. Летом 1857 году кроу нарушили это соглашение, совершив набег на лагерь племени блад; в этом набеге кроу убили двух человек и угнали много лошадей. Старая вражда разгорелась снова. Три племени союза черноногих — блады, пиеганы и собственно черноногие — воевали сообща против врагов. Осенью 1858 года я со своей семьей присоединился к пиеганам в Форт-Бен-

* Шошоны — группа племен плато.

тоне, и мы направились на зимовку к югу от Миссури. Мы некоторое время простояли лагерем на реке Джудит, а затем решили перекочевать на Масселшелл, малыми переходами спуститься по ней и вернуться на Миссури по восточному склону гор Сноуи. На второй день около полудня мы вышли к водоразделу между двумя реками. Колонна наша растянулась в этот день вдоль тропы на четыре-пять миль. Большинство охотников шло позади, далеко к востоку и западу от колонны; они свеживали бизонов и других убитых животных; впереди, примерно в одной миле от нас, ехала наша разведка, человек тридцать — сорок. День был жаркий, лошадей и всадников разморило. Весь большой лагерь медленно подвигался по тропе, растянувшись, как я уже говорил, на большом расстоянии. Разведка далеко впереди не подавала никаких сигналов, что она заметила что-нибудь подозрительное. Старики дремали в седлах; молодежь там и сям распевала военные или охотничьи песни. Матери баюкали младенцев, сосавших грудь. Все были довольны и спокойны. Разведка скрылась из виду, спустившись по южному склону долины, а голова нашей колонны приближалась к вершине холма. Вдруг из большой сосновой рощи вправо от нас вылетело не меньше двухсот верховых кроу, и они напали на нас. Все повернули назад, женщины и старики бешено понукали лошадей, теряя по дороге волокуши и жерди палаток, вопя о помощи, призывая богов защитить их. Те воины, какие оказались в этой части колонны, делали что могли, чтобы остановить натиск кроу и прикрыть отступление слабых и беззащитных. Разведка, услышав выстрелы и крики, повернула обратно, сзади скакали к нам еще воины. Но, несмотря на упорное сопротивление, кроу смяли все впереди себя на протяжении примерно двух миль, усеяв тропу телами мертвых и умирающих мужчин, женщин, детей, даже младенцев. Они не взяли ни одного пленного, но стреляли, били палицами и кололи копьями, стараясь бить наповал, скальпируя свои жертвы. Наконец пиеганы собрались в кучу, создав какое-то подобие порядка, и кроу отступили и поскакали на юг, распевая победные песни, вызывающе, с триумфом размахивая захваченными скальпами. Наши пережили такую панику, были так подавлены ужасным несчастьем, что просто стояли и смотрели на отступающего врага,

вместо того чтобы преследовать его и стараться отомстить ему.

Тут же, в долине, мы поставили палатки и начали искать убитых и пропавших. К ночи все тела были разысканы и похоронены. Чуть не в каждой палатке скорбевшие по убитым обрезали волосы, наносили себе раны на ногах, плакали и причитали, часами повторяя имена погибших любимых. Да, это был лагерь траура. Много недель и месяцев с наступлением вечера нельзя было без жалости слушать причитания скорбевших по убитым, сидевших в темноте за пределами круга палаток. Прошло много времени, пока опять стали слышны пение, и смех, и приглашения на угощение. В тот день я оказался впереди с разведкой и, когда мы поскакали назад, делал вместе с ними все, чтобы задержать кроу. Но они настолько превосходили нас численно, так деморализовали нас неожиданной и свирепой атакой, что мы были почти бессильны, пока не подоспели сзади наши люди. Больше половины разведки было перебито. Я был ранен стрелой в левое бедро. Всего было убито 113 пиеганов, тогда как мы застрелили только семь человек.

Нечего и говорить, что после этого большая часть военных отрядов, покидавших лагерь пиеганов, направлялась в страну кроу, а с севера приходили отряды братьев пиеганов — черноногих и бладов, чтобы не давать покоя общему врагу. В течение двух-трех лет они убили столько членов племени кроу и угнали такое число лошадиных табунов, что с лихвой отплатили за свои потери в том боище и за понесенные позже, в последующих схватках, так как, конечно, не всегда наши военные отряды выходили из набегов без потерь.

Весной 1867 года племя гро-вантров, в то время воевавшее с союзом племен черноногих, заключило договор с кроу, и все они в большом числе собрались на реке Милк, чтобы отпраздновать это событие. Отряд молодых гро-вантров, возвращавшихся из набега на кри, принес известие, что видел лагерь пиеганов в Раздельных Холмах, или, как их называют белые, в Сайпресс-Хиллсе. Это было важное известие. У кроу были длинные счеты со старинными врагами. Такое настроение было и у гро-вантров. Хотя они долгое время находились под покровительством черноногих, которые сражались за гро-вантров и защищали их от смертельных врагов, ассинобойнов и янк-

тонаи*, но гро-вантрам чуждо чувство благодарности, и они поссорились из-за пустяков со своими благодетелями. Теперь они собирались отомстить! Что могли пиеганы сделать против объединенных сил? Ничего. Союзники собирались убить мужчин пиеганов, взять в плен их женщин, захватить богатое разнообразное имущество лагеря. Они были так уверены в успехе, что велели своим женщинам сопровождать их, чтобы разобрать предполагаемую добычу и позаботиться о ней.

Военный отряд молодых гро-вантров видел лагерь пиеганов с далекого холма, но не заметил, что сейчас же за холмом, к западу от лагеря, всего в полумиле от него, стояли лагерем все блады, около пяти тысяч человек, то есть приблизительно тысяча воинов. Нет, этого отряд не видел, и вот однажды утром кроу и гро-вантры неторопливо подъехали по прерии к лагерю пиеганов, разодетые в военные наряды, с развевающимися по ветру перьями военных головных уборов и с украшениями из орлиных перьев на щитах. С ними ехали женщины, весело болтая, заранее радуясь громадной добыче, которая станет сегодня их собственностью. Вышедший рано из лагеря пиеганов охотник, отправлявшийся с женой за мясом убитых накануне животных, обнаружил врагов еще примерно в одной миле от лагеря и поспешил обратно, чтобы поднять тревогу; одну из своих женщин он отослал вызвать бладов. Все бросились к лошадям, к оружию, кое-кто успел даже надеть рубашку или головной убор из военного наряда. К счастью, это было рано утром, и большая часть табунов лошадей, пригнанных к лагерю, чтобы идти на водопой, паслась неподалеку. Если кто не находил сразу своих лошадей, то ловил и седлал первую хорошую, какую найдет. И вышло так, что, когда атакующий отряд вылетел из-за небольшого бугра у края лагеря с востока, его встретила такая подавляющая сила из решительных, сидевших на хороших лошадях воинов, что отряд повернул и бежал, произведя лишь несколько выстрелов. Нападавших охватила паника; они думали только о том, как бы уйти. Лошади у воинов кроу и гро-вантров были лучше, чем у их женщин, и они бросили своих беззащитных жен на милость врага, стремясь только спастись.

* Янктонаи — одно из семи племен дакота, входивших в конфедерацию племен дакота «Семь костров племенных советов».

Как только пиеганы и напавший на них отряд сошлись, началось ужасное избиение. Большое Озеро, Собачка, Три Солнца и другие вожди кричали все время своим людям, чтобы они щадили женщин, но нескольких все же убили, раньше чем приказы дошли до воинов. Беглецам-мужчинам не было пощады: их нагоняли и пристреливали или раздробляли черепа палицами. Тревога была такой внезапной, что у многих пиеганов не было времени выбрать резвую лошадь, они садились на первую попавшуюся, которую смогли изловить, и эти лошади скоро отстали. Другие всадники продолжали преследование много миль, убивая всех, кого настигали; наконец лошади их уже не могли скакать, а руки, державшие палицы, онемели оттого, что столько времени наносили бесчисленные удары. Немногие из обратившегося в бегство отряда оказывали какое-нибудь сопротивление; люди даже не оборачивались, чтобы взглянуть назад, но, пригнувшись к седлу, хлестали лошадь плеткой, пока не падали сраженные пулей или палицей. На протяжении нескольких миль тропа была усеяна мертвыми и умирающими, и по ней мчались женщины с воплями ужаса — женщины, которых они взяли с собой присмотреть за добычей. «Пускай удирают! — кричал со смехом Большое Озеро. — Пускай удирают! Мы поступим с ними, как Старик поступил с кроликами: оставим нескольких на развод, чтобы их порода не вымерла совсем».

Сосчитали убитых. Только пятеро черноногих лишились жизни, несколько человек было ранено. Но на тропе, по которой утром кроу и гро-вантры так уверенно шли на нас, лежало триста шестьдесят убитых. Ко многим из них победители даже не притронулись, так как им надоело резать и снимать скальпы. Но оружие и во многих случаях военные наряды и украшения победители забрали. Затем оба лагеря перешли несколько на запад, предоставив поле битвы волкам и койотам.

Как вы знаете, гро-вантры запросили мира и теперь снова находятся под покровительством нашего племени. А сейчас вот пришли посланные от кроу. Что ж, поживем — увидим.

И, пожелав нам спокойного сна, Просыпающийся Волк — я не могу назвать его Монро — отправился домой.

Когда Ягода жил в лагере или где-нибудь недалеко от него, пиеганы не решали никакого дела, не посоветовавшись с ним, и всегда принимали его совет. Он был по существу их вождем; вожди племени уважали его, полагались на него, и он неизменно советовал то, что было в их интересах. И на этот раз его пригласили присутствовать на совете, рассматривавшем предложение кроу; пошел туда и я, так сказать под его прикрытием. Я хотел послушать речи. Делегация кроу, разумеется, отсутствовала. Палатка Большого Озера была полна вождей и старейшин, включая и молодых начальников различных групп Общества Друзей. Среди последних я заметил и своего врага, Олененка, который мрачно взглянул на меня, когда я вошел. Он начинал уже действовать мне на нервы. Сказать по правде, я с нетерпением ожидал того дня, когда мы с ним посчитаемся, так как чувствовал неизвестно на чем основанную уверенность, что мне суждено когда-нибудь отправить его тень на Песчаные Холмы.

Большое Озеро набил свою каменную трубку, один из знахарей зажег ее и произнес короткую молитву; затем трубку стали передавать по кругу. Первым выступил Три Солнца, сказав, что он и его клан Одинокие Едоки относятся благоприятно к заключению мирного договора со старинным врагом племени. Как только он кончил говорить, Олененок произнес страстную речь. Ему полагалось говорить одним из последних, так как старшие и занимающие более высокое положение должны выступать прежде молодых, но он выскочил вперед. Тем не менее его молча выслушали. Черноногие всегда держатся с достоинством и пропускают без замечаний нарушения племенных обычаев и этикета. Однако в конце концов нарушителя заставляют всячески расплачиваться за свое дурное поведение. Олененок сказал, что он выступает от имени Носящих Ворона, группы большого Общества Друзей, и что она не хочет мира с кроу. «Кто эти кроу, как не убийцы наших отцов и братьев, похитители наших табунов? Как только зазеленеет трава, — закончил он, — я и мои друзья отправимся в набег против племени реки Вапити (Йеллоустон), и набеги наши будут повторяться до конца лета».

Один за другим выступали ораторы; многие из них высказывались за мирный договор, некоторые — большей частью из молодежи — выражали то же мнение, что и

Олененок. Особенно запомнилась мне речь древнего старика, слепого, седого знахаря. «О дети мои, — начал он, — о дети мои! Слушайте меня, слушайте со вниманием. Когда я был молод, как некоторые из вас, я чувствовал себя счастливее всего, когда бывал в набегах на неприятелей, убивал их, угонял их лошадей. Я разбогател. Мои жены родили мне четырех красавцев сыновей. Палатка моя всегда была полна хорошей пищи, отличных мехов. Мальчики мои выросли, и как я ими гордился! Они были так сильны, ловки, отлично ездили верхом, были хорошими стрелками. И они были так ласковы со мной и со своими матерями.

«Больше ты не охоться, — приказывали они, — ты стареешь. Сиди здесь у очага в палатке, кури и мечтай, а мы о тебе позаботимся». Я был доволен, благодарен им. Я предвидел много счастливых зим впереди, когда я состарюсь. Хайя! Один за другим мои красавцы сыновья отправлялись на войну, и один за другим не возвращались. Двух из моих жен тоже убили враги. Еще одна умерла, а та, которая жива, стара и слаба. Я слеп и беспомощен; оба мы зависим в еде и одежде от своих друзей; им мы обязаны местом у очага в палатке. Поистине это очень тяжелое положение. Но не будь войны — ай! Не будь войны, я жил бы сейчас в собственной палатке со своими детьми, внуками и женщинами, все мы были бы счастливы и довольны. То, что произошло, повторится. Вы, выступавшие против мира, подумайте как следует и возьмите свои слова обратно. То, что война сделала со мной, она, наверное, сделает и со многими из вас».

Когда старик кончил, почти все в палатке закричали в знак одобрения «а!» «а!» (да!). Затем Большое Озеро сказал несколько слов.

— Я собирался произнести речь за мир, — сказал он, — но наш слепой друг высказал все это лучше, чем мог бы сказать я. Его слова — мои слова. Послушаем нашего друга, вождя-торговца.

— Я скажу, как и ты, — поддержал его Ягода, — речь старика — моя речь. Лучше лагерь мира и изобилия, чем горе вдов и сирот. Давайте заключим мир.

— Пусть будет мир! — сказал Большое Озеро. — Только шестеро выступали против мира, подавляющее большинство за то, чтобы был мир... Я скажу посланным кроу, что мы встретим их племя в Форт-Бентоне в месяце ягоды

ирги (канадская рябина) и там заключим дружбу. Я сказал. Идите.

Мы разошлись в разные стороны. Я пошел в свою палатку, где застал Пожирающего Камни, беседовавшего с Нэтаки. Я сразу увидел, что она чем-то взволнована. Как только я рассказал нашему другу о решении совета, она начала:

— Слушай, что мы обнаружили. Его мать, — она указала на Пожирающего Камни, — двоюродная сестра моей матери, моя родственница. Он мне родственник. Как странно, он пришел в нашу палатку как чужой, а мы установили, что он нашей крови, из нашей семьи. И ты говоришь, что мы должны встретиться с кроу, когда созреет ирга. Как я рада, как рада! Как будет рада моя мать увидеть ту, которую мы считали умершей. Мы будем добры к ней. Мы заставим ее забыть все, что она выстрадала.

Я протянул руку, и мы с Пожирателем Камней обменялись рукопожатием.

— Друг и родственник, — сказал я, — я рад этому известию.

И я действительно был рад. Мне очень нравился этот молодой человек, рассказавший нам так бесхитростно и просто о своих страданиях и унижениях среди, можно сказать, совсем чужих людей. Ведь дети от брака между членами разных племен и народов почти всегда считаются родными по материнской, а не по отцовской линии.

В честь гостей Общество Друзей устроило танцы — танцы племени Носящих Пробор, или сиу; это было великолепное грандиозное зрелище. Чтобы не отстать, кроу решили исполнить один из своих особых танцев, называвшийся, кажется, танец собачьего пира. Но как только о нем упомянули, пиеганы внезапно утратили к танцам всякий интерес. Не потому что они не хотели смотреть этот танец; им очень этого хотелось. Все дело было в собаке. Для пиеганов собака — священное животное, которое нельзя убивать и пуще всего употреблять в пищу. Опасаясь гнева богов, никто из пиеганов не смел подарить гостям собаку, зная, что ее убьют и съедят. Я разрешил эту проблему, купив собаку у одной старухи, перед которой сделал вид, что мне нужен сторожевой пес, а затем отдал собаку кроу. Это была большая, толстая, очень старая собака, почти беззубая, полуслепая и мохнатая, как

волк. Кроу отвели ее вниз в лес у реки; когда я снова увидел собаку, она висела на дереве, очищенная от шерсти и выскобленная; ее белая кожа блестела, как кожа свиньи в мясной. На следующий день им понадобился котел, чтобы варить собаку; никто не решался предоставить им для этого котел. Снова я пришел им на выручку, «одолжил» у Ягоды две пустые пятигаллоновые банки из-под спирта и пожертвовал их. В этих банках кроу превосходно приготовили собачье мясо.

У этих кроу были, пожалуй, самые красивые из виденных мною военных нарядов. Каждое орлиное хвостовое перо в их головных уборах было совершенством, а спускающаяся вниз часть убора свисала до пят и волочилась по земле. Их рубашки и ноговицы были изящно обшиты по краю бахромой из хорька, прядей волос со скальпов и замши и украшены так же, как их пояса и мокасины, вышитыми рисунками из превосходно уложенных игл иглошерста ярких цветов. Дымящиеся банки с собачьим мясом принесли на ровное открытое место между лагерем и рекой и поставили около разведенного здесь перед этим костра. Два кроу забили в барабан; танец начался, огромная толпа собралась в большой круг, чтобы посмотреть на танцы. Никто не хотел подходить близко к банкам с запретной пищей. Насколько я помню спустя столько лет, песня, сопровождавшая танец, была совсем не похожа на песни черноногих, но фигура танца — прыжок вперед на одной ноге, потом на другой со слегка наклоненным вперед корпусом — походила на фигуры танца Носящих Пробор. Танцуя, кроу двигались взад и вперед, то направо, то опять налево, через небольшие промежутки времени совершая полный круг около костра и банок с протянутыми руками, как бы благословляя пищу. Обойдя в танце круг, они отдыхали и курили в это время трубки. Затем танец повторялся. Представление длилось около часа, затем участники его отодвинули банки от костра и приготовились насладиться их содержимым. Не прошло и двух минут, как все до единого пиеганы покинули площадку. Нескольких женщин стошнило от одной мысли о еде запретной пищи.

Пробыв с нами еще два-три дня, кроу стали готовиться к уходу; им самим и для их вождя надавали много подарков. Они унесли с собой фунтов десять табаку в знак того, что пиеганы принимают их шаги к заключению

мира, и, кроме того, красивую трубку из черного камня — подарок их главному вождю от Большого Озера. Им дали также много лошадей, хорошие одеяла, кожаные сумки с отборным сушеным мясом и наполненные пеммиканом кожи. Нэтаки велела пригнать свой маленький табун.

— Мои лошади — твои лошади, — сказала она мне, — дай Пожирателю Камней вот эту вороную четырехлетку.

Я исполнил ее требование. Затем она собрала кое-что для его матери: новое одеяло, синее шерстяное платье, разные краски и безделушки, наконец, большой запас еды в дорогу. Пожиратель Камней, покидая нас, едва мог вымолвить слово. Наконец ему удалось выговорить:

— Дни, проведенные здесь с вами, были счастливыми днями. Я уезжаю от вас, мои милые щедрые родственники, но скоро я опять встречу с вами уже вместе с матерью. Она будет плакать от радости, когда услышит то, что вы ей велели передать, и получит эти прекрасные подарки.

И они уехали по долине, через скованную льдом реку, а мы вернулись к своим обычным делам.

Глава XVIII

Набег Кроу

Сильный ветер-чинук в конце февраля очистил реку ото льда. Снег, оставшийся в лощинах, скоро растаял. После этого холодная погода уже не возвращалась, и в марте на речных долинах зазеленела трава.

Жизнь в лагере текла вообще спокойно. Однажды ночью ассинибойны украли сорок лошадей; нагнать их не удалось, хотя большой отряд шел по их следам на восток до самого холма Хэри-Кэп. Наутро после кражи мы обнаружили в центре нашего лагеря их победный знак — длинную стрелу с привязанным к ней большим скальпом, воткнутую в землю. Наши были очень этим огорчены. Фактически это было послание нам от врага примерно следующего содержания: «Мы дарим вам скальп, который мы сорвали с головы члена вашего племени. Мы захватили у вас лошадей. Мы — ассинибойны» (племя можно было опознать по своеобразной отделке стрелы).

«Мы им о себе напомним, как только наступит лето», — говорила наша молодежь. Черноногие редко отправлялись в набеги в холодное время. Наоборот, ассинибойнские военные отряды, по-видимому, предпочитали самые суровые зимние месяцы для совершения экспедиций. Ассинибойны очень трусливый народ и понимали, что они меньше рискуют быть обнаруженными и ока-

заться вынужденными сражаться в такое время, когда враг выходит из дому, только чтобы поохотиться по соседству с лагерем.

Я никогда не забуду другого утра, когда несколько мгновений казалось, что мы все стоим лицом к лицу с ужасной смертью. Накануне вечером в двух или трех милях в сторону от реки было обнаружено огромное стадо бизонов, настолько большое, что говорили, будто долина Кау-Крик и холмы по обе ее стороны, насколько хватал глаз, кажутся черными от этих животных. Вскоре после восхода солнца много охотников, за которыми следом ехали женщины на лошадях, тащивших волокуши, отправились, чтобы устроить погоню на это стадо и добыть мяса.

Приблизительно через час охотники на своих обученных лошадях врзались в стадо и разделили его так, что тысяча голов или даже больше бросилась прямо вниз по долине в сторону лагеря. За этой частью стада и направилась погоня, потому что, чем ближе к лагерю происходит убой животных, тем легче убрать мясо. Испуганные животные убегали вниз по долине, упорно преследуемые охотниками. Мы, находившиеся в лагере, слышали гром копыт стада и увидели тучу поднятой бизонами пыли еще раньше, чем завидели их самих. Наши палатки стояли на нижнем конце долины, между рекой и крутым, голым, скалистым гребнем к востоку от нее. Все население — мужчины, женщины и дети — выбежало из лагеря, чтобы посмотреть на погоню; такая возможность представляется не каждый день. Право, было гораздо интереснее видеть вблизи такую погоню, чем участвовать в ней. Когда садишься верхом на охотничью лошадь и попадаешь в гущу стада, то видишь только тех бизонов, за которыми гонишься, которых застрелил или пытался застрелить. Нет времени и возможности осознать что-нибудь, кроме этого. Но зритель, наблюдающий погоню, видит очень многое. Прежде всего на него производит сильное впечатление мощь громадных, мохнатых своеобразных животных, бешено проносящихся мимо него с громоподобным топотом и треском сталкивающихся рогов, заставляя землю содрогаться, как от землетрясения. А затем он видит охотников с развевающимися по ветру длинными волосами; охотники направляют своих обученных лошадей то туда, то сюда в гущу стада, намечая то жирную корову, то отборного

молодого бычка, стреляют из ружей или, перегнувшись, всаживают стрелу глубоко в самые уязвимые места громадного животного; он видит, как прерию, по которой пронеслись бизоны, усеивают убитые животные, как другие, опустив голову, покачиваются, шатаются, в то время как жизнь уходит с потоками крови, струящимися из рта и ноздрей, пока наконец не рухнут на землю обмякшей безжизненной грудой. Да, это было зрелище! Вот что мы видели в то утро, стоя у своих палаток. Никто не выражал возгласами одобрения охотникам, не было ни разговоров, ни смеха. Момент был слишком торжественный. Мы видели разгул смерти: огромные, сильные животные, полные неистощимой энергии, внезапно пораженные, превращались в бесчувственные груды мяса и кожи. Как это ни парадоксально, но черноногие почитали бизонов, говорили о них с благоговением, считали магическим или священным то самое животное, которое убивали для еды, шкура которого давала им кров и одежду.

Табун лошадей на водопое у реки испугался шума приближающегося стада. Лошади выскочили по берегу наверх и помчались по долине, задрав головы и хвосты, прямо навстречу стаду; оно повернуло к востоку, пересекло речку и понеслось по нашему берегу. Скалистый гребень, замыкавший долину, был слишком крут, чтобы бизоны могли на него вскарабкаться, и они побежали по ровной низине прямо на наши палатки. Какая поднялась суматоха! Люди в ужасе метались, укрываясь то за одной, то за другой палаткой.

Визжали женщины, плакали дети, мужчины выкрикивали советы и распоряжения. Я схватил за руки Нэтаки, побежал с ней к одному из фургонов Ягоды и посадил ее наверх. Мгновенно фургоны Ягоды и Гнедого Коня наполнились народом, другие залезли под фургоны и толпились рядами позади них. Те, кто оказался поблизости от гребня, вскарабкались наверх между скал, кто был около речки, попрыгали в воду, но многие стояли беспомощно за своими палатками в центре лагеря. Вот уже головные бизоны стада достигли ближайшего края деревни. Они не могли податься назад, так как бегущие сзади нажимали на них, и они продолжали мчаться галопом вперед, пробегая по извилистым дорожкам между палатками, легко прыгая из стороны в сторону, чтобы обогнуть их, злобно лягая их по пути. Несмотря на свои большие раз-

меры и неуклюжий вид, бизон — быстрое и ловкое на бегу животное.

Я стоял вместе со многими другими под прикрытием одного из фургонов и смотрел на коричневый живой поток, пронесившийся мимо, извиваясь между палатками, как река извивается, огибая островки и отмели, в своем русле. Все до одного были напуганы; мы затаили дыхание в напряженном ожидании, так как хорошо понимали, что любая мелочь — ружейный выстрел или появление впереди какого-нибудь подозрительного предмета — может вызвать смятение в стаде, а если оно повернет назад или собьется в плотную массу, то, несомненно, затопчет нас, смерть много людей, перевернет палатки, непоправимо разрушит большую часть лагеря. Нам казалось, что все это длится много времени, на самом деле прошло не больше одной-двух минут, пока последний бизон стада не миновал крайние палатки и не пробежал через реку на противоположный берег. Никто не пострадал, ни одна палатка не была опрокинута. Но разложенное на длинных платформах мясо, множество шкур и мехов разных животных, растянутых для сушки на колышках, вбитых в землю, либо исчезли, либо были иссечены в мелкие куски. Это было поистине такое переживание, какого не забудешь; спасибо, что мы остались живы. Представляя себе, что бы случилось, если бы мы оказались на пути мчавшегося стада, я содрогался. Я уверен, Нэтаки выразила мысли всех, когда сказала:

— Как велика доброта Солнца, сохранившего нас невредимыми в этой большой опасности.

На следующий день я заметил, что деревья и высокие кусты по берегам реки ярко расцвечены приношениями людей нашего племени своему богу. Они всегда брали для приношений свои лучшие вещи, самые красивые и наиболее ценимые ими украшения и наряды.

Зима прошла. Ягода и Гнедой Конь выехали в Форт-Бентон со своими семьями и последними грузами, закупленными в период зимней торговли. Они отлично зарабатывали и решили некоторое время пожить в форте. Ягода заявил, что он больше не будет перевозить грузы на прииски своим обозом на быках, он или продаст обоз, или наймет кого-нибудь в начальники обоза. У пиеганов было еще много бизоньих шкур первого сорта, волчьих шкур и других мехов, которые они собирались продать

в форте, но, вместо того чтобы отправиться прямо туда, они решили пройти кругом, направляясь на юг, вверх по реке Джудит, оттуда к северу через Арроу-Крик и вдоль подножия горы Хайвуд. Я отправился с ними, договорившись встретиться с Ягодой в форте и разработать с ним план торговли на следующий сезон.

Итак, теплым солнечным днем в конце марта лагерь снялся, и мы, перейдя реку вброд в широком мелком месте около острова Кау-Айленд, взобрались по южному склону долины и растянулись цепочкой по прерии. Во время таких переходов Нэтаки и я часто отставали от каравана и ехали на расстоянии мили или немного дальше влево или вправо от тропы, охотясь понемногу в стороне. Нам ничто не мешало охотиться таким образом, так как добрая матушка Нэтаки и семья ее дяди брали на себя заботу о наших лошадях, вьючных и запряженных в волокуши, и гнали их вместе со своим табуном. А когда мы вечером приезжали в лагерь, то заставляли свою палатку уже поставленной, лежа разостланными; вода и дрова были уже приготовлены; и неутомимая матушка сидела у огня, ожидая нас. Иногда Нэтаки ласково выговаривала ей за то, что она все это делает, но мать неизменно отвечала:

— Вы, молодые, должны жить счастливо. Моя мать делала то же для меня, когда я была недолго замужем. Наступит день, когда вы, наверное, будете делать то же для своей дочери.

Последнее замечание заставляло мою маленькую жену смущенно отворачиваться, и она делала вид, что чем-то очень занята.

Увы! Они думали, что эта беззаботная жизнь будет продолжаться вечно. Даже мы, белые, не подозревали, как скоро исчезнут бизоны.

В то прекрасное утро мы постепенно медленно отъезжали под углом к тропе на запад, пока не оказались милях в двух от нее. Еще дальше в стороне мы видели тут и там отдельных охотников, когда они проезжали по возвышенному месту; временами показывалась длинная колонна лагеря на походе. Иногда мы медлили, позволяя лошадям пощипывать траву на ходу, затем снова переводили их на галоп и скакали, пока не нагоним остальных. Нэтаки безостановочно болтала, сообщая всякие лагерные сплетни, рассказывая истории, задавая вопросы

о стране, из которой я прибыл. Ей хотелось все знать об обычаях белых женщин, и хорошее, и плохое, и, когда я рассказывал кое-что из того, что знал о поступках дурных женщин, она приходила в ужас и повторяла много раз подряд:

— Ужасно, как им не стыдно! Ни одна женщина черноногая так бы не поступила!

Около полудня мы подъехали к верхнему концу заросшей соснами лощины, идущей к далекой Джудит. Здесь в рощице бежал прозрачный холодный ручеек. Мы напились, потом отвели своих лошадей на вершину склона, откуда могли хорошо обозревать окрестности, и позавтракали хлебом и сушеным мясом. Из-за гребня напротив нас выбежала рысцой прерийная лисица, сбежала по склону в рошу к ручейку и скоро появилась на нашей стороне, принюхиваясь, очевидно почуяв запах еды.

Лисица подошла, остановившись в тридцати футах, и стала смотреть на нас и на щипавших траву лошадей; потом обошла кругом и наконец растянулась на брюхе с поднятой головой, внимательно следя за нами и часто нюхая воздух; ее тонкий, изящно очерченный нос забавно шевелился. Очевидно, она рассуждала так: «У этих животных странного вида есть какая-то еда. Подожду-ка я здесь немного и поищу тут кругом, когда они уйдут». Во всяком случае Нэтаки сказала, что маленький зверек думает именно это, а у меня были основания полагать, что в таких вещах она обычно знает, о чем говорит.

«Рассказывала я тебе когда-нибудь,— спросила она,— про своего деда и его ручную лисицу? Нет? Ну, так слушай.

Однажды ночью сон приказал моему деду поймать прерийную лисицу, приручить ее и быть с ней ласковым. Он долго обдумывал этот сон, советовался с другими о его смысле, но никто, как и он сам, не понимал, что это значит. На следующую ночь сон сказал ему то же, и на третью ночь, и, наконец, на четвертую. Четыре раза сон приказал ему сделать это. Четыре — священное число. Когда он встал на четвертое утро, он понял, что должен повиноваться велению сна. Он уже не спрашивал, почему или что означает сон, а просто, поев, отправился ловить лисицу. Лисиц было много. Через каждые несколько шагов он видел лисиц, бегущих впереди или сидящих у своих нор, в которых они исчезали при его

приближении. У деда был длинный ремень от поводьев, к концу которого он привязал кусок тоненького ремешка из замши. Он сделал скользящую петлю из ремешка. Укладывая ее кольцом вокруг входа в нору, он отходил назад, насколько хватало длины ремня; затем ложился, выжидая появления животного. Если лисица высунет голову, стоит дернуть за ремень, и петля затянулась бы на ее шее или вокруг туловища. Этим способом дети ловят сусликов; он сам в дни молодости делал это и думал, что таким же манером поймает лисицу.

У этих зверей бывает несколько выходов из норы, иногда даже пять или шесть. Если мой дед укладывал петлю вокруг дырки, в которую на его глазах лисица влезла, то животное обязательно выглядывало через другое отверстие и, увидев, что он лежит неподалеку, пятилось назад и больше не показывалось, как бы долго он ни выжидал. Так прошел первый день, затем второй. Вечером третьего дня он затянул петлю на одной лисице, но одним ударом своих острых зубов она перерезала ремешок и убежала. В этот вечер он усталый возвращался домой, ему хотелось пить, он был голоден. Вдруг на склоне лощины он увидел пять лисенят, игравших у входа в нору; отец и мать сидели неподалеку, наблюдая за ними. Лисенята были совсем маленькие; они были еще так малы, что не могли быстро и ловко бегать, но медленно и неуклюже ползали, кувыряясь один через другого. Он сел на противоположном склоне лощины и наблюдал за ними, пока не зашло солнце и не наступила ночь. Дед все себе задавал вопрос, как ему поймать одного из детенышей. Он молился, призывая богов и духа сна указать ему путь.

Вернувшись в палатку, он поел, напился, набил и раскурил трубку и снова стал молиться о помощи в предстоящем деле. И вдруг, когда он сидел и молча курил, ему открылся нужный способ. Боги смиростивились над ним. Он лег и спал хорошо.

— Пойди, найди мне большую лопатку бизона, — сказал он моей бабушке после утренней еды, — потом возьми шкуру бизона и пойдешь со мной.

Они отправились к норе лисенят. Очень близко от того места, где накануне играли детеныши, был клочок земли, поросший травой райграсом. Дед мой начал срезать в середине его слой дерна, разрыхляя землю ножом. Бабушка помогала ему, пользуясь лопаткой бизона, как белые

лопатой, удаляя землю и высыпая ее на бизонью шкуру; затем она относила шкуру, наполненную землей, в сторону и рассыпала ее по дну лощины. Они работали долго, взрезая дерн и копая землю, расширяя яму, пока она не достигла такой глубины, что дед мог стоять в ней. Глаза его приходились на уровне земли; окаймлявшая яму оставшаяся трава райграс образовала хорошее прикрытие: лисицы могли бы почуять его, но увидеть его они не могли.

— Иди домой, — сказал он бабушке, когда они кончили работу. — Иди домой и принеси жертву Солнцу. Моли его, чтобы мне удалось предстоящее дело.

Затем он влез в яму и стоял в ней тихо, выжидая, высматривая, когда выйдут детеныши. Ждал он долго. Ему казалось, что солнце очень медленно движется в сторону гор. Было очень жарко; деду страшно хотелось пить. У него заболели ноги, но он стоял настороже неподвижно, как сама земля. Незадолго до захода солнца вышла старая лисица и обошла наполовину вокруг клочка райграса. Вдруг лисица почуяла деда и быстро убежала вверх по лощине, не смея вернуться туда, откуда подул ветер, предупредивший ее об опасности, пусть невидимой, но именно поэтому особенно страшной. Вскоре после этого один за другим вышли детеныши; они вылезли медленно и лениво, позевывая и потягиваясь, зажмуривая глаза от яркого света. Они начали играть, как накануне вечером, и вскоре сбились в кучу, борясь между собой, у края клочка райграса. Тут мой дед быстро протянул руку и схватил одного за шкуру на загривке. «Хайя, братец, — крикнул он, — попался!» Выбравшись из ямы, дед закутал лисенка в полу плаща и поспешил в свою палатку. Он был счастлив. Четыре раза дух сна говорил с ним; на четвертый день дед выполнил его веление. Дед был уверен, что поимка лисицы к добру.

Дед мой называл зверька Пу́покан (Сон). С самого начала лисенок его не боялся. Вскоре лисенок подружился с домашними собаками. Его сразу полюбила одна старая сука, и, если около палатки начинала бродить чужая собака, сука ее прогоняла. Лисица охотно поедала кусочки мяса, которые ей давал дед, и научилась лакать воду и суп. Дед запретил всем ласкать ее, кормить или звать по имени, и лисица дружелюбно относилась только к нему. Она старалась ходить за ним следом повсюду, а ночью

заползала под шкуры и спала с ним рядом. Когда лагерь переходил на новое место, лисице устраивали гнездышко в волокуше, и она там лежала спокойно до конца путешествия. Забавный это был детеныш: вечно играл с дедом или домашними собаками. Если, бывало, что-нибудь лисенка испугает, то он бежал к деду, издавая отрывистый, захлебывающийся, хриплый лай, какой мы слышим по ночам в прерии за палатками. Мне так хотелось поиграть с ним, взять его на руки, приласкать, но мать говорила мне:

— Не смей, это священная лисица, и, если ты к ней притронешься, с тобой случится что-нибудь ужасное. Ты можешь ослепнуть.

Когда лисенок вырос, он иногда бродил по ночам вокруг палаток, пока за ним не погонится какая-нибудь собака. Тогда он мчался назад в палатку и заползал в постель к деду. Ни одна мышь не могла пробраться под шкуру прикрытия палатки, чтобы Пупокан не нашел и не убил ее; часто он притаскивал домой птицу или суслика. Около того времени, когда Пупокану исполнилось две зимы, мы стояли лагерем на Малой реке, у самых гор Бар-По, к северу от них. Однажды ночью, когда огонь в очаге уже погас и все спали, Пупокан разбудил моего деда, так как прижался к его голове и стал лаять так, как он лаял, когда пугался. «Перестань, — сказал дед и, потянувшись, легонько шлепнул лисенка. — Перестань лаять и спи».

Но Пупокан не замолчал. Наоборот, он лаял все сильнее, дрожа от возбуждения. Дед приподнялся на локте и осмотрелся. Сквозь отверстие для выхода дыма светила луна, и дед мог разглядеть предметы в палатке. На другом конце, у входа, виднелось что-то, чего в палатке не бывает: темный неподвижный предмет, похожий на скорчившуюся человеческую фигуру. «Кто там? — спросил дед. — Что тебе здесь нужно?»

Ответа не было.

Тогда дед опять заговорил: «Говори скорее, кто ты. Встань и отвечай, или я тебя застрелю».

Ответа по-прежнему не было. Пупокан лаял не переставая. Дед тихонько протянул руку за ружьем, лежащим в изголовье, бесшумно взвел курок, прицелился и выстрелил. Со страшным криком человек — ибо предмет этот оказался человеком — вскочил и упал мертвым

прямо в горячую золу и угли на очаге. Дед мой быстро оттащил убитого в сторону. Конечно, выстрел разбудил весь лагерь. Крики испуганных женщин из палатки деда заставили всех собраться к ней. Развели огонь, и в его свете стало видно, что убитый — враг из далекого племени сиу. Он был безоружен, не считая большого длинного ножа, все еще крепко зажатого в его правой руке. Очевидно, он вошел в палатку, намереваясь украсть ружье, и заколол бы всякого, кто помешал бы ему.

Когда лисица дала знать о его присутствии, он, вероятно, подумал, что останется необнаруженным, если будет сидеть, скорчившись, на земле, и что разбуженные им скоро опять заснут. По-видимому, он пробрался в лагерь один; никаких следов других сиу не обнаружили, ни одна лошадь не пропала.

В лагере только и было разговоров, что о лисице и о сне моего деда. Все это было проявлением большой магической силы. Как мой дед был доволен! Он принес много жертв, много молился и полюбил Пупокана еще сильнее прежнего. Зверек прожил у нас еще две зимы, а потом однажды летней ночью его укусила гремучая змея, и он вскоре умер. Женщины завернули маленькое распухшее тело в бизонью шкуру и похоронили его на платформе, построенной ими на тополе, — совсем как человека».

Я подтянул подпруги. Нэтаки разложила на гладком плоском камне остатки нашего завтрака.

— Поешь вдоволь, братец, — сказала она.

Мы сели на лошадей и отъехали: обернувшись, мы увидели, что лисица усердно жует кусочек сушеного мяса. Позже днем мы приехали в наш лагерь, разбитый близ небольшого озера на высоком плато. Вода в озере была плохая, но, вскипятив, ее можно было пить. Топливом нам служил бизоний навоз.

Вечером меня пригласили на пир, устроенный Большим Озером. В числе других солидных гостей был и Просыпающийся Волк. Молодые люди редко пировали и курили со старшими; лагерь был разделен на много компаний или кругов общества, совершенно так, как бывает в наших городах, с той только разницей, что между различными кругами не было соперничества и зависти.

Мы, помнится, успели выкурить только по одной трубке, как в палатку вбежал молодой человек и сказал:

— Приближается многочисленный военный отряд,

— А! — воскликнули все, и Большое Озеро сказал:

— Скорее расскажи нам все.

— Я охотился, — сказал молодой человек, — я привязал свою лошадь к кусту, а сам стал подползать к группе антилоп. Может быть, я недостаточно крепко привязал лошадь, она отвязалась и убежала назад по своему следу, и я вынужден был идти обратно пешком. Перед заходом солнца я вышел на вершину гребня и увидел наш лагерь; на другом гребне около реки Джудит я заметил не менее пятидесяти человек. Должно быть, они обнаружили наш лагерь по дыму очагов или еще по каким-нибудь приметам. Я подождал, пока не стемнело настолько, что меня уже не могли заметить, и поспешил сюда. Они, несомненно, сделают набег на наш лошадиный табун сегодня ночью.

— Ступайте в лагерь, — сказал быстро и решительно Большое Озеро. — Скажите людям, чтобы они сейчас же шли сюда. Предупредите женщин, чтобы не кричали, не плакали и не бегали. Скорее!

Я пошел домой и рассказал Нэтаки об этой новости. Я снял чехол с ружья и наполнил карманы куртки патронами.

— Подожди! — сказала она, схватившись за ружейный ствол. — Что ты собираешься делать?

— Да ведь Большое Озеро велел нам собраться в его палатке, — объяснил я. — Я полагаю, что у него есть какой-нибудь хороший план действий.

— Да, он мудр, — согласилась она, — но ты не пойдешь туда, чтобы тебя убили воины из вражеского отряда. Оставайся здесь со мной.

— Но наши лошади! Не могу же я оставаться здесь, в палатке, и позволить неприятелю угнать их.

— Неважно. Пусть угоняет.

— Но, — сказал я, — если я останусь здесь, подумай, что скажут люди. Они будут называть меня трусом, будут говорить тебе: у твоего белого сердца женщины. Почему ты не сошьешь ему несколько платьев.

Это положило конец спору. Она просто села на ложе, накрыв голову шалью, и так я ее покинул. Я признаюсь, что, когда я уходил, у меня не было бешеной жажды битвы. Веселый огонь в очаге палатки, покойное ложе и трубка с длинным чубуком дороги всем, кроме безрассудного юноши, который только и думает что о войне. Боль-

шое Озеро был прирожденный мастер тактики. За несколько минут, потребовавшихся на то, чтобы собрать людей вокруг его палатки, он продумал свой план обороны и в немногих словах отдал распоряжения.

Различные группы Общества Друзей были разделены на четыре отряда и получили приказ тихонько выйти из лагеря на север, на юг, на восток и на запад от него и там ожидать подхода неприятеля. Все остальные, не принадлежащие к Обществу, должны были присоединиться к любому из отрядов по своему выбору. Не приходилось опасаться, что военный отряд в пятьдесят человек или даже в три раза больший нападет на лагерь. Они, конечно, пришли воровать лошадей, и план заключался в том, чтобы дойти до места, где пасутся табуны, и там залечь, ожидая врага. Наиболее ценные лошади были, как обычно, привязаны около палаток владельцев, и неприятель, минуя табуны обыкновенных лошадей, попытается добраться до этих лучших, перерезать их привязи и увести их по одной, по две, по три.

Я вышел с Бешеными Собаками и Носящими Ворона и еще с тридцатью — сорока мужчинами, которые подобно мне не принадлежали ни к какой организации. Мы растянулись в широкую цепь и, пройдя медленно в молчании около полумили, получили переданное по цепи распоряжение остановиться. Тогда мы сели под прикрытием кустарников полыни и жирного дерева *. На западе низко на небе стояла луна; она должна была зайти около полуночи. Было поэтому не очень темно, и мы вполне отчетливо видели кустарник в сорока или пятидесяти ярдах впереди себя. Мы долго просидели так тихо. Ближайший справа от меня воин тихо подполз ко мне и сел рядом.

— Ночное светило скоро скроется из виду, — прошептал он, — военный отряд уже скоро появится, если они вообще придут этой ночью.

То, что он сказал, было верно. Немного спустя мы услышали неясный отдаленный звук голосов. Наступила тишина. Затем послышались осторожные шаги, шорох кустарника, тершегося о ноговицы, и показались участники набега; они продвигались, ничего не подозревая.

Первым выстрелил кто-то слева от меня, а за ним вся цепь начала стрелять рассыпным огнем. Искры дешевого

* *Sarcobatus vermiculatus*.

черного пороха тлели и сверкали, вылетая в темноту из дул кремневых и нарезных ружей. На мгновение вспышки ослепили нас; когда мы снова смогли видеть, неприятель уже убегал. Они выпустили много зарядов в ответ, но, как мы потом установили, ни одна из их пуль не попала в наших. Вся цепь, почти как один человек, бросилась вперед с криками: «Бешеные Собаки! Носящие Ворона! Смелее, уничтожим их всех до одного». Впереди валялось пять тел, один еще был жив. Глухой удар палицы — и полулежавший человек растянулся навзничь; заходящая луна освещала его лицо. В мгновение ока мертвые были оскальпированы, оружие их взяли первые подошедшие к ним. Отряд наш бежал вперед, изредка стреляя по смутно виднеющимся фигурам отступающих. За нами шли теперь остальные три отряда лагеря, поощряя нас криками. Но врагов уже не было ни видно, ни слышно, и наш отряд остановился. Бесполезно было продолжать искать их в темноте. Подошел Большое Озеро.

— Рассыпьтесь, — сказал он, — рассыпьтесь снова и окружите лагерь. Может быть, кто-нибудь из врагов спрятался в кустарнике поближе к лагерю и с наступлением дня мы их обнаружим.

Я взял ружье на плечо и отправился домой. Нэтаки сидела и ждала меня; мать ее сидела с ней, чтобы ей не было скучно. Я рассказал все, что произошло.

— Почему ты вернулся? — спросила она, когда я кончил. — Почему ты не остался с другими, как приказал Большое Озеро?

— Хайя! — воскликнул я. — Вот женщины! Попробуй пойми их! Ты же просила меня вечером остаться здесь с тобой. Я вернулся, потому что устал, хочу есть и спать, а ты теперь недовольна, что я пришел. Что ж, чтоб сделать тебе удовольствие, я пойду обратно и буду сидеть со всеми остальными до утра.

— Садись, сумасшедший, — сказала она, усаживая меня силой на ложе, с которого я собрался было встать. — Оставайся здесь. Вот твоя трубка, набей ее и покури, пока я изжарю мясо и приготовлю чай.

— Ты глава, — сказал я ей, с удовольствием откидываясь на ивовую циновку, — пусть будет по-твоему.

Увы! Безжалостный жнец, пожинающий года, верни их. Верни мне Нэтаки и мою молодость. Верни нам нашу палатку и бескрайние бурые прерии со стадами бизонов.

Глава XIX

Свадьба Нэтаки

Ранним утром мы проснулись от необычного движения и суматохи в лагере. Нэтаки вышла, чтобы выяснить, в чем дело. Скоро она вернулась с новостями: напавшие на нас ночью враги оказались кроу; всего было найдено семь убитых, а врагу удалось угнать семьдесят с лишним лошадей. Большой отряд уже выступил преследовать врага, и мы не должны были сворачивать лагерь, пока отряд не вернется. Я рано встал и оделся, позавтракал и отправился в гости. Зайдя в палатку Хорькового Хвоста, я застал его за перевязкой раны на бедре, слегка задетой пулей кроу.

Я просидел у него долго; другие гости в это время приходили и уходили. Они ругали кроу всеми скверными ругательствами, какие существуют на языке черноногих, но, к несчастью или, пожалуй, можно сказать, к счастью, запас слов такого рода у них очень ограничен. Самое большое, что они могли сделать, — это обозвать врагов собачьими мордами и просить Солнце уничтожить их.

Оттуда я пошел в палатку вождя, где застал в сборе множество старейшин.

— Что касается меня, — говорил Большое Озеро, когда я вошел, — то я буду выступать против заключения мира с кроу, пока я жив. Договоримся никогда больше не курить их табак. Научим наших детей смотреть на них, как

на гремучих змей, которых нужно истреблять, где увидишь.

Посетители охотно соглашались с ним, и я могу тут же добавить, что они сдержали свое слово и послали отряд за отрядом против своих врагов с берегов Йеллоустона, пока не вмешалось правительство, положившее конец этой войне между племенами. Последний набег был сделан летом 1885 года.

В течение дня много раз исполнялся танец со скальпами, в котором участвовали те, кто недавно потерял мужа, отца или другого родственника в бою против кроу. Танец этот не был похож на описываемое мрачными красками театральное зрелище свирепого торжества, триумфа по случаю смерти врага. В исполнении черноногих это было грустное зрелище. Участвующие в танце начернили лица, руки и мокасины древесным углем и надели самую скромную, простую одежду. Какой-нибудь старик держал перед собой скальп врага, привязанный к ивовому пруту, остальные выстраивались в ряд по обе стороны от него. Танцующие пели негромкую жалобную песню в минорном тоне, выражавшую — так мне во всяком случае казалось — больше скорби о потере близких, чем радости по случаю смерти врага. В этот день скальпов было семь, и одновременно в разных концах лагеря танцевало семь групп. Одну траурную группу сменяла другая, так что танец длился до самой ночи. Собственно, настоящего танца и не было: певшие песню лишь слегка наклонялись и выпрямлялись в такт ей.

Преследовавший врага отряд вернулся в сумерки; ему не удалось догнать неприятелей. Были голоса за немедленное выступление в набег на землю кроу, но в лагере оставалось мало пороху и пуль, и было решено, не откладывая, двинуться в Форт-Бентон. Получив там хороший запас пороху и пуль, военный отряд мог бы снова повернуть на юг.

Через четыре или пять дней мы стали лагерем в большой долине напротив форта. Нэтаки и я переправились через реку и прошли по извилистой тропинке к маленькому домику из сырцового кирпича. Там мы застали Ягоду, его жену, мать и добрую Женщину Кроу.

Какая это была счастливая компания — эти женщины, суетившиеся, мешавшие друг другу готовить ужин! Ягода

и я, конечно, тоже чувствовали себя счастливыми. Мы мало говорили, лежали и курили, растянувшись на покрытом шкурами бизона ложе. Слова часто излишни. Мы испытывали полное довольство, и каждый из нас знал, что другой чувствует то же. Ягода взял из конторы мою почту. Она лежала на столе — несколько писем, ворох газет и журналов. Я прочел письма, но остальная почта осталась большей частью нераспечатанной: я утратил всякий интерес к тому, что делается в Штатах.

Вечером мы с Ягодой пошли пройтись в форт и, конечно, заглянули в салун Кено Билля. Как обычно в это время года, город, если его можно так назвать, был полон народу: торговцев и трапперов, погонщиков быков и мулов, золотоискателей и индейцев. Все ожидали прибытия пароходов, давно уже вышедших из Сент-Луиса. Они уже скоро должны были прийти. Вокруг всех столов в салуне Кено толпилось столько игроков, что невозможно было протиснуться, чтобы посмотреть на игру. Сам Кено с двумя помощниками стоял за стойкой, так как бочки еще не опустели, несмотря на то что в зимние месяцы был солидный спрос на их содержимое. Осталось даже несколько бутылок пива. Я охотно уплатил за одну из них доллар сорок центов, и Ягода помог мне распить ее.

По пути домой мы заглянули на минутку в Оверлэнд-отель. Тут среди посетителей я заметил человека, похожего на проповедника. Во всяком случае грудь его синей фланелевой рубашки украшал белый галстук; черный пиджак, хотя скроенный не так, как принято у священнослужителей, был все же полагающегося цвета. Я подошел к нему и сказал:

— Извините, сэр, хотелось бы знать, не проповедник ли вы?

— Да, — ответил он, любезно улыбаясь, — я священник методистской епископальной церкви. Прошлый год я провел в горах, проповедуя и работая на приисках, а сейчас возвращаюсь домой, в Штаты.

— Так, — продолжал я, — если вы пойдете сейчас со мной, то думаю, что для вас найдется работа.

Он тотчас же встал и пошел с нами.

— Могу ли я узнать, — спросил он по дороге, — какого характера обязанность мне предстоит исполнить? Крестить или венчать или же, может быть, речь идет о больном, нуждающемся в кратком утешении?

— Венчать, — ответил я, — при условии, конечно, что другая сторона согласна.

При этом Ягода бесстыдно захихикал.

Женщины весело болтали и смеялись, когда мы вошли, но сразу замолчали, увидев нашего спутника. Они всегда так себя вели в присутствии посторонних. Я отозвал Нэтаки в заднюю комнату.

— Этот человек, — сказал я ей, — священный (точнее, солнечный) белый. Я попросил его освятить наш брак.

— Как ты угадал мое желание! — воскликнула она. — Я всегда хотела, чтобы ты сделал это, но я боялась, стеснялась просить тебя об этом. Но это настоящий священный белый? На нем нет черного платья, нет креста.

— Он принадлежит к другому обществу, — ответил я, — этих обществ тысяча, и каждое утверждает, что только оно истинное. Для нас это неважно. Идем.

Итак, с помощью Ягоды в роли переводчика мы обвенчались, и проповедник отправился, унося на память об этом случае золотую монету.

— Я голоден, — сказал Ягода, — зажарьте нам парочку языков бизона, женщины.

Свадебный пир, как можно назвать этот ужин, состоял из жареных языков, хлеба, чая и яблочного соуса. И этим тоже мы были вполне довольны.

— Видишь ли, — призналась мне позже Нэтаки, — многие белые, женившись на женщинах нашего племени по его обычаям, смотрят на них просто как на забаву и потом бросают их. Но те, которые берут жен на основании священных слов священного белого, никогда своих жен не бросают. Я знаю, что ты меня никогда не бросишь, никогда. Но другие женщины смеются надо мной, отпускают на мой счет шутки, говорят:

— Сумасшедшая, ты любишь своего мужа, ты дура. Он ведь не женится на тебе по обычаю белых и оставит тебя, как только встретит другую, более хорошенькую женщину.

А теперь они никогда не смогут так говорить. Никогда.

Ягода и я планировали оставаться в Форт-Бентоне летом и торговать в лагерях следующую зиму. В мае начали прибывать пароходы и набережная наполнилась сутолокой. У торговцев тоже было дел по горло, так как индейцы шли толпами, чтобы продать оставшиеся шкуры

бизонов и меха. Но мы в этой торговле не участвовали, и через несколько недель нам уже не сиделось на месте. Ягода решил сделать несколько рейсов в Хелину со своим обозом на быках, хотя ему не было необходимости ехать самому: он нанял начальника обоза, или, на языке погонщиков быков, хозяина фургонов. Женщины решили, что им нужно отправиться за ягодами. Пиеганы уже давно перешли реку и стояли лагерем на реке Титон всего в нескольких милях от форта. Мы хотели присоединиться к ним, и Нэтаки послала матери просьбу пригнать наших верховых и вьючных лошадей.

Недели за две до этого я как-то сидел на набережной. Кю мне подошел какой-то незнакомец и сел рядом. Мы разговорились. Я сразу увидел, что это образованный и хорошо воспитанный человек; с первого же взгляда он мне понравился. Он был высокого роста, хорошо сложен, с карими глазами и каштановыми волосами. Выражение лица у него было приятное, открытое, хотя несколько грустное. По-видимому, ничто не вызывало у него восторга. Он редко улыбался и никогда не смеялся. Часто он бывал так погружен в свои мысли о чем-то очень близко его касавшемся, если судить по грустному выражению его глаз, что совершенно не замечал окружающего. Я позвал его обедать в наш маленький дом, и он сразу понравился Ягоде. Он понравился и нашим женщинам, обычно державшимся в стороне и очень чопорно в присутствии чужих. Вскоре он стал проводить большую часть своего времени у нас, и весь наш дом не знал, чем бы ему угодить. Старая миссис Ягода специально для него оборудовала превосходное ложе из бизоньих шкур со спинками из ивовых прутьев. Женщина Кроу подарила ему красивые мокасины. Нэтаки и жена Ягоды для наших маленьких ужинов доставали самое лучшее из своих запасов пеммикана, сушеного мяса и ягод.

— Послушай, — сказал я однажды Нэтаки. — Я начинаю ревновать тебя к этому человеку. Вы, женщины, почитесь с ним больше, чем с Ягодой или со мной.

— Он такой грустный, — ответила она, — что мы его жалеем. Что его мучит? Он потерял любимую?

Я не лучше ее знал, что его мучит, но было очевидно, что у него какое-то горе. Мы никогда его не расспрашивали, даже не спросили, как его зовут, откуда он. Этим

жители Запада отличаются от жителей Востока. На Западе никогда не сплетничали, не пытались разузнать чужие секреты, не спрашивали никого о его родословной. Человеку просто дружески протягивали руку и поступали с ним так, как хотели бы, чтобы поступали с ними сами. Наши женщины прозвали его Кутайми — Никогда Не Смеется. Так они всегда называли его, говоря о нем между собой. Он долго не знал этого, а когда узнал, не обратил на это внимания. Он сказал Ягоде и мне, что его фамилия... впрочем, для моего рассказа неважно, как его звали. Мы будем называть его Эптоном. Он сообщил нам также, что живет в Бостоне и что на Запад он приехал просто посмотреть, как здесь живут. Когда он узнал, что женщины и я должны отправиться в лагерь, он попросил разрешения поехать с нами. Мы, конечно, были рады. Он купил себе лошадь, седло, одеяло, ружье и разные другие вещи, необходимые для этого путешествия.

И вот однажды вечером мы вернулись в наш лагерь, в собственную палатку, которую мать Нэтаки снова поставила и обставила к нашему возвращению домой. Со всех сторон слышались песни и смех, дробь барабанов, приглашения на угощение. Женщины изжарили нам мяса, подали хлеб и чай, и мы с удовольствием съели этот простой ужин. Затем Эптон и я лежали на наших мягких ложах и курили; говорили мы мало. Я был абсолютно доволен. Мой друг, судя по его задумчивому и рассеянному виду, был мысленно опять на Востоке, за две тысячи миль отсюда. Женщины скоро вымыли посуду и вынули свое вышивание иглами иглошерста или бисером.

— Бабушка, — попросил я, — расскажи мне какую-нибудь историю, что-нибудь из далекого прошлого твоего племени.

— Хай! — воскликнула Женщина Кроу. — Вы только послушайте его! Вечно он требует истории. Чтобы удовлетворить его, нам скоро придется их выдумывать, потому что почти все, что мы знаем, он уже слышал.

— И подумай, какой эгоист, — сказала Нэтаки, поглядывая на меня с шутливым негодованием, — все наши истории он выслушивает, а нам своих не рассказывает.

Я был вынужден признать, что моя маленькая жена права, и обещал впоследствии рассказать несколько историй.

Старая миссис Ягода, подумав немного, начала
историю Бессердечной:

«Случилось это еще в те времена, когда моего деда не было на свете, да, задолго до него, потому что он говорил нам, что старики, от которых он слышал эту историю, рассказывали, что сами слышали ее от своих дедов. История эта следовательно, несомненно, очень древняя.

Дело было весной. Народ, рассыпавшись по прерии, был занят выкапыванием белого корня*, как вдруг налетела страшная гроза. До дома было далеко, поэтому занимавшиеся сбором корня, зная, что все равно вымокнут, побегут ли домой или останутся на месте, просто сели, где стояли, покрылись своими плащами и стали ждать, пока пройдет гроза. Члены одной семьи случайно все оказались близко друг от друга, когда начался дождь, и все сбились в кучу.

— Какой холодный дождь, — сказала мать, — я вся дрожу.

— Да, — сказал отец, — холодно. Сядьте-ка все потеснее вместе.

Так они сидели, и вдруг над ними раздался удар грома и среди них упала шаровая молния. С громким шумом она разорвалась и бросила их всех плашмя, бесчувственных, наземь. Они лежали — отец, мать, два сына и дочь, никто не смел прийти им на помощь, боясь, что разгневанный бог поразит и подошедших. Но когда гроза прошла, народ сбежался, чтобы помочь, чем можно, пораженным молнией.

Сначала думали, что они все мертвы. Действительно, четверо были убиты, но пятая, дочь, еще дышала. Немного спустя она села и, увидев, что случилось со всеми остальными, начала так горько плакать, что бывшие рядом женщины заплакали вместе с ней, хотя никто из них не был ей родственницей. Отец был с детства сиротой, мать тоже, и теперь бедная девушка стала одинокой. Во всем лагере у нее не было ни одного родственника.

Мертвых похоронили добрые друзья, и многие из них звали девушку пойти жить к ним, но она отвечала всем отказом.

* «Белое яблоко» французских трапперов — *Proreale esculenta*. — *Прим. авт.*

— Ты должна пойти к кому-нибудь жить, — сказал ей вождь. — Никто не слыхал, чтобы молодая женщина жила самостоятельно. Ты не можешь жить одна. Где ты будешь добывать себе пищу? И подумай, что скажут люди, если ты этим займешься. О тебе скоро начнут говорить дурно.

— Если обо мне будут дурно говорить, то с этим я ничего не могу поделать, — сказала девушка, — они будут вынуждены со временем отказаться от своих дурных речей. Я решила так поступить и сумею не голодать.

Девушка продолжала жить в палатке родителей, одна в обществе своих собак. Женщины лагеря часто навещали ее, давали ей мясо и другую пищу. Но ни один мужчина — ни молодой, ни старый — никогда не входил в ее палатку и не садился у ее очага. Один или два попробовали прийти, но только по одному разу, так как она прямо сказала им, что не нуждается в обществе мужчин. Поэтому юноши смотрели на нее издали и молили богов смягчить ее сердце. Она была красивая молодая женщина, старательная и неутомимая труженица. Не удивительно, что мужчины влюблялись в нее, и не удивительно, что они прозвали ее Бессердечной.

Один молодой человек, Высокий Вапити, сын главного вождя, полюбил эту одинокую девушку так сильно, что почти помешался от страданий и тоски по ней. Он ни разу с ней не говорил, так как хорошо знал, что получит такой же ответ, какой она давала другим. Но он не мог удержаться от того, чтобы не ходить изо дня в день туда, где она всегда могла его видеть. Если она работала на своем клочке земли, засаженном бобами и маисом, то он сидел поблизости на берегу реки. Если она уходила в лес за дровами, он шел гулять в эту сторону и часто встречался с ней на тропе, но она всегда проходила мимо, опустив глаза, как будто не видит его. Часто по ночам, когда весь лагерь уже крепко спал, Высокий Вапити выходил, крадучись, из отцовской палатки, брал кожаное ведро, раз за разом наполнял его водой из реки и поливал все грядки на огороде Бессердечной.

Рискуя жизнью, он один уходил охотиться в прерии, где постоянно бродили сиу. Утром, когда Бессердечная, проснувшись, выходила из палатки, она находила висящие в темном проходе лучшие части туши и шкуру бизона или оленя. Народ толковал об этом, гадая, кто это делает. Если девушка сама и знала, то совершенно не

показывала этого и всегда проходила мимо юноши, как будто и не подозревала, что такой человек существует на земле. Кое-кто из низких и дурных людей подло намекал, что неизвестный покровитель щедро вознаграждается за свои труды. Но они всегда встречали отпор, так как у девушки было много друзей, убежденных, что она очень хорошая.

На третье лето одинокой жизни девушки племени манданов и арикара поссорились. Начались столкновения, отряды отправлялись в походы, чтобы красть друг у друга лошадей, убивать и скальпировать всех, кого могли захватить на охоте или в пути вдали от защиты, даваемой деревней. Положение для народа было очень тяжелое. Оба этих племени долгое время жили в дружбе. Мужчины манданы женились на женщинах арикара, у многих мужчин арикара были жены манданки. Ужасно было видеть, как в лагерь приносят скальпы, может быть, твоих родственников. Но что могли сделать женщины? Они не имели голоса в советах и боялись высказать то, что думали. Но не так вела себя Бессердечная. Каждый день она ходила по лагерю, громко разговаривая, так, что мужчины должны были все слышать, ругала их за злобность, справедливо доказывая, что оба племени так ослабеют, что не смогут сопротивляться общему врагу — сиу. Бессердечная подходила даже прямо к вождю и ругала его, и ему приходилось молча отворачиваться, так как не мог же он вступать в пререкания с женщиной, да и заставить ее закрыть рот оп тоже не мог: она была сама себе хозяйка.

Однажды ночью большой отряд арикара сумел проделать отверстие в окружающем деревню тыне. Они проникли через отверстие внутрь и начали выводить лошадей. Кто-то, однако, обнаружил врага и поднял тревогу. Разыгралось большое сражение, во время которого манданы выгнали врага в прерию и вниз, в лес у реки. С обеих сторон было несколько убитых; в деревне и горевали и радовались.

Арикара отступили в свою деревню. К вечеру Бессердечная спустилась в лес за дровами и в густой ивовой рощице нашла одного из неприятелей, тяжело раненного молодого воина. Стрела пронзила ему пах, и он потерял много крови. Он так ослаб, что едва мог говорить и двигаться. Бессердечная воткнула в землю вокруг него много ивовых прутьев, чтобы спрятать его получше.

— Не бойся, — сказала она ему, — я принесу тебе пить и есть.

Она поспешила назад в свою палатку, взяла сушеного мяса и мех с водой, сунула их под плащ и вернулась к раненому. Он напился и поел принесенной пищи. Бессердечная промыла и перевязала рану. Она снова покинула его, приказав лежать тихо, и обещала вернуться ночью и взять его к себе в палатку, где она будет ходить за ним, пока он не поправится. У себя в палатке она устроила для него угол, отгородив одну из постелей большой шкурой бизона. Она прикрыла, кроме того, частично отверстие для выхода дыма и повесила шкуру поперек входа, так что внутри палатки свету было мало. Заходившие к ней иногда женщины не могли бы никак заподозрить, что здесь кто-то спрятан, в особенности враг, — в палатке, в которую три лета не входил ни один мужчина.

Ночь была темная. Внизу, в лесу у реки, совсем не было света. Бессердечная должна была идти, протянув вперед руки, чтобы не натолкнуться на деревья, но она так хорошо знала эти места, что без труда отыскала ивовую рощицу и того, кому она пришла помочь.

— Встань, — сказала она тихо, — встань и следуй за мной.

Молодой человек попытался подняться, но снова тяжело упал на землю.

— Я не могу стоять, — сказал он, — нет силы в ногах.

— Ты не можешь идти! — воскликнула Бессердечная. — Я не подумала, что ты не сможешь идти. Что же мне делать? Что делать?

— Ты позволишь мне отнести его за тебя, — сказал кто-то стоявший близко позади нее, — я отнесу его, куда ты поведешь.

С криком удивления Бессердечная обернулась. Она не могла видеть в темноте лицо говорившего, только смутно различала фигуру, но она узнала голос. Она теперь не боялась.

— Тогда подыми его, — сказала она, — и следуй за мной.

Она сама подняла раненого и положила его на спину подошедшего, а затем повела его из лесу, по прерии, через отверстие в тыне, в котором она вытащила одно бревно, и дальше в свою палатку. Никого кругом не было, и их не видели. Внутри горел огонь, но девушке не нужен

был свет, чтобы узнать, кто ей помог. Человек этот был Высокий Вапити.

— Положим его сюда, — сказала она, приподымая шкуру, висевшую перед приготовленным ложем.

Они осторожно уложили больного на ложе. Несколько мгновений Высокий Вапити простоял, глядя на девушку, но она молчала и не глядела на него.

— Я ухажу, — сказал он, — но каждую ночь я буду приходить с мясом для тебя и для твоего любовника.

Девушка не отвечала, и он ушел. Но как только он ушел, Бессердечная села и расплакалась. Больной приподнялся и спросил:

— Что с тобой? Почему ты плачешь?

— Разве ты не слышал? — ответила она. — Он сказал, что ты мой любовник.

— Я знаю тебя, — ответил он, — тебя прозвали Бессердечной, но это ложь. У тебя есть сердце. Хотел бы я, чтобы оно принадлежало мне.

— Не надо, — крикнула девушка, — не говори этого! Я буду заботиться о тебе, кормить тебя. Я буду ходить за тобой, как родная мать.

Когда настала ночь, Бессердечная несколько раз выходила в проход палатки, каждый раз оставалась там все дольше и возвращалась только затем, чтобы дать больному воды или немного поест. Наконец, когда она в темноте сидела у входа, пришел Высокий Вапити и, нащупав подходящее место, повесил кусок мяса так, чтобы собаки не могли его достать.

— Войди, — сказала она ему, — войди и поговори с раненым.

После этой ночи Высокий Вапити каждую ночь немного сидел у арикара, и они разговаривали о вещах, которыми интересуются мужчины. Пока арикара жил в палатке, Бессердечная никогда не разговаривала с ним, только говорила «ешь», ставя перед ним еду. День ото дня раненый становился крепче.

Однажды ночью после ухода Высокого Вапити раненый сказал:

— Я уже в состоянии отправиться в путь. Завтра ночью я двинусь домой. Я хочу знать, почему ты пожалела меня, почему спасла меня от смерти?

— Так слушай, — сказала девушка, — я сделала это потому, что война — зло, потому, что мне тебя было

жалко. Многие женщины здесь и многие еще в твоей деревне плачут, потому что потеряли в этой ссоре своих любимых. Я одна из всех женщин говорила, просила вождей заключить с вами мир. Все остальные женщины радовались моим словам, но боялись и не смели сами говорить. Я говорила и не боялась, потому что нет никого, кто мог бы мне велеть молчать. Я помогла тебе, теперь и ты помоги мне, помоги своим женщинам, всем нам. Когда ты вернешься домой, расскажи, что здесь для тебя сделали, и убеждай своих заключить мир.

— Я сделаю это, — сказал арикара, — когда они узнают все, что ты для меня сделала, вожди послушают меня. Я уверен, что они будут рады прекратить эту войну.

На следующую ночь Высокий Вапити, войдя в палатку, застал арикара сидящим. Рядом с ним лежало его оружие и мешочек с едой.

— Я ждал тебя, — сказал арикара, — я выздоровел и хочу этой ночью отправиться домой. Согласен ли ты вывести меня за тын? Если кто-нибудь заговорит с нами, ты сможешь ответить им, и они не заподозрят, что мимо них прошел враг.

— Конечно, я пойду с тобой, — ответил Высокий Вапити.

Тогда арикара встал, надел на плечи лук, колчан, мешочек с пищей и поднял с земли свой щит. Бессердечная сидела тихо на противоположной стороне палатки и смотрела прямо на огонь. Высокий Вапити повернулся к ней:

— А ты? — спросил он. — Ты тоже готова?

Она не ответила и накрыла лицо плащом.

— Я уйду один, — сказал арикара, — пора выходить.

Они вышли, прошли по деревне сквозь тын и, перейдя долину, вошли в лес и там остановились.

— Ты прошел со мной достаточно, — начал арикара, — отсюда я пойду дальше один. Ты был добр ко мне. Я этого не забуду. Когда я приду домой, я буду много говорить о необходимости мира между нашими племенами. Я надеюсь, что мы скоро снова встретимся как друзья.

— Постой, — сказал Высокий Вапити, когда тот повернулся, чтобы уйти, — я хочу задать тебе один вопрос. Почему ты не берешь с собой Бессердечную?

— Я бы взял ее, если бы она согласилась, — ответил

арикара, — но эта девушка не для меня. Я скажу тебе правду: она была для меня матерью — ни больше и ни меньше. А ты, — продолжал он, — ты когда-нибудь просил ее стать твоей женой? Нет? Тогда иди, иди сейчас же и спроси ее.

— Бесполезно, — сказал Высокий Вапити грустно, — многие уже просили ее, и она им всем отказывала.

— Когда я лежал больной в ее палатке, я видел многое, — продолжал арикара, — я видел, как она смотрела на тебя, когда ты беседовал со мной; глаза ее в это время были прекрасны. И я видел, как она беспокоилась, выходила и входила, входила и выходила, когда ты запаздывал. Когда женщина так себя ведет, это значит, что она тебя любит. Пойди и спроси ее.

Они растались, и Высокий Вапити вернулся в деревню. «Не может быть, — думал он, — чтобы этот юноша был прав. Нет, не может быть. Разве я не ходил вокруг нее столько зим и лет? И ни разу она на меня не взглянула, ни разу мне не улыбнулась». Думая об этом, он все шел и шел и очутился у входа в палатку. Изнутри слабо доносился чей-то плач. Он не был уверен, что слышит плач, звуки были слишком тихие. Он подошел, бесшумно и осторожно отодвинул прикрывающую вход шкуру. Бессердечная сидела там, где он ее видел в последний раз, перед угасающим огнем, накрыв голову плащом, и плакала. Он прокрался через вход и сел рядом с ней, совсем рядом, но не посмел прикоснуться к ней.

— Доброе Сердце, — сказал он, — Большое Сердце, не плачь.

Но, услышав его слова, она стала плакать еще сильнее, а он очень смутился и не знал, что делать. Подождав минутку, он придвинулся ближе и обнял ее одной рукой. Она не отодвинулась; тогда он откинул плащ с ее лица.

— Скажи мне, — попросил он, — почему ты плачешь?

— Потому что я так одинока.

— А! Значит, ты его действительно любишь! Может быть, еще не поздно. Я смогу, пожалуй, догнать его. Пойти и позвать его вернуться к тебе?

— Что ты хочешь сказать? — воскликнула Бессердечная, глядя на него с удивлением. — О ком ты говоришь?

— О том, кто сейчас, ушел, об арикара, — ответил Высокий Вапити.

Но он пододвинулся еще ближе, рука его обхватила ее еще крепче, и она прижалась к нему.

— Видел ли кто когда-нибудь такого слепца? — сказала она. — Я открою тебе, что у меня на душе. Я не постыжусь, не побоюсь сказать это. Я плакала, потому что думала, что ты не вернешься. Все эти зимы и лета я ждала, надеялась, что ты меня полюбишь, а ты все молчал.

— Как же я мог заговорить? — спросил он. — Ты на меня и не глядела, не подавала никакого знака.

— Это ты должен был заговорить, — ответила она, — да ты и сейчас ничего не сказал.

— Ну так я теперь скажу. Ты согласна, чтобы я стал твоим мужем? Она обвила его руками и поцеловала его. Это был ясный ответ.

Утром, как всякий женатый человек, Высокий Вапити вышел из палатки и, стоя у входа, стал громко приглашать на пир своего отца и друзей. Все они пришли, и все были рады, что у него такая хорошая жена. Отпускали шутки о молодоженах, заставляя молодую женщину закрывать лицо плащом. Но она была так счастлива, что скоро отбрасывала его и смеялась вместе с остальными.

Через несколько дней от арикара пришла группа людей, среди которых был и раненый юноша, с предложением мира. Тогда стала известна история о том, как Бессердечная взяла к себе молодого арикара и вернула ему жизнь. Услышав это, женщины стали молить богов быть добрыми к ней и даровать ей и ее мужу долголетие. Затем был объявлен мир между обоими племенами, и его весело отпраздновали.

Вот, сын мой, я кончила».

— Так о чем была речь? — спросил Эштон, очнувшись и протягивая руку за трубкой и табаком.

— А, — ответил я, — это история о девушке и мужчине. И я начал переводить ему эту историю.

Когда я кончил, он несколько минут сидел молча, обдумывая что-то, и потом заметил:

— То, что вы рассказали, показывает мне этот народ с новой и неожиданной точки зрения. Я не думал, что

любовь и самопожертвование, о которых рассказывается в этой истории, вообще свойственны этим людям. Право, очень приятно услышать, что иногда встречаются женщины, верные и постоянные в любви.

Он сказал это с горечью. Я мог бы ему кое-что сказать, но ограничился тем, что ответил:

— Смотрите, что делается кругом, друг мой! Вы увидите многое у этого народа, заслуживающее похвалы.

Глава XX

Нападение на охотников

Дня через два наш лагерь перешел на реку Марайас, в долину против устья Блэк-Кули. Вдоль реки везде в изобилии росли ягоды ирги (канадской рябины), и женщины собирали их очень много для сушки на зиму. Эштон еще ни разу не стрелял из своего нового ружья, и однажды днем я уговорил его отправиться на охоту. Мне с трудом удалось вытащить его из дому. По-видимому, его ничто не интересовало, и большую часть времени он проводил на своем ложе и все курил, курил, рассеянно набивал трубку и опять курил. Женщины были правы. Никогда Не Смеется жестоко горевал о чем-то. Я хотел бы найти какой-нибудь способ заставить его забыть об этом неизвестном мне горе.

Мы сели на лошадей, переехали через реку и направились на север, держась поближе к ложине Блэк-Кули, чтобы иногда наведываться в нее. Дичи встречалось не очень много, так как охотники отогнали большую часть стад к холмам Суитграсс-Хиллс. Но все же тут и там нам попадались антилопы и небольшие группы бизонов, иногда отдельные старые самцы. Мы отъехали на пять-шесть миль и спустились в ложину, чтобы напоить лошадей из лужи, которую увидели внизу. Лужа представляла собой узкую полоску воды длиной ярдов в пятьдесят. Меня удивило, что многие из ив, окаймлявших восточную сто-

рону лужи, срезаны бобрами. На западной стороне лужи поднимался глиняный откос в двадцать — тридцать футов длиной, доходивший до обрыва, у основания которого виднелась глубокая, темная, низкая пещера, где жили бобры. Судя по различной величине следов, здесь жило целое семейство. Никогда, ни раньше, ни позже, я не находил этих животных в таком месте. Между этой лужей и рекой, находившейся в нескольких милях оттуда, воды не было. Лужа казалась недостаточно глубокой, чтобы покрывать бобров. Но что самое необычное — они жили в пещере, вход в которую находился на некотором расстоянии от лужи и выше ее. Неподалеку валялись три или четыре старые жерди от палатки. Я попытался промерить жердью глубину пещеры, но это мне не удалось. Я все же установил, что свод спускается постепенно к полу так низко, что в самую глубину не может пролезть зверь крупнее лисицы. А лисица, даже крупная рыжая, будет долго ходить голодная, прежде чем рискнет попробовать бобрового мяса.

Перед спуском в лощину мы видели нескольких бизонов, пасшихся на противоположной стороне. Пока мы бродили около лужи, они появились на верху склона, перешли на рысь и наконец на галоп, спеша к воде.

— Ну-ка, — сказал я Эштону, — испробуйте свое ружье. Подстрелите вон ту молодую корову, третью от головного бизона.

Ярдах в ста от нас бизоны повернули, чтобы попасть на дно лощины выше обрывистого места. Когда намеченное животное оказалось к нам боком, Эштон взбросил ружье и мгновенно, почти не прицеливаясь, всадил бизону пулю как раз в нужное место, у лопатки. Кровь хлынула из поздрей бизона почти одновременно со звуком выстрела; он пробежал галопом небольшое расстояние, внезапно остановился и опустился на землю.

— Отличный выстрел, — заметил я. — Очевидно, вам уже раньше приходилось иметь дело с ружьем.

— Да, — сказал он, — я много стрелял в свое время в горах Адирондак, в Мэне и Новой Шотландии.

Мы повели наших лошадей к упавшему бизону; я выпустил кровь и начал вырезать филей. Эштон, стоя рядом, смотрел, как я это делаю.

— Больше не буду убивать их, — сказал он скорее се-

бе самому, чем мне, — как-то нехорошо отнимать жизнь у такого великолепного животного.

— Ну, — заметил я, — у нас в палатке нет ни куска свежего мяса. Не знаю, что бы сказали наши женщины, если бы мы вернулись без мяса.

— Конечно, — согласился он, — мы должны есть. Но мне не хочется убивать этих благородных животных. Я что-то совсем потерял удовольствие от охоты. Я теперь буду давать на время свое ружье кому-нибудь из индейцев, и он доставит нам мою долю мяса. Думаю, это можно устроить?

Я ответил, что, вероятно, он сможет договориться о чем-нибудь в этом духе. Но я не сказал ему, что позабочусь о том, чтобы он отправился на охоту и сам достал мяса. Я хотел расшевелить его, пробудить ото сна, в который он погружен. Нет ничего лучшего для душевного покоя, как избыток утомительной работы или физических упражнений.

Когда мы вернулись домой с филеом, языком и некоторыми другими частями туши, которые я вырезал и поспешно засунул в мешок, специально для них захваченный, я подробно рассказал про отличный выстрел моего друга. Женщины очень хвалили его; я переводил все, что они говорили, а Женщина Кроу сказала ему, что не будь она, так сказать, его мать, она охотно стала бы его женой, так как тогда она бы, наверное, получала в изобилии мясо и шкуры. Эштон улыбнулся, но ничего не ответил.

На ужин в тот вечер нам подали блюдо, на которое друг мой косился, как когда-то косился и я, увидев его в первый раз. Но потом, отведав его, он съел все и оглянулся кругом, не дадут ли еще, как когда-то оглядывался и я. В мешочке среди прочего я привез несколько футов кишок, которые были покрыты мягким белоснежным салом. Нэтаки основательно промыла их, а затем, вывернув так, чтобы нежное сало оказалось внутри, начинила мелкоизрубленным мясом почечной части. Прочно завязав оба конца длинной, похожей на колбасу заготовки, она положила ее жариться на угли. Чтобы колбаса не пригорела, Нэтаки все время переворачивала и передвигала ее. После двадцатиминутного поджаривания на углях колбасу на пять или десять минут опустили в котелок с кипящей водой. Теперь ее можно было подавать. По моему мнению и по мнению всех, кто пробовал это блюдо, такой

способ приготовления мяса лучше всех других, так как в прочно завязанной кишке сохраняются все соки. Черные называют это блюдо кишка-кроу, так как приготовлению его они научились у этого племени. Остается только какому-нибудь предприимчивому городскому ресторатору дать блюду английское название и открыть заведение, где это блюдо будет главным в меню. Ручаюсь, что любители вкусно поесть начнут сбегаться к нему толпами со всего города.

Одним или двумя днями позже, продолжая приводить в исполнение свой план — заставлять Эштона чаще выезжать, я сделал вид, что заболел, а Нэтаки сказала ему (я служил переводчиком), что мясо все кончилось и если он не отправится на охоту и не убьет какую-нибудь дичь, то нам придется лечь спать голодными. Он обратился ко мне, чтобы я нашел ему замену, предлагая дать ружье и патроны и заплатить охотнику, и Нэтаки отправилась искать кого-нибудь. Но я объяснил ей, что нужно делать, и она скоро вернулась с выражением крайнего огорчения на лице и сообщила, что нельзя никого найти: все, кто могли бы пойти, уже отправились охотиться.

— Ну, что ж, — сказал наш друг, — раз так, то мне нет нужды ехать на охоту. Я куплю мяса у них, когда они вернутся.

Я подумал, что мой маленький план в конце концов провалится, но Нэтаки пришла на помощь, как только я сказал ей, что Эштон решил сделать.

— Скажи ему, — заявила она, — я никогда не думала, что он хочет опозорить наш дом. Если он купит мясо, весь лагерь будет смеяться и издеваться надо мной, говорить что у меня муж бездельник, не может даже настрелять дичи, чтобы снабдить мясом свой дом. Другу придется покупать мясо, чтобы все они не голодали.

Услышав это, Эштон тотчас же вскочил на ноги.

— Где моя лошадь? — спросил он. — Если они так смотрят на это, то я, конечно, должен отправиться на охоту. Пошлите за лошадью.

Я проводил его и моего друга Хорьковый Хвост, посоветовав ему сделать большой крюк, чтобы на это потребовался целый день. И действительно, день охоты получился у них долгий; вернулись они после захода солнца. Я также попросил индейца потерять пистоны в таком месте, где он без труда снова найдет их. Эштону пришлось стрелять

дичь самому, и они привезли очень много мяса. Эштон очень устал, ему хотелось есть и пить, и в этот вечер, вместо того чтобы курить без конца, он только раз набил трубку после ужина и лег спать. С этого дня в течение некоторого периода ему пришлось взять на себя всю охоту. Я то болел, то ушибал ногу, то у меня пропадала лошадь — выезжать на охоту я не мог. И просто поразительно, сколько у нас уходило мяса: Нэтаки каждый день уносила его целые груды и раздавала в лагере нуждающимся, вдовам и другим, у кого некому было охотиться. Но я не сидел в лагере. Как только Эштон и его товарищи по охоте Хорьковый Хвост или кто-нибудь другой уезжали, я уходил по ягоды вместе с женщинами или же седлал с Нэтаки лошадей и отправлялся с ней на прогулку куда-нибудь в сторону, противоположную той, куда отправились охотники. Но хотя теперь у Эштона было много дела, он, как мне казалось, не становился веселее. Все же положение изменилось к лучшему, так как у него оставалось меньше времени раздумывать: обычно в восемь или девять часов он уже крепко спал.

Дважды лагерь переходил на новые места, оба раза на несколько миль ниже по течению реки. Сезон ягод почти прошел, и женщины начали поговаривать о возвращении в Форт-Бентон; они уже собрали и засушили достаточно ягод. Мы находились в отъезде почти шесть недель, и я тоже собирался вернуться, так как был уверен, что Ягода уже там и ждет нас. В один из вечеров мы обсудили положение и решили отправиться домой через день. Было ли предопределено судьбой, чтобы я утром перед нашим отправлением послал Эштона в последний раз на охоту? Если бы я этого не сделал... но я послал его. Со временем вы узнаете, к чему это привело. Он мог бы и не ехать на охоту, у нас было вдоволь мяса. Я послал его и этим изменил все течение его жизни. Останься он в то утро в лагере, он, может быть, жил бы и поныне. Оглядываясь назад, я не знаю, винить себя или нет.

Эштон и Хорьковый Хвост уехали. Женщины начали укладываться: вытащили сыромятные кожаные сумки и стали наполнять их запасами ягод и сушеного мяса. Около полудня, когда я как раз сделал знак Нэтаки, что хочу есть, вдруг на северном склоне долины появились мчавшиеся вниз к нам верховые. Весь лагерь возбужденно загудел. Один-два всадника размахивали плащами, подавая

знак «враги». Мужчины и юноши схватили уздечки и бросились бегом за лошадьми. Маленькая группа конных спустилась в лагерь, и через несколько секунд ко мне подъехал Эштон. Впереди него на седле сидела девушка, которую он бросил на протянутые к нему руки Нэтаки. Эштон был страшно взволнован, темные глаза его сияли. Он повторял раз за разом:

— Труссы! Ах, какие труссы! Но двоих я убил, свалил двоих.

Девушка плакала и причитала:

— Моя мать, мой отец, — повторяла она все время, — оба умерли, оба убиты.

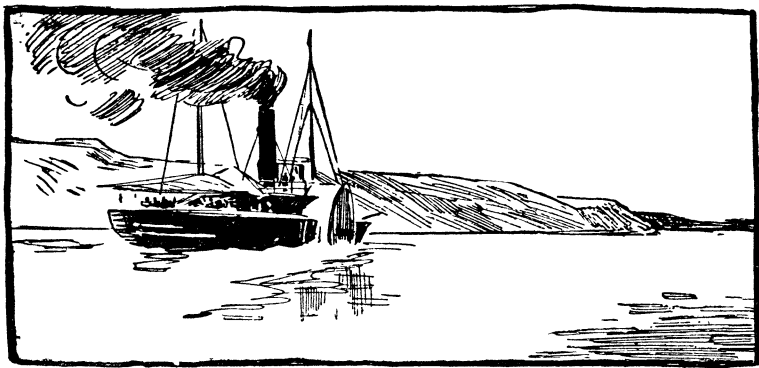
В лагере поднялась суматоха. Мужчины седлали лошадей, орали, чтобы им подали оружие, садились и выезжали в прерию. Поток всадников все усиливался. Эштон слез с лошади, и я увидел, что на левой ноге штаны его промокли от крови. Он вошел хромая в палатку, я последовал за ним и раздел его. Как раз пониже верхнего сустава бедра зияла длинная открытая борозда, прорезанная пулей.

«Вот как было дело, — рассказывал он мне, в то время как я промывал и перевязывал рану. — Мы с Хорьковым Хвостом в двух или трех милях от лагеря нагнали группу охотников и дальше поехали вместе с ними. С несколькими из них ехали их жены, я полагаю для того, чтобы помочь освежевать туши и уложить мясо убитых животных. Немного позже мы увидели хорошее стадо бизонов, приблизились к ним и устроили погоню, во время которой наш отряд убил штук двадцать животных. Мы разделяли туши, когда бог знает откуда появилось человек пятьдесят всадников и начали в нас стрелять. Нас было всего семь или восемь человек, недостаточно сильный отряд, чтобы отразить нападение, но мы несколько сдерживали врага, пока женщины садились на своих лошадей, а потом все бросились домой, то есть все, кроме двух-трех мужчин и одной женщины, убитых первыми же выстрелами. Я убил одного из врагов перед тем, как сел на лошадь, и еще одного немного позже. И очень рад, что убил; я хотел бы убить их всех.

Они преследовали нас довольно долго, примерно на протяжении двух миль, но нам в конце концов удалось их остановить, или, может быть, они решили, что лучше не рисковать приближаться к нашему лагерю. Один из них

меня поцарапал. Ну, ему уже больше не стрелять. Я в него попал.

Он плюхнулся на землю. Девушка? Они подстрелили ее лошадь, но я успел подхватить ее и посадил к себе. После этого я уже не мог пользоваться ружьем, не то я бы показал результаты получше. Вот что я вам скажу: если бы не эти несчастные оскальпированные трупы, валяющиеся там, в прерии, я бы сказал, что получил огромное удовольствие».

Глава XXI

Никогда Не Смеется уезжает на Восток

Из-за того, что нога у Эштона плохо сгибалась и болела, мы на несколько дней отложили отъезд из лагеря. Один из пиеганов, раненный в стычке, умер ночью. Напавший на охотников отряд оказался ассинибойнским; он потерял в общем семь человек; пиеганы, преследовавшие ассинибойнов из нашего лагеря, настигли и убили еще двоих отставших.

Нэтаки стала покровительницей и опекуней сироты. У девочки были две тетки, сестры убитой матери, но они вышли замуж за черноногих и жили далеко на севере. В лагере пиеганов у нее не осталось никаких родственников. Девочке — робкой, тихой, тоненькой — было тринадцать или четырнадцать лет. Сейчас она держалась еще тише, чем обычно, не разговаривала ни с кем, только отвечала на вопросы и большую часть времени потихоньку плакала. Женщина Кроу подарила ей шаль.

Когда девочка вышла одетая в чистое ситцевое платье, с аккуратно заплетенными и перевязанными темно-красной лентой волосами, она понравилась даже Эштону с его изысканным вкусом.

— Очень славненькая девушка! — заметил он. — Бедняжка! Что с ней будет?

— Ну, — напомнил я ему, — ведь это не цивилизованное общество. Ее примет радушно и будет кормить любая семья в лагере.

Так действительно и получилось. В нашу палатку приходили женщины и предлагали, чтобы девочка жила с ними; каждая говорила, что она очень дружила с ее матерью и поэтому хочет, чтобы ее дом стал домом осиротевшей девочки. Нэтаки отвечала им неизменно, что девочка свободна и может уйти или остаться, и тогда сирота заявляла, что все они очень добры, но она предпочитает пока что оставаться там, где она живет сейчас.

Когда я рассказал Эштону, о чем просят посетительницы, он, видимо, удивился и признался, что немного сомневался в справедливости моего мнения о доброте и благотворительности индейцев. Он долго сидел и курил, молча о чем-то размышляя, а затем скорее в шутку, чем всерьез попросил меня сказать девочке, что он спас ее от ассинибойнов и поэтому считает ее своей собственностью, он в некотором роде теперь ее отец. Но для нее это не было шуткой. Она приняла его слова очень серьезно и ответила:

— Я знаю, теперь он мой вождь. Я согласна.

Неожиданный ответ явно удивил Эштона и заставил его призадуматься.

Примерно через неделю мы уложились и двинулись в форт в сопровождении дяди Нэтаки, который должен был отвести обратно в табун наших лошадей, так как мы не могли держать их в форте. Нам следовало задержаться в лагере подольше, так как у Эштона от езды снова открылась рана. Когда мы прибыли в форт, Эштон недели две почти не вставал со своего ложа, и молоденькая сирота ухаживала за ним и была очень довольна, если ей удавалось избавить его от лишнего шага.

Чтобы как-то скоротать время, Эштон начал учить ее простым английским словам и коротким фразам. Смешно было иногда слышать, как она путает слова, говоря, например, «корова, он вода пьет». Но мы не смеялись, потому что, если бы мы рассмеялись, уроки сразу кончились бы. Немало многообещающих учеников-индейцев перестали учиться из-за неосмотрительных насмешек учителя.

Ягода вернулся в форт дня через два после нашего приезда, и мы с ним начали планировать зимнюю торговлю и составлять списки необходимых товаров. Будем ли

мы торговать в лагере или построим торговый пункт и где именно — зависело целиком от зимних планов индейцев. Эштон собирался зимовать с нами там, куда мы отправимся, но однажды он получил письмо, изменившее его расчеты. Он не сказал нам ничего, кроме того, что ему необходимо скоро вернуться в Штаты. Собственно говоря, он ни разу не заикнулся ни о своих делах, ни о своем семействе. Мы только знали, что он оказался человеком с добрым характером, хорошим товарищем, на которого можно целиком положиться.

— Надеюсь, я не очень любопытен, — сказал мне Ягода, — но я все-таки хотел бы знать, что мучит нашего друга, о чем он всегда скорбит и что заставляет его вернуться. Совершенно ясно, что ему ехать не хочется.

Я чувствовал то же, что и Ягода, но так же, как и он, не мог ничего сказать Эштону.

До закрытия навигации должно было прийти еще несколько пароходов, и он все откладывал свой отъезд. Как-то вечером, когда мы все собрались в передней комнате, разговор зашел о его предстоящем отъезде. Эштон сказал, что вернется, как только сможет, если не зимой, то весной с первым пароходом.

— Теперь, — продолжал он, — передайте моей девочке следующее: скажите ей, что я хочу взять ее с собой и поместить там в школу, где будет много других хороших девочек, где добрые женщины в черных платьях будут о ней заботиться, учить ее читать, писать, шить и многим другим хорошим, полезным вещам.

Это предложение очень удивило Ягodu и меня, а когда его перевели, то женщины просто растерялись от изумления. Наступило длительное молчание. Все мы ждали, чтобы заговорила девочка; все мы были уверены, что она откажется покинуть нас. Мы удивились еще больше, когда она наконец ответила, что поедет. Потом она подбежала к Нэтаки, спрятала лицо в ее колени и заплакала. Мы, мужчины, взяли свои шляпы и вышли из дому.

— Я уже довольно давно обдумывал это, — сказал нам Эштон, когда мы уселись на берегу реки и раскурили трубки. — Мне интересно увидеть, какое действие окажет на девочку получение действительно отличного образования и как она его применит. Как, по-вашему, это удачный план?

— Один только бог знает, — ответил Ягода, — образование может сделать ее очень несчастной. Это непременно случится, если белые будут продолжать избегать общения с ней и презирать ее за то, что она индейка, несмотря на хорошее образование и развитие всяческих талантов. С другой стороны, образование может превратить ее в благородную, приносящую людям пользу женщину. Во всяком случае я советую попробовать.

— Но, Ягода — воскликнул я. — Белые не презирают индейцев. Я уверен, что те из них, кого можно назвать настоящими людьми, глубоко уважают индейцев.

Он признал, что такие обращались с ним всегда хорошо и с уважением.

— Итак, — закончил Эштон, — девочка поедет со мной. Я отвезу ее в Сент-Луис и помещу в хорошее учебное заведение. У нее будет все, что можно купить за деньги. Кроме того, я составлю завещание и обеспечу ее на случай моей смерти. Я предпочитаю, чтобы то, что я оставлю, получила она, а не кто-нибудь другой.

Однажды рано утром мы пошли на набережную проводить их. Накануне вечером, пока укладывали немногие вещи, которые мы могли дать девочке, она горько плакала. Нэтаки сказала, что ей незачем уезжать, если она не хочет расставаться с нами, что Никогда Не Смеется и не подумает поступить против ее воли. Девочка отвечала, что сделает, как он хочет.

— Он спас меня, — говорила она, — и я принадлежу ему. Я знаю, что он хочет мне добра.

На пароходе уже развели пары, прогудел гудок, и пассажиры пошли садиться. Девочка стояла очень тихо, с сухими глазами. Она поднялась следом за Эштоном по сходням с накинутаой на голову шалью, частично закрывавшей лицо, и они вышли на верхнюю палубу. Пароход отошел на середину реки, медленно повернул, затем быстро исчез за изгибом берега.

Мы в задумчивости отправились домой.

— Не нравится мне все это, — сказала Женщина Кроу. — Что у нас общего с обычаями и ученостью белых? Солнце дало нам прерии, горы и реки, бизонов и оленей. Вот и все, что нам нужно.

— Ты говоришь правду, — поддержала ее старая миссис Ягода, — но все-таки я рада, что мой сын уезжал на юг, в далекую страну белых, потому что то, чему он там

научился, полезно. Он умеет писать, как они, и читать написанное. Он торговец и умеет купить и продать. Он выше вождей, потому что они приходят к нему за советом.

— Мне кажется, — заметил я, — что следовало отправить вместе с ними Нэтаки.

— Вы только послушайте его! — воскликнула она и, схватив меня за плечо, столкнула с тропы. — Как будто он сам не может учить меня. Но он не хочет, хотя я просила его об этом сотни раз.

Нэтаки всегда огорчалась, что не умеет говорить по-английски. Я не учил ее, так как с первой встречи понял, что она никогда не сможет овладеть произношением некоторых наших согласных, в особенности б, ф, л, р, — эти звуки совершенно чужды языку черноногих. Чем слышать, как она неправильно говорит на нашем языке, я предпочел, чтобы она на нем совсем не говорила. К тому же я умел говорить на ее языке и с течением времени пользовался им все более и более бегло и считал, что нам достаточно общества друг друга. Я не думал, что нам когда-нибудь придется часто бывать в обществе белых, особенно белых женщин. Большинство последних, живших в пограничных районах, ненавидело индейцев, особенно жен белых; в равной степени они ненавидели и белых, женатых на индейках, и не упускали случая показать свое отношение ко всем им.

Ягода очень остро сознавал это и временами бывал просто болен из-за оскорблений, которые ему наносили. Один единственный раз, вскоре после отъезда Эштона с опекаемой им девочкой, он рассказал мне об одном таком случае.

Мне кажется, что история эта во многих отношениях своеобразна и патетична. Она так врезалась мне в память, что я могу повторить его рассказ слово в слово.

«Когда я был еще ребенком, — сказал он, — мой отец, как я вспоминаю, часто упоминал о принадлежавшей ему ферме в Миссури. Оставив службу в Американской пушной компании, он стал независимым торговцем и почти ежегодно ездил в Сент-Луис для сбыта мехов. Постепенно его пребывание становилось все продолжительнее, и наконец он совсем прекратил занятие торговлей и остался на юге, на своей ферме, лишь изредка навещаая нас. Несмотря на молодость, я чувствовал сильное желание са-

мому стать торговцем и усердно работал у тех, к кому отец помещал меня, начиная с майора Доусона, служившего здесь начальником фактории Компании. Хотя это и нескромно, но могу сказать, что я делал довольно быстрые успехи, более быстрые, чем рассчитывал мой отец, и он намеревался со временем отправить меня учиться дальше в школу, в Штаты.

Случилось наконец так, что отец, уехав, не возвращался два года подряд. Мои друзья решили сами взяться за это дело и отправить меня в знакомую школу в Сент-Джо (в штате Миссури). Они набили мне карман деньгами и посадили на пароходик, который отошел в первых числах сентября. Стоимость проезда вниз по реке составляла, кстати, триста долларов, но меня всю дорогу везли зайцем. Путешествие было долгое и скучное, особенно в нижнем течении реки, где она текла медленно и пароход задерживали встречные ветры. Мы прибыли в Сент-Джо поздней осенью, и я сейчас же отправился в выбранное для меня место, школу-пансионат, куда принимали также и приходящих учеников. Тут-то и начались неприятности. Хотя несколько товарищей по школе любили меня и относились ко мне хорошо, но большинство обижало меня и насмехалось надо мной, называя «подлым индейцем» и другими оскорбительными прозвищами. Я терпел это, сколько мог, до тех пор, собственно говоря, пока они не начали называть меня трусом. Называть трусом меня, когда я уже побывал в двух настоящих битвах, где были убитые и сам тоже стрелял в бою! Ну, когда они называли меня трусом, я засучил рукава и дал троим или четверым хорошую взбучку, хотя совсем не привык к дракам такого рода. После этого меня оставили в покое, но все равно продолжали ненавидеть.

Я не писал отцу, где я, так как у меня созрел план устроить ему маленький сюрприз. Когда подошли рождественские каникулы, я отправился к нему погостить. Часть пути я проехал в поезде, и это мне показалось замечательным событием. Потом пересел в дилижанс, и однажды вечером меня высадили милях в двух от отцовского дома. Я пошел пешком, расспрашивая дорогу, и в сумерках увидел этот дом, очень славный, чистенький, выбеленный домик, окруженный хорошими фруктовыми и другими деревьями. Кто-то шел в мою сторону по дороге, я всмотрелся — отец! Когда он узнал меня, то

пустился бегом, обхватил мои плечи, поцеловал и сказал, что любит меня больше всех остальных. Я не понял, что значит «больше всех остальных», но скоро я узнал, что он хотел сказать. Он задал мне множество вопросов! как я добрался, как поживает моя мать и все его друзья; потом несколько минут он постоял молча, опираясь на мое плечо, и наконец сказал:

— Мой мальчик, я надеялся, что ты никогда не узнаешь то, что я должен тебе сказать, во всяком случае узнаешь не раньше, чем я умру. Но сейчас я должен сказать тебе все: вон там, в этом доме, живет женщина, на которой я женился, и у нас есть дети, мальчик и девочка. Я могу ввести тебя туда и представить только как друга, как сына старинного моего друга из Монтаны. Мне стыдно, но приходится это говорить. Ты пойдешь ко мне?

— Да, — ответил я, — я пойду с тобой.

И мы пошли в дом.

Жена его, очень милая женщина, и дети, оба моложе меня, были добры ко мне. Они мне понравились против моей воли, но в то же время мне было очень грустно. Ночью, отправившись спать в свою комнату, я долго плакал.

Мы с отцом много раз беседовали наедине, и он все повторял, что любит меня больше всех остальных, что я для него на первом месте. Конечно, я не мог оставаться там долго, положение мое было слишком тягостно. В последний раз, когда мы с ним разговаривали, он спросил, собираюсь ли я рассказать матери о том, что узнал. Я ответил, что не намерен ничего рассказывать. Так мы расстались, и я вернулся в школу. И сейчас моя мать ничего не знает об этой его другой жизни. Он приезжает и живет с нами иногда целое лето. Она его любит, и я уверен, что если бы она узнала, что он сделал, то это убило бы ее. И узнай об этом та женщина, ее бы это тоже убило. Но ведь он мой отец, и я же люблю его. Я не могу не любить его, что бы он ни сделал».

Могу добавить, что старый джентльмен остался верен своему слову. Пока он был в состоянии путешествовать, он продолжал навещать в Монтане сына и жену. Когда он умер, то оказалось, что в завещании, составленном за несколько лет до того, как Ягода побывал у него, большая

часть отцовского имущества отдавалась первому любимому сыну. Отец Ягоды был образованный человек и интересовался всем, что касалось Запада. Он поступил на службу в Американскую пушную компанию, когда она только организовалась, в 1822 или 1823 году, и стал одним из наиболее видных начальников фактории. В течение многих лет он вел дневник, куда вносил ежедневно события своей жизни, в том числе многие наблюдения над индейцами, которых встречал, записывал их обычаи и предания. Он подготовлял эти материалы к печати, но они сгорели при пожаре, уничтожившем его дом. Многие из нас сожалеют об этой потере.

Глава XXII

Военный поход Чудака

Пора было нам, пожалуй, заняться еще чем-нибудь, кроме прогулок по форту. Однажды утром Ягода оседлал лошадь и поехал в лагерь на Марайасе поговорить с вождями. Вернулся он дня через два, более чем довольный результатами совещания, так как индейцы решили провести зиму на реке Марайас. Мы могли использовать торговый пункт, построенный два года тому назад. Там требовался кое-какой ремонт, но к середине сентября мы уже устроились на пункте с хорошим запасом товаров. Труднее всего при переезде было добиться, чтобы погонщики быков не напились пьяными. Один из них, Виски Лайонс, был в этом смысле хуже всех встречавшихся мне погонщиков. Его никогда не оказывалось на месте, чтобы помочь при погрузке в фургоны, а когда мы были готовы тронуться, приходилось разыскивать его, привязывать под мышки на веревку и «вымачивать» в реке, пока он не придет в себя. Еще один, капитан Джордж, специалист по гулянке с песнями, обладал большим запасом занятных песенок, которые он распевал, когда напивался.

Я часто задумывался над тем, куда девались погонщики быков старого времени, тратившие так легко и весело свои деньги при первом удобном случае. Я ни разу не слышал об их смерти. Я ни разу не видал их после

появления железных дорог и прекращения навигации в верховьях Миссури. Они просто исчезли.

Нам было почти нечего делать, пока не начнут поступать зимние первосортные шкуры бизонов. Пиеганы ушли на реку Милк, за холмы Суитграсс-Хиллс, и собирались вернуться на зимовку, только когда их загонят холода. Отдельные индейцы все время приходили и уходили: кто приносил с собой шкуры бобров для обмена на порох, пули, табак и виски, а кто приходил, чтобы получить те же товары в кредит. Нам не хватало Гнедого Коя, отправившегося вниз по Миссури, куда-то ниже устья Джудита, чтобы устроить там лесопилку и торговать с гро-вантрами. С ним мы всегда хорошо проводили время. Когда в торговле бывал застой, Ягода чувствовал себя плохо, не в своей тарелке. Он был нервный, подвижной человек и не мог жить спокойно без дела. Мне случалось видеть, как он валил быка, чтобы подковать его, хотя подковывать этого быка не требовалось, или чинил старое колесо от фургона, которое никогда не понадобится. Но самым опасным из его развлечений было занятие медициной. Один военный врач подарил ему большой ящик с хорошим набором медикаментов и инструментов; ящик вмещал десятки бутылок с лекарствами, отделения, полные ножей, пил, зондов и разных других орудий пытки, перевязочный материал, пластыри, шины — обширный ассортимент предметов. Если кто из нас заболел, мы по возможности скрывали от Ягоды свою болезнь, опасаясь, что он залечит нас до смерти.

Однажды наш друг Четыре Медведя, лагерный глашатай, человек, державшийся с большим достоинством, зашел к нам и пожаловался, что очень плохо себя чувствует. Ягода сразу заинтересовался им.

— Я думаю, — заявил он, поставив диагноз, — что здесь, в ящике, есть как раз нужное лекарство. Все будет в порядке после приема зейдлицкого порошка. Конечно, это как раз то, что ему нужно. Я дам ему двойную дозу.

Он высыпал порошки из двух белых бумажек в стакан воды и заставил пациента проглотить ее. Тут он сообразил, что забыл всыпать порошки в зеленых бумажках.

— Ну, — сказал он, — еще не поздно поправить дело, я растворю их тоже в другом стакане воды. Думаю, они отлично смешаются у него в желудке.

Действительно, Четыре Медведя проглотил и эти порошки, и мгновенно по лицу его разлилось выражение удивления и страха. Он начал задыхаться, согнулся пополам, схватился за живот, потом упал и стал кататься по полу; пенящаяся смесь была фонтаном из его рта и ноздрей, как вода из сифона сельтерской, когда нажмешь рычажок. К счастью, мучения его длились недолго. Как только глашатай оказался в состоянии подняться, он вскочил на ноги и помчался по долине в свою палатку. Мы не видели его затем больше месяца. После этого индейцы уже редко обращались к Ягоде за врачебной помощью. Если же они и обращались к нему, то требовали, чтобы он сам принял дозу прописанного лекарства, не соглашаясь притронуться к нему раньше; при этом они стояли кругом и следили, какое действие оно произведет.

Если Ягода просто не мог придумать, чем бы заняться, то у меня дело обстояло иначе. Мне не хватало дня. Нэ-таки и я ездили охотиться в речные долины на оленей или в прерию на антилоп. Бизоны, конечно, встречались повсюду. А ниже по реке в десяти — двенадцати милях от нашего торгового пункта водилось довольно много горных баранов. Вечера проходили так же интересно, как и дни. Что может быть приятнее, чем сидеть в обществе женщин перед грубо сложенным очагом, пламя и раскаленные угли которого освещают мрачные бревенчатые стены комнаты и так хорошо подходят к странным историям, рассказываемым индеанками с такой верой и благоговением. Мои истертые старые записные книжки содержат очерки тех счастливых дней. Когда я просматриваю их, все прошлое встает снова передо мной так живо, как будто все это случилось вчера или на прошлой неделе. Вот, например, история, рассказанная однажды вечером Женщиной Кроу. История эта, может быть, заинтересует вас так же, как заинтересовала меня. Она назвала ее «Историей о трех ударах ножа».

«Во всей деревне не было никого беднее Белого Полога и ее молодого внука. Муж ее давно умер, зятя убили сиу, а дочь ее однажды, работая на их маленьком поле, внезапно упала на землю и перестала дышать. Мальчик был еще слишком мал, чтобы ходить на охоту, и они жили небольшими запасами маиса, какие им удавалось собрать, и кусками мяса, которые им давали добрые люди. Случались дни, когда они ложились спать голодные, так

как и самые лучшие друзья иногда забывали позаботиться о них, а Белый Полог была слишком горда, чтобы идти просить. Когда им случалось голодать, внук говорил:

— Ничего, бабушка, подожди, пока я подрасту. Я тогда убью столько дичи на мясо, что ты с ним не справишься.

Мальчика звали Видит Черным. Это имя дал ему при его рождении один старый знахарь. Но так звала его только бабушка. Ему дали прозвище Чудак, так как держался он непохоже на других мальчиков. Он никогда не играл с другими детьми, не смеялся, не плакал и почти ни с кем не разговаривал, за исключением своей бабушки. Казалось, он все время о чем-то мечтает. Он мог просидеть на берегу реки или на холме около деревни полдня, глядя прямо перед собой вдаль, как будто видел там что-то очень интересное, настолько интересное, что совсем не замечал проходивших мимо людей. Он приносил в палатку странные, непозволительные вещи: один раз принес человеческий череп и подsunул его под один из концов своего ложа. Старуха как-то, застилая постель, нашла этот череп и так испугалась, что упала тут же и на некоторое время умерла (упала в обморок). Когда она вернулась к жизни, то попросила внука отнести череп назад на то место, где он его нашел, и внук тотчас же исполнил просьбу старухи, потому что был хорошим мальчиком и всегда ее слушался. Когда она спросила, зачем он взял череп, мальчик ответил:

— Я ищу могучий талисман. Я думал, что если буду спать рядом с ним, то мне может присниться вещий сон.

Иногда мальчик уходил из деревни на всю ночь. Когда бабушка спрашивала его, где он был, он отвечал, что ходил спать в прерию, или вниз к реке в лес, или на песчаную отмель в надежде, что духи или звери, бродящие в темноте, смилостивятся над ним и дадут ему магическую силу, которую он ищет.

В то время когда другие мальчики его возраста еще проводили время в играх, он делал луки и стрелы. Он смотрел на работу обрабатывавших кремни и стал так же искусен, как и они, в выделке острых тонких наконечников для стрел. Он рано начал охотиться, сначала на кроликов в зарослях шиповника. А однажды он принес домой по частям хорошую оленью тушу; он подстрелил оленя на тропе, по которой животные ходили на водопой и

обратно. После этого он уже редко охотился на кроликов, но часто приносил оленей, а время от времени шкуру и мясо бизона. Чтобы убить бизона, он подкрадывался к нему в ложине или у реки, куда бизоны ходили пить. Все же бабушка и внук оставались очень бедными. Всех принадлежавших семье лошадей давным-давно отдали лекарям, пытавшимся вылечить деда. Без лошади Чудак не мог отправиться на большую охоту и привезти большой груз мяса, которого бы хватило на время дурных погод или на долгую осаду, какие устраивали сиу. Летом часто появлялись большие отряды сиу и бродили вблизи деревни целый месяц и даже больше в надежде заставить племя голодать, чтобы потом напасть на людей, когда они наконец будут вынуждены выйти на охоту.

Проходили годы. Мальчик подрос, стал высоким, сильным и очень красивым. Он уже вступил в тот возраст, когда мог бы идти на войну, сражаться с врагами и угонять их лошадей. Но военные отряды не позволяли ему присоединяться к ним.

— Он спит с черепом, — говорили они, — уходит спать туда, где бродят духи, наверное, с ним что-то неладное. Он навлечет на нас неудачу.

Конечно, юношу это очень обижало и огорчало. И бабушка его тоже огорчалась. Потом он стал сердиться.

— Я заставлю их взять свои слова обратно, — говорил он старухе. — Я сам в одиночку отправлюсь против врага, и наступит время, когда они будут проситься идти в поход со мной. Сделай мне лодку, и я спущусь на ней по реке в лагерь сиу.

Белый Полог пошла к реке и нарезала ивовых прутьев. Она перекрещивала и переплетала их, сгибая в нужную форму, затем, натянув на остов, привязала к нему свежую шкуру большого бизона, и лодка была готова. Нет, она не походила на лодки белых. Плоскодонная и круглая, она была похожа на лохань, в которой белые стирают одежду. Кто не привык к такой лодке, чувствует себя в ней беспомощным; если он не перевернется, пытаясь грести, то сумеет только заставить лодку вертеться, как детский волчок, и она будет плыть, куда течение и ветер захотят погнать ее.

Наступило полнолуние; и однажды после захода солнца, когда взошла луна, Чудак влез в лодку и оттолкнул ее от берега. Никто, кроме его бабушки, не видел, как он

отплыл. Никто больше в деревне не знал, что он уезжает.

— Будь осторожен, — сказала бабушка, — помни всегда об опасностях и не пробуй ничего делать, если ты не уверен, что сумеешь.

— Не бойся, — откликнулся он, — я вернусь. Я наверное вернусь. Сон мой сказал мне, что я вернусь.

Бедная старуха села на берегу, покрыла голову плащом и заплакала. Она плакала об умерших любимых и о юноше, который, может быть, присоединится к ним и оставит ее на старости лет одинокой. Она чувствовала себя очень несчастной.

Чудак плыл по течению в ярком лунном свете вниз по широкой, глубокой реке; он не греб, а только старался держаться лицом по течению и обходить коряги, песчаные мели. Вокруг него играли и плескались бобры, и он стал молиться им.

— Смилюйтесь, — говорил он, — наделите меня своей хитростью, чтобы я сумел избежать опасности.

В тени обрывистого берега, где вода кипела и кружилась в водовороте, что-то неясное всплыло на поверхность, медленно погрузилось и исчезло. Он не мог как следует рассмотреть, что это. Может быть, он увидел одно из существ, населяющих глубокие, темные места. Он стал молиться им тоже и бросил в воду приношение.

— Не делайте мне вреда, — сказал он, — дайте мне пройти благополучно по вашим водам.

Казалось, все животные долины собрались на берегах; они паслись, пили воду, детеныши вапители и оленей бегали и играли на отмелях. У края воды сопели и рыли лапами песок большие медведи, волки и койоты смотрели сверху на Чудака, когда лодка проходила под низкими обрывами. Но звери не обращали на него внимания, потому что не было ветра, и они не знали, что близко проходит враг. Так прошла ночь, и на рассвете Чудак подошел к берегу, вытащил лодку в густой ивняк и загладил следы, которые оставил на песке.

Так, плывя по течению ночью и прячась днем, Чудак продолжал спускаться в страну сиу. Каждое утро, пристав к берегу, он шел к опушке леса, иногда взбираясь на склон холма поблизости и тщательно осматривая долину вверх и вниз по реке, отыскивая признаки близости людей, но ничего не находил. Наконец на пятое утро он обнаружил большой лагерь в обширной низине, прямо про-

тив себя на другом берегу реки. Вдоль реки по берегу тянулась длинная полоса тополей; позади нее в прерии стояли палатки. В лагере он заметил много лошадей на привязи. Люди как раз выходили из палаток и отвязывали лошадей пастись.

— Мои духи сильны, — сказал он сам себе, — я благополучно спустился по реке, и вот я вижу то, что искал.

Днем он поспал, чувствуя себя здесь в полной безопасности, так как у врагов не было лодок, вода же в реке стояла очень высоко, и они не могли бы переправиться. Он стал строить планы на ночь. «Я переправлюсь на ту сторону, — подумал он, — когда погаснут огни в палатках, захвачу несколько лошадей и поеду домой как можно быстрее». Весь конец дня он носился с этой понравившейся ему мыслью, а потом ему пришла другая, которую он стал обдумывать. Всякий может проникнуть в лагерь, захватить лошадей и ускользнуть с ними. Сделать это легко. Люди его племени отказались брать его с собой в набег. Он хотел совершить что-нибудь великое, показать им, что он храбрее любого из них. Что ему сделать, чтобы доказать это? Что он может сделать? Он обдумывал многое, строил разные планы и не мог ни на что решиться. К вечеру он снова заснул, и тут ему помог сон, указавший путь, как создать себе славное имя.

Вот что он сделал. Послушай, какую хитрость внушил ему сон. Ночью он переправился через реку, наложил в лодку камней и прорезал в днище дырку, чтобы лодка наполнилась водой и затонула. Потом он пошел в лес и закопал свои вещи рядом с большим упавшим тополем; он зарыл свою одежду, мокасины, оружие, не оставив на себе ничего, кроме пояса и набедренной повязки. Наконец он распустил заплетенные косички, вымыл голову, чтобы распрямить завитки, потом спутал и посыпал волосы пылью. Он намазал тело грязью и пылью, запачкал набедренную повязку, исцарапал себе ноги о куст шиповника. Когда Чудак покончил со всем этим, то вид у него был дикий и жалкий. Он вышел из леса и направился вниз по течению к нижнему концу долины. Там он оставался до конца ночи.

Когда взошло солнце и народ зашевелился, Чудак встал и пошел по направлению к лагерю, иногда останавливаясь и оглядываясь, иногда бегом или же медленным шагом, глядя в землю. Так он подошел к палаткам и

большой толпе народа, которая стояла и смотрела на него. Он сделал вид, что не замечает ее и продолжал идти прямо вперед. Люди расступились, чтобы пропустить его, и последовали за ним. Он остановился перед какой-то палаткой у костра, на котором жарилось мясо, и сел. Женщины, присматривавшие за мясом, разбежались. Вокруг него собрались люди, они стояли и разговаривали. Очевидно, они считали его сумасшедшим. К нему подошел мужчина и задал ему много вопросов на языке жестов. Он не отвечал и только иногда указывал на реку. У мужчины был шрам на левой щеке. Чудак понимал, что это вождь. Он слышал, как в народе говорили, что этот человек страшен в бою. Немного спустя подошла старуха и поставила перед Чудаком жареное мясо. Он схватил мясо и стал есть так, как будто уже много дней голодает. Он ел много и долго. Народ большей частью разошелся по палаткам. Человек со шрамом на лице опять стал говорить с ним знаками, но, не получая ответа, взял Чудака за руку, заставил встать и повел к себе в палатку. Там он показал ему ложе, объяснил знаками, что оно его, что он будет жить в этой палатке. Юноша продолжал делать вид, что не понимает, но остался в палатке; иногда он выходил из нее, но всегда возвращался обратно. Ему делали подарки, дали ему мокасины, ноговицы, замшевую рубашку, плащ из шкуры бизона. Он надел все это и стал ходить в одежде. Через несколько дней он стал расхаживать по лагерю, и народ почти не обращал на него внимания. Они привыкли видеть его тут.

Вскоре Чудак выяснил, что вождь со шрамом на лице очень жестокий человек. У него было пять жен, первая старше его и очень уродливая. Остальные были славенькие молодые женщины, одна очень хорошенькая. Старая жена дурно обращалась с остальными, заставляла их работать все дни напролет. Иногда она их била. Когда она жаловалась вождю, тот тоже бил их или хватал двух женщин и стучал головами. Женщинам жилось очень плохо. Юноша не мог удержаться, чтобы не заглядываться на самую молодую из жен, такую хорошенькую и грустную. Он всегда ходил неподалеку от того места, где она работала, и часто встречался с ней в лесу, когда она собирала дрова, и тогда они улыбались друг другу. Прошло много дней, и он как-то вечером застал ее в лесу одну. Теперь настал его час; он быстро рассказал ей знаками, кто он,

что он не сумасшедший и одиночкой отправился в военный поход, сказал, что любит ее и огорчается, видя, как с ней дурно обращаются. Юноша спросил, согласна ли она уйти с ним и стать его женой. Она не отвечала, но подошла, прижалась к нему и поцеловала его. Тут они услышали, что кто-то идет, и расстались.

На следующий день они опять встретились в лесу, пошли и спрятались в густой заросли ив. Здесь Чудак и женщина стали составлять план побега. С трудом они дождались наступления ночи.

Когда огонь погас и вождь со своей старой женой захрапели, Чудак и молодая женщина тихонько вылезли из палатки и пошли к реке. Здесь они связали два бревна и положили на них свою одежду поверх небольшой кучки веток кустарника, которую набросали на плот. Юноша откопал свою одежду и оружие и их тоже уложил на плот поверх всего. Затем с одним только ножом он вернулся в палатку, оставив женщину у плота. Он вполз в палатку, прополз к ложу вождя, занес нож и воткнул его глубоко прямо в сердце вождя, потом еще и еще раз. Тот не крикнул, но дернул ногами, и спавшая рядом старуха проснулась. Чудак сразу схватил ее за горло и стал душить, пока она не затихла. Затем он оскальпировал вождя, взял его оружие и побежал обратно к плоту. Женщина ждала его; оба вошли в воду, толкая перед собой связанные бревна; выйдя на глубокое место, они поплыли, держась одной рукой за плот. Так они переправились через реку, оделись и пустились пешком в далекий путь, направляясь в деревню арикара. Позади них, на том берегу, с которого они пришли, все было тихо; то, что произошло, еще не обнаружилось.

Как гордилась своим внуком старуха Белый Полог, когда он вернулся домой с хорошенькой женой, со скальпом и оружием грозного вождя. Он добыл себе славу, со временем он сам станет вождем. И он стал вождем, главным вождем своего племени. Никто больше не называл его Чудаком. Он принял имя Три Удара Ножом, и все с гордостью называли его этим именем. Он и его добрая жена дожили до глубокой старости. У них родилось много детей, и они жили счастливо».

Глава XXIII

Пиеганы приходят в форт

— Вставай! — скомандовала Нэтаки, схватив меня за руку и едва не стащив с постели. — Вставай! Так хорошо на дворе!

— Зачем ты меня разбудила? — спросил я. — Мне снился такой хороший сон.

— Конечно, хороший, и ты еще вдобавок разговаривал во сне. Поэтому я тебя и разбудила. Я не хочу, чтобы она тебе снилась. Скажи скорее, что за сон ты видел и что она тебе сказала.

— Ну, раз ты настаиваешь... она сказала, она сказала, она сказала...

— Ну, скорей! Что она сказала?

— Она сказала: «Пора вставать и умываться. Я уже приготовила тебе завтрак, и мы сегодня едем на охоту».

— Ах, как он умеет лгать! — воскликнула она, поворачиваясь к Женщине Кроу. — Совсем не я ему снилась, ведь он разговаривал на своем языке.

Я настаивал на том, что говорю правду.

— Во-первых, — говорил я, — есть только одна «она» — это ты. А если бы и была другая, то ее тень не могла бы добраться сюда, чтобы посетить меня во сне, так как она не могла бы найти дорогу.

Это рассуждение показалось убедительным и прекратило спор. Утро выдалось в самом деле прелестное. Ночью

ударил сильный мороз, на траве в тени форта еще лежал белый иней, но солнце светило в чистом небе, дул теплый юго-западный ветер — все предвещало превосходный осенний день.

Мы позавтракали, оседлали лошадей и поехали, переправившись через реку, вверх по склону долины и дальше в прерию. Нэтаки запела одну из песен женщин своего племени.

— Тише! — сказал я ей. — Так не охотятся. Ты распугаешь всю дичь.

— А я этого не боюсь, — возразила она. — Не все ли равно? У нас еще есть сушеное мясо. Я не могу не петь. Такое великолепное утро просто заставляет меня петь.

Действительно, не все ли равно. Я радовался, видя ее такой счастливой, видя, как искрятся ее глаза, слыша ее смех и пение. Пасшаяся невдалеке группа антилоп умчалась от нас через гребень, из соседней лощины выбежало небольшое стадо бизонов и понеслось галопом на запад. Показался одинокий койот, он сел на задние лапы и уставился на нас.

— Хайя, братец, — сказала Нэтаки, обращаясь к нему, — ты тоже счастлив? Конечно, счастлив, — продолжала она, — мех у него густой и теплый, он не боится приближающихся холодов, а еды у него вдоволь, всегда вдоволь. Часть добычи он убивает сам, а кроме того, всегда может полакомиться остатками животных, убитых его большими родственниками. Старик наградил его и волка большой сообразительностью.

Мы все ехали вперед без цели по прерии, разговаривая и смеясь. Мы чувствовали себя счастливыми, очень счастливыми, как и полагается двум молодым людям, которые любят друг друга и не знают никакой заботы. Часто, взобравшись на какую-нибудь небольшую возвышенность, мы слезали с лошадей и пускали их пасти, пока я курил и осматривал местность в подзорную трубу. Нэтаки тоже любила наблюдать за животными в трубу, смотреть, как они отдыхают или щиплют траву, как прыгают, скачут и гоняются друг за другом от избытка сил. У меня была хотя и старая, но сильная труба, в нее удавалось даже разглядеть мертвые старые кратеры и темные провалы на поверхности луны. Но мне ни разу не удалось уговорить Нэтаки навести трубу на этот объект. Она считала ночное светило не мертвым старым небесным телом,

а реальной священной особой — женой Солнца, которую глаза смертных не должны рассматривать и изучать.

Во второй половине дня мы решили, что пора уже добыть мясо и возвращаться домой. Только мы собрались сесть на лошадей и поехать по направлению к лошине на запад от нас, где паслось несколько бизонов, как увидели далеко на севере столбы поднимающейся пыли и поближе несколько небольших групп бизонов, разбегающихся в разные стороны, но преимущественно по направлению к нам. Несколько мгновений спустя появились всадники, а позади них на верху длинного гребня показалась колонна верховых и лошадей без всадников.

— Ага! — сказал я. — Пе-кун-ни * идут в форт.

— Моя мать здесь. Поедем, встретим их, — предложила Нэтаки.

Несколько напуганных бизонов бежали почти по прямой к тому месту, где мы стояли. Я велел ей отвести лошадей назад, где их не будет видно, а сам спустился вниз, чтобы видеть поверх гребня, что делается. Вскоре тридцать или сорок бизонов приблизились уже на расстояние выстрела. Я прицелился в большую корову и первым выстрелом перебил ей левую переднюю ногу. Корова тотчас же отстала от остальных, а второй выстрел уложил ее. Корова оказалась очень жирной, а шкура отличного качества, может быть, не совсем равномерная, но очень темная и блестящая.

Я собирался разрезать спину животного, намереваясь взять только филей и язык, но подошла Нэтаки и настояла, чтобы я снял шкуру как полагается, с головой и хвостом. Она хотела, чтобы я разделал все мясо и забрал его.

— Мы дадим шкуру моей матери, — сказала она, — и попросим ее уложить в нее мясо для нас.

Конечно, я сделал так, как мне было велено. Разделка туши заняла некоторое время. Пока я работал, Нэтаки поднялась на вершину гребня, но скоро вернулась и сообщила, что племя ставит палатки недалеко от того места, где мы их увидели, и что хорошо бы остаться и переночевать с ними.

— Ладно, — ответил я, — мы поедем туда и остановимся у Хорькового Хвоста. Возьмем немного мяса, а

* Пиеганы. — *Прим. пер.*

остальную часть туши и шкуру оставим твоей матери, чтобы она забрала все завтра утром.

Но оказалось, что так сделать нельзя.

— Или волки сожрут все мясо ночью, — возразила Нэ-таки, — или кто-нибудь найдет и заберет его рано утром. Нет, мы должны уложить его и отвезти в лагерь.

Я набросил шкуру на лошадь Нэтаки, покрыв коня целиком, вместе с седлом, от головы до хвоста. Затем повесил большую часть мяса поперек седла и накрыл все, завернув и сложив несколько раз шкуру. Остаток мяса я уложил в два больших мешка и привязал позади своего седла. Затем я помог Нэтаки взобраться и усесться на верху выюка. Когда я сел на свою лошадь, мы направились к лагерю и въехали в него по тропке между палатками. Со всех сторон нас встречали радостными приветствиями и улыбками, слышались шутки о молодой паре охотников. Мы слезли с лошадей перед палаткой Хорькового Хвоста. Моя добрая теща выбежала навстречу дочери; они нежно обнялись и поцеловались. Теща все повторяла:

— Моя дочь! Моя дочь! Приехала!

Добрая женщина улыбалась, глядя на меня, но не здоровалась со мной. Даже то, что она находилась близко от меня, не говоря уже о том, что она мне улыбалась, было нарушением строгого правила этикета черноногих, о котором я уже говорил: теща и зять никогда не должны встречаться и разговаривать друг с другом. Что касается меня, то я нарушил это приличие при первом удобном случае. Я подошел к теще, когда ей некуда было уйти и она не могла не выслушать меня, и сказал ей, что у нас все будет совсем по-иному, так как у белых нет такого обычая.

— Где бы мы ни оказались, — продолжал я, — вы должны приходить к нам и жить с нами, когда захотите, а я буду входить туда, где вы находитесь, если обстоятельства этого потребуют.

Я уверен, что ей приятно было это слышать, так же как и Нэтаки. С течением времени моя теща привыкла в общем к новому порядку вещей, но всегда старалась уклониться от прямого обращения ко мне. Часто, когда я спрашивал ее о чем-нибудь, она поворачивалась к дочери и говорила:

— Скажи ему, что случилось это так, и т. д.

Глава XXIV

Магическая сила скунсовой шкуры

Мы остановились у Хорькового Хвоста; жена его разостлала для нас множество новых выделанных шкур бизона. Приходили и уходили гости, нас позвали в несколько палаток прийти покурить. Во второй половине вечера, когда кончились ужины и хождение в гости, неразлучные Хорьковый Хвост и Говорит С Бизоном сидели вместе со мной, как бывало много раз вечерами прежде. Когда мы собирались вместе, то независимо от того, у кого из нас были мы в гостях, дело не ограничивалось выкуриванием трех трубок и вежливым прощанием после этого. Мы сидели вместе часами, курили, если хотелось, разговаривали или молчали по настроению. Женщины подали нам пеммикан с ягодами, очень вкусный.

— Друг, — сказал Говорит С Бизоном, когда мы поели, набили трубки и закурили, — у меня есть для тебя подарок.

— А я всегда рад подарку.

«Да, — продолжал он, — а я от этого подарка рад буду избавиться. Я хочу, чтобы ты забрал его завтра утром, пока ничего не случилось такого, что помешает тебе вообще получить его. Это шкура скунса. Слушай, я расскажу тебе, какие неприятности я перенес из-за этой шкуры. Сперва расскажу, как она ко мне попала.

Однажды утром жена сказала мне, чтобы я убил несколько горных баранов: ей нужны были шкуры на платье. Я сказал, что этих животных трудно добыть и что ей следовало бы сшить платье из шкур антилоп, из которых при хорошей выделке тоже получается отличная мягкая кожа. Нет, она заявила, что шкура антилопы не годится: она неровная, на шее толста, на брюхе слишком тонка. Годятся только шкуры горных баранов, потому что они как раз такие, как нужно: нигде не толще и не тоньше, чем следует. Я попытался вывернуться, заявив, что если они ей уж так нужны, то я попрошу ее отправиться со мной на охоту, чтобы помочь мне укладывать добычу. Я думал: когда я скажу это, она решит, что и шкуры антилоп сгодятся. Я ошибся.

— Разумеется, я поеду с тобой, — ответила она. — Поедем завтра утром.

Я решил сделать вид, что болен. Но, проснувшись утром, я совсем забыл об охоте, встал, умылся и основательно поел. Когда я вспомнил об охоте, было уже поздно притворяться. Нельзя же заставить ее поверить, что муж болен, когда он просил ее два раза поджарить мясо. Мы выехали и отъехали на лошадях насколько можно было далеко вверх по северному склону западной горы Суит-грасс. Затем, привязав лошадей, пошли дальше пешком. Приходилось взбираться на довольно крутой склон. Местами сосны росли так густо, что приходилось с трудом пробираться между ними. Мой товарищ по охоте все время отставал. «Идем, идем», — повторял я, а она откликнулась: «Подожди, подожди меня!» Когда она нагоняла меня, то дышала, как лошадь после скачек, и с ее подбородка буквально капал пот. «Приятное занятие — охота на горных баранов», — сказал я. И она ответила: «Правда. Смотри как мы высоко забрались, как далеко нам видны прерии к северу отсюда».

После этого я уже больше не дразнил ее; она держалась стойко и карабкалась изо всех сил. Я пошел медленнее, и она шла за мной по пятам. Мы приблизились к вершине. Ты видел вершину горы — это таинственное место! Когда Старик создал мир, то раскрасил помещенные им здесь скалы в красивые цвета: красный, коричневый, желтый и белый. Одни говорят, что это счастливое место для охоты, другие, что если здесь подстрелишь какое-нибудь животное, то с тобой случится несчастье. Взбираясь на

гору, я думал об этом; наконец я остановился и заговорил с женой. Я сказал, что нам, пожалуй, лучше вернуться, так как если я убью здесь барана, то с нами может случиться несчастье. Но она только смеялась и говорила, что я поглупел.

— Ладно, — возразил я, — раз уж тебе непременно хочется смеяться, то смейся, но прикрывай рот рукой, иначе ты распугаешь всех животных на горе.

Мы продолжали взбираться на гору и немного спустя приблизились к вершине. Глядя на нее из-за сосен, я увидел группу горных баранов — не меньше двадцати, все самки и детеныши и только один двухлетний самец. Я тщательно в него прицелился; он стоял очень близко боком ко мне, и так как рядом оказался сук, то я опер на него ружье. Я прицелился очень хорошо, прямо в сердце, и выстрелил. Не знаю, куда полетела пуля, но в барана она не попала, так как мы не нашли шерсти или крови ни там, где он стоял, ни дальше по следу. После выстрела дым повис передо мной облачком, а когда оно рассеялось, я увидел, как животные скрылись в лесу ниже по склону. Я очень удивился, что даже не попал в барана, хотя целился долго и тщательно.

— Должно быть, ты его ранил, — сказала жена, — пойдем. Вероятно, мы найдем его мертвым где-нибудь далеко.

Мы пошли по следу вниз в лес. Идти по следу было легко, так как копыта этого барана оставляли отпечатки, расставленные шире, чем у остальных. Но мы не видели никаких признаков того, что он ранен. Я и жена снова взобрались на вершину и сели на краю голых скал под низкой сосной. Я думал, что, может быть, подойдут еще горные бараны, если мы подождем здесь немного. Но они не появлялись, хотя мы просидели в ожидании далеко за полдень. Мы уже собирались уходить, когда появился крупный скунс. Он пробирался между камней, принюхивался, втягивая носом воздух, иногда взбирался на большой камень, чтобы осмотреться. Скунс был очень красив, шерсть его блестела на солнце. Вскоре он приблизился, и, когда снова взобрался на камень, я застрелил его. Он свалился с камня и почти не дергался. Я велел жене осторожно снять с него шкуру. Я знал, что шкура тебе понадобится, чтобы присоединить ее к тем, которые ты добыл прошлой зимой. Жена сказала, что выделает ее так, что-

бы шкура вышла очень мягкой, и мы ее тебе подарим. Вот тут-то и начались неприятности. Нож соскользнул, и жена порезала себе руку, не успев снять шкуру и наполовину, пришлось мне заканчивать работу. Потом мы отправились домой. Когда мы дошли до наших лошадей, я привязал шкуру сзади к седлу и сел верхом. Лошадь стояла носом против ветра, но, когда я повернул ее, она впервые почуяла запах скунса и так испугалась, что взбесилась. Она захрапела и сделала большой скачок вниз по склону; когда она коснулась земли, то я от толчка упал спиной прямо на кучу камней. Я думал, что сломался пополам. Лошадь продолжала нестись скачками, брыкаясь и всхрапывая, налетела прямо на кучу больших камней, попала передней ногой между ними и сломала ее. Как только я отдышался и смог ходить и жена отыскала мое ружье, я вынужден был спуститься и пристрелить лошадь. Домой мы вернулись поздно, потому что ехали вдвоем на другой лошади, на которую пришлось еще навьючить мое седло и прочие вещи. Одно мы теперь знали: убить какое-нибудь животное на цветных скалах значило навлечь на себя несчастье. Возможно, если бы я еще убил и самок горных баранов, то действительно сломал бы себе спину, когда лошадь меня сбросила.

Только через несколько дней я оправился от ушибов, полученных при падении. Жена моя не могла выделать шкуру скунса из-за пореза на руке и поручила это одной вдове. На следующий день старуха принесла шкуру обратно.

— Возьмите ее, — сказала она, — мне всю ночь было нехорошо; мне приснилось, что прибежал скунс и пытается укусить меня. У этой шкуры дурная сила. Я ее не буду дубить.

Ты знаешь старую Женщину-Бобра? Да? Так вот, мы отдали шкуру ей. Она сказала, что не боится скунсов, что ее магия сильнее скунсовой, забрала шкуру к себе в палатку и взялась за работу: счистила мясо, намазала шкуру печенью и мозгами, скатала и отложила на два-три дня. Когда шкура как следует пропиталась смесью, Женщина-Бобр очистила ее и стала сушить, перекинув через шнур из сухожилий. И тут Женщина-Бобр внезапно на короткое время упала мертвой (в обморок). Когда старуха вернулась к жизни, рот ее был перекошен на одну сторону и она едва могла говорить. В таком состоянии

Женщина-Бобр пробыла почти четыре ночи. Разумеется, шкура вернулась к нам. Порез на руке у жены зажил, она принялась за работу и окончила дубление без всяких приключений.

Позавчера мы отправились сюда. Жена уложила шкуру с другими вещами на лошадь, которая несла шкуры покрова палатки. Вечером, когда мы располагались лагерь на ночь, оказалось, что шкура исчезла. Все остальное, что жена уложила в этот вьюк, оказалось на месте, пропала только шкура. Пока мы рассуждали, как это могло случиться, подъехал какой-то молодой человек и швырнул нам шкуру.

— Я нашел ее на тропе, — сказал он.

Ты видишь, у этой шкуры большая дурная магическая сила. Я говорил, что собираюсь подарить шкуру тебе, и вот я дарю ее. Я также сообщил тебе, какое зло она причинила. Я не буду осуждать тебя, если ты бросишь шкуру в огонь или как-нибудь иначе с ней разделаешься. Прошу тебя только избавить нас от нее».

Конечно, я взял шкуру. Впоследствии она пошла для изготовления очень красивого мехового ковра: середину его занимала медвежья шкура, а кайму — шкуры шести скунсов.

Наутро задолго до того, как начали разбирать палатки, мы с Нэтаки уже сидели в седле и направлялись домой. Ночью было очень тепло. Вскоре после нашего отъезда из лагеря с севера задул слабый ветер, холодный и сырой, несший сильный запах горячей травы. Мы хорошо знали, что это означает: запах, напоминающий запах дыма, всегда предвещает бурю с севера.

— Делаящий холод близко, — сказала Нэтаки, — поспешим.

Оглянувшись, мы увидели, что холмы Суитграсс-Хиллс окутаны густым белым туманом, который разливался к югу с невероятной быстротой. Скоро нас настиг и окружил такой густой туман, что мы не могли видеть на сто ярдов вперед. Пот на лошадях моментально замерз. Воздух наполнился мельчайшими частицами изморози. Уши щипало, и мы завязали их платками. Бесполезно было пытаться разглядеть дорогу к реке. Мы отпустили поводы и продолжали ехать. Домой приехали еще до полудня. Ветер все усиливался, туман исчез, но вместо него повалил снег. Настала зима.

Вскоре начали поступать бизоньи шкуры первого сорта. У нас теперь было много дела: мы выменивали шкуры на товары и спиртное. Мы пользовались при торговле для удобства медными марками; каждая марка заменяла доллар. Индеец, принесший шкуры бизона на продажу, важно входил в лавку; за ним следовала его жена или несколько жен, несших шкуры. Как правило, он стоял в некотором отдалении, молчаливый и прямой, завернувшись в плащ или одеяло, частично закрывавшее его лицо, пока мы рассматривали шкуры и отсчитывали марки.

Если только он не нуждался в ружье или другой дорогой вещи в этом роде, он обычно давал женам часть своей выручки, а остальное тратил сам, покупая то, что ему понравится: табак обязательно, обычно и спиртное.

Когда начинало темнеть, торговля затихала. Большинство предпочитало приходить менять свои меха и шкуры бизонов по утрам. Я не знал ни одного торговца, который бы не имел особых, пользовавшихся преимуществами друзей, и мы не составляли исключения из этого правила. Друзья эти, иногда по несколько человек, приходили и сидели с нами по вечерам, курили и рассказывали разные истории. Мы с интересом слушали их рассказы и любопытные суждения о различных вещах.

Глава XXV

Конец Олененка

Бывали дни, когда дул теплый чинук и нас прямо тянуло из форта в прерию. Нэтаки и я седлали лошадей и уезжали далеко; мы возвращались домой голодные и усталые, готовые сразу после ужина лечь и крепко спать всю долгую зимнюю ночь.

Как-то в погожий день мы катались верхом и около двух или трех часов дня выехали к реке в пяти-шести милях выше форта и направились домой вниз по долине. Проезжая по тропе через тополевую рощу, мы встретили моего врага, Олененка, отправлявшегося за бобрами, так как к седлу у него было привязано несколько капканов. Проезжая мимо нас, он бросил игривый взгляд на Нэтаки, которая ехала впереди, и свирепо покосился на меня. Должен признаться, что я раза два пригнулся к седлу, делая вид, что поправляю ремень стремени, но в действительности тайком из-под руки посмотрел назад. Я боялся его и почувствовал облегчение, увидев, что он исчез за поворотом тропинки, ни разу, насколько я мог судить, не оглянувшись на нас.

Проехав через рощу, мы пересекли открытую низину, за ней лесок и оказались в широкой голой долине. Когда мы отъехали на 150—200 ярдов от последней рощи, позади нас грянул выстрел, слева от меня просвистела пуля и дальше впереди ударилась в землю, подняв пыль. Нэ-

таки вскрикнула, хлестнула лошадь и крикнула мне, чтобы я ехал скорее. Остальную часть пути до дома мы проделали очень быстро.

Когда раздался выстрел, я оглянулся и увидел редкое облачко дыма впереди ивовый заросли, но человека не было видно. Стрелял, конечно, Олененок. Он сделал как раз то, что я всегда предсказывал, — напал на меня сзади. Пытаться выбить его из рощи было бы безумием.

Нэтаки почти не могла говорить от ужаса и гнева. Я тоже рассердился и поклялся, что убью Олененка при первой встрече. Ягода спокойно выслушал меня, но ничего не сказал; заговорил он только после ужина, когда все мы успокоились.

— Видишь ли, — начал он, — у этого типа в лагере есть влиятельные родственники, и, хотя они отлично знают, что его следует убить, они тем не менее обязаны будут мстить за его смерть.

— Так что же? Я не должен ничего делать, и в один прекрасный день он меня подстрелит из засады, как кролика?

— Нет, — ответил он, — мы должны убить его, но сделать это надо так, чтобы нас не заподозрили. Потерпи пока, и мы найдем способ, как это устроить.

С того дня Олененок больше не приезжал в форт. Если ему что-нибудь бывало нужно, он посылал кого-нибудь за покупкой. Когда мы с Нэтаки отправлялись на прогулку, то уезжали в прерию, избегая лощин и леса в долине. Иногда по вечерам мы с Ягодой пытались придумать какой-нибудь способ раз и навсегда избавиться от моего врага, но ничего из этого не выходило. Если бы я мог подстеречь его или выстрелить ему в спину, как он пытался застрелить меня, то я сделал бы это с радостью: нужно всегда бороться с чертом его же оружием.

Однажды в начале марта Олененок пропал из лагеря. Накануне утром он уехал с другими охотниками в прерию на север от реки, чтобы настрелять дичи на мясо. Охотники потом разделились, но в конце дня некоторые из них видели, как Олененок свеживал бизона на холме. Ночью лошадь его вернулась и присоединилась к своему тауну; она была оседлана, поводья волочились по земле. Родственники Олененка отправились на поиски, продолжавшиеся несколько дней. Его нашли наконец далеко от туши бизона, которую он разрезал на куски, сняв с нее

шкуру. Он лежал в ложине с проломленной головой. Жены и родственницы Олененка похоронили его, но не очень горевали по нем. Он обращался с женами жестоко, и они радовались, что избавились от него. Мясо убитого бизона Олененок тщательно разделал и приготовил к навьючиванию на лошадь. Думали, что Олененок отъехал от разделанной туши, чтобы убить еще какое-нибудь животное, и лошадь сбросила его или, может быть, упала вместе с ним и лягнула его, пытаясь подняться.

Нэтаки и я обрадовались, узнав о его смерти. Она услышала об этом первая, прибежала ко мне взволнованная, с горящими глазами и крепко обняла меня.

— Радуйся, — кричала она, — наш враг умер! Нашли его тело; мы можем теперь ездить, куда захотим, без страха.

Однажды вечером к нам в гости пришел мой старый друг, которого я называл здесь по-разному — то Медвежья Голова, то Скунс (он принял первое имя после удачного сражения). Он оставался у нас долго, когда уже все остальные ушли, и молча курил, чем-то очень озабоченный. И Ягода и я заметили это.

— Вероятно, ему нужно новое ружье, — сказал я, — а может быть, одеяло или новое платье для жены. Что бы ему ни требовалось, я подарю ему это сам.

Нам уже хотелось спать. Ягода налил стопку и подал ему.

— Ну-ка, — сказал он, — расскажи нам, о чем ты задумался?

— Я убил его, — ответил он, — я убил его, отнес его тело в ложину и там бросил.

Вот так известие! Мы сразу поняли, о ком он говорит: конечно, речь шла об Олененке. «Ах!» — воскликнули мы оба и замолкли, ожидая продолжения.

— Я подъехал к тому месту, где он увязывал мясо, и слез с лошади, чтобы подтянуть подпругу. Мы стали разговаривать, и он рассказал мне, что стрелял в тебя.

— Не знаю, — сказал он, — как это я промахнулся, я целился тщательно. Но это еще не конец. Я еще убью белого, а его жена будет моей женой, хоть она меня и ненавидит.

Услышав это, я взбесился. «Убей его, — шептало мне что-то, — убей его, иначе он убьет твоего друга, который был так добр к тебе». Он стоял нагнувшись, увязывая по-

следние куски мяса. Я поднял ружье и ударил его прямо по макушке. Он упал вперед, и тень его отлетела. Я рад, что сделал это.

Он поднялся и собрался уходить.

— Друг, — сказал я, взяв его руку и крепко пожимая ее, — все мое — твое. Что мне тебе подарить?

— Ничего, — ответил он, — ничего. Я не беден. Но если я когда-нибудь окажусь в беде, то приду к тебе и попрошу помочь мне.

Он вышел. Мы заперли за ним дверь и заложили засовы.

— Будь я проклят, если я когда-нибудь слышал, чтобы индеец сделал такое ради белого! — воскликнул Ягода. — Вот такого друга стоит иметь.

По понятным соображениям мы держали про себя все, что узнали, хотя мне стоило немало труда удержаться от рассказа об этом. Только много лет спустя я наконец рассказал историю убийства Олененка Нэтаки, а когда наступило такое время, что нашему другу понадобилась действительно помощь, он ее получил.

В эту зиму у нас работал Длинноволосый Джим, погонщик быков, мужчина лет сорока. Он отрастил волосы не меньше двух футов длиной; они спускались темными очень красивыми крупными волнами на спину и на плечи. В пути с обозом или работая на открытом воздухе на ветру он носил волосы заплетенными в косу, но в лагере он просто схватывал их шелковой повязкой вокруг головы. Джим очень гордился своими волосами, всегда тщательно мыл и расчесывал их.

Джим, как он рассказывал, совершил несколько поездок в Санта-Фе и по трансконтинентальному пути, а в Монтану попал из Коринна. По его словам, он был отличный боксер и удачливый игрок, но эти преимущества, говорил он, сводились на нет тем обстоятельством, что ему ужасно не везло в любви. «Я в молодости любил четырех женщин, — рассказывал он нам, — и разрази меня бог, если мне досталась хоть одна».

«Один раз я почти достиг цели, — продолжал он. — Она была рыжая вдова, державшая пансион в Каунсил-Блафсе. Однажды вечером наш обоз вкатился в Каунсил-Блафс; поставив быков в загон, все погонщики отправились в ее пансион ужинать. Как только она попалась мне на глаза, я сказал себе: «Вот это женщина, красота!»

Мала ростом, худенькая, веснушчатая, с прехорошеньким вздернутым нахальным носиком.

— Кто это? — спросил я сидевшего рядом парня.

— Вдова, — говорит он, — она содержит эту лавочку.

Раз так, кончено. Я пошел к начальнику обоза, заявил, что ухожу, получил расчет и перетащил постельные принадлежности и спальный мешок в ее заведение. На следующий день вечером я поймал ее одну, когда она сидела на ступеньках, и подошел прямо к ней.

— Миссис Уэстбридж, — говорю я, — честное слово, я в вас влюбился. Пойдете за меня замуж?

— Выдумал тоже! — воскликнула она. — Вы только послушайте его. Чужой мужчина! Брысь, убирайтесь отсюда!

Вскочила, бросилась в дом, забежала в кухню, захлопнула и заперла на ключ дверь.

Но мне-то она не сказала, чтобы я убирался вон из дому, и я продолжал жить в пансионе и задавал ей тот же вопрос, как только бывал подходящий случай, иногда два раза в день. Она уже перестала убегать, относилась к этому добродушно, но каждый раз отвечала мне наотрез «нет». Я ничуть не терял надежды.

Вот так дело тянулось недели две, и раз вечером я опять спросил ее — в двадцать первый раз, а это число у меня счастливое, и я твердо знал, что оно меня вывезет. Так и вышло.

— Да, сэр, мистер Джим, как там вас, — говорит она сразу, — я выйду за вас на определенных условиях. Вы должны остричь волосы.

— Есть.

— И выбросить ваши шестизарядные и длинный нож.

— Есть.

— И бросить играть в карты.

— Есть.

— И помогать мне держать этот пансион.

Да, я согласился на все, и она обещала, что мы поженимся в ближайшее воскресенье. Я потребовал поцелуй, она хлопнула меня по щеке и убежала на кухню.

— Ничего, — говорю я себе, усаживаясь на ступеньки, — я подожду, пока она выйдет, и поймаю ее.

И вот, сэр, сижу я, спокойный и счастливый, и подходит ко мне невзрачный одноногий калека и спрашивает:

— Здесь живет миссис Уэстбридж?

— Здесь, — говорю я, — а что вам от нее нужно?

— Да так, ничего, — говорит он, — она моя жена.

Я признаюсь, что, может быть, хлопнул бы его, хоть он и был калека, если бы она как раз в этот момент не вышла. Когда она его увидела, то всплеснула руками и закричала:

— Боже мой! Откуда ты? Я думала, ты умер. Мне сказали, что ты умер. Ты уверен, что это ты?

— Да, Сарочка, — говорит он, — это точно я. Вернее, то, что от меня осталось. В донесении говорилось «убит или пропал без вести», но я уцелел. Я за тобой охочусь уже давно. Это долго рассказывать...

Я не стал слушать дальше. Пошел к себе в комнату и сел. Немного спустя она приходит.

— Видите, как получается, — говорит она. — Я должна о нем заботиться. Вы хороший человек, Джим. Я восхищаюсь вашей смелой настойчивостью: все спрашивали меня и спрашивали и не хотели принимать отказа. Но теперь так получилось, что если вы меня любите, то прошу вас, уходите.

Я тут же уложил мешок и выступил в поход. Нет, с женщинами мне всегда не везло. После этого происшествия мне ни разу не представился случай атаковать другую женщину».

Джим очень интересовался Нэтаки и мной.

— Господи, — говорил он, — послушайте только, как она смеется. Вот уж кто счастлив! Хотел бы я, чтобы у меня была такая славная жена.

Джим много времени проводил в лавке и часто обходил лагерь в поисках прекрасной девы, которую мог бы покорить. Он был очень смешон, когда улыбался им, отвешивая поклоны, и говорил что-то по-английски, чего никто из них не понимал. Девушки смущенно отворачивались. Мужчины смотрели на все это с мрачным выражением или смеялись и отпускали шутки. Они прозвали его Тот, Кто Не Может Жениться — на языке черноногих это очень обидное прозвище.

Главное препятствие заключалось в том, что он носил огромные усы и бакенбарды. Черноногие относятся с отвращением к волосам, за исключением волос на голове. Один наш старый знакомый никогда не застегивал рубашку, ни зимой, ни летом. Грудь у него была покрыта

шерстью, как собачья спина. Я видел, как черноногие просто содрогались, глядя на него.

Для Джима наступил счастливый день. Ягода, приехав из Форт-Бентона, привез ему письмо с важными известиями. Женщина в Миссури, которую он знал с детства, согласилась выйти за него замуж. Он немедленно через Коринн выехал в Штаты. Несколько месяцев спустя мы получили от него письмо. «Дорогие друзья, — писал он, — она умерла накануне моего приезда. Я очень огорчен. Тут есть еще одна, но у нее семеро детей, и она за мной гоняется. Завтра я отправляюсь в Санта-Фе. Ведь вот как мне не везет, а?»

С той же почтой пришло письмо от Эштона. Он писал из Генуи, из Италии, что предполагает приехать к нам весной. Он писал также, что получает хорошие письма об успехах опекаемой им девушки. Немного позже пришло письмо Нэтаки от самой девочки, очень трогательное, написанное печатными буквами. Вот его содержание, включая приписки, сделанные монахинями: «Я умею читать, я умею писать. Сестры ко мне добры. У меня красивые платья. Когда я сплю, я вижу во сне палатки и наших и слышу запах как-сим-и (полынь). Я тебя люблю. Диана Эштон».

Боже мой! Как Нэтаки гордилась этим письмом. Она носила его всюду, показывала друзьям и заставляла меня переводить его много раз. Она сшила девочке несколько пар красивых мокасин и, когда мы весной вернулись в Форт-Бентон, заставила меня отправить их пароходом вместе с большим количеством пеммикана, сушеного мяса и языков и уложить в посылку еще большой пук полыни. Я возражал против отправки пеммикана и мяса, доказывая, что у девочки еды вдоволь, и притом самой лучшей.

— Ну да, — сказала она презрительно, — еда белых, какая это еда! Я знаю, что ей хочется настоящей еды.

В эту зиму торговля наша шла хорошо, но потом стало беспокойное время. Часть пиеганов, бледы и черноногие порвали мирные отношения с белыми. Попытаться торговать вне Форт-Бентона стало небезопасно. Две следующие зимы мы провели в форте. Весной 1870 года мы начали опять планировать организацию торгового сезона в каком-нибудь более или менее отдаленном пункте,

Глава XXVI

Обычаи севера

Закон, воспрещающий продажу спиртных напитков индейцам и даже провоз спиртного через их страну, фактически был мертвой формой с самого момента принятия закона конгрессом. Однако осенью 1869 года здесь появился новый шериф из Соединенных Штатов; он арестовывал нескольких торговцев, у которых нашел спиртные напитки, конфисковал их обозы и причинял им всякие неприятности. Пока этот шериф оставался на своем посту, похоже было на то, что торговля наша обречена на гибель, и Ягода придумал мудрый план: перейти канадскую границу и устроить там торговый пункт. Правда, перевозка запрещенных товаров из Форт-Бентона на север через границу была связана с трудностями, но приходилось идти на риск.

Мисс Агнесса Э. Лот, автор книг «Господа Севера», «Глашатаи империи» и т. д., в своих «Рассказах о конной полиции Северо-Запада» пишет об этом переходе на север следующее: «В начале семидесятых годов кончилась монополия Компании Гудзонова залива и правительство доминиона (Канады) переняло юрисдикцию на всей обширной территории, простирающейся подобно некой американской России от границы со Штатами до Северного полюса. Конец монополии послужил сигналом к нашествию искателей приключений. Шулера, контрабандисты,

преступники всех мастей двинулись от Миссури через границу на канадскую территорию, в предгорья Скалистых гор. В местах, где отсутствует белое население, этот сброд не мог заниматься своим обычным «вольным промыслом». Единственным путем к богатству служила торговля пушниной. А самый легкий способ добыть меха состоял в контрабандном ввозе виски в Канаду небольшими партиями; виски разбавляли и обменивали у местных индейцев на пушнину. Вероятность вмешательства властей равнялась нулю, так как канадское правительство находилось на расстоянии нескольких тысяч миль и отсутствовала всякая связь: и телеграфная, и железнодорожная. Но в этой игре были свои опасности. Страну у предгорий населяли индейцы, входившие в союз племен черноногих — бладов, пиеганов и собственно черноногих — прерийных тигров. Контрабандисты с реки Миссури, ввозившие виски, убедились, что они должны организовать для самозащиты или расплачиваться за свои барыши гибелью. Сколько белых перебили индейцы в этих драках из-за спирта, мы никогда не узнаем, но в районе реки Олдмен и форта Маклеод есть отмеченные приметами жуткие места, известные тем, что в начале семидесятых годов здесь погибло несколько групп контрабандистов.

В результате контрабандисты с Миссури в подражание старинным торговцам пушниной построили себе ряд постоянных фортов: Робберс-Руст, Стенд-Оф, Фриз-Аут и самый знаменитый из них Хуп-Хёер-Ап (Гуляй Вовсю), название которого приличия ради переделали в Хуп-Пап (Щенок Хуп), что вызывает невинное представление о каком-то поэтическом индейском прозвище. Хуп-Ап, как его называли жители прерий, был окружен частоколом с бойницами для мушкетов, снабжен бастионами с пушками и набатным колоколом. Говорят, что укрепление только одного этого места обошлось в 12 000 долларов, и оно сразу стало столицей контрабандистов, ввозивших виски. С момента окончания постройки в форт впускали одновременно только несколько человек индейцев, а остальных обслуживали через бойницы. Но черноногих нельзя было этим остановить. Путь, по которому везли виски контрабандисты, извивался зигзагами по волнистой прерии, проходя главным образом по дну глубоких лощин и ущелий на протяжении двухсот миль от Форт-Бентона до форта Хуп-Ап. Тяжелые, крытые брезентом фургоны, вле-

комые упряжками в пятнадцать — двадцать быков, тащили спиртной груз по извилистым проходам, соединявшим ущелья. Черноногие, пожалуй, лучшие в мире наездники. На пути встречались места с особенно узкими проходами, где фургоны вязли в грязи или где быков и груз приходилось переправлять на плотах через расплывшиеся от дождей болота. В этих трудных местах черноногие налетали на обозы с истинно дьявольскими воплями, которые могли бы вызвать панику и у более спокойных существ, чем были тащившие бочки с виски. Иногда нападения происходили ночью, индейцы перерезали привязи, и быки разбегались в панике с ревом, как испуганное стадо бизонов. Если контрабандисты пробовали защищаться, начиналось сражение. Если они отступали, индейцы захватывали добычу».

Лица, снабжавшие данными мисс Лот, жестоко ее обманули. Никаких драк из-за спирта, в которых индейцы перебили бы белых, не было. Одного белого, по имени Джо Ньюфрейн, черноногие убили за дело в Элбоу, приблизительно в 100 милях к северу от реки Белли. Двоих, француза, по имени Полит, и Джозефа Вей, убили на дороге к северу от Форт-Бентона, в Роки-Спрингсе, но их застрелили ассинибойны, а не черноногие. Тропа не проходила по глубоким лощинам и ущельям, а шла прямо по открытой волнистой прерии; черноногие не нападали на персонал обозов, и обозные быки не разбегались в панике. Да виски и не перевозили тяжело груженными обозами с бычьими упряжками. Пересекая индейские территории к югу от канадской границы, торговцы старались избежать встречи с шерифом Соединенных Штатов: виски перевозилось упряжками из четырех лошадей, ехавших быстро по маршруту, которого шериф скорее всего не знал.

Осенью 1870 года Ягода построил форт Стенд-Оф. Позже торговцы построили Хуп-Ап и форт Кипп. Они основали еще несколько второстепенных торговых пунктов на Элбоу, на Хай-Риверс и Шип-Крике. Всего с 1870 года до появления конной полиции в 1874 году в этих пунктах или в лагерях в прерии, где белые охотились на волков, жило пятьдесят шесть человек. Они не были перебиты черноногими. Когда появилась конная полиция, она тоже мирно ладилась с Союзом племен. Вот что я могу сказать в пояснение к цитате из книги мисс Лот,

Отправившись из Форт-Бентона на север с хорошим запасом товаров, мы с Ягодой и еще несколько человек приехали к реке Белли, милях в двадцати пяти — тридцати от ее устья, и построили здесь Стенд-Оф, состоявший из нескольких грубо сколоченных бревенчатых домиков. Вот почему мы дали нашему пункту такое название*; шериф напал на наш след и догнал нас вскоре после того, как мы переправились через северный рукав реки Милк и уже спускались по склону к Сент-Мэри.

— Ну, ребята, — объявил он с мрачной улыбкой, — наконец-то я вас поймал. Поворачивайте, поехали в обратный путь со мной.

— Кажется, мы не поедem, — сказал Ягода. — Мы уже по ту сторону границы. Пожалуй, поворачивайте вы и отправляйтесь обратно сами.

Последовал жаркий спор. Топографы тогда еще не разметили границу, но мы знали, что по договору она идет по 49-й параллели. Шериф догнал нас на водоразделе, откуда реки стекают по Арктическому склону, и потому мы считали, что находимся в Канаде. Шериф утверждал, что это не Канада. Наконец Ягода сказал ему, что мы назад не повернем, что он будет драться, так как уверен в своей правоте. Шериф не мог забрать нас, так как был один. Мы заставили его «не подходить близко», и он, огорченный, повернул назад.

В другой раз Ягода отправился за спиртом в Форт-Бентон, и шериф гонялся за ним следом день и ночь. В Бентоне ничего не удалось сделать; Ягода запряг своих четырех лошадей и поехал еще с одним человеком в Хелину. Шериф последовал за ним и туда, но Ягода — человек с выдумкой. Он отправился к одной фирме и условился, что она доставит ему тридцать ящиков спирта на берег Миссури, в нескольких милях ниже города. Ягода сделал там плот для этих ящиков, сел на него и оттолкнулся от берега. Тем временем шериф следил за четырьмя лошадьми и фургоном на постоялом дворе. Ночью помощник Ягоды вывел лошадей и двинулся в обратный путь. Вскоре шериф догнал упряжку, но... с пустым фургоном и без Ягоды. Шериф повернул назад, переночевал в Хелине, затем снова выехал и прибыл в Форт-Бентон приблизи-

* «Стенд-оф» — по-английски «не подходите близко». — *Прим. пер.*

тельно в то же время, что и фургон. Помощник Ягоды забрал в форте честный груз провизии и двинулся на север. Шериф был совершенно сбит с толку.

Между тем Ягоде пришлось туго. Управляться с плотом, груженным спиртом и имеющим в общем лишь немного больший удельный вес, чем вода, оказалось трудным делом, а в местах с быстрым течением плот, случалось, заливало. Иногда плот застревал на мели, и Ягоде приходилось спрыгивать и сталкивать его в глубокую воду. Три дня он изображал из себя бобра и фактически постился, так как провизия его подмокла, но к вечеру третьего дня он достиг устья реки Сан, потеряв только один ящик со спиртом. Здесь его ждала упряжка из четырех лошадей, прибывшая из Форт-Бентона с начальником обоза. Вдвоем они тотчас же нагрузили фургон и двинулись напрямик без тропы через прерию. Без всяких происшествий они пересекли границу и прибыли в Стенд-Оф.

В эту зиму торговля с бладами и черноногими шла довольно хорошо. Но мы убедились, что после постройки Хуп-Ап наш форт оказался слишком далеко на западе, чтобы служить центром торговли. Поэтому на следующее лето нам пришлось спуститься на несколько миль ниже по течению и построить новый торговый пункт. Главным событием следующей зимы было убийство Телячьей Рубашки, вождя бладов, ужасного человека. Племя боялось его: он убил семь или восемь человек, некоторые из них были его родственниками. Однажды он вошел в лавку и, наведя пистолет на человека за прилавком, потребовал виски. Торговец поднял свой револьвер и выстрелил; пуля попала индейцу в грудь. Но он не упал и не пошатнулся; не стреляя, он повернулся, спокойно вышел в двери и направился в лагерь. Услышав выстрел, бывшие в других местах на пункте люди бросились вон. Увидев индейца с пистолетом в руке, они решили, что он кого-то убил, и начали стрелять. Пуля за пулей поражала Телячью Рубашку, но он продолжал спокойно идти и, пройдя несколько ярдов, упал мертвый. Этот человек обладал чрезвычайной живучестью. Тело его бросили в реку через прорубь во льду, но оно всплыло в отдушине ниже по течению; там его и нашли. Вождь всегда говорил своим женам, чтобы в случае его смерти над его телом пели песни. Если они будут петь четыре дня подряд, он-де

оживет. Женщины забрали труп домой и сделали, как им было велено; они очень огорчились, увидев, что усилия их напрасны. Все остальные члены племени радовались, что этого ужасного человека не стало.

На следующую зиму разгорелась ссора между торговцами и охотниками на волков; последние требовали, чтобы торговцы не продавали индейцам ружей, пороха и пуль. Охотники образовали группу, которую торговцы в насмешку прозвали «кавалерия ис-пит-си»; люди из этой группы обходили торговцев, пытаясь добыть подписи под просьбой о запрещении торговли оружием, угрожали и уговаривали, но успеха почти не имели.

У многих из торговцев лежали запасы товара на тысячи долларов, когда к нам стала приближаться канадская конная полиция. Большинство торговцев заранее получило предупреждение о ее приближении и успело закопать спиртные напитки или спрятать их как-нибудь иначе. Известие о полиции привез отряд охотников. «Едут, — сказали они, — люди в красных мундирах и везут с собой пушку».

Один только торговец, кажется, не получил предупреждения. Весь его запас товаров подвергся конфискации, так как в числе прочего в нем оказалось несколько галлонов спиртного. Многие торговцы остались в Канаде и продолжали торговать с индейцами и новыми пришельцами, некоторые вернулись в Монтану. Мы отправились с обозами последних. Так закончилась торговля на севере. Не могу сказать, чтобы мы жалели о ее конце. Цены на меха в то время сильно колебались, а потом упали вдвое. Четыре года спустя последнее стадо бизонов из Альберты перешло на юг, и больше бизоны в эту область не возвращались.

Мы снова поселились в своем домике из сырцового кирпича в Форт-Бентоне и там перезимовали. Кое-кто из тех, кто, как и мы, торговали на севере, перешли через реку и устроили скотоводческие фермы на реке Шонкин и у гор Хайвуд. Мы с Ягодой считали, что нам в нашем краю скотоводство не нужно.

Мы часто получали письма от Эштона. Он, видимо, вел беспокойную жизнь: то жил где-то в Европе, то снова путешествовал по Штатам, время от времени навещая опекаемую им девушку в Сент-Луисе. Диана тоже писала довольно часто. Теперь ее письма стали образцами калли-

графии, грамматически и стилистически правильными. В некоторых письмах она писала только о своих школьных занятиях и мелких ежедневных событиях. Мне представлялось, что это те письма, которые добрые монахи просматривали перед отправкой. Но в других письмах говорилось о том, как ей не нравится город. «Я могла бы переносить жизнь здесь, — писала она, — если бы только можно было хоть изредка видеть наши большие горы и прерии». Она писала также об Эштоне, рассказывала, как он к ней добр, как она счастлива, когда он приезжает навестить ее. Он хотел, чтобы Диана через год поступила в католический колледж; конечно, она поступит туда, потому что сделает то, чего желает ее вождь, но ей так хотелось бы повидать любимый край, где она родилась, побывать у нас хоть день, но сказать это ему она не могла.

В одном из писем она сообщила Нэтаки, что «Диана» — значит Сам-й-а-ки (Женщина-Охотник), что она — женщина Солнца (богиня), жившая давным-давно, и не была замужем. «И я должна поступить так же, — сделала она трогательную приписку, — потому что никто, кто мог бы мне быть дорог, не полюбит меня, некрасивую, темнокожую индейскую девочку».

— Кьяйю! — воскликнула Женщина Кроу, когда я прочел это вслух. — Я думаю, любой юноша в нашем лагере рад был бы взять ее в жены.

— Мне кажется, я понимаю, в чем дело, — сказала Нэтаки задумчиво. — Кажется, я понимаю. Обычаи ее племени уже больше не ее обычаи. Она стала белой женщиной во всем, кроме цвета кожи.

Каждую зиму со времени своего отъезда Эштон писал, что весной приедет навестить нас, но ни разу не выполнил своего обещания. Мы пришли к заключению, что он уже никогда не приедет, как вдруг, к нашему удивлению, в один июньский день он сошел на наш берег с парохода. Мы были очень рады пожать ему руку, и он тоже на свой тихий лад, казалось, был не менее доволен. Все пошли в наш дом; женщины наши, увидев его, в удивлении прикрывали рот рукой и подходили пожать ему руку. «Ок-и Кут-ай-им-и», — говорили они. Вы помните, что они прозвали его Никогда Не Смеется, но он этого не знал.

Мы видели прежнего Эштона, не склонного к многословию, с тем же грустным выражением глаз, хотя по

приезде он говорил больше обычного и шутил с женщинами; Ягода и я, конечно, служили переводчиками.

— Вам должно быть стыдно, — сказала ему Нэтаки, — что вы приехали один. Почему вы не привезли Диану?

— Она занята, она учится и вряд ли могла бы оставить занятия. Вот бы вам посмотреть, какой она стала леди. Она посылает вам всем привет и подарки, которые я передам вам, как только доставят мой чемодан.

Нэтаки хотела, чтобы я рассказал ему, что девушка тоскует по своей родине, но я не соглашался.

— Нечего нам вмешиваться в его дела, — заметил я.

Мы с Нэтаки уступили Эштону свою комнату и перенеслись в палатку, поставленную рядом с домом. Но ненадолго.

— В этой стране летом не следует жить в доме, — сказал Эштон как-то утром. — С той самой поры, как я уехал, я мечтаю опять пожить в вашей палатке. Сколько раз я вспоминал о ложе, покрытом шкурами бизона, о веселом огне в очаге. В таком месте можно отдыхать и мечтать. Я хотел бы еще раз испытать все это.

Я ответил, что так и будет. Наша палатка почти совсем истрепалась. Нэтаки дала знать в лагерь пиеганов своей матери — они стояли где-то на реке Титон, — чтобы она достала хорошую палатку и прислала ее сюда. Когда палатка прибыла, мы поставили ее, и Эштон поселился в ней вместе с нами. Он часами сидел или полулежал на своем ложе, как когда-то, и молча курил, курил... Мысли у него были невеселые, тень лежала на его лице. И так же, как когда-то, Нэтаки и я гадали, что его мучает. Она огорчалась из-за него и много раз говорила: «Он очень, очень, несчастен. Я его жалею».

Однажды вечером пришел пароход, но никто из нас не пошел смотреть, как он пристанет: пароходы стали уже привычным зрелищем. Мы только кончили ужинать, Нэтаки убрала со стола и зажгла лампу. Эштон не вернулся еще в палатку. Он стоял около лампы и чинил чубук своей трубки. Послышалось шуршание шелка, и высокая изящная женщина, переступив через порог, нетерпеливым движением подняла вуаль и почти бегом приблизилась к Эштону, протягивая к нему руки умоляющим жестом. Мы сразу узнали Диану.

— Мой вождь, — воскликнула она, — прости меня! Я не могла устоять, Я так хотела увидеть родную страну,

прежде чем вернуться в школу, что покинула Алису и приехала сюда. О, не сердись, прости меня!

Эштон схватил ее руки и притянул Диану почти вплотную к себе. Я никогда не думал, что лицо его может так просветлеть. Оно просто сияло любовью, гордостью и радостью, так мне казалось.

— Дорогая моя, дорогая моя! — повторял он, слегка запинаясь. — Не сердиться? Простить? Твои желания — всегда мои желания. Видит бог, я только и хочу, чтобы ты была счастлива. Почему ты мне ничего не сказала? Мы могли бы уехать сюда вместе.

Девушка заплакала. Нэтаки, смотревшая почти со страхом на эту высокую стройную девушку, так непривычно одетую, подошла и сказала:

— Дочь моя, ведь ты моя дочь?

— Да, — прошептала девушка, и они обнялись.

Мы, мужчины, вышли один за другим и оставили их одних. Эштон пошел в палатку, мы с Ягодой отправились пройти по дороге.

— Господи! — воскликнул Ягода. — Никогда не думал, что кто-нибудь нашей крови может стать таким. Да ведь она просто даст сто очков вперед любой белой женщине. Я не могу объяснить, в чем разница между ней и ними, но она сразу видна. В чем разница?

— Ну, — отозвался я, — думаю, тут дело главным образом в образовании и общении с хорошо воспитанными людьми. Потом в некоторых женщинах чувствуется вот это. Я и сам не могу как следует объяснить.

— А ты заметил, как она одета? — добавил Ягода. — Как будто просто, но как-то чувствуешь, что платье это стоит кучу денег и что шил его человек, который понимает дело. А медальон у нее на груди весь в жемчуге, посередине крупный бриллиант. Ну и ну!

Она была красива, как ее тезка Диана, какой мы ее себе представляем. Но богиня холодна и равнодушна к нам, а у нашей милой Дианы, как мы убедились, было сердце.

Мы вернулись в дом. Слезы уже высохли. Женщины — жена Ягоды, Нэтаки, старая миссис Ягода и Женщина Кроу — сидели вокруг Дианы и, затаив дыхание, слушали ее рассказы о пережитом. Она не забыла материнского языка. Диана встала, пожала нам руки и сказала, что очень рада видеть всех нас снова, что она никогда не

забывала, как мы были добры к ней. Немного спустя она пошла со мной и Нэтаки в нашу палатку, осторожно подбрав юбку, обошла очаг и села напротив Эштона, который казался очень довольным, что она пришла.

— Ах! — воскликнула она, хлопнув в ладоши. — Как я все это хорошо помню, даже вид углей от разных деревьев. Вы сейчас топите тополем.

Она продолжала разговаривать, обращаясь то к Эштону, то ко мне, иногда к Нэтаки. Мы провели приятный вечер. Ягода и его жена уступили ей свою комнату и тоже перешли жить в палатку. Мы как-то не могли спросить Диану, не хочет ли и она жить в палатке: казалось, Диана отошла далеко от старой жизни, все это к ней уже не подходило.

Должен сказать, что появление Дианы вызвало сенсацию в форте, или, как его начинали называть, в городе. Погонщики быков и мулов, охотники на волков таращили на нее глаза и стояли, открыв рот, когда она проходила мимо. Игроки в карты старались изо всех сил быть ей представлены. Настоящие люди, с которыми ее знакомили, относились к ней с глубоким уважением. Ежедневно у нас бывали гости из лагеря пиеганов; женщины смотрели на нее с почтением и страхом и робко пожимали ей руку. Даже вожди пожимали ей руку и разговаривали с ней. Молодые кавалеры приходили к нам и стояли поодаль, принимая позы и наблюдая за ней уголком глаза.

Однажды утром Эштон предложил нам отправиться куда-нибудь на месяц или на два с лагерем пиеганов или же, если это не опасно, поехать самим к горам Белт или к подножию Скалистых гор. Диана стала возражать.

— Я предпочитаю не ехать, — сказала она, — ты же знаешь, что я должна скоро вернуться в школу.

Эштон, казалось, удивился, что она возражает против поездки, мы тоже удивились.

— Дорогая моя, — ответил он, — я надеялся, что тебе будет приятно совершить такое путешествие. У тебя вполне достаточно времени, чтобы поехать с нами и вернуться на Восток к открытию школы.

Но она продолжала выискивать отговорки, и вопрос о поездке отпал. Однако она говорила Нэтаки, что ей страшно хочется отправиться в прерию и снова кочевать по ней, но что долг ее — в скором времени уехать обратно.

— Ты не можешь понять, как мой вождь ко мне добр, — говорила Диана. — У меня всегда есть деньги, больше денег, чем у других девушек, больше, чем я в состоянии израсходовать. У меня красивые платья, очаровательные драгоценности. Он добр ко мне, ласков и, видимо, очень доволен, что я учусь. Я повидала вас всех и свою родину, и он не рассердился, что я приехала. А теперь поеду обратно и буду прилежно учиться.

— Какая она хорошая! — воскликнула Нэтаки, сказав мне все это. — А какая красавица! Я бы хотела, чтобы она была действительно моей дочерью.

— Глупая ты! — сказал я. — Она могла бы быть твоей сестрой, ведь ты же ненамного старше ее.

— Все равно, — закончила она разговор, — она в некотором смысле моя дочь. Разве я не заботилась о ней, не вытирала ей слез, не делала все, что только могла, когда Никогда Не Смеется привез ее в наш дом в тот ужасный день?

Глава XXVII

История Старого Спящего

Так как Диана не согласилась на путешествие с лагерем, Эштон делал все, что мог, чтобы сделать ее пребывание у нас приятным. Он купил ей лошадь и седло — совершенно излишняя покупка, так как у нас было сколько угодно и лошадей и седел, — и ездил кататься с Дианой по прерии вверх по реке, и за Титон по долине, и всюду, куда она захочет. Каждый вечер она приходила к нам в палатку и сидела в ней, то разговаривая с нами, то подолгу молча, мечтательно глядя на пламя нашего маленького очага. Девушка была загадкой для меня. Я все думал, влюблена ли она в Эштона или просто смотрит на него так, как всякая девушка на доброго и снисходительного отца. Я спросил Нэтаки, не задумывалась ли она над этим вопросом; оказалось, думала, но не могла решить, что на душе у девушки.

Однажды днем, кажется, дней через десять после приезда Диана попросилась к Нэтаки переночевать; та, конечно, согласилась. Я думал, что это просто девическая прихоть. Весь этот вечер Диана была необычно молчалива, и я несколько раз видел, что она смотрит на Эштона, когда он этого не замечает, таким взглядом, который я не мог истолковать иначе, как выражение сильной любви. Мы легли непоздно и, как обычно, спали крепко. Никто из нас не вставал рано, и нас разбудил голос Нэтаки, звавшей

всех завтракать. Мы встали, пошли в дом и сели на свои места за стол. Диана не вышла к завтраку, и я спросил Нэтаки, почему она не позвала Диану. Вместо ответа она передала Эштону какую-то записку и выбежала из комнаты. Он взглянул на записку и побледнел.

— Она уехала обратно! — сказал он. — Уехала обратно! — Он вскочил со стула, схватил шляпу и кинулся на набережную.

— В чем дело? — спросил я Нэтаки, отыскав ее в комнате старых женщин, где она тихонько сидела напуганная. — Где девушка?

— Уехала назад заниматься своей работой — читать и писать, — ответила она. — Я помогла ей донести вещи до огненной лодки, и лодка ушла.

Нэтаки расплакалась.

— Уехала, — причитала она, — уехала моя красавица дочь, и я знаю, что никогда больше ее не увижу!

— Но почему, — воскликнул я, — почему она уехала, ничего не сказав Никогда Не Смеется? Ведь это нехорошо. Зачем ты ей помогала, ты должна была прийти и рассказать нам, что она задумала.

— Я сделала, как она просила, и, если бы понадобилось, сделала бы так снова, — ответила Нэтаки. — Ты не должен меня упрекать за это. Девушка все время терзалась, терзалась, терзалась. Она думала, что вождь недоволен ее приездом оттуда, куда он ее поместил, и уехала назад одна, так как боялась, что он сочтет своей обязанностью проводить ее. Она не хочет, чтобы он портил себе хорошее лето, пропустил из-за нее какую-нибудь большую охоту.

Эштон вернулся с набережной.

— Уехала, — сказал он уныло. — Что за безумие нашло на нее? Прочтите! — и он протянул мне записку. «Дорогой вождь, — стояло в записке, — я уезжаю завтра на рассвете. Надеюсь, что ты хорошо проведешь время и настреляешь массу дичи».

— Что это нашло на девочку? — продолжал Эштон. — Как может Диана думать, что я буду «хорошо проводить время», когда она, беззащитная, едет вниз по этой проклятой реке!

Я рассказал ему все, что узнал от Нэтаки, и он заметно повеселел,

— Значит, все-таки она обо мне думает. Я не понимал, в чем дело. Мне всегда казалось, что я ее не понимаю. Но если она уехала по этой причине, то... я тоже поеду и встречу ее на пристани в Сент-Луисе.

И он так и сделал, выехав на следующий день дилижансом на железную дорогу Юнион-Пасифик через Хелину и Коринн. При расставании я сказал ему:

— Не сомневайтесь ни на минуту, ваша девочка вас любит. Я знаю это.

Дни проходили однообразно. Ягода был не в духе и беспокойно слонялся по дому; я тоже стал нервничать и тоже был не в духе. Мы не знали, куда себя девать.

— Мой отец всегда говаривал, — сказал мне однажды Ягода, — что тот, кто всю жизнь занимается пушной торговлей, — дурак. Бывает зима, когда можно схватить куш, но на следующий сезон его непременно потеряешь. Отец был прав. Давай, бросим это дело, купим на то, что у нас осталось, скота и займемся его разведением.

— Ладно, — согласился я. — Договорились. Я готов на все.

— Мы распашем немного земли, — продолжал он, — посадим картошку, посеем овес и будем выращивать всякие овощи. Я тебе говорю, будем жить превосходно.

Обоз Ягоды на бычьих упряжках только что вернулся в форт из рейса в Хелину. Мы погрузили пиленый лес, двери и окна, мебель, много провизии, инструмент, наняли двух хороших плотников и отправили обоз, а сами поехали с женщинами вперед в фургоне, запряженном четверкой лошадей. Мы избрали себе место на Бек-Фет-Крике, недалеко от подножия Скалистых гор, меньше чем в ста милях от Форт-Бентона. Там мы выбрали площадку для построек, и Ягода, оставив меня наблюдать за их возведением, уехал с двумя людьми закупать скот. Для того чтобы доставить с горы сосновые бревна на сооружение дома из шести комнат, конюшни и загона для скота, понадобилось немного времени. К тому дню, когда Ягода вернулся, привез с собой около четырехсот голов скота, я уже все подготовил к зиме, даже запас сена для упряжки и нескольких верховых лошадей.

В эту зиму пиеганы кочевали вразброд. Часть из них жила на реке Марайас, часть на Титоне, а иногда группа в составе нескольких палаток приходила и останавливалась на несколько недель невдалеке от нас. Бизонов

было довольно много, а в предгорьях мы охотились на всякую дичь. Сначала пришлось много возиться со стадом, но через несколько недель скот облюбывал себе пастбища, и после приходилось не так много разъезжать верхом, чтобы держать его в одном месте. Не могу сказать, чтобы я много разъезжал, но Ягоде это нравилось. У нас работало несколько человек, а я ездил охотиться вместе с Нэтаки, травил волков, ловил форель в глубоких ямах на речке или просто сидел с женщинами, слушая рассказы Женщины Кроу и матери Ягоды о старине.

В комнате, которую занимали Нэтаки и я, стояли грубая печка с плитой и сложенный на глине камин; такие печи мы поставили и во всех остальных комнатах, кроме кухни, где сложили большую хорошую кухонную печь. Раньше, за исключением того периода, когда мы жили в Форт-Бентоне, женщины для приготовления пищи всегда пользовались камином, и до сих пор они жарили в нем мясо и пекли бобы в переносном ящике — духовке. Кроме кровати и двух-трех стульев в нашей комнате стоял еще дешевый лакированный стол, которым Нэтаки очень гордилась. Она постоянно мыла его и стирала с него пыль, хотя стол в таком уходе совсем не нуждался, и укладывала и перекладывала содержимое его ящиков. На окне у нас висели занавески, подвязанные синими лентами; в комнате стоял еще накрытый ярким одеялом стол, который я сколотил из ящика. С одной стороны камина стояло ложе, покрытое бизоньими шкурами, с плетеными ивовыми спинками по концам. Из-за этого ложа у нас возник спор. Когда я объяснил, какое ложе хочу сделать, Нэтаки стала возражать.

— Ты меня огорчаешь, — жаловалась она. — Вот мы построили дом, обставили его красивыми вещами, — она указала на письменный стол, кровать и занавески, — и живем, как белые, стараемся быть белыми, а ты захотел испортить все это устройством индейского ложа!

Но я настоял на своем.

Однажды вечером мы посетили лагерь, состоявший примерно из тридцати палаток. Главой здесь был Старый Спящий. Он владел магической трубкой и разными другими священными предметами. Старый Спящий занимался также лечением больных, причем важную роль у него наряду с отварами трав, применявшихся наружно или внутренне, играла еще и шкура горного льва [пумы], а

также молитвы, обращенные ко льву. Когда я вошел в палатку Старого Спящего, он приветствовал меня и усадил на место налево от себя. Нэтаки уселась около входа с женщинами. Над головой старика висела его магическая трубка, закутанная в шкуры и крепко привязанная к пестам палатки. На правом конце лежа лежала разостланная по спинке шкура священной пумы. Перед стариком на большой лепешке бизоньего навоза покоилась обычная трубка из черного камня. Уже давно, как мне рассказывали, он получил во сне приказание никогда не класть прямо на землю трубку, которую курит, и с той поры соблюдает этот запрет. Как и в палатках других знахарей, никому здесь не разрешалось обходить полностью вокруг очага, оказываясь, таким образом, между огнем и лекарствами; никто не смел также выносить из палатки огонь, так как это могло бы нарушить силу магических средств хозяина.

Старый Спящий смешал табак и травку швару, мелко изрубил смесь, набил и передал мне трубку, чтобы я раскурил ее; мы стали затягиваться из нее поочередно. Когда я принимал от него трубку, я брал ее одной рукой, когда передавал ему, он схватывал чубук обеими руками, ладонями вниз, растопыривая согнутые пальцы, набрасывался на нее, подражая повадкам медведя. Так поступают все знахари — владельцы магических трубок; это знак их ордена. Мы немного поговорили о погоде, о дичи, о местах, где живет племя. Женщины поставили перед нами еду, и я поел, как полагалось. Я пришел к старику в палатку, чтобы узнать кое-что, и начал понемногу подбираться к интересовавшей меня теме. Я сказал ему, что в разное время в различных местах убивал пум. Вижу, у тебя тут шкура пумы, закончил я, ты убил ее, или это подарок?

«Солнце было ко мне благосклонно, — ответил он. — Я убил эту пуму. Все, что случилось, очень ик-ут-о-вап-и — очень магия солнца, переведем это — в высшей степени сверхъестественно.

Я был уже взрослым и сильным мужчиной. Я имел собственный дом, трех жен, которых ты здесь видишь. Все мне удавалось. Я жил счастливо. И вдруг все это изменилось. Если я отправлялся на войну, меня ранили. Если я захватывал лошадей, то терял их снова: или они издыхали, или их крали, или они калечились. Хотя я усердно охотился, мне почему-то часто не удавалось

вернуться домой с мясом. А потом пришло самое худшее — болезнь. Какой-то злой дух вселился в меня и временами схватывал за сердце так, что я испытывал ужасную боль. Он хватал меня, где бы я ни находился, что бы ни делал, и боль бывала так сильна, что у меня кружилась голова, я шатался, а иногда просто падал и на короткое время умирал (падал в обморок). Я лечился, просил знахарей молиться за меня, давал лошадей то одному, то другому. Мне не становилось лучше, и я совсем обеднел. Наконец у нас осталось так мало лошадей, что их хватало только для перевозок имущества при кочевках лагеря. Отряды больше не брали меня с собой в военные походы: боялись, что я умру у них на руках или как-нибудь навлеку на них несчастье. Мне рассказали об одном человеке из племени гро-вантров, который страдал тем же недугом. Он купил магическую трубку, обладавшую большой силой, и при ее помощи поправился. Мне говорили, что он согласен продать трубку, но я не мог ее купить. У меня не оставалось пятнадцати или двадцати лошадей, чтобы заплатить за нее, я не мог дать даже одной. Я предпочитал умереть, чем допустить, чтобы мои женщины совершали переходы пешком. У меня не было родственников, которые бы мне помогли, не было таких родственников и у моих женщин. Да, я жил очень бедно. Все-таки я как-то сохранял бодрость, пытаюсь всячески поправиться и добывать на жизнь для себя и семьи. Наконец мои припадки, когда я на время умирал, стали так часты, что я перестал ездить на охоту и вообще куда бы то ни было иначе как в сопровождении одной из жен. Они не позволяли мне уезжать одному.

Вот эта жена, последняя, отправилась однажды со мной на охоту. Мы в то время стояли лагерем на Пи-истум-ис-и-сак-та (Дип-Крик) далеко вверх по реке, у ее истоков. Мы пошли пешком в сосны на горах Белт в поисках любого мяса. Лагерь стоял в этом месте уже более месяца, и все животные ушли к дальним предгорьям и повыше в горы. Мы долго шли, пока обнаружили много свежих следов. Наконец высоко на склоне горы я увидел маленькое стадо вапити, переходившее через полянку, оно скрылось в окружающем лесу. Ветер дул с подходящей стороны, и я пошел за ними; жена моя шла по пятам. Вапити спустились в глубокую лощину, пересекли речку на дне ее и поднялись по противоположной стороне. Но

когда мы подошли к речке, то остановились, потому что на тропе поверх следов копыт вапити виднелись свежие следы медведя, и очень крупного. Он тоже вышел охотиться и опередил меня, идя по следам вапити. Я оставил их медведю и повернул назад. Я не хотел встречаться с ним там, среди густых сосен. Мы снова выбрались на полянку и вошли в лес в другом направлении, чтобы подняться к вершине горы. Мы снова обнаружили свежие следы вапити и очень осторожно, шаг за шагом стали продвигаться по следам, всюду высматривая этих животных. Наконец мы подошли к подножию высокой скалы. Под ней лежали осыпавшиеся камни, росли кусты, низенькие сосны. Впереди нас прямо на солнце, подвернув морду к боку, лежал вапити, двухгодовалый самец, он крепко спал. Я взял с собой только лук и стрелы. Чтобы стрелять наверняка, нужно было подобраться близко выше или ниже его, потому что животное лежало вдоль выступа скалы, и я приблизился к нему сзади. Стрелять в круп бесполезно. Я должен был пронзить стрелой его спину сверху или же стрелять ему в бок снизу вверх. Я решил пройти вдоль подножия скалы и стрелять вниз. Никогда я не шагал более осторожно и более медленно, чем в этот раз. Мне нужно было убить этого вапити, потому что мы сидели без мяса и уже несколько дней жили тем, что нам давали более удачливые охотники. Жена моя остановилась и села, чтобы я мог легче приблизиться. Я оглянулся и увидел, что она смотрит на меня, на вапити, делая мне знаки, чтобы я был осторожен. Я стал шагать еще осторожнее, если только это было возможно, и наконец занял удобную позицию для выстрела. Я согнул лук и отпустил тетиву. Я видел, как стрела вонзилась в вапити, видел, как он пытался встать, видел, как кровь хлынула у него из ноздрей, и тут мое сердце схватила боль! Я зашатался и умер.

Я долгое время пролежал мертвым, потому что, когда я ожил, солнце уже село и последние оставшиеся еще краски побледнели. Я лежал в углублении вроде пещеры, куда моя жена перенесла меня. Я чувствовал себя слишком слабым, чтобы встать. Она принесла много сучьев и развела небольшой костер у входа в пещеру. Потом она принесла воды в куске шкуры вапити и мяса. Я напился, и она накормила меня: дала мне жареной печенки, мозговую кость, почку, но я не был голоден и смог проглотить

только несколько кусочков. Она тоже не могла есть, нам было очень грустно. Оба мы знали, что на этот раз я чуть не умер на самом деле. Она подошла ко мне, легла рядом и стала гладить мой лоб, уговаривая не падать духом; через некоторое время я уснул. Тогда моя тень отошла от измученного тела. Я был свободен, легок, как пузырек на воде. Я чувствовал, что могу отправиться куда захочу и в состоянии понять все. И вот, как будто меня кто-то вел или показывал дорогу, я вышел к красивой, новой большой палатке, стоявшей одиноко на краю рощи, в глубокой, широкой долине, по которой текла прекрасная река. Не колеблясь, без всякого смущения я поднял входной полог и вошел в палатку. Хозяин ее, старый-старый человек, приветствовал меня, усадил рядом с собой и велел своей жене приготовить поесть. Мы курили, и он задавал вопросы. Я рассказал ему все, всю свою жизнь и как я сейчас страдаю. «Так, — повторял он все время, — так, так, знаю, понимаю».

Мы поели то, что женщины поставили перед нами, и он снова набил трубку. «Слушай, — сказал он, когда мы закурили, — слушай. Когда-то я страдал, как ты сейчас, и подобно тебе искал помощи всюду, всякими способами и наконец получил ее. Волосы мои побелели, кожа в морщинах, я очень, очень стар. Но и сейчас я крепок и здоров и сам добываю мясо для этой палатки. И все потому, что я нашел себе могущественного целителя. Я жалею тебя. Сейчас я тебе скажу, что мне было велено сделать. Слушай внимательно мои слова, следуй моему совету, и ты тоже доживешь до глубокой старости.

Прежде всего о твоей болезни: чей-то дух, может быть дух убитого тобой врага, каким-то образом проник в твое тело и вызвал злокачественную опухоль в твоем желудке. Ее нужно удалить, потому что она все растет и растет и давит на сердце. Если не остановить рост опухоли, то она скоро будет давить так сильно, что сердце не сможет работать; тогда — смерть. Ты должен убить горного льва и велеть выделателю шкуру, оставив когти на лапах. Смотри за этой шкурой как следует, ночью подвешивай ее или клади в изголовье своего ложа. Ложась спать, молись, говоря: «Хайю, создатель когтей, хайю, создатель острых рвущих когтей, молю тебя, помоги мне. Вырви когтями эту опухоль, которая угрожает моей жизни и обязательно убьет меня, если ты мне не поможешь!» Так ты должен

молиться создателю когтей, тени самого древнего горного льва. Ты должен выучить три песни». — Он научил меня петь их (тут старик спел их; нечего и говорить, что пел он с тем глубоким, искренним чувством, какое верующие вкладывают в священные песнопения). Он сказал мне также, что я всегда должен класть свою трубку на лепешку бизоньего навоза, так как бизон — священное животное, и чтобы, молясь, я выпускал дым на все четыре стороны света,верху — к живущим над нами, книзу — к нашей матери (земле). Тогда мои молитвы будут действовать сильнее.

Должно быть, то место, где я нашел этого доброго старика, находилось очень далеко, так как тень моя вернулась к моему телу, только когда уже взошло солнце. Я проснулся и увидел, что оно светит в пещеру. Жена моя снова развела огонь и готовила на нем еду.

— Оставь это пока, — сказал я, — иди, посиди со мной.

Я рассказал ей все: где я был, что добрый старик говорил мне, и она обрадовалась. Тут же мы повесили как приношение половину стрел из моего колчана и язык убитого мной вапити. Потом мы отправились домой. Жена моя несла столько мяса, сколько была в состоянии поднять. Я мог нести очень мало.

У меня было северное ружье [производства Компании Гудзонова залива], но не было ни пороха, ни пуль; единственный кремень уже никуда не годился. Я взял на время у одного друга капкан и в короткий срок поймал им шесть бобров. Другой мой друг, отправлявшийся в Форт-Бентон продавать шкуры, взял с собой моих бобров и принес то, в чем я нуждался, — новые кремни, порох и пули; я начал охотиться на пум. Я никогда раньше не охотился на пум, никто из нашего племени не охотился на них. Один человек случайно встретил и убил пуму; его считали счастливым, так как шкуры этих зверей всегда использовались как магическое средство. Из них делают чехлы для луков и колчаны; иногда владельцы шкур покрывают ими седла. Применение их в этом виде приносит верный успех на охоте и на войне. Итак, я никогда не охотился на этого зверя, но теперь должен был обязательно убить его. Снова жена и я отправились пешком в горы. Я взял и ружье и лук, чтобы убить дичь на мясо. Беззвучная стрела не спугивает никого; треск ружейного выстрела

будоражит всех: спящие животные просыпаются, насто-
раживают уши, нюхают воздух и выжидают.

Мы шли вдоль берега реки. Тут и там на грязи и
мокром песке ясно виднелись отпечатки лап зверя, кото-
рого я искал, но только отпечатки — ничего больше. Мы
вошли глубоко в лес. Хотя здесь, может быть, проходило
много пум, но они не могли оставить никаких следов на
сухих опавших листьях. Мы поднялись выше, идя лесом
туда, где господствует камень, а деревья делаются мел-
кими и низкими. Там мы просидели весь день, выглядывая
из кустов, окружавших это место. Один раз нам встре-
тился небольшой черный медведь, в другой раз — куница,
но больше мы не видели ничего живого, кроме маленьких
птиц и орлов, лениво круживших около нас. Но незадолго
до захода солнца к нам приблизились пасшееся тут стадо
горных баранов; они шли по ветру. Я наложил на лук
стрелу и застрелил барана, маленького молодого самца.
Он заблеял и упал; остальные сначала убежали в ис-
пуге, потом вернулись вместе с его матерью и стали с лю-
бопытством глядеть на него, осматриваться кругом, ста-
раясь понять, что произошло. Тогда я застрелил мать. Мы
оставили ее на месте, рассчитывая на следующий день
найти около нее пуму, взяли детеныша, сошли вниз с горы
и заночевали у ручья.

Так провели мы много дней. Мы устраивали ночлег
там, где нас заставляла ночь, и возвращались домой, только
когда палатка нуждалась в мясе или когда лагерь пере-
ходил на новое место. Так прошло лето, и за все это время
мы ни разу не видели зверя, которого я искал. Дважды
за это время я умирал, и каждый раз на более продол-
жительное время, чем раньше. Я совсем пал духом. Я не
сомневался в сказанном мне во сне и был уверен, что ста-
рик говорил правду, но чувствовал, что умру раньше, чем
сумею выполнить все, что он мне велел. От гор Белт мы
перешли на Желтую реку, оттуда, переправившись через
нее, к горам Сноуи. Затем наступила зима; на высоких
склонах выпал снег, спускавшийся все ниже и ниже, пока
горы не побелели до самой равнины. Теперь ничто слу-
чившееся ночью не оставалось скрытым от меня: куда бы
я ни пошел, снег рассказывал мне обо всем так же ясно,
как если бы кто-нибудь присутствовал при этом, видел
все, а потом передал мне. Вот здесь прошли, паслись,
играли и отдыхали олени и вапити; здесь бродил медведь,

переворачивая бревна и камни. Я находил следы волков, койотов, рыси, лисиц; все они охотились на свой лад, чтобы набить себе чем-нибудь брюхо. А вот, что это за куча ветвей кустарника, сучьев и листьев, грязного снега и земли? Из кучи торчит рог. А вот дальше кровь: что-то тащили по снегу. Ага! Вон, вон там следы, большие круглые отпечатки лап близко друг к другу. Здесь ночью пума набросилась на самца оленя, убила его, наелась досыта, а остальное оттащила к логову и прикрыла валежником, какой смогла наскрести. Так я объяснил все это жене.

— И пума не ушла далеко отсюда, — добавил я, — брюхо у нее наполнено. Она лежит где-нибудь поблизости и спит.

Но что мне было делать? Спрятаться поблизости и ждать ее возвращения? Она может не вернуться до поздней ночи, а тогда я ее не увижу. Она может, приблизившись, почуять меня, повернуть назад и больше не появляться. Нет, я должен выследить ее. Я пойду так же осторожно, как шла она сама, подползая к оленю, готовясь к прыжку. Я увижу ее раньше, чем она проснется и заметит меня; я убью ее там, где она лежит. Так я обдумывал, что делать. Я объяснил своей жене, что она должна следовать за мной в отдалении, настолько близко, чтобы временами видеть меня, но не ближе. Жена радовалась.

— Ты ее обязательно убьешь, — говорила она.

Я был рад и взволнован. После стольких месяцев наконец найден след, по которому можно идти, и притом на снегу, а это почти то же, что увидеть вдалеке зверя и приближаться к нему. Подумай же, друг, подумай, какое я испытал отчаяние, когда обнаружил, что почти на виду у нас около засыпанной туши оленя зверь лежал на большом бревне, видел, как мы разговариваем, и большими прыжками скрылся в темном лесу! Этого я не мог вынести. Снова у меня закружилась голова, я зашатался и умер еще раньше, чем упал на снег.

На этот раз жена доставила меня домой, вернувшись за лошадью для меня. Много дней я пролежал в палатке, слабый, с отчаянием в сердце. Я совершенно пал духом. Друзья приходили подбодрить меня. Жены их приносили отборное мясо, языки, сушеные ягоды, суп, всякие вкусные вещи. Мы ели хорошо, и день ото дня силы мои восстанавливались. Наконец как-то вечером один мой друг, уезжавший на охоту, вбежал в палатку.

— Къи! — сказал он. — У меня для тебя хорошие новости. В верхнем конце одного каньона, идя по следам раненого оленя, я нашел отверстие среди камней. От него к воде ведет хорошо утоптанная тропа; у воды она разделяется на много маленьких тропок. Там живет горная львица со своими детенышами. Я не спугнул их, даже не убил оленя, которого выследил до этого места, но немедленно отправился сюда рассказать тебе об этом.

У меня опять появилась надежда, и, как только рассвело, я отправился к тому месту вместе со своим другом и женой. Мы поехали на юг, затем вверх по реке, привязали лошадей и вошли в каньон с высокими стенками. Оттуда было недалеко до пещеры. Ночью выпал снег; к пещере вели совсем свежие следы. В ней находились мать и трое детенышей, уже подросших. Они сидели где-то там в темноте, может быть, наблюдая за нами.

Я боялся, конечно. Бывало, что эти звери убивали людей, проникавших в их логово. А у этой пумы были детеныши, тем более свирепо будет она защищаться. Да, я боялся, но, несмотря на это, должен был войти внутрь. Не все ли равно, умереть там или где-нибудь в другом месте от болезни, которой я страдаю. Я приготовился войти. Жена моя плакала и просила меня не входить в логово. Друг мой предложил, чтобы мы сидели и ждали выхода зверей. Я как следует уложил затравку на полке ружья, взял нож в зубы, стал на четвереньки и пополз внутрь. Вход представлял собой узкую, низкую дыру в стенке каньона; я своим телом почти совсем заслонил свет, но все же его оставалось достаточно, чтобы смутно видеть, что впереди. Я пополз немного и увидел перед собой два красно-зеленых глаза — широко раскрытые огромные глаза. Я пригнулся пониже, чтобы впустить больше света, и увидел старую пуму, ее уши, туго прижатые к голове, увидел, как кончик ее хвоста ходит из стороны в сторону. Пума заворчала негромко, без злобы. Она лежала на брюхе, и ее передние лапы двигались вперед, назад, отыскивая надежную точку опоры: она готовилась к прыжку. Менее ясно я видел позади нее детенышей. Я стал медленно поднимать ружье, но раньше, чем я смог прицелиться, она прыгнула. Я выстрелил. Пуля попала в нее во время прыжка; она навалилась на меня всем телом и вышибла из меня дух; я снова умер,

Меня вытащили из пещеры, и, пока жена хлопотала надо мной, мой друг вошел в логово, застрелил из лука трех детенышей и вытащил их вместе с телом матери. Пуля попала ей прямо в грудь. Наконец-то я добыл то, что мой сон велел мне; я стал молиться и петь песни, как мне велел старик. Прошло немного ночей. Однажды, сидя на своем ложе, я помолился и спел первую из песен. Только что я кончил петь, как что-то внутри меня лопнуло, и изо рта потекли кровь и гной. Боли я не чувствовал. Через некоторое время кровь перестала течь. Я выполоскал рот, встал и стал ходить по палатке. Здесь, в боку, я больше не ощущал давления. Я чувствовал легкость, казалось, я мог бы бегать и прыгать, и мне хотелось есть. Я знал, что случилось: в точности, как предсказывал старик, опухоль внутри меня была разодрана когтями. Я выздоровел. На следующий день мы принесли в благодарность большую жертву. С тех пор я здоров. И мало того, мое магическое средство излечило многих больных. Кьи!»

Вот один из рассказов, которые я слышал в ту зиму и занес в записную книжку. Поистине, нет ничего лучше веры и бодрости духа для излечения болезней духа и тела.

Для нас с Нэтаки зима была счастливой. Она оказалась счастливой для всех, кроме Ягоды, который с трудом терпел «бесконечные холодные снежные дни». Не знаю, сколько раз он ходил в низину и обмерял ее. Столько-то акров здесь под овес, столько-то там под картошку, под турнепс, под горох. Мы можем, говорил он, купить много свиней и разводить поросят, не только скот. Весна наступила ранняя. К концу марта мы согнали быков и запрягли их в плуги. Старая миссис Ягода и Женщина Кроу подготовили небольшой участок в излучине реки и сортировали семена, полученные в отдаленные времена от своих племен, манданов и арикара. Я ничего не понимаю в пахоте и посадке да и не хотел этому учиться.

Нэтаки и я объезжали стада скота и обнаружили, что телята исчезают почти с той же быстротой, с какой рождаются. Волков было много.

— Ах, как хорошо и спокойно! — воскликнула она, когда мы медленно возвращались верхом, проведя день в объездах пастбищ скота. — Наш прочный, теплый дом, наша уютная комната! Рабочие сажают и сеют для нас, наш хороший мясной скот пасется на холмах. Насколько

все это лучше, чем жить в лагере, кочевать с места на место по беспредельной прерии, ежеминутно ожидая услышать крики врагов и свист пуль.

— Ну, не знаю, — ответил я. — Здесь неплохо. Мне нравится место, которое нравится моей маленькой жене. Но разве ты забыла, как весело мы жили в лагере: танцы и пиры, большие охоты, истории, которые мы слушали вечерами. Все это ведь очень интересно, Нэтаки.

— Стыдись! — воскликнула она. — Право, я думаю, что ты индеец, хоть у тебя и белая кожа. А я хочу быть белой, жить, как белые, и я просто заставлю тебя так жить. Слышишь! Ты должен бросить эти индейские привычки.

В июне на наших полях с ростками посевов выпал снег толщиной больше фута, а когда он растаял, ударил мороз и все замерзло. Ягода чертыхался громко и часто. В июле и августе мы пытались насушить сена, но, как только мы накапывали траву, ее портили дожди. Осенью у нас нечего было молотить, не было ни картошки, ни турнепса, ни даже капусты, чтобы заполнить наш большой овощной сарай. После осеннего клеймения скота оказалось, что численность его увеличилась только на 15 процентов. Остальные 45 процентов, которые мы рассчитывали получить, съели волки.

— Устройство ферм для разведения скота, — сказал Ягода, — напрасно расхваливают, это совсем не то. Давай распродадим все и займемся опять торговлей. Во всяком случае в нашем деле больше веселого и интересного.

Я, конечно, согласился с ним, и он поехал в Форт-Бентон искать покупателя для фермы. Покупателя он нашел, но тот не хотел заключать сделки до весны, и мы провели на ферме еще одну зиму, для некоторых из нас тоже счастливую, для нас с Нэтаки во всяком случае. Господи, что могло помешать нам быть счастливыми? Мы были молоды, любили друг друга; какое нам было дело до всего остального?

Глава XXVIII

Диана выходит замуж

Май застал нас опять в нашем маленьком домике в Форт-Бентоне, но обосновались мы там ненадолго. Ягоде не терпелось взяться за дело, и, узнав, что продается форт Конрад, мы купили его. Этот форт, как я уже упоминал, был построен в верхнем конце большой долины на реке Марайас, где рукав Драй-Форк соединяется с главным руслом. Форт Конрад был невелик — всего два ряда соединенных между собой бревенчатых домиков с конюшнями и загоном на западном конце. Весь форт занимал три стороны квадрата. Но он стоял в хорошем месте, так как тут можно было рассчитывать на закупку шкур бизона, и, кроме того, через него проходил путь из Форт-Бентона в форт Маклеод, и в летнее время по этой дороге начиналось очень оживленное движение людей и перевозка грузов. Особенно радовались покупке форта наши женщины. Они с сожалением покинули наш дом на Бек-Фет-Крике, а теперь появился новый, дальше от гор, в местности, где лето более жаркое и долгое.

— Здесь, — говорила Женщина Кроу, — мои бобы, маис и тыквы будут расти по-настоящему. Я рада.

— Вот счастье, — сказала Нэтаки, когда мы сидели в тени большого тополя у реки. — Смотри, как хороши эти деревья там наверху и внизу и красивый остров с молодым леском. А со всех сторон высокие крутые холмы — защита от зимних ветров.

— Да, — ответил я, — славное место. Оно мне нравится больше, чем прежнее.

— Скажи мне, прошу тебя, — продолжала она, наклонившись и притянув меня к себе, — скажи: мы будем жить здесь всегда, жить здесь до самой смерти, и нас похоронят вон там, за рекой, где растут большие деревья.

Я повторил ее слова и добавил: «Если будет возможно». Я увидел, как выражение радостного ожидания в ее глазах внезапно сменилось болью.

— Зачем, — спросила она, — ну зачем ты все испортил? Разве ты не знаешь, что можешь сделать все, что захочешь?

— Нет, не могу, — ответил я. — Никто не может всегда делать только то, что захочет. Но не будем заранее беспокоиться. Мы постараемся жить здесь всегда.

— Да, — вздохнула она, — постараемся. Не будем унывать. О доброе Солнце, милостивое Солнце! Смилуйся над нами! Дай нам дожить здесь в мире и счастье до глубокой старости.

Уже в то время мы с Ягодой представляли себе наступающие перемены, но нам и не снилось, что они так близки. Мы надеялись, что старое, вольное, беззаботное время продержится еще не меньше пятнадцати — двадцати лет.

Однажды вечером без предупреждения, не написав ни строчки о намерении посетить нас, к нам из Форт-Бентона приехали Эштон и Диана. Они прибыли в форт на пароходе только накануне. Нельзя было представить себе большей радости, чем снова приветствовать их здесь. Нэтаки буквально плакала от радости, обнимая свою «дочь». Мы сразу заметили большую перемену в Эштоне. Его уже нельзя было называть Никогда Не Смеется: он начал шутить и смеяться, не успев вылезти из фургона, глаза его весело блестели, он бегал кругом фургона, как мальчик, беспечно выбрасывая из него вещи. Грустный, серьезный, молчаливый, медленный Эштон как будто переродился. Нам было приятно видеть эту перемену, мы радовались вместе с ним.

А Диана? Да, вот это была женщина! Мне не хватает слов, я не могу описать ее. Настоящая Диана лицом и фигурой, но с душой благородной, человеческой, любящей, нежной женщины, чистой, хорошей. Кто мог бы поверить, что это та худенькая, хрупкая, большеглазая девочка,

которую Эштон спас и привез в нашу палатку всего несколько лет назад! Возможно ли, что эта очаровательная, воспитанная, утонченная женщина родилась в палатке и кочевала со своим племенем по прерии, следуя за передвижением стад! Это казалось невероятным.

Какой счастливый вечер мы провели! Как была оживлена и ласкова Диана, сидевшая то с Нэтаки, то со старыми женщинами, с любовью сжимая их в своих объятиях, расспрашивая обо всех мелких каждодневных событиях их жизни. Образование, путешествия, знакомства с широким миром не вскружили ей голову. Люди ее крови оставались ей дороги, как и раньше. Она сказала мне, что взяла за правило ежедневно произносить в своей уединенной комнате несколько фраз на языке черноногих, переводить один-два стиха с английского на материнский язык, чтобы не забыть его.

Я старался мысленно найти причину перемены в Эштоне. «Может быть, — думал я, — он влюбился в Диану, собирается на ней жениться, он, возможно, уже женился на ней?» Я взглянул на ее руку: на ней не было обручального кольца.

Разошлись мы поздно. Диана ушла со старыми женщинами в их комнату, Эштон — в имевшуюся у нас свободную комнату. Когда мы остались одни, Нэтаки подошла, прижалась ко мне и тяжело вздохнула.

— В чем дело? — спросил я. — Что тебя огорчает?

— Ах, — воскликнула она, — я так расстроена! Сколько уже времени я молюсь, чтобы это случилось, и ничего не получается. Почему он не женится на моей дочери? Может быть, он считает, что она для него недостаточно хороша? Или он не любит ее? Как он может не любить такую красивую, такую хорошую, с таким верным сердцем?

— Маленькая, — сказал я, — не будь нетерпеливой. Я думаю, что все уладится. Разве ты не заметила, как он изменился, как он смеется, как у него блестят глаза? Я уверен, что он ее любит, и если он еще не предлагал Диане выйти за него замуж, то попросит, когда сочтет, что настало подходящее время.

Мы и не подозревали, как близко это время, какое неожиданное и драматическое событие приблизит его. Дело было вечером через несколько дней. Эштон покуривал, сидя за столом в моей комнате, В камине тлел огонь,

изредка вспыхивая и освещая грубые бревенчатые стены, и снова угасал, оставляя все в смутной тени. Диана и Нэтаки сидели вдвоем на ложе. Я валялся на кровати. Мы молчали, занятые каждый своими мыслями. На маленькую площадку перед домом въехал фургон, запряженный лошадьми, и мы услышали через открытую дверь серебристый взволнованный голос, спросивший: «Не можете ли вы мне сказать, сэр, живет здесь сейчас мистер Эштон?»

Эштон вскочил со стула, сделал несколько шагов, остановился, что-то обдумывая, потом вернулся назад и снова сел на свое место.

— Да, сударыня, — говорил Ягода, — он здесь. Вы найдете его вон в той комнате.

Она вошла поспешно, не заметив нас. Пламя вспыхнуло и осветило бледное, суровое лицо Эштона. Она быстро подошла к нему и положила руку ему на плечо.

— Дорогой мой, — сказала она, — наконец-то я нашла тебя. Я писала тебе несколько раз. Разве ты не получал моих писем? Я свободна, свободна, ты слышишь? Я получила развод, я приехала сказать тебе, что все это было ошибкой, просить у тебя прощения, просить...

— Диана, девочка моя, поди сюда, — произнес Эштон тихо, прерывая вошедшую.

Девушка встала, приблизилась и вложила свою руку в протянутую к ней руку Эштона. Женщина — высокая, красивая, голубоглазая блондинка — стояла, глядя на них с удивлением и страхом, судорожно сжимая руки на груди.

— Диана, дорогая моя, — продолжал Эштон, с любовью глядя ей в лицо, — ты выйдешь за меня замуж?

— Да, вождь, — ответила она ясным, твердым голосом. — Да.

Он встал и, обняв ее одной рукой, повернулся к другой женщине.

— Сэди, я прощаю тебе все нарушенные обещания, неверность, годы несчастной жизни, которые я провел, пытаюсь забыть. Я наконец нашел мир и счастье благодаря моей дорогой девочке, которая стоит здесь рядом со мной. Спокойной ночи и прощай. Ты, конечно, уедешь обратно в город рано утром.

Продолжая обнимать талию Дианы, он вышел вместе с девушкой из комнаты. Женщина опустилась на стул,

с которого он встал, пригнулась к столу, закрыв лицо руками, и горько зарыдала. Нэтаки и я встали, пересекли комнату на цыпочках и тоже вышли в темноту на двор.

— Ах! — воскликнула моя маленькая жена, когда мы уже далеко отошли от форта. — Ах! Почему ты не научил меня своему языку? Говори скорее, кто она. Что они говорили, что он сказал моей дочери?

Я объяснил все, как мог лучше, и Нэтаки чуть с ума не сошла от радости. Она плясала, целовала меня, уверяла, что я умный мальчик. Я надеялся, что она права. Впрочем, мне не казалось, что мной что-нибудь сделано, чтобы содействовать столь желанному концу дел в отношениях Эштона и Дианы. Мы набрали на них на берегу; они сидели на ближнем конце нашего паромы.

— Идите сюда, — позвал Эштон.

Диана вскочила и обняла Нэтаки; они пошли вдвоем обратно, к дому.

— Поздравляю, — сказал я. — Вы нашли мир и счастье, как вы правильно выразились несколько минут тому назад. Вы не можете не быть счастливым с Дианой.

— А! — воскликнул он. — Ведь она... милый мой, я не могу выразить словами, что она для меня значит уже с давних пор. Я чувствую, что недостойн ее. И все-таки она меня любит преданно, глубоко. Она сказала мне это сейчас здесь.

— Но как быть с той, с другой? — осмелился я спросить. — Что мы будем с ней делать?

— Не может же она возвращаться назад сегодня ночью. Пусть Нэтаки накормит ее и устроит на ночь; ее кучер, я полагаю, сумеет сам о себе позаботиться.

— Эта женщина — несчастье всей моей жизни, — добавил он. — Я любил ее глубоко, преданно. Она обещала выйти за меня. Я верил, как веришь родной матери, что она хорошая, что она будет верна. Но она отказала мне, предпочла выйти за более богатого. А сейчас, сейчас... ну, хватит о ней. Пойду, найду Диану и позову ее гулять.

— У нас есть холодное вареное мясо, — сказала Нэтаки, — хлеб и тушеная рябина. Раз она приехала в страну индейцев охотиться за мужем моей дочери, то хватит с нее и этого. Я устрою ей постель из бизоньих шкур и одеял, хоть она того не стоит.

Но женщина не захотела есть. Нэтаки постлала ей в лавке на полу, и там мы оставили приезжую наедине с

собственными мыслями, наверное горькими. Утром она захотела увидеть Эштона, попросила меня передать, чтобы он зашел к ней на минуту. Я сообщил, что он уехал на охоту и вернется только вечером. Она выражала нетерпение по поводу медлительности кучера, запрягавшего лошадей, отказалась от всего, выпила только чашку кофе, которую я ей принес. Наконец лошади были запряжены, она села в фургон и уехала, ни разу не оглянувшись назад, даже не поблагодарив за ночлег. Так она ушла из жизни Эштона.

Я сказал правду: Эштон действительно уехал на охоту. Он и Диана выехали, как только встало солнце, но мне думается, что они не уехали далеко и стояли на каком-нибудь холме неподалеку, чтобы видеть отъезд нашей гостыи. Как только фургон пересек долину и взобрался по склону холма в прерию, они вернулись, довольные и веселые, как дети, и мы все сели завтракать.

— Это, так сказать, наш свадебный завтрак, — сказал Эштон, когда все уселись.

— Вот как? Вы сегодня едете в форт венчаться? — спросил Ягода. — Вы не успеете, если выедете так поздно.

— Нет, — ответил он неуверенно. — Нет. Мы с Дианой переговорили об этом и решили, что простой свадебный контракт, подписанный свидетелями, имеет такую же законную силу, как и брак в присутствии мирового судьи или венчание, совершенное священником. Мы хотим составить такой контракт сегодня утром. Как вы думаете?

— По-моему, все в порядке, — ответил Ягода.

— По-моему, тоже, — подтвердил я.

— Мои родители поженились без всякого обряда, — заметила Диана. — Во всяком случае все, что устраивает моего вожда, устраивает и меня.

Она взглянула на него через стол, и в глазах ее светились безграничная любовь и вера.

Нэтаки, сидевшая рядом со мной, тихонько сжала мое колено, такая у нее была манера спрашивать, что говорят. Я передал ей, но она ничего не сказала по этому поводу и оставалась за завтраком молчаливой. Старухе и миссис Ягоде эта идея понравилась.

— Ай, — воскликнула Женщина Кроу, — пусть он составит бумагу. Этого достаточно; то, что написано, не может быть ложью. Зачем нужно, чтобы Черные Платья произносили много слов? Люди женились и жили счастливо

всю жизнь вместе еще до того, как мы услышали об этих произносящих разные слова. Можно так жениться и сейчас.

Но после завтрака Нэтаки отозвала меня в сторону.

— Этот способ с записью надежен? Она наверное станет его женой? — спросила она. — Женой по законам белых?

— Конечно, — ответил я, — это будет брак, который так же нельзя отрицать, как и наш. Столь же прочный, как если бы тысяча Черных Платьев, вместе взятых, произнесли нужные слова.

— Тогда хорошо. Я рада. Пусть пишут сейчас же. Я хочу видеть свою дочь замужем, счастливо живущей с этим хорошим человеком.

Тут же на обеденном столе, убрав посуду после завтрака, Эштон и я составили этот документ. Кроме даты и подписей в нем стояло:

«Мы, нижеподписавшиеся, настоящим удостоверяем свое согласие жить вместе как муж и жена, пока смерть не разлучит нас».

Короткий документ, правда? Они подписали его. Подписали и мы с Ягодой в качестве свидетелей, а женщины стояли рядом и с интересом наблюдали за ними. Затем Эштон обнял Диану и нежно поцеловал ее в нашем присутствии. На глазах девушки были слезы.

Вы видите, как искренне и открыто они вели себя в нашем присутствии. Они ничуть не стыдились своей любви. Нам было приятно видеть это. Мы чувствовали себя свидетелями чего-то священного, облагораживающего нас, что вызывало у нас хорошие мысли, заставляло нас желать вести лучшую жизнь.

Новобрачные вышли, снова сели на лошадей и провели весь день где-то в обширной прерии, которую Диана так любила. Вечером они возвратились; мы видели, как их лошади медленно шли рядом.

— Солнце милостиво, — сказала Нэтаки, — оно услышало мои молитвы и дало им полное счастье. Скажи мне, ты любишь меня так же сильно, как он любит мою красавицу дочь?

Неважно, что я ответил. Кажется, ответ был удовлетворительным.

Брачный контракт мы отослали в Форт-Бентон, и секретарь графства зарегистрировал брак. Если только конт-

ракт не сгорел во время пожара, уничтожившего здание суда несколько лет спустя, то интересующиеся могут найти там копию документа. Подлинный контракт после приложения печати графства был, как полагается, возвращен обратно и вручен Диане.

Теперь мы стали готовиться к долго откладывавшейся охоте. Нэтаки послала за своей матерью, я за своими друзьями Хорьковым Хвостом и Говорит С Бизоном; всего набралось три палатки. Когда все прибыли, мы выступили прекрасным июльским утром в западном направлении к озерам Ту-Медисин-Лейкс. Проезжая мимо Медисин-Рока, Нэтаки серьезно, а Диана полушутливо возложили на камень маленькие жертвоприношения: первая положила ожерелье из бус, а вторая бант из своей прически. На протяжении десяти — двенадцати миль тропа сначала шла по волнистой прерии; тут мы видели антилоп и несколько бизонов. Хорьковый Хвост отъехал в сторону и убил антилопу, жирную нетельную самку, избавив нас с Эштоном от необходимости добывать мясо в такой жаркий день. Ехать стало приятнее, когда мы снова спустились в долину реки Марайас, где тропа вилась среди прохладных тополевых рощ, переходя то на один, то на другой берег реки; мы переезжали вброд мелкую, покрытую рябью реку, и наши лошади пили, как будто никак не могли напиться. К концу дня мы приехали в Уиллоус-Раунд, широкую круглую речную долину, где старый Гнедой Конь перестал, как он сам говорил, странствовать и построил себе дом. В те времена этот дом, наш форт Конрад и форт Моза Соломона в устье реки были единственными поселениями по всей длине Марайаса. Сейчас все до единой долины по обеим ее сторонам, даже самые малые, засушливые и никуда не годные, обнесены чьей-нибудь проволочной оградой.

Мы поставили наши палатки около нового домика из очищенных от коры блестящих бревен и отправились осматривать его. Гнедой Конь поздоровался с Дианой с явным смущением. Со своими деликатными, изящными манерами, одетая в изумительный, шедший к ней костюм для прогулок, она казалась ему существом из далекого неведомого мира. Здороваясь, он назвал ее «мисс Эштон». Я поправил его. «Миссис Эштон, — повторил он, — прошу прощения, мэм».

Диана подошла и положила ему руку на плечо.

— Милый друг, и это все, что вы можете сказать мне при встрече? — спросила она. — Вы даже не поздравили меня.

Его скованность сразу исчезла. Он наклонился и коснулся ее щеки губами.

— Бог с вами, — сказал он, — желаю вам самого полного счастья. Вашу руку. Вот так.

Вечером Гнедой Конь принес связку превосходных бровых шкур и бросил их у входа в нашу палатку.

— Вот тут кой-чего, — обратился он к Диане, — это вам свадебный подарок. Из них выйдет теплая шубка для вас. Что-то скотоводство мне не по сердцу. Уж очень одинокое существование; я не выдерживаю и время от времени ухожу расставлять капканы.

Медвежья Голова жил в палатке рядом с Гнедым Конем. Он пас его скот и вообще помогал ему. Но когда мы приехали, он бросил работу у Гнедого Коня и велел жене готовиться сопровождать нас. Суровые горы звали к себе и его. Теперь у нас было уже четыре палатки. Самая большая из них, палатка Медвежьей Головы, служила кровом для полудюжины ребятишек разного возраста. Их счастливый смех и щебет оживляли наш тихий лагерь.

Мы выехали на следующий день рано утром, и вечер застал нас уже далеко на реке Медисин, там, где растут первые сосны. К полудню следующего дня мы разбили лагерь на берегу озера, поставив палатки на травянистом лугу на северной стороне. Позади нас вздымался поросший соснами и осинами длинный, высокий гребень, отделяющий глубокую долину от прерии. Впереди по ту сторону озера тянулась длинная гора из серого песчаника со скалистыми вершинами; склон ее был покрыт густым сосновым лесом. Великолепный вид открывался на запад. Впереди всего в трех-четырех милях от нас возвышалась громадная сердцевидная гора с пятнами снегов на ней, которую я называл Просыпающийся Волк в честь величайшего из жителей прерии моего друга Хью Монро. За этой горой огромным амфитеатром, заполненным лесами и озером, поднимались другие горы с острыми пиками и скалистыми стенами, образующие хребет великой горной цепи. Они казались розовыми и золотыми в свете восходящего солнца и вырисовывались угольно-черными силуэтами на вечернем небе. Нам никогда не надоедало смотреть

на них, на их меняющиеся цвета, на курчавые облака, опоясывающие по утрам сияющие вершины.

Выбрав место для лагеря, мы с Эштоном собрали уди-лища, привезенные с Востока, поставили катушки, натя-нули лески и приделали крючки с искусственными муха-ми. Затем мы пошли к истоку реки, находившемуся всего ярдах в ста оттуда; за нами шел весь лагерь, вклю-чая детей. Я уже рассказывал индейцам о прелестях рыбной ловли с искусственной насадкой. Индейцам очень хотелось познакомиться с этой новой для них выдумкой белых. Сначала забросил удочку Эштон, и его мухи были первыми искусственными насадками, коснув-шимися воды озера Ту-Медисин. Озеро щедро откликну-лось на них. Спокойная вода заволновалась и завертелась маленькими водоворотами, вызванными примчавшимися отовсюду неопытными форелями. Одна крупная рыба, вы-прыгнув целиком наружу из глубины, нырнув, утащила за собой верхнюю искусственную муху. Женщины за-кричали. «А-ха-хай! — вторили мужчины, прикрывая рот рукой. — Удивительные вещи придумывают белые. Их хитрости нет предела. Они могут сделать все».

Крупная форель боролась изо всех сил, но в конце концов обессиленная всплыла на поверхность на боку.

Я подвел под нее сачок и вытащил из воды; снова раз-дались возгласы удивления зрителей: как хорошо все по-лучается — выловить такую большую рыбу такой тонкой снастью! Мы ели вдоволь форель, вывалянную в маисовой муке и поджаренную до золотисто-коричневого цвета, фо-рель непревзойденного вкуса, ценимого всеми рыболовами.

Песчаные отмели вдоль выхода из озера были изреза-ны следами вапити, кое-где виднелись следы лосей. Когда-то бобры построили громадную плотину прямо поперек всей долины, параллельно берегу озера, но река прорвала ее, и прежнее дно большой запруды превратилось теперь в почти непроходимую заросль ивы, любимой пищи ло-сей. Эштон заявил, что хочет убить одно из этих крупных животных, и потребовал, чтобы мы отвели ему для охоты именно эту часть долины. Каждый день после полудня он и Диана отправлялись туда поджидать появления неосто-ройной дичи и часто оставались там так поздно, что с большим трудом находили обратную дорогу в темном лесу. День проходил за днем, но мы ни разу не слышали выстрела из их убежища, и каждый раз вечером им

приходилось рассказывать, что они не видели ничего крупнее норки или бобра.

— Молодожен, — заметил Медвежья Голова, — может добыть мясо, только если оставит жену в палатке и уйдет на охоту один.

— Правда, — согласился Хорьковый Хвост. — Они ведь не могут сидеть вдвоем тихо. Им нужно многое сказать: «Ты меня любишь? Почему ты меня любишь? Ты будешь всегда любить меня?» Такие вопросы они задают друг другу много раз подряд, и им никогда не надоедает отвечать. Я все это хорошо знаю. У нас тоже так когда-то было, а, девочка?

— Ай! — ответила его жена. — Ты был тоже такой да и сейчас продолжаешь задавать те же вопросы, глупый!

Конечно, мы все стали смеяться над Хорьковым Хвостом; и действительно, у разоблаченного был довольно глупый вид после откровенных слов жены. Он поспешно переменял тему разговора, сказав, что сам после обеда отправится с охотниками и попытается устроить им выстрел по желанной дичи.

В этот вечер Эштон и Диана вернулись очень рано и позвали Хорьковый Хвост поужинать.

— Ну, как ваши дела сегодня? — спросил я.

Ни Диана, ни Эштон не выказали желания ответить; они переглянулись и наклонились над своими тарелками, казалось поглощенные едой. Я повторил свой вопрос на языке черноногих, и Хорьковый Хвост расхохотался.

— Я так и подозревал, — отозвался он. — На отмелях много следов вапители, лосей, оленей, но все это старые следы. Вот уже много дней как дичь туда не заходит. На конце песчаной косы лежит большое бревно, с которого видно далеко вверх и вниз по реке. На нем они и сидят, и животные, приходя на водопой, прежде всего видят их, когда осторожно выглядывают из кустов, раньше чем выйти на открытое место. Кроме того, хотя они разговаривают, по их словам, очень тихо, но лось слышит даже, как вдалеке падает лист. Ветер там дует то вверх, то вниз, то поперек долины и доносит об их присутствии. Животные одно за другим, крадучись, ушли в другие места.

— Что же, это не так важно, — сказала Диана на языке черноногих. — Мы сидели и любовались на великие горы, на чистые реки, на ищущую корм форель, на подкарауливающую добычу норку, а прогулки укрепили наше

здоровье и силу. В конце концов это лучше, чем убивать животных. Разве не так, вождь? — и повторила по-английски то, что она говорила.

— Конечно, дорогая, мы прекрасно проводим время, — ответил он, улыбаясь, — но мы не вносим свою долю мяса. Мы должны завтра попробовать какое-нибудь другое место и принести домой мясо.

На следующее утро Нэтаки и я отправились вместе с ними. По дороге мы свернули в долину и проехали к берегу верхнего озера. Мы остановились посмотреть на водопад; это действительно интересное зрелище. На небольшом расстоянии от выхода из озера река исчезает в гряде крупных валунов, а милей дальше вырывается из каньона в высокой скале и падает в прелестное, покрытое пеной озерко. Высота скалы — не меньше ста футов, а высота падения воды — около трети этого. Выше озерка форель не водится.

Издавека гора, которую я назвал Просыпающимся Волком, была величественной и внушительной. При более близком осмотре она оказалась поистине подавляющей массой красного, черного и темно-серого шифера. Она поднимается круто прямо из озера рядом ступеней и обрывов, прорезанных полосами осыпей, и сужается кверху в острый пик с крутыми склонами. Далеко вверху на восточном склоне, в глубокой, заросшей лесом впадине, находится поле вечного снега и льда. До самого подножия пика простираются покрытые травой склоны, сосновые рощи, густые заросли ирги и ежевики.

— Ма-кво-й-пво-атс! Ма-кво-й-пво-атс *, — тихонько повторяла Нэтаки. — Поистине имя его никогда не умрет.

Не знаю, какие животные водятся сейчас на поросших травой склонах и нависающих скалах горы, но в тот день мы видели диких животных повсюду. Внизу несколько стад самок горного барана со своими детенышами; выше по одному, по два, по три, по четыре старые самцы лениво пощипывали траву или лежали, неослабно наблюдая окрестность. А там, на высоких скалах, можно было рассмотреть многочисленных козлов, снежно-белых, неуклюжих, длинношерстных альпийских жителей.

— Всегда Смеющийся, — обратилась Нэтаки к Эштону; она, как видите, дала ему новое, более приятное

* Просыпающийся Волк. — *Прим. авт.*

ния, — вспомните, что вы говорили вчера! Воп на той стороне сколько угодно жирной дичи. Идите, убейте барана, чтобы нам не умереть с голоду.

— Скажи ей, — попросил Эштон Диану, — что убивать этих красивых животных просто грех. Мы не можем умереть с голоду, потому что в озерке ниже нашей палатки всегда можно наловить много форели.

— Другими словами, — заметил я, — ему лень лезть на гору. А я тоже не пойду. Я уже свою долю настрелял. Обойдемся без мяса, пока он его не добудет.

Как раз в этот момент на противоположном берегу реки у выхода из озера появился крупный самец вапити. Эштон медленно отполз назад в лес и отправился за животным. Мы сидели, как могли, тихо и с беспокойством поглядывали на вапити и на своих лошадей, опасаясь, что он их испугается. Взмолвленные женщины едва сдерживались. «Ах, — шептала одна, — почему он не торопится?» А другая: «Вапити уйдет; нет, не успеет выстрелить. Вот досада!»

Самец был в отличном настроении. Он напился, стоя по брюхо в воде, вышел на берег, взбрыкнул задними ногами, пробежался несколько раз взад и вперед по песку и стал, обнюхивая и роя копытом песок. Раздался треск ружейного выстрела, и вапити упал мягкой кучей мгновенно, даже не дернув ногами. Мы перешли на ту сторону с лошадьми, и я разрубил тушу, забрав все лучшие куски сала и сочного мяса.

Так проходили мирные, счастливые дни. К времени отъезда наш лагерь был разукрашен шкурами медведей, лосей, вапити, оленей, козлов и бобров, убитых главным образом индейцами. Эштон охотился мало. Он предпочитал сидеть и глядеть в великолепные, сияющие любовью глаза Дианы.

Глава XXIX

Роковая игра

Мы вернулись в форт в начале сентября, и вскоре затем Эштон и Диана уехали на Восток. В течение некоторого времени Нэтаки была просто убита разлукой: она обожала Диану. Да и все мы огорчались их отъездом, потому что оба они были по-настоящему дороги нам.

За лето мы заготовили хороший запас товаров, рассчитывали на бойкую зимнюю торговлю в форте, но теперь стали поступать тревожные известия, что фактически ни к северу, ни к западу, ни к югу от нас нет бизонов. Сначала мы не верили, казалось, этого не может быть. Где-нибудь на севере, рассуждали мы, еще бродят большие стада, и в свое время они вернутся сюда. Но теориям скоро пришлось уступить место фактам. Если не считать нескольких сот голов в районе озера Грейт-Слейв-Лейк и еще небольшого числа около холмов Поркьюпайн-Хиллс, все бизоны перешли на юг из прерий Северо-Западной Канады в Монтану и больше уже не пересекали границу. Как известно, это произошло зимой 1878—1879 годов. В то же время стада, пасшиеся у подножия Скалистых гор от Канады и на юг до реки Миссури, ушли из этих мест навсегда. К югу от Миссури до реки Йеллоустон и за ней, во всей Монтане, за исключением верховьев реки Милк, берегов Марайаса, Титона и Сана, и в западной

Дакоте бизонов, по-видимому, было так же много, как и раньше.

Пиеганы намеревались зимовать вблизи форта Конрад и торговать с нами, но, конечно, они оказались вынужденными изменить свои планы и последовать за бизонами, а мы должны были сопровождать их, чтобы вообще было что покупать. Мы предоставили женщинам самим решать, хотят ли они остаться дома или отправиться с нами, и все, кроме Нэтаки, предпочли остаться в форте. Мне было чрезвычайно приятно, что она без колебаний решила ехать, так как я чувствовал, что жить одному, даже всего несколько месяцев, будет для меня почти невозможно и жизнь будет невыносимой. Но, заботясь о ней, я стал возражать.

— Ты же любишь форт, — говорил я, — ты можешь сидеть здесь в уюте у камина, когда придет с севера Создатель холода. Тебе лучше остаться.

— Ты мне это говоришь, потому что ты меня больше не любишь? — спросила она.

Когда я ответил, что думал только о том, чтобы ей было удобно, она добавила:

— Я не белая женщина, которую нужно посадить в дом и обслуживать. Мой долг отправиться с тобой, готовить еду, поддерживать огонь, чтобы в палатке было тепло, и делать все, что могу, чтобы тебе было удобно жить.

— Ну, — ответил я, — если ты хочешь ехать только потому, что считаешь себя обязанной, тогда оставайся. Я буду жить с Хорьковым Хвостом. Его жена позаботится о нас обоих.

— Как ты умеешь находить нужные тебе слова! — воскликнула она. — Вечно ты, пользуясь ими, допытываешься до всего и заставляешь высказать все, что у меня на уме. Так знай, раз ты хочешь, то я поеду потому, что должна следовать за своим сердцем, ты взял его.

— Я надеялся, что ты скажешь именно это. Но почему ты не призналась сразу, что хочешь ехать, потому что любишь меня?

— Знай, — ответила она, — женщина не хочет все время повторять мужу, что она его любит; ей нравится думать об этом и скрывать свою любовь глубоко в сердце, чтобы не надоест ему. Ужасно было бы любить и видеть, что любовь твою отвергают.

Много раз я думал об этом разговоре у вечернего очага, и теперь, теперь я хотел бы знать, все ли женщины таковы, все ли так скупятся на выражение своих сокровенных мыслей. Женщины, признаться, вообще непонятные для мужчин существа. Но мне кажется, я знал Нэтаки. Я думаю, что знал ее.

Ягода, Нэтаки и я выехали из форта с двумя нагруженными фургонами, с упряжками из четырех лошадей, оставив человека для присмотра за фортом и женщинами. Мы направились через Форт-Бентон и через несколько дней миновали устье реки Марайас. За рекой нас порадовал вид пасущихся вокруг в прерии бизонов, и у подножия гор Бэр-По мы въехали в лагерь пиеганов, красный от мяса, усыпанный сохнувшими шкурами. Как только мы остановились, нас встретила мать Нэтаки. Женщины вдвоем поставили палатку, пока Ягода и я распрягали и устраивали лошадей. Затем мы передали их юноше, который должен был пасти наших лошадей.

Тень Большого Озера уже давно отбыла на Песчаные Холмы. Собачка, другой великий вождь и друг белых, умер еще раньше. Теперь главным вождем племени был Белый Теленок; виднейшими старейшинами после него были Бегущий Журавль, Резвая Лошадь На Бизонов и Три Солнца. Это были настоящие люди. Люди большого сердца, храбрые и добрые, всегда готовые помочь человеку в несчастье словом и делом. Едва женщины поставили палатку и начали готовить ужин, как вожди пришли покурить и пообедать с нами; мать Нэтаки обошла и пригласила их всех. Пришли также Хорьковый Хвост, Говорит С Бизоном, Медвежья Голова и другие друзья. Разговор шел главным образом об исчезновении бизонов на севере и на западе. Одни думали, что бизоны, может быть, перешли на западную сторону гор, так как не-персе или другое племя, живущее по ту сторону, придумало какой-нибудь способ заманить или перегнать стада на равнины Колумбии. Старик Красный Орел, великий знахарь, владелец магической трубки, заявил, что сон дал ему надежные сведения по этому вопросу.

— Как случилось уже давным-давно, — сказал он, — так произошло и сейчас. Злой дух загнал бизонов в большую пещеру — естественный загон в горах и держит там из ненависти к нам, владельцам стад. Надо найти и освободить бизонов, а похитителя убить. Если бы я не был

слеп, то взялся бы за это сам. Да, отправился бы завтра и шел бы, и шел бы, пока не нашел бы стада.

— Может быть, твой сон говорит правду, — заметил Три Солнца.

— Имей терпение, — добавил кто-то. — Летом наша молодежь отправится на войну и поищет пропавшие стада.

— Ай, ай! — заворчал старик. — Имей терпение! Жди! Всегда так говорят. В мое время было иначе: если нужно что-нибудь сделать, мы делали. Теперь все откладывается из-за зимних холодов или летней жары.

Белый Теленок закончил разговор на эту тему, сказав, что если кто-нибудь действительно изловил северные стада, то, по-видимому, бизонов осталось предостаточно.

— И стада эти на нашей земле, — добавил он. — Если кто-нибудь из племен с той стороны гор придет сюда охотиться, то мы позаботимся, чтобы они не вернулись назад, во всяком случае кое-кто из них.

Покупатели начали к нам приходить, когда мы еще не выпрягли лошадей, но Ягода объявил, что никакой торговли не будет до вечера. Когда обед кончился и гости разошлись, народ стал стекаться толпами. Одному было нужно ружье, другому патроны, кому табак, сахар или кофе, а кому, увы, спиртное. Пока пришло время ложиться спать, мы успели продать больше чем на пятьсот долларов товаров, сухих и жидких. Легко было видеть, что Ягода будет всю зиму почти постоянно в разъездах, доставляя нашу пушнину в Форт-Бентон и возвращаясь оттуда с новыми запасами товаров.

В ту зиму было какое-то сумасшествие с азартными играми. Днем мужчины, если не уходили на охоту, играли в колесо и стрелу; в этой игре катят по утоптанной тропинке маленькое колесо, спицы которого унизаны бусами, и пытаются бросить в него стрелу, когда оно проносится мимо. Ночью лагерь гудел от торжественной, жуткой песни игроков, несшейся из многих палаток. Там игроки, сидя друг против друга, играли в «спрятанную косточку», ударяя в такт песне палочками по наружному краю лежа. Даже женщины участвовали в игре, и из-за их ставок возникало множество пререканий.

В палатке недалеко от нас жила молодая пара, Куница и его жена Жаворонок. Они сильно любили друг друга и всюду ходили вместе, даже на охоту. Глядя на эту взаимную, не знающую обоюдной скуки любовь, народ

улыбался и испытывал удовольствие. Они редко ходили в гости, но часто устраивали маленькие угощения для своих друзей. У Куницы, хорошего охотника, палатка всегда была полна мяса и шкур; на войне ему также сопутствовала удача, доказательством чему служил его большой табун лошадей. Он так привязался к своей хорошенькой маленькой жене, что никогда не уходил по вечерам играть и не приглашал компанию играть к себе в палатку: азартные игры тянулись слишком долго. Он довольствовался пирушками, которые скоро кончались, и любил спокойные вечера, когда они вдвоем с женой болтали у очага после ухода гостей. Случалось, когда Жаворонок счищала мездру со свежей шкуры и холодная погода мешала сидеть перед палаткой и разговаривать с ней, пока она работала, Куница уходил в ближайшее место игры в колесо и ненадолго принимал в ней участие. В колесо он играл мастерски и чаще выигрывал, чем проигрывал. Но выдался несчастный день, когда он, играя против молодого человека, по имени Скользящая Стрела, потерял десять лошадей. Я в тот день торговал в палатке, но время от времени мне сообщали о ходе игры, и я слышал, как ее обсуждали. Скользящая Стрела, оказывается, когда-то тоже хотел поставить палатку для себя и Жаворонка. Родители девушки по неизвестной причине, несмотря на богатство молодого человека, отклонили предложенный им выкуп — табун лошадей — и отдали Жаворонка Кунице, далеко не столь состоятельному. Все одобряли выбор, так как любили Куницу, тогда как у Скользящей Стрелы, грубого, неотесанного, скупого парня, не было ни одного близкого друга. Он не женился, и кто-то слышал, как он говорил, что Жаворонок еще будет его женой.

— Куница с ума сошел — затеял играть с ним, — сказал мне один из покупателей. — Играть с лучшим игроком в лагере, когда этот человек — его враг. Конечно, с ума сошел.

На другой день стало известно еще кое-что. Задетый за живое своим проигрышем, Куница разыскал Скользящую Стрелу и почти всю ночь играл с ним в косточку, проиграв еще двенадцать лошадей! В первой половине дня Жаворонок зашла в гости к Нэтаки, и меня позвали на совет. Женщина была в отчаянии и плакала.

— Он сейчас спит, — говорила она, — но собирается когда проснется, опять играть со Скользящей Стрелой.

Я его просила не делать этого, но он впервые отказывается меня слушать. Он только и говорит, что «пойду играть; я отыграю своих лошадей». Вы только подумайте, уже проиграл двадцать две лошади, почти половину нашего табуна, и кому, этой собаке Скользнувшей Стреле! Будь это кто другой, мне было бы не так обидно, но проиграть ему!

Речь ее прервалась рыданиями.

— Пойди, поговори с ним, — продолжала она, — он с тобой очень считается и послушает тебя. Пойди, отговори его от этой безумной затеи.

Я пошел в их палатку и застал Куницу еще в постели. Он лежал, опершись на локоть, и уныло глядел на огонь.

— Не говори мне ничего, — начал он, прежде чем я успел открыть рот. — Я знаю, зачем ты зашел: она прислала тебя, чтобы ты уговорил меня не играть, но я не намерен прекратить игру. Я не могу бросить игру, пока не отыграю все, что потерял.

— Но послушай, — вставил я, — ты же можешь проиграть еще больше, если будешь продолжать, можешь потерять все, что у тебя есть; ведь Скользнувшая Стрела, говорят, самый искусный из игроков. Подумай только, чем ты рискуешь! Какой был бы позор остаться нищим, без лошадей для перехода с лагерем на новое место, даже без верховой лошади для жены.

— Ну, этого уж не случится, — сказал он уверенно. — Всех лошадей я не могу проиграть. Нет, ты напрасно трастишь слова. Я должен снова играть с ним и уверен, что выиграю. Я помолюсь, я сделаю жертвоприношение. Я должен выиграть.

К полудню завыл юго-западный ветер, играть в колесо и стрелу было невозможно. Во вторую игру не полагалось играть днем; это запрещал старинный обычай, иначе игрокам угрожало несчастье. Но вскоре после захода солнца Куница и Скользнувшая Стрела возобновили игру в палатке Тяжелого Верха. Собралась большая толпа зрителей. Каждому хотелось подбодрить Куницу, которого любили так же сильно, как презирали его противника. Жаворонок пришла к нам в палатку и сидела с Нэтаки, пытавшейся подбодрить ее разговорами и рассказами, чтобы отвлечь ее мысли от горя. Но ее нельзя было развлечь, она все повторяла:

— Я чувствую, случится что-то ужасное.

Время от времени Жаворонок выходила и стояла, прислушиваясь около палатки, где шла игра, затем возвращалась и рассказывала нам, как идет игра.

— Еще одну лошадь проиграл, — говорила она, — уходят наши лошади одна за другой.

Один раз она принесла известие, что Куница одну отыграл.

— Но он ее проиграет в следующую партию, — сказала она в заключение с безнадежным выражением и расплакалась.

— Да пойдی же туда и прекрати это, — умоляла меня Нэтаки. — Сделай что-нибудь, скажи им что-нибудь, чтобы покончить с игрой.

Я пошел, совершенно не представляя себе, как поступить, убежденный, что иду по бесполезному делу, но все-таки пошел. В палатке было полно, но мне очистили проход, и я нашел свободное место в самой глубине палатки, поблизости от игроков. Заметив меня, Куница нахмурился и покачал головой, как бы говоря: оставь меня в покое. И действительно, в присутствии толпы я чувствовал себя бессильным: я понимал, что не могу ни уговаривать его, ни советовать ему прекратить игру и уйти домой.

Сбоку около Скользнувшей Стрелы лежала кучка маленьких, покрашенных в красное цилиндрических палочек, служивших фишками; каждая палочка соответствовала одной выигранной им лошади. Я посмотрел на кучку перед его противником и насчитал еще семь палочек. Значит, у Куницы оставалось всего семь лошадей.

— Сейчас сыграем на две головы, — сказал он и выбросил на землю между собой и противником две палочки. Тот положил рядом столько же, и Куница взял кости, одну красную и другую с черными поясками. Они затанули песню; зрители присоединились к ним, отбивая такт на краю ложа. Манипулируя косточками, Куница ловко перебрасывал их из одной руки в другую то туда, то сюда, то туда, то сюда, затем засунул руку под плащ, закрывавший его колени, перекладывая косточки под ним. Когда песня кончилась, он внезапно протянул оба кулака своему противнику, глядя ему, не мигая, в глаза. Подняв сжатую правую руку с вытянутым указательным пальцем, Скользнувшая Стрела хлопнул ею по ладони своей левой руки; указательный палец его был направ-

лен на левый кулак Куницы. Тот неохотно разжал его, мы увидели кость с черными поясками. Он проиграл, и теперь у него оставалось только пять лошадей. Он взял свои фишки, сосчитал, потом пересчитал их, разделил на кучки в две и три, по две и одну, потом, соединив все вместе, сказал:

— Последние. Я ставлю пять лошадей.

Скользнувшая Стрела улыбнулся жестокой, зловещей улыбкой; его злые глазки засверкали. Глаза сидели необычайно близко на его узком, как лезвие ножа, лице, большой очень тонкий нос загибался, как совиный клюв, над узкими губами. Лицо его всегда напоминало мне картинку, которую видишь на банках с ветчиной с острыми приправами*. Скользнувшая Стрела ничего не сказал в ответ на повышение ставки, но быстро выложил пять фишек и взял кости. Снова зазвучала песня; набрав полную грудь воздуха, он запел громче всех, скрещивая и разнимая, поднимая и опуская руки с выставленными крючком указательными пальцами. Он потер руки одну о другую, разжал их, и мы увидели кость с черными поясками, которая переходила с одной ладони на другую с такой быстротой, что наблюдавшие путались, уверенные, что кость осталась в той руке, где ее видели в последний раз, и тут же обнаруживая, что он как-то перебросил ее в другую. Вот эта-то уловка и обманула Куницу; как только песня кончилась, он указал на правую руку игрока, и из нее полетела в его сторону проигрышная косточка.

— Что же, — сказал он, — у меня еще есть ружье, палатка, седло, военный наряд, одеяла и шкуры бизона. Я ставлю все это против десяти лошадей.

— Идет, десять лошадей, — согласился Скользнувшая Стрела, выкладывая десять фишек, и снова начал манипулировать косточками под звуки возобновившейся песни.

Но на этот раз пели не так громко. Кое-кто не пел совсем, может быть, потому, что последняя необычная ставка вызвала слишком острый интерес, а может быть, желая выказать свое неодобрение, а те, кто пел, делали это не от души. И как обычно, Скользнувшая Стрела вы-

* По-английски «готовить с острыми приправами» звучит так же, как «черт». Отсюда соответствующая картинка на банке. — *Прим. пер.*

играл, выиграл и рассмеялся громким злым смехом. Куница вздрогнул, как от холода, и запахнул плащ, собираясь уходить.

— Приходи ко мне завтра, — сказал он, — и я передам тебе все: лошадей и все остальное.

— Подожди! — воскликнул Скользящая Стрела, вставая с места. — Я дам тебе еще один шанс. Я дам тебе шанс отыграть обратно все, что ты потерял. Я ставлю все, что я у тебя выиграл, против твоей жены.

Все присутствующие в изумлении прикрыли рот рукой; слышались возгласы, выражавшие глубокий искренний ужас и неодобрение. «Собака!» — проворчал кто-то. «Дай ему по голове!» — крикнул другой. «Выброси его вон!» — кричали кругом.

Но Скользящая Стрела не обращал внимания на крики. Он сидел, небрежно собирая и пересчитывая фишки, с той же жестокой улыбкой на лице, со злым огоньком в глазах-бусинах. Куница опять вздрогнул, встал и направился кругом палатки к выходу. Там он остановился и стоял неподвижно, как в трансе. Неужели он может даже подумать об этом предложении? Я тоже встал и подошел к нему.

— Идем ко мне, — сказал я, — идем в мою палатку. Твоя жена ждет тебя там.

— Да, да, иди! — говорили другие, — иди к нему.

Но он стряхнул мою руку со своего плеча и быстро вернулся на свое место.

— Начинай! — крикнул он своему противнику. — Сыграем. Сыграем на нее, — и полушепотом добавил: — На нее и еще на кое-что.

Может быть, Скользящая Стрела не слышал окончания фразы, а если и слышал, то не показал этого. Он подобрал кости и затянул песню, но никто не присоединился к пению, даже Куница не пел. Глядя на ряды угрюмых, мрачных лиц, уставившихся на него, Скользящая Стрела стал запинаться, но кое-как дошел до конца и протянул вперед сжатые руки. На мгновение наступила напряженная тишина. Груды вздымались, глаза сверкали; если бы желание могло убить, то Скользящая Стрела умер бы на месте. Я сам, несмотря на свое воспитание, испытывал почти непреодолимое желание броситься на Скользящую Стрелу, вцепиться пальцами ему в горло, задушить его. Несколько человек при-

поднялись с места, и я видел, как руки крепко сжимают рукоятки ножей.

Куница смотрел ему прямо в глаза, так долго и с таким мучительным выражением, что напряжение стало почти невыносимым. Два раза он поднимал руку, чтобы показать, какую сторону он выбирает, и два раза не мог решиться. Наконец он указал на левый кулак и получил немеченную косточку.

Несколько человек зрителей вскочили на ноги; раздались крики. «Убей его, убей его!» Люди обнажили ножи. Тяжелый Верх потянулся за своим карабином. Но Куница жестом потребовал, чтобы все сели на свои места; выражение его лица было настолько спокойно, грозно и решительно, что толпа повиновалась.

— Приходи завтра, — сказал он выигравшему, — и ты получишь все, что выиграл.

— Нет, — ответил Скользящая Стрела упрямо, — нет, не завтра. Я возьму палатку, шкуры, одеяла и женщину сейчас, а лошадей завтра.

— Тогда идем, пусть будет по-твоему.

Не понятно, почему мы позволили им выйти из палатки в ночную темноту. Никто не последовал за ними, никто не произнес ни слова. Все мы чувствовали, что что-то должно случиться. Но кое-кто из стоявших и прислушивавшихся снаружи все же пошел за игроками, и конец этой истории разыгрался при свидетелях. Жаворонок стояла во время игры за палаткой, слышала, как ее назначили последней ставкой, слышала, чего потребовал победитель, и убежала домой. Немного спустя почти так же быстро туда отправился и Куница; за ним следовал человек, выигравший все. Они вошли в палатку, вслед за ними зашли два-три человека.

— Вот она! — воскликнул Куница, указывая на ложе, на котором лежала женщина, с головой накрытая шкурой бизона. — Вот она, — продолжал он, — но ты не прикоснешься к ней. Я убью тебя, я принесу тебя в жертву здесь при ней.

Слова эти и страшное выражение его лица так парализовали Скользящую Стрелу, что он не пытался защищаться, а закричал:

— Пощади, пощади меня! — и опустился на землю раньше, чем Куница бросился на него и несколько раз глубоко вонзил нож в его шею и грудь.

Мы, сидевшие в палатке и ожидавшие сами не зная чего, услышали крики умирающего и бросились вон, сорвав на бегу шкуры покрова палатки с ее колышков. Когда я прибежал на место, все уже было кончено. Скользнувшая Стрела лежал мертвый рядом с очагом. Куница стоял над ним, глядя на свою работу с довольным детским выражением лица.

— Да, конечно, — говорил он тихо, задумчиво, — я теперь вспоминаю, он желал ее, он всегда желал ее, мою маленькую жену. А я убил его. Смотри, маленькая, он мертв, окончательно мертв. Ты можешь больше не бояться ходить к реке по воду или в лес за дровами. Вставай, посмотри сама, он действительно умер.

Но Жаворонок не шевелилась; наклонившись над ней, он отбросил покрывавшую ее шкуру и издал душераздирающий вопль. Она тоже была мертва. Накрывшись плащом, она стиснула нож обеими руками и всадила его прямо себе в сердце. Руки Жаворонка еще крепко сжимали рукоять, и на мертвом лице осталось выражение муки и ужаса. Зрелище это, по-видимому, вернуло сознание Кунице — я не сомневаюсь, что он несколько дней был безумен.

— Это моя вина, — повторял он, — моя вина! Моя вина! Но ты не уйдешь одна. Я все же с тобой.

Раньше чем кто-нибудь успел помешать ему, он погрузил нож, который продолжал еще держать, в свою грудь и упал рядом с женой; кровь хлынула у него изо рта. Ужасное зрелище! Я часто вижу его во сне и просыпаюсь, дрожа, мокрый от пота. Мы, мужчины, выбежали вон: нам нечего было здесь делать. Пришли женщины и убрали тела для похорон. Наутро их унесли и привязали к веткам в их воздушных могилах. В тот же день мы перешли с этого места на восток, к следующей речке. После этого в лагере надолго прекратились азартные игры; этим весь лагерь как бы соблюдал траур по двум молодым, которых мы потеряли. К счастью или к несчастью, это зависит от точки зрения, язык черноногих чрезвычайно беден словами для проклятий, но те, какими он располагает, мы часто использовали, проклиная память Скользнувшей Стрелы.

Глава XXX

Торговля, охота и нападение военного отряда

Торговля наша процветала. Ягода почти постоянно находился в разъездах, и мне представлялось мало случаев поохотиться. Бывали дни, когда я видел стадо бизонов, несущееся галопом вдаль по прерии, преследуемое охотниками; иногда какой-нибудь друг заходил к нам в палатку и рассказывал об увлекательной погоне; в такие времена жизнь в лагере становилась мне в тягость, я жаждал возможности уходить и приходить когда захочется.

— Завтра ты будешь торговать, — объявил я однажды вечером Нэтаки, — а я поеду на охоту. Я должен прокатиться верхом. Я ослабел оттого, что день за днем просизживаю в палатке.

— Поезжай, — ответила она. — Почему ты мне раньше об этом не сказал? Я могу торговать не хуже тебя. Я точно знаю, сколько за что нужно брать.

На другой день я, как и намечал, отправился на охоту. Нас ехало шестеро, включая Большое Перо и его племянника, очень смышленного, красивого и приятного юношу, по имени Мокасин. На земле лежал снег слоем в восемь — десять дюймов; было холодно. Плотные низкие тучи ползли на юг, закрывая солнце; снег то шел, то переставал; временами он падал так густо, что мы не могли различить предметы в ста ярдах впереди. Мы отъехали четыре или пять миль к востоку, ничего не увидев, кроме

нескольких одиноких самцов бизонов; затем в наступившем затишье стала на время обозрима обширная местность. Мы видели с полдюжины бизоньих стад; одно из них в несколько сот голов паслось не далее полумилии впереди нас, по ту сторону широкой лощины, от которой отходила лощинка к тому месту, где мы находились. Мы сидели тихо на лошадях, пока не пошел снова снег, скрывающий от нас всю округу. Тогда мы спустились в боковую лощинку, проехали по ней, пересекли большую долину и выбрались на холм на той стороне. Когда мы поднялись на верх склона, то оказались прямо посреди стада, и тут уже каждый должен был действовать сам за себя. Преследование в буряне засыпанных снегом бизонов проходило, как в тумане: мы скакали, наполовину ослепленные коловшими лицо тучами снега, который бизоны швыряли нам в глаза острыми копытами. Я ехал как придется между невидимыми норами сусликов и барсуков и стрелял в добычу наугад. Глухие выстрелы ружей моих товарищей звучали, как издавека, мои собственные казались больше всего похожими на хлопки игрушечного пистолета, но все же, еще не разрядив обойму, я видел, как три жертвы остановились, запатались и упали. Ясно было, что моя доля дичи уже убита; я остановил свою разгоряченную лошадь. У других дело шло еще лучше, чем у меня, и мы в течение нескольких часов свежевали туши убитых бизонов и рубили мясо для укладки на лошадей. Мы не собирались навьючивать их; жены охотников должны были ехать за мясом на следующий день, и Большое Перо обещал позаботиться о том, чтобы забрали и мою долю, за что ему полагалась одна шкура и часть мяса.

Было уже больше двух часов, когда мы тронулись в обратный путь к дому, привязав к седлам языки и другие отборные части туши бизона. Ветер переменялся; он дул с западо-северо-запада все сильнее и гнал перед собой тучи снега. Мы отъехали не больше мили, прикрывая лицо руками и одеялами и предоставив лошадям самим отыскивать дорогу, как вдруг кто-то закричал: «Военный отряд впереди! Вон они бегут!» И правда, ярдах в двухстах впереди пять человек бежали изо всех сил, чтобы скрыться в близлежащей лощине. Мокасин был впереди и, как только заметил бежавших, стал нахлестывать плетью свою лошадь. Дядя крикнул, чтобы он подождал и соблюдал осторожность, но Мокасин не обратил на это

внимания. Задолго до того, как мы его нагнали, он бросился за военным отрядом, стреляя из карабина, и мы увидели, как один из людей упал. Они тоже стали стрелять в юношу; мы видели, что они заряжают ружья через дуло. Мокасин уже почти настиг четырех убегающих, когда тот, который упал, приподнялся и в тот момент, как Мокасин поравнялся с ним, разрядил свой пистолет в юношу. Мокасин припал к седлу, на секунду задержался в нем, затем свалился мешком на землю. Лошадь его повернула и помчалась назад к нам.

Большое Перо подскочил к тому месту, где лежал Мокасин, слез с лошади, приподнял его, обхватив тело руками. Остальные живо расправились с военным отрядом. Один или двое успели перезарядить ружья и выстрелить, но не причинили вреда. Один за другим люди военного отряда упали, изрешеченные пулями из наших скорострельных генри и винчестеров. Конечно, это были ассинибойны, бродившие, как обычно, зимой в снег и холод. Сейчас они получили по заслугам. Мои товарищи пиеганы на этот раз вели себя тихо: после удачного боя они не издали ни одного победного возгласа. Они слишком переживали ранение Мокасина; наскоро оскальпировав убитых и забрав их оружие, они собрались вокруг юноши в немом сочувствии. Ясно было, что он в последний раз проскакал на лошади и выпустил свой последний заряд. Несмотря на холод, на его бледном лице выступили капли пота, и он корчился от боли. Пуля попала ему в живот. Лошадь Мокасина поймали, она стояла неподалеку вместе с другими.

— Помогите мне сесть в седло, — сказал он слабым голосом, — я должен добраться домой. Я хочу повидать перед смертью свою жену и маленькую девочку. Я должен повидать их. Помогите мне подняться.

Старик Большое Перо плакал. Он вырастил юношу и заменил ему отца.

— Я ничего не могу, ничего, — повторял он, рыдая. — Посадите его в седло. Пусть кто-нибудь поедет вперед и расскажет, что произошло.

— Нет, — сказал раненый, — пусть никто не едет вперед. Они и так скоро все узнают. Я тяжело ранен, я знаю, но я доживу до своей палатки.

Мы усадили его в седло; поместившийся сзади человек поддерживал оседавшее тело. Другой вел лошадь. Так мы снова двинулись по направлению к дому.

Дважды Мокасин терял сознание, и мы останавливались в какой-нибудь защищенной от ветра ложине, расстилали одеяла, укладывали его и растирали лоб снегом; когда он приходил в себя, ему давали есть снег. Его мучила жажда, он все время просил воды, воды. Дорога казалась бесконечно длинной, наступившая ночь еще усиливала мрачные мысли нашего отряда. Мы выехали на охоту в таком бодром настроении, охотились так успешно, и вот в одно мгновение нас посетила смерть, наше возвращение домой превратилось в похоронное шествие, угасала жизнь, полная счастья и любви. Так всегда бывало в пре-
риях: вечно случалось неожиданное.

Мы вернулись в сумерки и въехали гуськом в палаточный лагерь. Собрался народ, спрашивали, что случилось. Несколько человек побежало вперед, разнося печальную новость. Мы еще не подъехали к палатке Мокасина, как жена его выбежала нам навстречу, горько рыдая, умоляя нас быть внимательными, нести его как можно осторожнее. Его положили на ложе, она склонилась над ним, прижала к своей груди, стала горячо целовать и молить Солнце сохранить ему жизнь. Я вышел и отправился в свою палатку. Нэтаки встретила меня у входа. Она тоже плакала. Мокасин приходился ей дальним родственником. Она с беспокойством смотрела на меня, отыскивая следы крови на моей одежде, крови было предостаточно — бязоньей.

— Ой, — выдохнула она, — тебя тоже ранили? Скорее покажи где? Я позову, чтоб тебя посмотрели.

— Да ничего нет, — сказал я, — ничего, кроме крови убитой дичи. Я совершенно здоров.

— Но тебя могли убить, — говорила она, — могли убить. Ты больше не будешь охотиться в этой местности, здесь кругом военные отряды. Не твое дело ездить на охоту. Ты торговец и будешь сидеть со мной здесь, где жизнь твоя в безопасности.

Бедняга Мокасин умер меньше чем через час после нашего возвращения. Сердце разрывалось, когда мы слушали причитания жены и родственников. Грустное это было время для всех; мы задумывались о ненадежности существования. Трое самых хороших, самых любимых людей племени ушли от нас за такой короткий срок, таким неожиданным образом.

Мы закупили не все выдубленные в эту зиму бизоньи шкуры. В лагерь иногда наезжали торговцы виски и в обмен на большое количество очень скверных спиртных напитков заполучали часть шкур. Пиеганы часто ездили продавать шкуры в Форт-Бентон. Все-таки мы закупили 2200 шкур бизона, не говоря уже о шкурах оленей, вапити, о бобрах и другой пушнине. Мы были вполне довольны. К первому апреля мы уже вернулись домой, в форт Конрад, и Ягода сразу начал вспахивать нашу большую долину своими бычьими упряжками. Вечерами он изводил много листов бумаги, высчитывая доходы от посевов овса при урожае в шесть—десять бушелей с акра и от разведения свиней, считая по шестнадцатая поросят от каждой матки дважды в год, а может быть, трижды — я уже не помню. Во всяком случае все было ясно и получалось надежно... на бумаге. Мы купили еще несколько плугов, заказали в Штатах беркширских свиней, прорыли канаву, чтобы взять воду из рукава реки Марайас-Драй-Форк. Да, мы собирались всерьез стать фермерами.

На дальнем конце долины, где Драй-Форк сливается с Марайасом, наши женщины развели маленький огорожок и построили летний шалаш, крытый ветвями кустарника. Там они сидели в жаркое время дня и смотрели, как растут маис и тыквы, которые они прилежно поливали водой из ведер по утрам и вечерам. Я проводил много времени с ними или же с примитивным удищем и леской ходил удить сома и золотоглазку в глубокой яме неподалеку от шалаша. Сидя с удочкой, я слушал их своеобразные песни и еще более своеобразные рассказы о далеком прошлом.

Как часто Нэтаки повторяла, бывало: «Какое счастье, какой покой! Будем молиться, чтобы они сохранились и дальше».

Пиеганы перекочевали на запад от гор Бэр-По, большая часть вернулась в район управления агентства, которое теперь помещалось на Баджер-Крике, притоке Марайаса, милях в пятидесяти выше форта. Однако остальные расположились лагерем на другой стороне реки против нас и охотились на антилоп и оленей, иногда убивая случайного самца бизона. Из резервации до нас доходили известия о тяжелом положении индейцев. Говорили, что агент заставляет народ голодать; среди племени уже шли разговоры об уходе назад, на территорию, где еще встречались бизоны,

Глава XXXI

Нэтани на охоте

Проходили недели; пиеганы все ждали, когда бизоны снова появятся в прериях в районе резервации. Они думали, что с наступлением жаркого времени часть стад, пасущихся к востоку отсюда, перейдет на более прохладные высокие места, и верили, что где-то в неизведанных, недоступных местах в Скалистых горах запрятаны огромные стада этих животных, которые каким-то образом смогут вернуться на открытые равнины. Тем временем охотники бродили по предгорьям в поисках оленей, вапити и антилоп; они, правда, находили дичь, но ее едва хватало на то, чтобы семьи их не голодали.

Наше фермерское хозяйство шло не более успешно, чем поиски охотников. Дождей не было, рукав Драй-Форк высох, и проведенная от него оросительная канава оказалась бесполезной. Породистые беркширы, закупленные в Штатах, привезли с собой оттуда какую-то болезнь или же заразились в дороге и все передохли, кроме борова. Наконец пал и он, наевшись мяса волка, месяц тому назад отравленного стрихнином. Все это было очень неприятно Ягоде, но должен сознаться, что я не очень огорчался. Я не создан землепашцем и надеялся, что опыт докажет Ягоде, что он тоже не рожден для этого. У нас был скот. Он бродил по речным долинам и близлежащим холмам, жирел и размножался.

А мы сидели в тени, наши женщины и я. Правда, нужно было готовить, но требовалось всего несколько минут, чтобы сварить мясо, испечь лепешки и разогреть несколько банок консервов. Стирка? Мы одевались в легкие вещи, да и тех было немного. Слава богу, во всей стране не нашлось бы и одной унции крахмала! Длинные обозы, запряженные быками, спускались в нашу долину. Я продавал запыленным погонщикам пиво, замшевые штаны, табак, покупал также шкуры оленей и антилоп у индейцев, но большую часть времени просиживал в тени.

В июне река наполнилась водой от таяния снегов в Скалистых горах, и все путешествовавшие в этом краю пользовались нашим канатным паромом. Однажды мне пришлось переправлять обоз с бычьими упряжками; для первого рейса мы загнали на борт семь пар быков. Ярма их связываются длинной цепью, за которую они тянут фургон. Я стал за колесо, отвязали швартовые канаты, и мы отчалили. Рядом со мной стоял погонщик упряжки, француз-креол, словоохотливый, легковозбудимый, нервный, как большинство его сородичей. Посредине реки, где глубже всего и течение самое быстрое, передняя пара быков понялась на следующую, та — на пару позади себя и так далее, пока все они не сбились в кучу в задней части парома. От этого нос парома вышел целиком из воды; через погрузившийся в воду конец палубы вода полилась в трюм, и под действием возросшего веса нос стал задираться все выше и выше, так что под конец быки уже не могли устоять на ногах и начали соскальзывать с парома.

— Oh, mon Dieu! * — закричал погонщик, коверкая язык. — Она будет потонуть, она в цепи запутается. Вернитесь, мосье, вернитесь на берег!

Но я ничего не мог сделать, паром не шел ни вперед ни назад и продолжал все глубже погружаться в воду, грозно бурлившую под ногами. Быки наконец соскользнули всей кучей и барахтались, сопя и брыкаясь, в воде, которая часто покрывала их целиком. Но как ни странно, их отнесло вниз к отмели и они благополучно выбрались из воды, несмотря на цепь, которой были связаны их ярма. Освободившись от груза, паром качнулся в противополож-

* Боже мой! (*франц.*)

ную сторону, как бы нырнул в реку, и сильное течение понесло его вниз.

«Oh, mon Dieu! Oh, sacré!* — кричал француз. — Спасите меня, мосье. Я не умею плавать».

Он побежал ко мне с распростертыми руками. Я отскочил назад, избегая опасных объятий, и упал. Струившаяся по палубе вода потащила меня за собой. Я не очень боялся этого, зная, что течение отнесет меня на отмель, к которой прибило быков. Я оглянулся на француза. Паром теперь погрузился глубоко под воду, и француз взобрался на средний столб продольной стяжной цепи, который уже тоже выступал из воды всего фута на два. Я, как сейчас, вижу его на верхушке столба с глазами, как блюдца, от страха, с торчащими к небу кончиками воинственных усов и слышу, как он, крестясь, то молится и выкрикивает проклятия, то призывает оставшихся на берегу товарищей спасти его из мутного потока. Зрелище было до того забавное, что я начал смеяться и едва мог от смеха держаться на воде.

— Держись, французик! — кричали начальник обоза и другие погонщики. — Только держись, и ты выберешься цел и невредим!

Он погрозил им кулаком.

— Я идет книзу. Я тонет. Вы проклятый погоняй быков, — отвечал он. — А вы говорит держись. Oh, sacré! Oh, misère! Oh, mon Dieu!**

Я не сомневаюсь, что он мог бы отпустить столб и погрузиться под воду, если бы паром осел еще глубже, но как раз в этот момент лопнул канат и паром поднялся кверху настолько, что его палуба едва выступала из воды, и поплыл по течению за мной. Француз спрыгнул вниз на палубу и затащивал на ее скользкой поверхности; он орал и хохотал от радости, щелкал пальцами в знак насмешки над теми, кто смеялся над ним, и кричал:

«Adieu, adieu, messieurs***, я отправляюсь в Сент-Луис к своей милой».

Паром прибило к берегу немного ниже по течению; мы без труда отбуксировали его назад и починили канат. Но француз не захотел переправляться на пароме со своими

* Боже мой! Черт возьми! (*франц.*)

** Черт возьми! О, горе! Боже мой! (*франц.*)

*** Прощайте, прощайте, господа! (*франц.*)

быками; он отправился со следующим рейсом, когда погрузил фургоны, захватив при этом доску взамен спасательного пояса на случай аварии.

В теплые летние ночи мы с Нэтаки спали на свежем воздухе на краю обрывистого берега реки. О, эти белые, залитые луной, восхитительные ночи! Такие восхитительные, полные такого покоя, что мы, наслаждаясь их изумительной красотой, не могли заснуть до позднего часа, когда следовало уже давно крепко спать. Крикнет сова. «Это призрак какого-нибудь несчастного. — скажет Нэтаки. — За совершенное им зло тень его превращена в сову, и он должен долго страдать, бояться Солнца, тоскливо кричать по ночам, пока наконец ему не будет позволено присоединиться к другим теням нашего племени, которые отправились на Песчаные Холмы».

Завоет волк. «Почему так горестно, братец? Кажется, будто они всегда оплакивают что-то отнятое у них или потерянное. Интересно, найдут ли они когда-нибудь утраченное?»

Река текла и журчала под берегом, а ниже за поворотом глухо ревела на порогах. Бобр или, может быть, большая рыба всплескивала на серебристой поверхности воды, и Нэтаки прижималась ко мне, вздрагивала. «Эти жители глубоких вод, — шептала она. — Хотела бы я знать, почему им назначено жить там, внизу, в глубоких, темных, холодных местах, а не на суше, на ярком солнце? Как ты думаешь, счастливы они, живут ли они в тепле и довольстве, как мы?»

На такие вопросы я отвечал, как мог. «Козел любит высокие, холодные, голые скалы в горах, антилопы — теплые, низкие, открытые прерии. Несомненно, жители глубин любят реку, не то бы они жили на суше, как мы».

Как-то ночью, услышав крик большой совы на острове, Нэтаки сказала:

— Подумай, как несчастна эта тень. Даже если ей будет позволено отправиться на Песчаные Холмы, она все-таки будет несчастна. Все они там несчастны, люди, ушедшие от нас; они живут там ненастоящей, призрачной жизнью. Поэтому я и не хочу умирать. Там так холодно, безрадостно, и твоя тень не могла бы быть со мной. Тени белых не могут войти в жилище мертвых черноногих.

Я ничего не ответил, и немного спустя она продолжала:

— Скажи мне, правда ли то, что Черные Платья рассказывают о будущей жизни; может ли быть, чтобы хорошие люди, индейцы и белые, отправились наверх на небо и вечно жили там счастливо с Создателем мира?

Я не мог не поддержать ее.

— То, что они говорят, написано в их старинной книге. Они в это верят.

— Да, — сказала она, — они верят в это, и я тоже. Я рада, что верю в это. Туда открыт доступ и индейцу; мы можем продолжать быть вместе, когда эта наша жизнь кончится.

Как и раньше, мне нечего было ответить ей, но я подумал о словах старика, делавшего церковное вино:

И много узлов он распутал в пути,
Но узел судьбы... и концов не найти.

Лето шло, и забота о пище стала для пиеганов очень серьезной. Нам говорили, что страдают и северные племена черноногих. Агент по делам черноногих в своем ежегодном отчете министерству внутренних дел жаловался на варварство своих подопечных, на их языческое поклонение чужим богам, но ничего не говорил об их телесных нуждах. «У меня нет ничего для вас, — говорил он вождям. — Ведите ваших людей туда, где бизоны, и следуйте за стадами».

Настал август. Пиеганы передвинулись вниз по реке ближе к нам, и, в то время как охотники разъезжали по прериям за антилопами, вожди совещались с Ягодой, обсуждая планы на зиму. В конце концов было решено перейти в район реки Джудит, где, как они думали, бизонov еще много и где, конечно, не меньше, чем раньше, вапити, оленей, бобров и волков. В сентябре выступили из форта и мы — Ягода, Женщина Кроу, Нэтаки и я — и через неделю расположились лагерем на реке Джудит, всего в одной-двух милях выше устья Уорм-Спринг-Крика. В Форт-Бентоне мы наняли еще двух рабочих и с их помощью скоро сколотили бревенчатые домики и сложили несколько грубых каминов. Мы расположились в самой середине большой тополевой рощи, защищенной от северных ветров. Рядом текла река, в то время изобилвавшая крупной, жирной форелью. Как было условлено, туда пришли и поставили свои палатки пиеганы; часть племени бладов перекочевала с севера и присоединилась

к нам. Около форта собралось много охотников, и хотя в непосредственной близости от нас бизонов было мало, но на расстоянии одного дня пути на восток они паслись большими стадами. Что касается оленей и вапити, то местность прямо кишела ими.

В верхнем течении Уорм-Спринг-Крика стояла скотоводческая ферма, возникшая в предыдущем году. Управлял этой фермой человек, по фамилии Брукс, а принадлежала она крупной фирме, ведшей большую торговлю в Хелине, Форт-Бентоне и форте Маклеод; она также владела торговым пунктом при управлении агента по делам черноногих; из этого района пиеганы ушли на поиски дичи. Кажется, в то время это была единственная скотоводческая ферма во всей обширной области между горами Хайвуд и рекой Йеллоустон. Впоследствии эта поросшая густыми травами область кормила сотни таких ферм. А потом пришли овцы и опустошили эти пастбища. Охотники старого времени заплакали бы, увидев нынешние голые прерии и холмы. Я не хочу никогда больше их видеть. Я предпочитаю помнить прерии такими, какими видел их в последний раз до того, как весь край опустошили стада быков и овец белых. Подумать только, сколько столетий эти волнистые прерии давали пропитание бродившим по ним бесчисленным стадам бизонов и антилоп и сколько столетий еще так могло бы продолжаться, если бы не жадность белых. Я так же, как и индейцы, считаю, что белый человек — ужасный разрушитель. Он превращает покрытые травой прерии в бурые пустыни; леса исчезают перед ним; и только почерневшие пни указывают, где некогда находились зеленые прелестные рощи. Да что, белый человек даже иссушает реки и срыгает горы. А с ним приходят преступление, голод и нужда, каких до него никогда не знали. Выгодно ли это? Справедливо ли, что множество людей должно расплачиваться за жадность многочисленных пришельцев?

Только один раз за зиму я выбрал время для охоты, так как большую часть времени Ягода находился в разъездах. Мы с Нэтаки однажды отправились охотиться на бизонов вместе с лагерем Хвоста Красной Птицы, приветливого мужчины лет тридцати пяти — сорока. Палаток в нашем лагере было мало, но народу много, и мы передвигались налегке. Мы обнаружили бизонов к концу первого дня, но продолжали поход до полудня следующего

дня и разбили лагерь у истоков Армелс-Крика. Никогда я не встречал такого количества бизонов, как здесь. Сближенного холмика мы увидели, что прерия просто черна от них до самых обрывов у берегов Миссури и на восток до холмов у рек Биг-Крукед-Крик и Масселшелл, видневшихся вдаль. К югу прерия упиралась в горы Мокасин, а на западе, в той стороне, откуда мы пришли, тоже паслись стада бизонов.

— Ха! — воскликнул Хвост Красной Птицы, подъехавший ко мне. — Кто говорил, что бизоны почти исчезли? Все как прежде! Никогда не видел такого обилия.

— Не забудь, что мы пришли издалека, чтобы встретить их, — возразил я, — и что в прерии на запад и далеко на север отсюда их нет совсем.

— А это правда, но так долго не продлится. Они, должно быть, временно все перешли на восток, как было уже однажды, по рассказам отцов. Они вернутся назад. Конечно, доброе Солнце нас не забудет.

У меня не хватило духу разрушить надежды Хвоста Красной Птицы, рассказать о тех обширных районах на восток и на юг, где уже больше нет бизонов, где даже антилопы фактически истреблены.

Хвост Красной Птицы предводительствовал отрядом, и охотники подчинялись его приказам. Мы подъехали к холму очень рано; осмотрев местность и расположение стада, он решил, что нужно устроить погоню за одним стадом, находившимся на юго-западе от нас, так как оно побежит против ветра в ту же сторону и не потревожит пасущиеся там и сям большие стада. Мы вернулись в лагерь, чтобы позавтракать и подождать, пока люди не оседлают своих лучших лошадей и не будут готовы к выезду. День выдался теплый, на земле лежал снег, но дул мягкий чинук, поэтому Нэтаки поехала с нами, как и большинство других женщин. Благоприятные условия местности позволили нам въехать в край стада раньше, чем поднялась тревога. Стадо понеслось, как и предсказывал Хвост Красной Птицы, на юго-запад против ветра и вверх по пологому склону одного из гребней предгорий. Это было для нас выгодно, так как бизоны не могут бежать быстро на подъем. Зато при беге с холма вниз они легко уходят от самой резвой лошади. Весь вес бизона сосредоточен на передней половине тела; их маленькие

короткие задние ноги недостаточно сильны, чтобы придать значительную скорость ненормальной широкой груди, громадной голове и тяжелому горбу, когда бизон бежит в гору.

Нэтаки ехала верхом на кобылке добродушного вида и более чем смирной, которую ей предоставил для этой поездки один наш друг из племени бладов. Всю дорогу от Джудита Нэтаки работала плеткой и давала кобылке всякие укоризненные прозвища, чтобы заставить ее идти вровень с моей более резвой и бойкой лошадей. Но как только мы приблизились к стаду и охотники врезались в него, поведение кобылки резко изменилось. Она стала на дыбы, — Нэтаки сдерживала ее, натягивая поводья, — заплясала боком, изогнув шею и насторожив уши, а затем, крепко закусив удила, бросилась в погоню так же бешено, как и любая другая обученная охотничья лошадь. Собственно, она и была хорошо обученной для погони за бизонами охотничьей лошадей, но владелец не подумал предупредить нас об этом. Лошадь Нэтаки оказалась более резвой, чем моя, и я забеспокоился, увидев, как она понесла Нэтаки в море бешено мчавшихся со сверкающими глазами мохнатых бизонов. Тщетно я понукал свою лошадь, она не могла нагнать Нэтаки, и мои предостерегающие возгласы терялись в громе и топоте тысяч копыт. Вскоре я заметил, что Нэтаки не пытается сдерживать кобылу, а, наоборот, нахлестывает ее. Один раз она оглянулась на меня и засмеялась, глаза ее сияли возбуждением. Мы продолжали скакать вверх по склону примерно с милю, затем рассыпавшееся стадо оторвалось от нас и понеслось вниз по другой стороне гребня.

— Что это тебе вздумалось? — спросил я, когда мы остановили наших взмыленных, тяжело дышащих лошадей. — Зачем ты это сделала? Я так боялся, то ты упадешь с лошади и тебя может зацепить рогом какой-нибудь раненый бизон.

— Видишь, — ответила она, — сначала я тоже испугалась, но так интересно скакать за ними. Ты только подумай, я хлестнула четырех бизонов своей плеткой! Мне хотелось только мчаться за ними все дальше и дальше, я не думала ни о норах барсуков, ни о возможности упасть, ни о чем. Скажи мне, ты убил?

— Ни одного.

Я не выстрелил ни разу. Я ничего не замечал, ничего не видел, кроме нее, в гуще стада и был более чем рад, когда погоня окончилась. Оглянувшись на склон гребня, мы увидели охотников и их жен, уже занятых работой над тушами убитых бизонов, усыпавших снег. Но мы-то остались без мяса. Неудобно было возвращаться в лагерь без мяса, поэтому Нэтаки и я проехали мили две в том направлении, куда ушло стадо, а затем свернули в горы. Наверху среди сосен попадались олени, а на открытых полянах паслись или отдыхали вапити, и мне посчастливилось убить жирную бездетную самку. Мы развели огонь, изжарили часть печени и кусок желудка и, наскоро поев, поехали обратно в лагерь, захватив столько мяса, сколько удалось навьючить на обеих лошадей.

Глава XXXII

Укрощение кочевников

На следующий день отряд опять устроил погоню. Утро обещало успех. Солнце ярко светило и грело, поблизости паслось большое стадо бизонов, все мы выехали из лагеря в превосходном настроении. Я поменялся лошастью с женой; хотя моя была в погоне несколько хуже кобылы Нэтаки, но хорошо чувствовала удила. Нэтаки могла легко сдерживать ее. Въехав в стадо, я уже не обращал ни на кого внимания, а старался выбрать жирных коров, настигнуть их и убить. Я не нуждался ни в мясе, ни в шкурах, но с нами ехали охотники на плохих лошадях, и я намеревался отдать им тех бизонов, которых застрелю. Я продолжал гнать кобылку, даже когда она стала заметно уставать, и мне удалось уложить семь голов. Когда я наконец остановился, рядом не было никого. Оглянувшись, я увидел две группы индейцев; из самой большой, ближайшей ко мне неслись горестные причитания женщин над умершим. Скоро и я узнал причину всего этого: погиб молодой Мастер Стрел. Два Лука сломал ногу. Громадный старый самец, раненый и обезумевший от боли, вонзил рога в лошадь Мастера Стрел, вырвал ей бок и спибу седока, упавшего на спины бежавших следом других бизонов, оттуда он скатился на землю, и его буквально растоптало бешено несущееся стадо. Лошадь Двух Луков попала ногой в нору барсука и сбросила седока на землю

с такой силой, что он сейчас лежал без сознания с переломом правой ноги выше колена. Некоторые из лошадей тащили волокуши. Мертвеца и раненого уложили на волокуши, и родственники отвезли их в лагерь. Охотники торопливо освежевали убитых бизонов, некоторые взяли только языки и филей и затем тоже поехали назад, к палаткам, в молчании, подавленные. В этот вечер не было ни угощений, ни гостей, ни песен. Вместо этого слышалось причитание женщин; мужчины с серьезными лицами сидели у очагов, курили и думали о ненадежности существования, изредка с похвалой упоминая о покойном товарище и высказывая сожаление о его безвременном конце.

Мастера Стрел похоронили наутро, привязав тело в развилке ветвей большого тополя, и мы стали готовиться к переносу лагеря, на что ушел остаток дня; нужно было нарезать и высушить мясо, чтобы уменьшить вес грузов, снять мездру с многочисленных шкур и сложить их во вьюки. В лагере не было никого, кто умел бы лечить перелом ноги, но мы сделали шины и перевязали сломанную ногу Двух Луков как умели. На следующее утро лагерь снялся рано и двинулся к дому. Все спешили уйти из этого злополучного места, кончить несчастливую охоту, пока не случилось еще какой-нибудь беды. Раненого уложили возможно удобнее на ложе, привязанное к жердям волокуши.

Во второй половине дня началась метель с сильным морозом; вокруг нас несло и крутило тучи мелкого снега. Несколько человек решило заночевать в первой же рощице, какая встретится, но остальные заявили, что не остановятся, а будут продолжать ехать всю ночь, пока не придут домой. Они боялись остановиться; опасение, что их постигнет какое-нибудь ужасное несчастье, казалось страшнее слепящего снега и жестокого мороза, посылаемых Создателем холода. Злые духи, рассуждали они, кружатся около, они уже причинили смерть и страдания и никто не будет в безопасности, пока не кончится охота и не будут сделаны жертвоприношения богам. Хвост Красной Птицы был в числе тех, кто предпочел ехать дальше. Мы с Нэтаки могли бы остановиться и вместе с каким-нибудь из семейств, свернувших в лесистую ложину, переждать в палатке, пока пройдет буря, но Нэтаки заявила, что совсем не холодно и что ей не терпится вернуться в наш удобный домик к жаркому камину,

— Мы сможем добраться к полуночи, — говорила она, — подумай только, как приятно будет поесть у камина, а потом спать в большой теплой постели. Ты за меня не бойся, я выдержу.

Ужасная ночь. Луну большую часть времени скрывали низко летевшие тучи и сыпавшийся снег. Мы просто уцепились за седла, отдав поводья, и положились на лошадей, надеясь, что они будут держаться пути, который прокладывал Хвост Красной Птицы. Мы не могли бы править, если бы и захотели, так как руки у нас онемели от холода и приходилось прятать их под плащами и одеялами, в которые мы закутались. Я ехал вплотную за Нэтаки, а она — позади предводителя отряда, семья Хвоста Красной Птицы следовала за нами. Иногда, оглядываясь, я видел семью предводителя, но чаще их скрывал слепивший глаза снег. Хвост Красной Птицы и многие мужчины часто соскакивали с лошадей и шли или бежали рядом, тщетно пытаясь согреться, но женщины оставались в седле и дрожали, некоторые из них обморозили руки и лица. Когда до дому оставалось еще миль шесть — восемь, Хвост Красной Птицы, шедший впереди своей лошади, провалился в занесенный снегом ручей. Вода доходила ему до пояса, она мгновенно замерзла на его ноговицах, как только он выкарабкался из ямы. Но он не жаловался и продолжал упорно шагать по глубоким сугробам, пока мы не пришли наконец домой. Я еле слез с лошади: так я одеревенел, заоченел и замерз. Мне пришлось снять Нэтаки с седла и внести ее в дом. Был уже второй час; мы пробыли в пути около семнадцати часов! Я разбудил одного из рабочих, чтобы он принял лошадей, и мы легли в постель, укрывшись несколькими шкурами и одеялами, от дрожи у нас стучали зубы. Но если вы когда-нибудь основательно замерзнете, то попробуйте согреться этим способом. Вы согреетесь под одеялами гораздо скорее, чем сидя у камина и глотая горячие напитки.

Когда мы проснулись, было уже около полудня. Стало известно, что из нашего отряда пропала женщина. Как-то где-то в эту страшную ночь она свалилась со своей лошади, и Создатель холода взял ее. Тела ее не нашли. Я рассказал Ягоде про то, что мы претерпели в этом походе.

— Ведь я предупреждал тебя, — заметил он, — чтобы ты не ездил. Человек, который может зимой оставаться у камина и бросает его, чтобы охотиться в прерии, несом-

ненно, тронутый. Да, сэр, он чистейшей воды чистокровный дурак.

В сентябре на реке Кат-Банк нашли убитого человека, по имени Чарлз Уолмсли, ехавшего из форта Маклеод в Форт-Бентон; Кат-Банк находится на полпути между этими фортами. Его фургон, сбруя и другие вещи были свалены в реку. Подозрение в конце концов пало на некоего Черепаху и его товарища Всадника, индейцев из племени блад, которые израсходовали несколько сот канадских долларов в Форт-Бентоне на ружья и разные другие предметы, дорогие сердцу индейца. Они жили в занятой бладами части лагеря близ форта, и шериф графства, узнав, где находятся заподозренные в убийстве, выехал, чтобы арестовать их; он взял с собой только помощника Джеффа Толбота. Может быть, на границе и встречались люди храбрее шерифа Джона Дж. Хили, но я их не видал. Хили занимал пост шерифа не знаю уже сколько сроков подряд, и ему принадлежал издававшийся в Форт-Бентоне «Рекорд», первая газета, начавшая выходить в прериях Монтаны. До этого он торговал с индейцами как один из главных организаторов Хуп-Апа и северной торговли.

Хили и Толбот приехали на нашу ферму вечером, перед заходом солнца, и, как только задали корму лошадям, рассказали нам, зачем прибыли.

Ягода покачала головой.

— Будь я на вашем месте, — сказал он, — я бы не пытался арестовать их здесь. У Черепахи куча родственников и друзей. Я думаю, они будут драться. Вы бы лучше вернулись назад и взяли в форте несколько солдат на подмогу.

— Плевать мне на него, хотя бы у него была тысяча родственников! — воскликнул Хили. — Я приехал сюда за этими индейцами и повезу их назад с собой, живых или мертвых.

— Ладно, — отозвался Ягода, — если вы обязательно должны попробовать арестовать их, то мы будем с вами. Но затея эта мне совсем не нравится.

— Нет, сэр, — возразил Хили. — Вы не можете себе позволить вмешиваться в это дело. Индейцы вас уложат и перейдут сами на новое место. Пошли, Джефф.

Хили и Толбот ушли, и мы минут пятнадцать провели в жестоком напряжении. Вооружив рабочих, Ягода и я

взяли оружие сами и стояли, ожидая, что придется идти туда на помощь, хотя и знали, что, случись что-нибудь, мы явимся слишком поздно. И потом, что могли поделаться несколько человек против большого лагеря разгневанных индейцев. В то время как я разговаривал с Ягодой, вдруг показались Хили и Толбот со своими индейцами, надежно закованными в ручные кандалы. Одного они приковали цепью к среднему столбу в лавке, другого — к бревенчатой стене на кухне.

— Вот! — воскликнул Хили. — Готово. Ну и устал же я! Нет ли у вас чего-нибудь для голодного? Я просто помираю от голода.

Хили хорошо говорил на языке черноногих. Когда он и Толбот вошли в лагерь и спросили Бегущего Кролика, вождя бладов, их провели в его палатку. Хили быстро изложил свое дело. Старый вождь сказал, что пошлет за подозреваемыми и Хили сможет поговорить с ними.

— Но, — добавил он, — я ни за что не отвечаю, если вы попытаетесь наложить на этих юношей руки и забрать их. Моя молодежь — народ буйный. Я не властен над ними.

Женщин, посланных позвать Черепаху и Всадника в палатку вождя, предупредили, чтобы они ничего не говорили, не объясняли, зачем их зовут. Черепаха и Всадник вошли и уселись, ничего не подозревая. За ними вошло еще несколько человек любопытных узнать, по какому поводу вождя посетили белые. Хили быстро объяснил, в чем дело.

— Я ничего об этом убийстве не знаю, — заявил Черепаха, — и я с тобой не поеду. Не поеду. Я буду драться. У меня здесь много друзей, они мне помогут.

Едва он кончил говорить, как Хили, очень сильный человек, схватил Черепаху и защелкнул на его руках кандалы. Толбот сделал то же со Всадником. Оба индейца пришли в бешенство; сидевшие тут же индейцы стали кричать в страшном возбуждении: «Вы их не возьмете!», «Мы их не пустим!», «Снимите с них железки, не то вам не поздоровится!».

— Слушайте! — Хили предостерегающе поднял руку. — Вы меня знаете. Я думаю, вы знаете, что я вас не боюсь. Я должен забрать этих двоих с собой. И я заберу их. Если кто попытается помешать мне, то умру не я

один. Вы знаете, как я стреляю, так вот, кое-кто из вас умрет раньше меня.

Он не вынул револьвера. Он холодно и пристально смотрел им в глаза, а когда он бывал в гневе, взгляд его заставлял дрожать злоумышленников.

— Идем! — бросил он Черепахе.

И индеец, как оглушенный, машинально встал и последовал за ним. Толбот и второй индеец вышли вслед.

В эту ночь все мы почти не спали. Поздно вечером пришел молодой пиеган и сообщил, что блады собираются освободить своих друзей. Одни предлагают напасть на торговый пункт, другие говорят, что лучше подстеречь шерифов на дороге.

— Пойди и объяви бладам: я надеюсь, что они попытаются напасть, — сказал Хили. — У нас есть крупнокалиберные винчестеры, шестизарядные револьверы и вдоволь патронов. Мы здорово позабавимся. А первые две пули получают Черепаха и Всадник.

Арестованных благополучно доставили в Хелину. На суде Всадник выступил свидетелем обвинения. Черепаха убил Уолмичи выстрелом в спину, когда тот готовил ужин. Убийцу приговорили к пожизненному заключению; он умер через два года в детройтской тюрьме. После этого случая не было ни одного убийства белых индейцами из племени черноногих.

Зима стояла довольно суровая. Индейцы убивали не так много бизонов, как могли бы, будь стада ближе к лагерю. Все же они выдубили немало шкур, и у них скопилось много сырых. Однажды вечером из Форт-Бентона прибыл отряд солдат под командой лейтенанта Крауза. Больно было видеть, как женщины и дети побежали прятаться в кусты с широко раскрытыми от страха глазами. Они не забыли устроенное Бэкером побоище. Мужчины ничего не говорили, но схватили оружие и стали у своих палаток готовые, если понадобится, сражаться, но вскоре увидели, что отряд остановился и готовится разбить лагерь. Значит, решили индейцы, войны не будет, и позвали своих жен и малышей. Но солдаты прибыли с поручением почти столь же страшным, как сражение. Они пришли, чтобы конвоировать пиеганов назад в их резервации, где уже не было ни бизонов, ни вообще какой бы то ни было дичи, и чтобы драться с индейцами, если те откажутся идти. Индейцы собрали совет,

— Почему, — спрашивал Белый Теленок с посеревшим от сдерживаемого гнева лицом, — почему это делается? По какому праву? Мы на нашей собственной земле. Она всегда была нашей. Кто смеет говорить, что мы должны покинуть ее?

Лейтенант Крауз объяснил, что он только орудие, неохотно выполняющее распоряжение начальства, которое в свою очередь получило приказ самого Великого отца перевести пиеганов обратно на территорию их агентства. На них-де поступила жалоба. Скотоводы утверждают, что пиеганы убивают скот, и требуют отправить индейцев домой. Великий отец удовлетворил просьбу скотоводов. Лейтенант казался мягким, добрым человеком; ему не нравилось поручение, с которым его прислали.

— Слушай! — начал Белый Теленок. — Много лет тому назад люди Великого отца приехали на пароходе в устье реки Джудит и там заключили договор с нашим племенем. Договор был сделан на бумаге, которую подписали эти люди и наши вожди. Я был тогда еще молод, но сообразителен и хорошо помню написанное на этой бумаге письмо белого человека. Там говорилось, что вся страна к северу от реки Масселшелл и по Миссури до самого устья реки Милк, вплоть до границы с Канадой, и на восток от Скалистых гор до линии, идущей на север от устья реки Милк, — вся эта страна, стояло в бумаге, наша. С того времени белые не покупали и не просили у нас ни куска этой земли. Как же они могут теперь утверждать, что мы не имеем права здесь охотиться? Нас обвиняют в убийстве скота. Мы этого не делаем. Зачем нам убивать скот, когда у нас есть жирные бизоны, и олени, и вапити, и другая дичь? Мы не хотим возвращаться на территорию агентства. У того, кто в нем сидит, нет ничего для нас. В том районе нет дичи. Если мы уйдем туда, то будем умирать с голоду. Страшная вещь — страдать от того, что нечего есть. Пожалей наших маленьких детей, женщин и стариков. Отправляйся назад в свой форт и оставь нас в покое.

Вставали и произносили речи и другие, и просьбы индейцев позволить им остаться в области, где есть дичь, звучали поистине трогательно. Они заставили увлажниться глаза многих белых. Я хорошо заметил, что голос лейтенанта дрожал, когда он ответил, что не в его власти сделать то, чего они хотят; он просил пиеганов не отяго-

щать его задачу отказом отправиться в резервацию. Затем Крауз встал и покинул совет, попросив поскорее известить его о том, что будет решено.

Принятие решения потребовало немного времени.

— Конечно, — говорил Белый Теленок, — мы могли бы убить этих солдат, но другие в гораздо большем числе заменят их. Они перебьют наших женщин и детей, даже новорожденных младенцев, как это сделали раньше солдаты белых на реке Марайас. Нет, мы не можем сражаться с ними. Отправимся назад на территорию агентства и попытаемся как-нибудь добыть себе пищу.

Дня через два индейцы разобрали палатки; мы уложили выделанные бизоньи шкуры и всякие вещи в фургоны и покинули лагерь. Все двинулись на север под конвоем солдат. Дело происходило в марте, и лошади индейцев за зиму так исхудали и ослабели, что могли проходить в день только двенадцать — пятнадцать миль; сотни лошадей издохли в пути. Несмотря на тяжело нагруженные фургоны, мы двигались быстрее индейцев и прибыли в Форт-Бентон раньше их. Всего мы закупили за зиму восемьсот шкур бизонов, три тысячи шкур оленей, вапити и антилоп и не помню сколько бобровых и волчьих.

От Форт-Бентона индейцы медленно продвинулись к форту Конрад, где мы остались, а оттуда побрели на территорию агентства; женщины начали дубить сырые шкуры. Продажей выделанных шкур индейцы некоторое время спасались от настоящего голода.

Вот правдивое объяснение этого несправедливого и жестокого обращения с пиеганами: как уже говорилось, владельцам единственной скотоводческой фермы на Биг-Спринг-Крике принадлежал также и торговый пункт на территории агентства; они хотели, чтобы индейцы вернулись туда, зная, что приобретут у них несколько сот бизоньих шкур. Поэтому они выдвинули дутое обвинение пиеганов в убийстве принадлежащего ферме скота, и так как владельцы имели сильное влияние в Вашингтоне, то жалобу приняли и поверили ей. Шкуры бизонов владельцы фермы действительно получили и уговорили невинного новичка, видевшего, что торговля идет хорошо, купить торговый пункт на территории агентства. Новичок купил kota в мешке, так как к середине лета пиеганы не имели для продажи ни одной выделанной шкуры и вообще ничего, на что можно было бы купить фунт чая.

Огромная область, лежащая между реками Миссури и Масселшелл и от Миссури до Марайаса, по праву и сейчас принадлежит черноногим. Договор 1855 года закреплял ее за ними, но земля отобрана у них двумя административными распоряжениями: от 2 июля 1873 года и от 19 августа 1874 года. Если бы за это дело взялся хороший адвокат, он, несомненно, мог бы восстановить их права и получить при этом отличный гонорар*.

* Рассуждения Шульца о «хорошем адвокате» очень наивны. Захват индейских земель был для капиталистического общества закономерным процессом, уничтожавшим на своем пути целые народы, и при существующем в Америке политическом строе никакой самый лучший адвокат не может восстановить права индейцев на их земли.

Глава XXXIII

Индейцы Кри и Ред-Ривер

Мы снова дома, в форте Конрад. Нэтаки и я любили это место больше всех остальных, где нам довелось жить. Река, журчащая и лепечущая под окном, прелестные зеленые рощи в поросших травой речных низинах, пологий склон долины, сама комната, грубо построенная из толстых бревен, прохладная летом, теплая зимой, освещенная пылающим в камине огнем, — больше этого, казалось, нечего желать.

— Не будем больше никогда уезжать отсюда, — сказала Нэтаки, — будем жить здесь спокойно и уютно.

Но я ответил, как когда-то, что мы не можем всегда поступать, как хочется, что через несколько недель или месяцев придется, может быть, снова пуститься в путь за бизонами.

Ягода совершил в мае обзорную поездку по области, где водятся бизоны; когда он вернулся, мы стали готовиться к устройству торгового пункта на Миссури, в месте под названием Керрол, примерно в ста пятидесяти милях ниже Форт-Бентона. Стил и Бродуотер, компаньоны, владевшие большим транспортным предприятием «Даймонд Р», построили этот пункт несколько лет тому назад, намереваясь перевозить отсюда доставляемые пароходами грузы прямо в Хелину, но по ряду причин из этого проекта ничего не вышло, и возведенные ими строе-

ния уже давно сползли в наступающую на берег реку. Мы выбрали это место потому, что оно расположено к югу от гор Литтл-Роки и к северу от гор Сноуи, от него шли хорошие колесные дороги и, главное, казалось, что оно находится в самом центре той области, где оставались еще бизоны. Мы послали надежного индейца на север, в Канаду, известить черноногих и бладов о нашем намерении, и они согласились спуститься вниз по реке в этот район, как только смогут. То же сказали наши ближайшие соседи — пиеганы. Мы рассчитывали на большую торговлю и, как оказалось, не ошиблись.

Около 1 июля 1880 года мы сели в Форт-Бентоне на пароход «Ред Клауд» — Ягода, Женщина Кроу, Нэтаки и я. С нами ехал также француз-полукровка Эли Гардипи, лучший ружейный стрелок, лучший охотник на бизонов и вообще лучший из всех охотников, которых я знал. Он был шести футов двух дюймов ростом, несколько худ. Я никогда не видел человека, который мог бы идти или бежать наравне с ним: Гардипи обладал легкими и мускулами необычайной выносливости. В устье Джудита мы увидели бизонов, они покрывали речные долины, река казалась черной от переплывающих ее стад, одни направлялись на север, другие — на юг. Мы увидели также стада оленей, вапити и антилоп, а на голых скалах и холмах много горных баранов. Зрелище всей этой дичи радовало глаз и вызывало изумление новичков-пассажиров. Они ринулись за своими ружьями, дробовиками и игрушечными пистолетами, но капитан парохода запретил стрелять. Впрочем, он сказал Гардипи, что хотел бы поесть жареного седла горного барана, и разрешил убить одного. Вскоре мы увидели прекрасного крупного самца, стоявшего у вершины холма и глядевшего на нас. Баран находился не менее чем в трехстах ярдах от парохода, но через мгновение раздался треск выстрела из ружья Гардипи; баран сорвался сверху, покатился и с громким всплеском свалился в реку. Капитан дал задний ход большому кормовому колесу и стал ждать, пока туша не подплывет к борту; здесь матросы вытащили ее на палубу. Пожалуй, более трудного выстрела мне не приходилось видеть. Новички собрались вокруг Гардипи и уставились на него, открыв рты от изумления.

Мы прибыли в Керрол к концу дня. На борту было много тонн наших товаров; матросы с поразительной бы-

стротой выгрузили все на берег. Обоз Ягоды с бычьими упряжками прибыл раньше нас сухим путем, и рабочие уже выстроили вместительный двухкомнатный бревенчатый дом; одна из комнат предназначалась для кухни, другая — для столовой. Мы немедленно заняли дом, и женщины приготовили хороший обед.

К середине сентября форт уже хорошо подготовился к зиме; построили большую бревенчатую лавку со складом размером 40×125 футов, копильню для копчения языков бизонов и спальные помещения. Исполняя свое обещание, пришли с севера черноногие и блады, а немного позже прибыло около двух тысяч канадских кри, предводительствуемых вождем Большим Медведем. Пришло также много индейцев ред-ривер, французов и англичан-полукровок со своими неуклюжими скрипучими повозками на двух колесах без железных ободьев. Очевидно, нам не грозил недостаток покупателей. Торговец-конкурент открыл еще до нас небольшую лавку ярдах в двухстах выше по реке. Он никогда раньше не занимался торговлей с индейцами, но хвастал своими коммерческими успехами в Штатах и говорил, что скоро отберет у нас всю торговлю, хотя у него и не такой большой запас товаров. Когда на противоположном берегу реки появились черноногие, он переправился к ним и пригласил вождей к себе на обед. Они все сели к нему в лодку и переехали через реку, но, как только ступили на берег, прямоком отправились на наш пункт, где черноногих ждала знакомая им радушная встреча. Трудно себе представить более огорченного человека, чем этот торговец. Еще до того, как кончилась зима, он перенес и другие огорчения. Мы позаботились о том, чтобы он не скучал.

Северные черноногие дружили с кри, в некоторой степени племена эти связаны смешанными браками. Оба племени всю зиму стояли лагерем бок о бок в речных долинах около нас. Однако блады находились с ними не в таких дружественных отношениях и охотились к югу от реки у подножия гор Сноуи. Вожди племен бладов и кри заключили своего рода перемирие, договорившись, что по крайней мере на эту зиму между племенами не будет столкновений. Но пиганы не хотели встречаться со своими исконными врагами и охотились в местности на западе от нас, время от времени высылая военный отряд, что-

бы убить несколько кри и угнать у них табуны. Кри с нами не торговали.

Нэтаки и Женщина Кроу пришли в сильное негодование, когда увидели подъезжающих с севера кри.

— По какому праву, — спрашивала Женщина Кроу, — они здесь. Солдаты должны были бы прогнать этих кри назад в их заросшие кустарником болота. Неправильно разрешать кри убивать бизонов и прочую принадлежащую нашему племени дичь.

— Это собаки, питающиеся собачьим мясом! — воскликнула Нэтаки. — Если ты собираешься пригласить их вождей на обед, то ищи кого-нибудь, кто приготовит еду, потому что я готовить не буду.

И Нэтаки сдержала свое слово. Увидев, как она к этому относится, я отыскал семейство английских полукровок, которое взяло на себя обслуживание компании. Нэтаки потеряла в войне против кри брата и дядю, и я не мог винить ее за такое отношение к этому племени. Однако пиеганы всегда побеждали кри, так как были храбрее, лучше вооружены и лучше ездили верхом. Некогда пиеганы сразились с кри там, где сейчас стоит город Летбридж, в провинции Альберта; в этой битве было убито двести сорок человек кри, еще много утонуло при попытке спастись вплавь по реке.

Не могу объяснить почему, но и я чувствовал глубокую неприязнь к кри; может быть, потому, что враги Нэтаки, естественно, были и моими врагами. Мне стыдно признаться, что я ненавидел и презирал кри, внешний их вид, хватки, даже язык. Я скоро выучил слова на языке кри, обозначающие различные предметы торговли, но ни за что не применял этих названий, делая вид, что не понимаю, и заставлял кри или требовать нужное на языке черноногих, который большинство кри знали, или же при помощи языка жестов. Их вождь Большой Медведь был низкорослый, широкоплечий человек с грубыми чертами лица и маленькими глазками; волос на его голове, казалось, никогда не касался гребень. Я никак не мог узнать, почему он стал вождем. Он, видимо, не обладал даже средним умом, а его военные заслуги не шли в сравнение с заслугами среднего воина из черноногих.

Еще больше, чем кри, мне были неприятны их сводные братья — французы-полукровки от индианок кри, племя ред-ривер.

Луи Риэль! Как хорошо и все же как мало я знал этого вождя восстания ред-риверов Канады в 1885 году. Риэль был красивый мужчина, хотя его блестящие черные глаза глядели не совсем уверенно, даже немного бежали, и у него были такие вежливые манеры. Еще за тридцать — сорок ярдов от вас он снимал свое широкополое сомбреро широким жестом и подходил к вам с поклонами и улыбками, наполняя воздух высокопарными комплиментами. Он получил хорошее образование; иезуиты готовили его в священники, но кое-какие проступки помешали его посвящению. Я думаю, что именно образованность была причиной поражения Риэля, так как он переоценил себя и свою силу. Все-таки я не мог решить, действительно ли он верил в свое дело и в то, что он может исправить несправедливое зло, как он выражался, причиненное его угнетенному и обманутому племени, или же он затеял всю эту драку, рассчитывая, что канадское правительство откупится от него и он будет потом жить в богатстве. Возможно также, что в оценке самого себя, своего племени и своего положения сказывалась неуравновешенность Риэля. Он появился у нас с приходом ред-риверов из северных прерий и скоро стал пользоваться расположением Ягоды благодаря исключительному умению гладко и убедительно говорить. Он хотел получить у нас в кредит товары, чтобы торговать в своем лагере, и мы их ему дали. В течение почти двух лет он имел у нас открытый счет. Счет и сейчас открыт, так как он уехал, исчез в одну ночь и остался должен семьсот долларов.

— Так, — сказал Ягода, — пожалуй, мы с ним в расчете: он поклонился нам приблизительно семьсот раз, и я считаю, что такие величественные и низкие поклоны стоят примерно доллар за штуку.

Никто из ред-риверов, кроме Риэля, не имел ни малейшего представления о силе канадцев и стоявших за ними англичан. Но он-то знал все, так как бывал на Востоке, в Оттаве, Монреале и Квебеке, и чтением приобрел общие знания обо всем мире. Но здесь, близ нашего торгового пункта, он устраивал одно собрание за другим и взвинчивал свое племя до состояния предельного энтузиазма, уверяя, что канадцев-англичан мало, что они неопытны и индейцы всего за несколько недель смогут покорить врагов силой оружия. Когда индейцы спрашивали

наше мнение, мы говорили, что нет ни малейшего шанса победить канадцев, и то же самое говорил живший с ред-риверами католический священник отец Скаллин. Он был прислан епископом Эдмонтонским, чтобы заботиться о духовных нуждах различных племен. Скаллин бегло говорил на языках кри и черноногих и на канадско-французском наречии. Я сомневаюсь, чтобы Ризлю удалось вызвать восстание ред-риверов, если бы в стране сохранились бизоны. Но когда индейцы уже не могли больше существовать охотой на бизонов и начали голодать, они впали в отчаяние и произошел взрыв. Восстание началось через четыре года после того, как мы впервые обсуждали эти вопросы на берегах Миссури. Все они, вместе взятые, — кри и ред-риверы — не смогли проявить себя в бою так, как это сделала бы горстка черноногих. Ризля судили, приговорили к казни и повесили как изменника.

Ред-риверы, прибывшие с Севера, дети англичан и шотландцев, совершенно не походили на французов-полукровок; торговать и встречаться с ними было просто удовольствием. Женщины этих ред-риверов большей частью голубоглазые, розовощекие блондинки, а мужчины рослые, мускулистые, крепкие, воплощение мужественности, на них приятно было смотреть. Но позвольте! Я не должен огульно осуждать полукровок-француженок. Я вспоминаю, что некоторые из них казались чрезвычайно милыми даже в темных иностранных нарядах, в которые они одевались. Помню, например, некую Амели, муж которой, француз, погиб во время погони за бизонами.

Бизоны продолжали пастись поблизости от нас, и число их, видимо, не уменьшалось, несмотря на то что ежедневно на охоту выезжала целая орда. Один раз я поехал с несколькими ред-риверами. Мы увидели стадо, как только выехали за край долины. Мои спутники, скрытые от бизонов крутым бугром, спешили, сняли шляпы и, став на колени, начали креститься. Какой-то почтенный старец произнес длинную молитву об успехе охоты и о том, чтобы ничего дурного не приключилось ни с ними, ни с лошадьми во время погони. Потом они вскочили в седла и понеслись, бешено нахлестывая лошадей и проклиная их самыми ужасными проклятиями, какие только знали. Кое-кто, кому не хватало слов на родном языке, орал проклятия на ломаном английском,

— Поль, — сказал я одному из ред-риверов, когда погоня кончилась, — а если бы ты погиб во время погони, куда бы отправилась твоя душа?

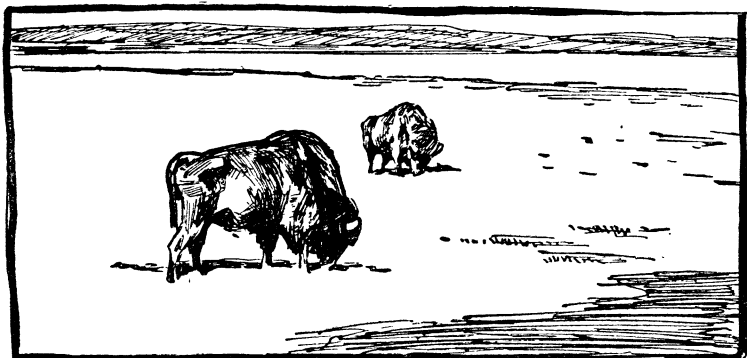
— Как куда? Конечно, к доброму богу.

— Но после молитвы ты проклинал свою лошадь. Ты произносил ужасные проклятия.

— А!.. Но ведь это говорилось в пылу погони, чтобы поганая скотина скакала быстрее. Добрый бог, несомненно, знает, что я не хотел его оскорбить. Моя — как это называется — душа отправилась бы в хорошее место.

Чтобы обслуживать бладов и большой лагерь ред-риверов, мы устроили поздней осенью филиал нашего торгового пункта на Флат-Уиллоу-Крике, притоке Масселшелла. Я ездил туда несколько раз в течение зимы, проезжая мимо больших стад бизонов и антилоп; один раз я видел табун диких лошадей, гораздо более диких, чем бизоны, среди которых они бродили. У подножия гор Сноуи, с которых берет начало Флат-Уиллоу, водились огромные стада вапити и оленей, и мы скупали их шкуры в большом количестве.

Редко какая семья кри и ред-риверов владела больше чем полудюжиной лошадей. Многие кри при перенесении лагеря на новое место бывали вынуждены идти пешком, навьючивая свое скромное имущество на собак. Однако эти индейцы не были лентяями: они убивали бизонов и дубили множество шкур, которые выменивали на виски, чай и табак, одежду покупали редко.

Глава XXXIV

Последние бизоны

С наступлением весны черноногие и блады двинулись назад, в Канаду, чтобы получить от правительства полагающиеся им по договору деньги. Они намеревались осенью вернуться, но сейчас перешли границу и направились на север. Кри и ред-риверы остались около форта. За этот сезон мы наторговали четыре тысячи шкур бизонов и почти столько же шкур оленей, вапити и антилоп. За шкуры бизонов мы выручили 28 000 долларов, за шкуры других животных и, кроме того, бобровые и волчьи меха еще около 5000 долларов. Это был наш рекордный сезон, самый выдающийся на памяти Ягоды. Замечательно, что это произошло в то время, когда бизоны уже были почти полностью истреблены.

Мы ожидали, что проживем лето, как обычно, спокойно, но тут пришли заказы на пеммикан и сушеное мясо от фирм, ведущих торговлю с индейцами на территории агентства Сиу, в Дакоте, и от торговавших на северо-западной территории Канады. Во всех письмах говорилось одно и то же: «Бизоны исчезли, пошлите нам для торговли столько тонн мяса и пеммикана, сколько сможете». Кри и их сводные братья были очень довольны, когда мы сказали, что купим все, что они нам доставят, и, не теряя времени, принялись охотиться. В ход пошло всякое мясо:

худые самки бизона, старые самцы, возможно, и покалеченные лошади. Мясо сушилось широкими тонкими пластами, запаковывалось в тюки, перевязанные сыромятными ремнями. Пеммикан изготавливается из истолченного в порошок сушеного мяса, смешанного с салом и жиром, извлеченным из костей животных. Пеммикан паковался в плоские продолговатые мешки из сырой кожи. Это покрытие, высыхая, садится, туго сжимая наполняющую его массу; такой мешок приобретал плотность и вес камня. Я уже не помню, сколько этого товара мы запасли за лето: сушеного мяса буквально десятки кубических ярдов, а пеммикана сотни мешков; все это мы продали с хорошей прибылью.

Однажды в середине лета к нам в дом явился высокий, стройный человек; лицом и черными остроконечными, закрученными кверху усами он напомнил мне портреты старинных испанских дворян. Изъяснялся он на английском, чистом английском языке, гораздо лучше, чем язык, которым говорили все белые в этих местах, лучше, чем язык многих офицеров армии, окончивших военную академию в Уэст-Пойнте. Представляясь, он назвал себя Вильямом Джексон. Имя показалось мне знакомым, но я не мог сообразить, где я его слышал, пока он не сказал, что иногда его называют Сик-си-ка-кв́ан—Черноногий Человек. Тогда я вспомнил. Сколько раз старик Монро говорил о нем, о своем любимом внуке, о его храбрости и добром сердце. Я с радостью пожал его руку и сказал:

— Я давно хотел встретиться с вами, Сик-си-ка-кв́ан. Ваш дед мне много о вас рассказывал.

Мы с ним крепко подружились и дружили до самой его смерти.

Никто не заставит меня поверить, что наследственность не имеет значения. Возьмите, например, Джексона. Со стороны матери он происходит от Монро, известной своей храбростью шотландской семьи, и Ла-Рошей, знатного французского семейства, представители которого давно эмигрировали в Америку.

Отец его Томас Джексон принимал участие в войнах 1832 года с семинолами и другими индейцами; прадеды его с обеих сторон сражались за независимость Штатов. Не удивительно, что он сделал военное дело своей профессией и еще юношей вступил разведчиком в армию Соединенных Штатов.

В то время когда Джексон появился в нашей лавке в Керроле, он торговал с индейцами, кочевавшими около гор Джудит. Мне не хотелось расставаться с ним. Я почти не надеялся увидеть его снова, но несколько лет спустя встретил его в резервации, куда новички с их копеечным подходом к делам загнали всех мужей скво, как нас называли.

Снова пришла зима; кри и ред-риверы все еще жили около нас, но бизонов было уже не так много, как в предыдущую зиму. Область, где они паслись, тоже уменьшилась и простиралась теперь к востоку от устья реки Джудит до Раунд-Бьютта на северном берегу Миссури на расстояние сто двадцать пять миль; ширина этой области в сторону от реки составляла не более сорока миль. На юг от Миссури, в районе между ней и рекой Йеллоустон, паслись гораздо более многочисленные стада бизонов, но здесь много было и охотников. С востока стада теснили ассинибойны и сиуянктонаи, с юга — кроу и орда белых охотников за шкурами, появившихся в области с постройкой Северной тихоокеанской железной дороги, сооружавшейся в то время вдоль Йеллоустона. Среди стад бродили наши кри и ред-риверы. Больше всего истребляли бизонов белые охотники. В эту зиму они собрали в районе вдоль реки Йеллоустон свыше ста тысяч шкур бизонов, которые продавались владельцам кожевенных заводов Востока примерно по два доллара за штуку. Мы приобрели две тысячи семьсот бизоньих шкур и около тысячи шкур оленей, антилоп и вапити; все остальные торговцы, вместе взятые, закупили приблизительно столько же. Большую часть полученных нами шкур охотники сняли с бизонов, убитых в начале зимы. Позже, в середине зимы, охотникам приходилось заезжать все дальше и дальше в поисках дичи. Не было уже никаких сомнений в том, что охота на бизонов идет к концу.

В феврале у нас истощился запас одеял для торговли, и я отправился на торговый пункт в устье реки Джудит, взяв с собой Нэтаки. Лед на Джудите был уже крепкий, и мы поехали по реке; каждый сидел на отдельных саночках ред-риверов, запряженных лошадью. Приятно было скользить по гладкому льду, по знакомой реке. Было не очень холодно, безветренно, снег не падал. В первый день мы доехали до Дофин-Рэпидса и заночевали в домике временно отсутствовавших лесных охотников. Они оставили

записку на грубо сколоченном столе. В записке стояло: «Будти, как дома, куда пойдети, закройти дверь».

Мы устроились «как дома». Нэтаки изготовила на огне хороший обед, и мы долго сидели перед веселым огнем в удобнейших креслах. Кресло состояло просто из сырых бизоньих шкур, натянутых на деревянные рамы, но им пользовались, когда шкуры еще только высохали, и оно получило превосходную форму: каждая часть тела получала как раз нужную опору.

На другой день мы приехали на место, а на следующий день отправились домой с грузом одеял. Около четырех часов дня показалось стадо бизонов, бегущих через реку на юг; из оврагов у реки слышались выстрелы. Немного спустя стал виден большой лагерь индейцев в походе; они спускались гуськом в долину реки под нами. Сначала я забеспокоился, так как боялся, что это могут быть ассинибойны, которые недавно убили лесного охотника. Я остановил лошадь и спросил у Нэтаки, что нам лучше делать: гнать вперед возможно скорее или остановиться и заночевать с индейцами. Она внимательно взгляделась в них; они уже начали ставить палатки. Как раз в этот момент начали поднимать и натягивать на шесты раскрашенную палаточную кожу.

— Ой! — воскликнула Нэтаки, задохнувшись от радости. — Ведь это наши! Смотри! Они поставили священную палатку бизона. Скорее! Едем к ним.

Действительно, это была группа пиеганов, предводительствуемая Хвостом Красной Птицы, у которого мы и заночевали. Они так же были рады видеть нас, как мы радовались встрече с ними. Мы легли спать далеко за полночь, когда кончились дрова в палатке.

— Дело идет к концу, — сказал мне Хвост Красной Птицы. — Этой зимой пришлось ходить на охоту очень далеко: по реке Милк, на Волчьи горы (Литтл-Роки), а теперь сюда, на Большую реку (Миссури), а мяса мы добывали в обрез, только чтобы поесть. Друг, боюсь, что это наша последняя охота на бизонов.

Я рассказал ему, что делается на юге и на востоке отсюда, что нигде нет бизонов, если не считать малочисленные стада между этими местами и рекой Йеллоустон, да и те стада здесь насчитывают не более сотни голов.

— Ты уверен, — спросил он, — что белые осмотрели всю страну, которая, по их словам, лежит между двумя

солеными озерами (океанами)? Не пропустили ли они какую-нибудь большую область, где собрались наши бизоны, откуда они могут еще вернуться?

— Нет такого места во всей стране, — ответил я, — на севере, на юге, на востоке или на западе, где бы не прошли белые, где бы они не проходили и сейчас, и никто из них не встречал бизонов. Не верь, как верят многие из ваших, что белые угнали бизонов, чтобы лишить вас средств к существованию. И белые хотят убивать бизонов, чтобы получить их шкуры и мясо, так же как и вы.

— Если так обстоит дело, — сказал он с глубоким вздохом, — то меня и всех наших ждут несчастье и смерть. Мы умрем от голода.

На следующий день, когда мы ехали домой, я увидел одинокого молодого бизона — почти годовалого. Он стоял унылый, заброшенный на клочке, поросшем райграсом, над рекой. Я застрелил его и снял с него шкуру целиком, с рогами и копытами. Позже Женщина Кроу выдубила ее и украсила внутреннюю сторону кожи яркой вышивкой из игл иглошерста. Это был мой последний бизон. Во второй половине дня мы спугнули стадо голов в семьдесят пять, которое подошло к замерзшей реке в поисках воды. Бизоны ринулись через речную долину и вверх по склону в прерии. Это было последнее стадо бизонов, которое видели мы с Нэтаки.

Моя маленькая жена и я уже давно тосковали по дому. Хотя мы любили великую реку, ее прелестную долину и фантастические бедленды, но не любили народ, временно живший здесь. Нэтаки и я постоянно говорили и мечтали о нашем доме на реке Марайас; и вот в майское утро мы сели на борт первого парохода, отходившего в эту навигацию в Форт-Бентон, а оттуда в форт Конрад. Так Нэтаки и я распрощались навсегда с жизнью в прериях, с охотой на бизонов и торговлей с индейцами.

Скоро за нами последовал и Ягода, оставив за себя на торговом пункте человека. Торговый пункт просуществовал — в убыток — еще год, закупив всего триста шкур, главным образом самцов бизонов, в последнюю зиму, зиме 1882—1883 годов.

Глава XXXV

Зима смерти

Летние дни текли безмятежно. Мать Ягоды и Женщина Кроу развели небольшой огород в том месте, где сливаются Драй-Форк и Марайас, и поливали его водой, которую носили с реки. Их маис, тыквы и бобы, все, что местные жители выращивали задолго до того, как Колумб впервые увидел Америку, росло буйно. Старухи соорудили укрытие у самого цветущего огорода — крышу из веток кустарника на четырех столбах. Здесь мы с Нэтаки провели много приятных послеобеденных часов, слушая их своеобразные рассказы и еще более своеобразные песни, которые они иногда пели. Ранней весной Ягода опять вспахал землю плугами на быках и засеял долину овсом и пшеницей. Как ни странно, хотя год был опять засушливый, посевы поднялись и созрели. Мы убрали и сложили хлеб в копны, но продать урожай нам не пришлось. Свиньи подрывали наши копны, скот и лошади вырывались из загона и топтали их — все пошло прахом. Фермеры мы были никуда не годные.

Все лето время от времени к нам приходили пиеганы и рассказывали душераздирающие истории о том, что творится в резервации на территории агентства. Недельного рациона, говорили они, хватает на один день. Никакой дичи нет. Агент не дает ничего. Пиеганы, жившие около нас и вдоль реки, с трудом добывали охотой оленей

и антилоп, чтобы хоть как-то прожить, но оставшиеся в резервации страдали от недоедания. Там жили те, кто не мог уйти. У них не было лошадей; лошади или подыхали от кожной болезни, распространившейся по табунам, или их приходилось продавать торговцам, чтобы купить провизию.

В октябре Нэтаки и я поехали в агентство, чтобы посмотреть, как обстоит дело. В сумерки мы приехали в главный лагерь, расположенный у забора управления агентства, ниже по реке. На ночь остановились у старого вождя Палаточного Шеста.

— Оставь наши продовольственные сумки на седлах, — сказал я Нэтаки, — посмотрим, что они едят.

Старик и жена приняли нас сердечно.

— Живо, — приказал он женщинам, — приготовьте еду для наших друзей. Они, должно быть, проголодались за время долгой поездки.

Палаточный Шест говорил так, как будто в палатке было полно провизии. Он радостно улыбался и потирал руки, разговаривая с нами. Но жены его не улыбались и не торопились. Они вынули из кожаной сумки три маленькие картофелины и поставили их вариться; из другой сумки они вынули двух форелей по четверть фунта весом и сварили их тоже. Немного спустя они поставили еду перед нами.

— Это все, что у нас есть, — сказала одна из жеп дрогнувшим голосом, смахивая слезы, — все, что у нас есть. Мы очень бедны.

При этих словах Палаточный Шест уже не мог сдержаться.

— Правда, — заговорил он, запинаясь, — у нас ничего нет. Бизонов больше нет. Великий отец посылает нам мало пищи, ее хватает на один день. Мы очень голодны. Конечно, бывает рыба, запрещенная богами, нечистая. Приходится все-таки есть ее, но она не дает силы. Несомненно, нас ждет наказание за то, что мы едим ее. Видимо, боги покинули нас.

Нэтаки вышла и принесла наши продовольственные сумки; она передала женщинам три или четыре банки бобов, мясные консервы с маисом, сахар, кофе и муку. Как просветлели их лица! Как они болтали и смеялись, приготовляя хороший обед и потом, когда ели! Нам доставляло удовольствие смотреть на них.

На другой день мы съездили в несколько лагерей. Положение всюду было такое же. Не то чтобы это был настоящий голод, но что-то очень близкое к нему. Настолько близкое, что у самых крепких мужчин и женщин заметны были признаки недоедания. Люди просили у меня помощи, и я роздал то, что привез с собой. Но конечно, все это было каплей в море по сравнению с их нуждами. В одном из лагерей уже долгое время жила мать Нэтаки, ухаживавшая за больным родственником; незадолго до нашего приезда он умер. Мы забрали ее из этого голодного края и отправились обратно в форт.

Поговорив с Ягодой, я решил написать подробный отчет обо всем, что видел в резервации, и послал эту статью для опубликования в одну нью-йоркскую газету*. Я хотел, чтобы американцы знали, как обращаются с их беспомощными подопечными. Я знал, что найдутся добрые люди, которые займутся этим делом и позаботятся о том, чтобы индейцам послали продовольствие, сохранили бы им жизнь. Мою статью не напечатали. Я подписывался на эту газету и несколько месяцев после отправки рукописи заказным письмом просматривал регулярно печатные столбцы. Увы! Я не знал, как сильно политика влияет на замещение даже такого невысокого поста, как место агента по делам индейцев. Я отослал свою статью газете, которая была главной опорой правительства. Конечно, она не захотела ее печатать, и я махнул рукой на эту затею. И Ягода и я советовали индейцам убить своего агента, — может быть, это заставит общество обратить внимание на их нужды. Но они боялись; они помнили об избиении, устроенном Бэкером. Теперь я знаю, куда мне нужно было отправить эту статью. Оттуда ее бы распространили по всей стране; но я был молод, легко терпелся при неудаче, а положение в лагерях все ухудшалось и ухудшалось. В ту зиму от настоящего голода умерло не так много индейцев.

* Во главе резерваций были поставлены уполномоченные Управления по делам индейцев, так называемые агенты. Иногда среди агентов попадались хорошие люди, искренне стремившиеся облегчить участь индейцев, но в условиях, когда дискриминация и угнетение индейцев были национальной политикой США, эти хорошие агенты мало что могли сделать, и при первой возможности их заменяли послушными исполнителями воли правительства и земельных компаний.

Наступило лето. Агент выдал индейцам для посадки немного картофеля. Кое-кто действительно посадил его, но другие так изголодались, что съели выданное им. Ранней весной индейцы сдирали лубяной слой с сосен и топей и выкапывали «romme blanche»*, клубни, напоминающие турнепс, и это ели. Затем наступил сезон рыбной ловли; индейцы начали ловить форель. Кое-как прожили лето, и снова настала зима, голодная зима, зима смерти, как ее потом называли. Все события после этой зимы датировались считая от нее. В своем ежегодном летнем отчете агент пространно писал о языческих обрядах племени, но мало говорил о его нуждах. Он писал о сотнях акров, засаженных картофелем и турнепсом, — индейцы посадили всего, может быть, пять акров. Он даже не намекнул на приближающееся бедствие. В течение ряда лет в своих годичных отчетах он отмечал постоянный рост ресурсов племени; по-видимому, теперь он не собирался взять свои слова обратно и показать, что он лгал. Только благодаря его напряженным усилиям черноногие поднялись на нынешнюю ступень цивилизации, «но их приверженность к языческим обрядам чрезвычайно прискорбна».

Ранней осенью около пятидесяти палаток племени пришло к нашей ферме и осталось у нас. Здесь еще было немного антилоп, но если охота бывала неудачной, то мы делились с ними тем, что у нас было. Никто из пришедших осенью к форту не погиб. Но там, на территории агентства, в январе и феврале положение стало ужасным. Старик Почти Собака день за днем регистрировал смерть умерших от голода по одному, по два, по три. Женщины толпились под окнами управления, протягивали агенту исхудалых, с обвисшей кожей детей и просили дать кружку муки, риса, бобов, маиса — чего угодно, лишь бы утолить голод. Агент отмахивался от них. «Уходите, — говорил он сердито, — уходите! Нет у меня ничего для вас». Разумеется, у него ничего не было. Отпущенные на черноногих 30 000 долларов исчезли. Я догадываюсь куда: часть получила клика, захватившая Управление по делам индейцев, остальное, за вычетом стоимости перевозки из расчета по 5 центов за фунт, ушло на покупку ненужных вещей. Индейцы нуждались в бобах и муке, но этого они не получали. В одном углу обнесенного забором участка

* «Белое яблоко» (франц.).

управления агент держал около полусотни кур, несколько прирученных диких гусей и уток; их ежедневно обильно кормили маисом, доставленным из Сиу-Сити в Форт-Бентон на пароходе, а оттуда сухопутным путем на расстояние свыше ста миль. Маис предназначался для индейцев и принадлежал правительству; по закону агент не имел права ни покупать этот маис, ни использовать его каким бы то ни было образом для своих нужд. Тем не менее он щедро кормил им своих кур, а матери-индейки стояли кругом и грустно смотрели на это, тайком подбирая отдельные зернышки. Каждый день умирали люди. Маиса завезли несколько тысяч фунтов, но он был нужен курам.

Сведения об этом дошли до нас только в феврале, когда к нам приехал Волчья Голова. Лошадь его находилась в таком ужасном состоянии, какого я никогда не видал. На ней местами еще сохранилось немного шерсти, кожа на спине была вся в складках и местами сильно приморожена. «Там у нас, — сказал с грустью Волчья Голова, — мало лошадей лучше этой. Большая часть табунов передохла». И он стал рассказывать нам о страданиях и смерти индейцев. Задолго до того, как он кончил, Нэтаки уже плакала; плакала и Женщина Кроу, единственный человек из нашего дома, тоже присутствовавший при рассказе. Они плакали и в то же время спешно разогревали еду и кофе; поставили все на стол перед Волчьей Головой, чтобы он поел. Ни разу в жизни я не видал, чтобы еда исчезала с такой быстротой и такими огромными порциями. Через некоторое время я встал и убрал миски.

— Ты доешь это после, — сказал я.

Женщины стали протестовать, но я объяснил им, что голодающие иногда умирают, если им дать много еды после долгого поста. Вечером наш дом наполнился индейцами из лагеря, и Волчья Голова повторил свой рассказ о страданиях и смерти индейцев. Он называл некоторых умерших по имени, и один за другим слушатели тихоенько удалялись, чтобы оплакивать утраченных родных. Сидя за палатками на замерзшей земле или на берегу реки, они причитали, повторяя без конца имена любимых. Голоса плачущих звучали так тоскливо, так терзали нервы, что хотелось пойти попросить индейцев прекратить причитания и уйти домой. Но я не мог. Это был старинный обычай народа выражать горе. По какому праву я

стал бы мешать им, какое значение имели мои нервы по сравнению с их горем?

Когда Волчья Голова кончил свой душераздирающий рассказ, все некоторое время сидели совершенно тихо, даже не курили, а затем начали один за другим сыпать на голову агента и вообще белых все проклятия, какие только возможны на языке черноногих. Ягода и я слушали молча; мы знали, что это к нам не относится, мы знали, что на нас индейцы смотрят как на членов своего племени, как на своих. Но тем не менее нам было стыдно перед ними, горько, что своей жадностью, равнодушием, стремлением захватить земли белые привели этих людей и их близких к такому ужасному положению. Когда разговор начал уже прерываться паузами, Ягода стал высказывать в утешение что мог. В конце он добавил: «Мы уже несколько месяцев тому назад советовали убить этого вашего агента. Если бы вы это сделали, то возникло бы большое возмущение там, у белых. Сюда прислали бы людей разобраться, что происходит. Зная, что вы остались без еды, белые должны отправить ее в большом количестве».

Я ничего не сказал. Меня внезапно осенила мысль, которую я немедленно привел в исполнение. Я сел и написал письмо одному джентльмену в Нью-Йорк, с которым переписывался, хотя ни разу не встречал лично, и изложил ему тяжелое положение черноногих. Не могу объяснить, почему я написал ему, но вижу в этом веление судьбы, так как со временем мое письмо попало в руки человека, относившегося к этому делу с сочувствием: я получил указание отправиться в агентство и написать отчет обо всем, что там увижу. Я не знал в то время, что этот джентльмен когда-то совершил несколько поездок по Западу и у него составилось об индейцах мнение, непохожее на мнение большинства белых. Со временем он стал, если можно так выразиться, почетным членом племен черноногих, пауни, шейеннов и других северных индейцев. Кунья Шапка, как его называют черноногие, сделал для них больше, чем всякие общества: «За права индейцев», «Помощь индейцам», вместе взятые. Он избавил их от воров-агентов и помог индейцам получить полное возмещение стоимости земель*, которые они вынуждены были

* Это неточно. Индейцы получили лишь небольшую часть стоимости земель, которые они были вынуждены продать. См. предисловие.

продать, сопровождал их делегации в Вашингтон и поддерживал их петиции в Управлении по делам индейцев.

Я оседлал лошадь и поехал на территорию агентства. Собственно, не совсем на территорию, так как не хотел, чтобы у моих друзей из-за меня возникли неприятности. Индейской полиции агент приказал арестовывать всякого белого, обнаруженного в резервации. Если бы я въехал прямо на отгороженную территорию, то полицейским пришлось бы арестовать меня или уйти со службы, а я не хотел, чтобы кто-нибудь из индейцев оставил службу, так как агент давал им вдоволь еды для них самих и их семейств. Поэтому я в течение дня переезжал из лагеря в лагерь, и то, что видел, разрывало мое сердце. Я заходил в палатки и садился у очага друзей, с которыми не так давно вместе угощался вареным языком и филеом бизона, жирным пеммиканом и другой вкусной едой прерий. Их жены большей частью сидели, безнадежно уставившись на огонь, а увидев меня, запахивались плотнее в свои старые вытертые плащи, чтобы скрыть изодранные, изношенные платья. А мужчины? Я не слышал ни от кого веселого, громкого «Окйи!». Конечно, они произносили это приветствие, но тихим голосом, и глаза их избегали встречаться с моими, так как им было стыдно. В палатках нечего было есть, а самое большое унижение для черноногого — не иметь, чем угостить пришедшего. Но когда я заговаривал об их тяжелом положении, они быстро приходили в себя и начинали рассказывать о страданиях детей и жен, об умерших; иногда при этом какая-нибудь из женщин начинала рыдать и выходила из палатки — может быть, та, которая сама потеряла ребенка. Все это было очень грустно.

Покинув лагерь, стоявшие поблизости от Управления агентства, я поехал к Бэрч-Крику, южной границе резервации, где находился небольшой лагерь. Люди там оказались в немного лучшем положении. Поблизости зимовал пастбищный скот, и охотники иногда выходили ночью и убивали корову, засыпая или удаляя все следы крови и обрезки так основательно, что проезжающий мимо на следующий день никогда бы не заподозрил, что здесь произошло всего лишь за несколько часов перед тем. Убийство, клеймение новым клеймом или угон скота в области пастбищ всегда считались страшными преступлениями. Индейцы знали это и потому действовали осторожно.

Скотоводы, конечно, видели, что стада их уменьшаются, но доказать ничего не могли; они только проклинали индейцев и говорили, что их следует стереть с лица земли. Даже последний остаток некогда огромной территории черноногих, их резервация, служил предметом вождельний королей скота в течение многих лет. Как вы увидите дальше, они в конце концов завладели пастбищами, после того как тайно откормили на них, договорившись с агентами, тысячи быков для продажи на чикагском рынке.

Приехав домой, я поставил на конюшню лошадь и пошел в комнату повесить гетры и шпоры. Я застал Нэтаки в постели с распухшими от слез глазами. Увидев меня, она вскочила и прижалась ко мне.

— Они умерли, — крикнула она, — умерли оба! Моя дочь, моя красавица дочь и Всегда Смеется. Они так любили друг друга, и оба умерли! Оба утонули в вездесущей воде *.

И она рассказала мне отрывочно в промежутках между рыданиями то, что Ягода прочитал в полученной утром газете. Яхта Эштона затонула в сильную бурю, и все, кто были на борту, погибли. Я разыскал Ягodu, он молча протянул мне газету. Все было, к несчастью правда. Никогда больше мы не увидим Эштона и Диану. Их яхта со всем, что было на ней, лежала на дне Мексиканского залива.

Грустная пора наступила для всех нас. Ягода с женой отправились к себе в комнату. Старая миссис Ягода и Женщина Кроу горевали, сидя внизу у реки. Я вернулся к себе, чтобы утешить как могу, Нэтаки. Рабочие сами варили себе ужин. Долго, до глубокой ночи, я разговаривал со своей маленькой женой; я говорил ей все, что мог придумать, чтобы смягчить ее горе и свое собственное. Но в конце концов своего рода утешение нашла она. Я подбросил несколько поленьев в камин и откинулся на спинку стула. Она молчала уже несколько минут.

— Иди сюда, — позвала она.

Я подошел и сел рядом с ней; она схватила мою руку своей дрожащей рукой.

— Вот что я сейчас думала, — начала она, запинаясь, но голос ее окреп, и она продолжала: — Вот что. Они ведь

* Мо-то-йи-ок-хи — океан. — *Прим. авт.*

умерли вместе? Да. Я думаю, когда они увидели, что должны утонуть, они крепко обнялись и сказали, если успели, друг другу несколько слов и даже поцеловались, хотя там, может быть, были другие люди. Ведь мы бы так сделали, правда?

— Да.

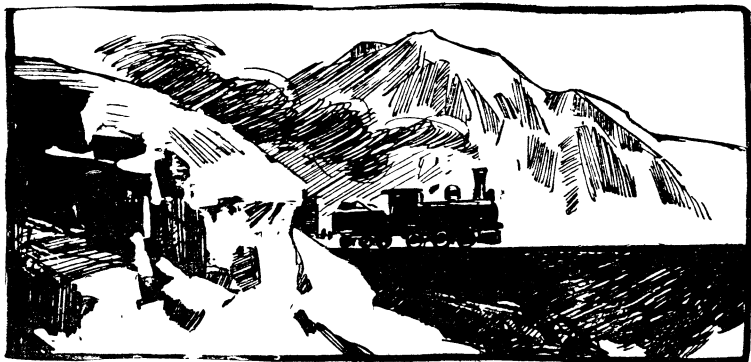
— Ну так вот, — закончила она, — не так уже это плохо, как могло бы быть, потому что никому не пришлось горевать по погибшим. Все мы должны когда-нибудь умереть, но я думаю, что Солнце и бог белых милостивы, когда тем, кто любит друг друга так, как Эштон и Диана, даруют такую смерть.

Она встала и, сняв со стены и полки маленькие подарки, сделанные ей Дианой, тщательно уложила их на дно сундука.

— Я не могу вынести сейчас вида этих вещей, когда-нибудь, когда я привыкну к мысли, что ее нет, я выну их и поставлю опять на место.

Нэтаки опять легла в постель и уснула, а я еще долго сидел перед угасающим огнем, размышляя о том, что она сказала. Годы шли, и я впоследствии все лучше стал сознавать, что Нэтаки была... нет, я не скажу, что я думал. Может быть, кое-кто из вас, кто умеет чувствовать, сам заполнит пропущенное.

Прошло несколько лет, пока подарки Дианы снова заняли свое место в нашем доме, чтобы восхищать глаз и радовать душу обитателей. Но много раз я видел, как Нэтаки тихонько вынимала из сундука портрет своей названной дочери и поглядывала на него с любовью; она уходила, чтобы грустить в одиночестве.

Глава XXXVI

Последние годы

Последние стада бизонов исчезли в 1883 году. Весной 1884 года у набережной Форт-Бентона пришвартовалась большая флотилия пароходов; среди них были «Блэк Хиллс» и «Дакота», суда больших размеров и грузоподъемности. «Дакота» приходила в форт только один раз в навигацию, когда Миссури наполнялась до краев от таяния снегов в горах. Большие суда пришли в последний рейс, и не только большие — кончилась навигация и всех меньших пароходов. Железная дорога уже подошла близко. Она пересекла Дакоту и быстро ползла по прериям Монтаны. Пароходы, пришвартовывавшиеся на ночь, пожиравшие огромное количество дров, чтобы справиться с быстрым встречным течением Миссури, не могли конкурировать с поездами.

Железная дорога наконец вступила в область Скалистых гор. Ветка дороги прошла через Форт-Бентон, Грейт-Фоллс и Хелину в Бьютт, а магистраль пересекла хребет по перевалу Ту-Медисин. В вагонах железной дороги из Штатов прибыло множество иммигрантов, над которыми старожилы смеялись.

— Чего они сюда едут? — спрашивали старожилы. — Что они будут здесь делать, эти мужчины в котелках и хрупкие женщины?

Скоро все разъяснилось. Новые пришельцы селились в долинах и приобретали право пользоваться водой. Они пооткрывали магазины в городах и узловых пунктах дорог и снизили уровень цен до счета на десятки центов. Они даже аккуратно сдавали сдачу медяками. До этого катушка ниток, даже ламповый фитиль продавались за два четвертака. Старые владельцы магазинов и торговцы с их привычкой к неторопливому, немелочному ведению дел не могли удержать свои позиции при новом порядке вещей. Они не могли изменить сложившихся в течение всей жизни привычек, и одного за другим пришельцы вытеснили их из торговли.

Больше всего страдали те, кто был женат на индейках, — мужья скво — так их называли презрительно, и странно сказать, злейшими их врагами оказались не мужчины, а жены новых пришельцев. Они запрещали своим детям общаться с детьми-полукровками, а в школе положение последних было невыносимым. Белые дети били их и давали им оскорбительные прозвища. Эта ненависть к мужьям скво перешла и в область политики. Одного из мужей скво, разумного, приветливого, бесстрашного человека, каких я знал мало, выдвинули кандидатом на пост шерифа графства по списку партии, всегда побеждавшей на выборах. Из всех кандидатов партии только он один не прошел на выборах. Его провалили. Белые жены так приставали к своим мужьям и братьям, так бурно протестовали против избрания мужа скво на какой бы то ни было пост, что им удалось добиться его поражения. И мужья скво один за другим переехали в единственное место, где они могли жить спокойно, где не было ни одного врага ближе, чем на сто миль, — в резервацию. Здесь они поселились, чтобы доживать оставшиеся дни. Одно время мужей скво было сорок два; сейчас мало кто из них остался в живых.

Я хотел бы исправить распространенное мнение о мужьях скво, по крайней мере о тех, кого я сам знал, мужчинах, женившихся на индейках из племени черноногих. В дни жестокой, крайней нужды индейцев мужья скво раздавали все, что могли, довольствуясь тем, что оставляли немного бекона и муки для своих семейств, а случались дни, когда в доме у иных семей не оставалось и этого, так как они все уже роздали. Иногда они голодали вместе с индейцами. Разбросанные по резервации

мужья скво построили себе чистенькие домики и скотные дворы и обнесли свои сенокосы изгородами — все это служило предметным уроком для индейцев. Больше того, они помогали своим краснокожим соседям строить бревенчатые дома и конюшни, прокладывали трассы для оросительных каналов, учили индейцев пахать и обращаться с сенокосилкой. И все это делалось без всякой мысли об оплате или выгодах. Если вы зайдете в дом черноногого, то почти всегда увидите чистый пол, оконные стекла без единого пятнышка, все в полном порядке, швейную машину и стол, накрытый красивым покрывалом, кровать, застланную чистыми, ярких цветов покрывалами, кухонную утварь и посуду начищенные, безупречно чистые*. Этому научили их не правительственные полевые инструкторши. Черноногие научились всему этому у скво, у индеанок, вышедших замуж за белых. Я видел сотни домов белых, их сколько угодно в каждом городе, настолько грязных, населенных такими неряшливыми жильцами, что приходится отворачиваться от них в полном отвращении; ничего подобного я не видел у черноногих.

В дни благополучия при хорошем агенте, когда у них было много быков на продажу, черноногие покупали много мебели, даже хорошие ковры. Однажды ко мне зашел в такое время один друг, мы сидели и курили.

— У тебя есть книжка с картинками мебели, — сказал он, — покажи мне лучшую кровать из тех, что в ней есть. Я взял книгу.

— Вот, смотри, — указал я на рисунок, — целиком из меди, самые лучшие пружины; цена — 80 долларов.

— Выпиши ее, — сказал он, — я хочу иметь такую кровать. Ведь это только цена двух быков, разве это дорого?

— Есть другие кровати, — продолжал я, — такие же хорошие на вид, частью из железа, частью из меди, а стоят они много меньше.

— Э! — воскликнул он. — Старик Хвостовые Перья из-за Холма купил кровать за пятьдесят долларов. Я хочу иметь самую лучшую.

Не знаю, что делали бы черноногие при заключении договоров с правительством, не будь с ними мужей скво;

* Такую обстановку можно увидеть лишь в домах немногих богатых индейцев, рядовые же члены племени черноногих влачат нищенское существование.

как бы индейцы избавились без них от агентов, о которых лучше не вспоминать, так как именно мужья скво дрались за черноногих и вынесли на своих плечах всю тяжесть борьбы. Я знаю, что один из агентов приказал своей полиции убить при первой встрече одного мужа скво, который сообщил о его воровстве в Вашингтон; знаю, что другие агенты высылали мужей скво из резервации, разлучая их с семьями, за то, что эти люди слишком открыто говорили о темных махинациях агентов. Но временами пост агента занимали хорошие, честные, способные люди, при которых индейцы в известной мере восстанавливали утраченное благополучие. К сожалению, такие люди недолго оставались на своем месте. При смене правительства новые власти всегда увольняли их.

Но одно дело мужьям скво так и не удалось провести: они не смогли избавить резервацию от стад королей скота. Эти важные люди устанавливали «взаимопонимание» с некоторыми агентами, а иногда с весьма влиятельными политическими деятелями. Стада королей скота оставались в резервации, размножались и портили сочные пастбища. Большинство индейцев и мужей скво заботливо пасли свои маленькие стада в каком-нибудь подходящем месте, как можно ближе к дому. Но неизменно один раз весной, один раз осенью устраиваемый королями скота сбор стад для клеймения охватывал резервацию, как пожар. Тридцать или сорок объездчиков на резвых лошадях налетали на такое маленькое индейское стадо. Часть сгоняемого скота смешивалась с индейским скотом, но объездчики не останавливались, чтобы отделить чужой скот, им было некогда. Они гнали весь скот в отдаленный пункт, в загон для клеймения, и владелец маленького стада навсегда терял большую или меньшую часть скота. Наконец, как мне говорили, индейцы настояли перед управлением, чтобы южную и восточную стороны резервации обнесли изгородью, рассчитывая, что чужой скот не сможет проникать на индейскую территорию, а их собственный скот останется на ней. Огораживать западную и северную стороны не было надобности, так как западную границу резервации образуют Скалистые горы, а северную — канадская пограничная линия. Постройка изгороди обошлась в 30 000 долларов, а потом короли скота получили разрешение на выпас 30 000 голов скота на огороженной территории.

Конец черноногих едва не наступил прошлой зимой*. Управление по делам индейцев постановило, что трудоспособные будут лишены рационов. В этой голой местности нет никаких шансов получить работу, так как скотоводческие фермы немногочисленны и отстоят далеко друг от друга. Даже если человеку удастся наняться на работу на три месяца в летнее время — вещь почти невозможная, — то его заработка ни в коем случае не хватит на то, чтобы содержать семью весь год. В январе один мой друг писал мне: «Сегодня я побывал в резервации и посетил многих старых друзей. В большинстве домов продовольствия очень мало, как правило, нет ничего, и народ грустно сидит вокруг печки и пьет ягодный чай». Ягода и я ушли со старожилами в резервацию. Мы продали форт Конрад. Ягода купил дело торговца в резервации — права и товары — за триста долларов.

Я вбил себе в голову сумасшедшую мысль, что хочу стать овцеводом. Отыскав хорошие источники воды и луга милях в двенадцати выше форта Конрад, я построил несколько хороших хлебов и дом, заготовил большие скирды сена. Скотоводы спалили мое хозяйство. Думаю, они поступили правильно, так как источник, который я отыскал, служил единственным водопоем на много миль кругом.

Я бросил почерневшие развалины и последовал за Ягодой. Хорошо, что скотоводы спалили мой дом, ибо благодаря этому я могу сказать с чистым сердцем, что не принимал участия в опустошении некогда прекрасных прерий Монтаны.

Мы с Нэтаки построили себе дом в прелестной долине, где росла высокая зеленая трава. Строился он долго. В горах, где я рубил лес для дома, так хорошо жилось в палатке под величественными соснами, что мы с трудом отрывались на два дня, чтобы доставить домой воз материала. В лесу нас отвлекало от рубки множество приятных вещей; топор стоял прислоненный к пню в течение долгих мечтательных дней, в то время как мы уходили ловить форель, выслеживали оленей или медведей или же просто сидели у палатки, слушая шум ветра в верхушках сосен, глядя на белок, воровавших остатки нашего завтрака, или на важно выступающего случайного тетерева.

* Писалось в 1906 году. — *Прим. пер.*

— Какой здесь покой, — сказала однажды Нэтаки, — как прекрасны сосны, как прелестны хрупкие цветы, растущие в сырых тенистых местах! И все же есть что-то пугающее в больших лесах. Люди моего племени редко решаются входить в них в одиночестве. Охотники всегда отправляются в лес вдвоем или по три-четыре человека, а женщины, когда нужно рубить жерди для палатки, ходят большой компанией и всегда берут с собой мужей.

— Но чего они боятся? — спросил я. — Не понимаю, чего им опасаться?

— По многим причинам, — ответила она. — В лесу легко может затаиться враг и убить, не рискуя сам ничем. А потом, потом говорят, что в этих обширных темных лесах живут духи. Они следуют за охотником либо крадутся рядом с ним или впереди него. Ясно, что они тут, так как случается, они наступят на сучок, и слышится треск, или опавшая листва зашуршит у них под ногами. Некоторые, говорят, даже видели этих духов, выглядывающих из-за деревьев вдаль. У них страшные широкие лица с большими злыми глазами. Мне даже иногда казалось, что они идут за мной следом. Но хоть я ужасно боялась, я все же продолжала спускаться вниз к ручью за водой. Больше всего мне бывает страшно, когда ты уходишь далеко в лес и прекращаются удары твоего топора. Я останавливаюсь и прислушиваюсь; если ты снова начинаешь стучать топором, то, значит, все хорошо, и я продолжаю заниматься своим делом. Но если надолго наступает тишина, я начинаю бояться сама не знаю чего, всего: неясной тени кругом в отдаленных местах, ветра, шевелящего верхушки деревьев, который как будто шепчет что-то непонятное. Ох, я так пугаюсь и, крадучись, пробираюсь к тебе посмотреть, там ли ты еще, не случилось ли с тобой чего-нибудь...

— Постой, как же это? — прервал я ее. — Никогда тебя не видел.

— Да, ты меня не видел. Я иду очень тихо, очень осторожно, точь-в-точь как один из этих духов, о которых народ рассказывает, но я всегда вижу тебя. Ты, бывает, сидишь на бревне или лежишь на земле и куришь, постоянно куришь. Тогда, успокоившись, я возвращаюсь назад так же тихо, как пришла.

— Но почему, когда ты приходишь ко мне, — спросил я, — почему ты не подойдешь ближе и не сядешь поговорить со мной?

— Если бы я это сделала, — ответила она, — то ты еще долго сидел бы, ничего не делая, покуривая и разговаривая о разных вещах, о которых ты вечно мечтаешь и думаешь. Ты разве не знаешь, что лето уже кончается? А я так хочу видеть наш дом уже построенным. Я хочу, чтобы у меня был свой дом.

После такой беседы я некоторое время более усердно работал топором, а потом опять наступала реакция, опять шли дни безделья, прогулок у ручья или на суровых горных склонах. Но до того как выпал снег, наш скромный дом был уже готов и оборудован. Мы были довольны.

Следующей весной после непродолжительной болезни умерла мать Нэтаки. Когда тело покойницы закутали в одеяла и бизоньи шкуры и крепко перевязали сыromятными ремнями, Нэтаки сказала мне, чтобы я приготовил гроб. На сто пятьдесят миль кругом нельзя было купить пиленого леса, но отцы-иезуиты, построившие недалеко от нас миссию, великодушно дали мне нужные доски, и я изготовил длинный ящик высотой более трех футов. Затем я спросил, где копать могилу. Нэтаки и родственники пришли в ужас.

— Как, — воскликнула она, — хоронить мать в яме, в черной, тяжелой, холодной земле? Нет! Агент запретил хоронить мертвых на деревьях, но он ничего не говорил насчет того, что нельзя оставлять умерших в гробу на земле, наверху. Отвези ящик на склон холма, где лежат останки Красного Орла и других наших родственников, а мы потом все поедом за тобой в другом фургоне.

Я сделал, как мне было сказано, и, проехав вверх по долине с полмили, свернул по склону вверх к тому месту, где на небольшой горизонтальной площадке уже стояло с полдюжины грубо сколоченных гробов. Вынув ящик из фургона, я поставил его неподалеку от остальных и, работая киркой и лопатой, подготовил под него абсолютно ровное местечко. Тут подъехали остальные, друзья и родственники, среди них даже трое мужчин, тоже родственников покойной. Ни разу ни раньше, ни позже я не видал, чтобы мужчины присутствовали на похоронах. Они всегда остаются в палатках и горюют там об умершем. Присут-

ствие мужчин показывало, какой большой любовью и уважением пользовалась мать Нэтаки.

С момента кончины матери Нэтаки не спала, не прикасалась к еде, все время плакала. Сейчас она стала настаивать на том, чтобы последний обряд выполнили только мы вдвоем. Мы перенесли плотно закутанное тело и уложили его в большой ящик осторожно и бережно, а затем разместили по бокам и в ногах замшевые мешочки, маленькие сыромятные сумки с иголками, шилами, нитками и всякими вещами и безделушками, которые покойница так тщательно хранила. Я поднял и положил на место две доски, образующие крышку. Теперь плакали уже все, даже мужчины. Я приставил гвоздь к доске и забил его наполовину. Как ужасно звучали удары молотка, гулко отдаваясь в большом полупустом ящике. До этого момента я держался довольно хорошо, но холодный, резкий, оскверняющий стук молотка окончательно расстроил меня. Я отшвырнул инструмент, сел и, несмотря на все усилия сдержаться, заплакал, как и все.

— Не могу, — повторял я, — не могу забивать гвозди.

Нэтаки подошла ко мне, села, прислонилась к моему плечу и протянула дрожащие руки к моим.

— Наша мать! — выговорила она наконец. — Наша мать! Подумай, мы никогда, никогда больше ее не увидим. Почему она должна была умереть, когда еще не начала даже стариться?

Один из мужчин вышел вперед.

— Идите оба домой, я прибью доски.

В наступающих сумерках мы с Нэтаки поехали домой, распрягли лошадей и пустили их щипать траву. Потом, войдя в затихший дом, легли спать. Позже пришла верная, как всегда, добрая Женщина Кроу; я слышал, как она разводила огонь в кухонной плите. Она внесла лампу, потом чай и несколько ломтей хлеба с мясом. Нэтаки спала. Нагнувшись ко мне, Женщина Кроу прошептала:

— Будь теперь с ней еще ласковее, чем раньше, сынок. Потерять такую добрую мать! На земле не сыскать другой такой доброй. Нэтаки так будет не хватать ее. Ты должен теперь быть для нее и мужем и матерью.

— Буду, — ответил я, беря ее за руку. — Ты знаешь, что буду.

Тогда она вышла из комнаты и удалилась из дома так же тихо, как появилась. Много, очень много времени про-

шло, пока к Нэтаки вернулась свойственная ей живость. Даже несколько лет спустя она иногда будила меня ночью с плачем, чтобы поговорить о матери.

Раз уже рельсы железнодорожной магистрали пересекали страну, которую, как сказал Большое Озеро, никогда не осквернят огненные фургоны, то мы можем, думал я, с таким же успехом ездить в них. Но понадобилось много времени, чтобы убедить Нэтаки решиться на поездку по железной дороге. Когда она серьезно заболела, я уговорил ее показаться знаменитому доктору, жившему не очень далеко в городе, человеку, много для меня сделавшему, об изумительных хирургических операциях которого я мог рассказывать без конца. Однажды утром мы сели в задний пульмановский вагон поезда и отправились в дорогу. Нэтаки сидела у открытого окна. Мы скоро въехали на мост, перекинутый через очень глубокий каньон. Нэтаки взглянула вниз, удивленно и испуганно вскрикнула и упала на пол, закрыв лицо руками. Я усадил ее на место, но она не сразу успокоилась.

— Дно казалось так страшно далеко, — сказала она, — что, если бы мост сломался, мы все погибли бы.

Я заверил ее, что мосты не могут ломаться, что люди, строящие их, знают, сколько мост может выдержать, а это больше того, что можно нагрузить в поезд. После этой поездки она перестала бояться. Ей нравился быстрый плавный ход поезда, а ее любимым местом в хорошую погоду стало кресло на открытой задней платформе последнего вагона.

Мы не пробыли в поезде и пятнадцати минут, как я вдруг сообразил, что совсем не подумал об одной вещи. Взглянув на сидевших кругом дам, одетых в хорошо сшитые из дорогих тканей платья, в роскошных шляпах, я понял, что Нэтаки в своей одежде — женщина совсем другого круга. На ней было простое бумажное платье, шаль и пикейная шляпа с козырьком спереди и сзади; все это в резервации считалось очень шикарным, как когда-то в Форт-Бентоне во времена торговцев бизоньими шкурами. К моему удивлению, несколько дам в вагоне подошли к Нэтаки поговорить и держались в разговоре с ней очень мило. Мою маленькую жену очень порадовали, даже взволновали эти беседы.

— Я не думала, — сказала она мне, — что белые женщины захотят со мной разговаривать; я думала, что они все ненавидят индейцев.

— Многие действительно ненавидят, — ответил я, — но это женщины другого класса. Есть женщины и женщины. Моя мать такая же, как разговаривавшие с тобой. Обратила ты внимание на их платья, — добавил я. — Ты должна одеваться, как они. Я рад, что мы приедем в город вечером. Ты должна одеться, как они, прежде чем мы пойдем в больницу.

Поезд прибыл в город по расписанию, и я быстро повел и посадил Нэтаки в кэб, а из него мы прошли через боковой вход в отель и наверх, в номер, заказанный по телеграфу. По случаю субботнего вечера магазины еще были открыты. Я нашел в универсальном магазине продащицу, которая поехала со мной в отель, чтобы снять мерку с Нэтаки. Через час Нэтаки уже надела блузку и юбку и изящное дорожное пальто. Как она радовалась этим вещам, и как я гордился ею. Нет ничего, думал я, что можно считать достаточно хорошим, чтобы служить одеждой для этой верной, испытанной женщины, доброта, нежность и врожденное благородство души которой светятся в ее глазах.

Обедали мы у себя в комнате. Я вдруг вспомнил, что упустил из виду одну часть туалета, шляпу, и вышел купить ее. В холле отеля я встретил знакомого художника и попросил его помочь мне выбрать эту важную принадлежность туалета. Мы пересмотрели, как мне казалось, штук пятьсот и наконец остановились на вещице из коричневого бархата с черным пером. Мы отнесли ее наверх, в номер, и Нэтаки ее примерила. «Мала», — решили все; пришлось отправиться обратно за другой шляпой. Но по видимому, шляп большого размера не было, и я не знал, что делать.

— Они не садятся как следует на голову, — объяснил я продавщице, — их нельзя надеть вот так. — При этом я приподнял свою шляпу и нахлобучил обратно.

Девушка посмотрела на меня с удивлением.

— Что вы, дорогой сэр! — воскликнула она. — Женщины так шляпы не носят. Они надевают их неглубоко, сверху на голову и прикалывают к прическе большими булавками, шляпными булавками.

— А, вот как, понимаю, — сказал я, — тогда дайте опять ту шляпу и несколько булавок; конечно, теперь все наладится.

Но не так-то просто нам это удалось. Нэтаки носила волосы заплетенными в две длинные косы, связанные вместе и спускавшиеся ей на спину. Эту шляпу никак нельзя было приколоть, если не сделать ей прическу помпадур или как там она называется, — одним словом, если не собрать волосы пучком сверху, а на это она, конечно, не соглашалась. Да и я этого не хотел; мне нравились эти длинные тяжелые косы, свисающие низко, ниже талии.

— Я придумал, — сказал мой друг, которому самому пришлось немало поездить верхом, он был, собственно говоря, известный объездчик скота, — надо просто пришить кусочек резиновой тесьмы, как на сомбреро. Резину пропустим под косы, к самой голове, и готово.

Магазин уже закрывался, когда я наконец добыл резинку, нитки и иголку, и Нэтаки села пришивать тесемку. Шляпа держалась. Ее с трудом можно было сбить с головы. Усталые, испытывая сильную жажду, мы с художником удалились на поиски чего-нибудь шипучего, а Нэтаки отправилась спать. Когда я вернулся, оказалось, что она и не думала спать.

— Как чудесно! — воскликнула она. — Здесь все, чего можно только пожелать. Просто нажимаешь черненькую штуку, и кто-нибудь является выполнять твои распоряжения, подать тебе обед, воду — все, что тебе нужно. Поворачиваешь кран — и, пожалуйста, вот вам вода. Один поворот — и молниеносная лампа загорается или гаснет. Чудесно, чудесно! Я жила бы здесь отлично.

— Разве это лучше, чем наша славная палатка того времени, когда мы кочевали, когда мы разбивали, бывало, лагерь на этом самом месте, где теперь стоит город, и охотились на бизонов?

— О нет, нет, это не похоже на то дорогое ушедшее прошлое время. Но это время ушло. Раз мы вынуждены идти путем белых, как говорят вожди, то давай возьмем лучшее, что встречается нам на этом пути, а здесь ведь очень хорошо.

Утром мы поехали в больницу и поднялись на лифте на верхний этаж в указанный нам кабинет. Сестры уложили Нэтаки в постель. Нэтаки сразу же в них влюбилась. Потом пришел доктор.

— Вот это он, — показал я, — тот, кто меня спас.

Она села в постели и обхватила его руку обеими руками.

— Передай ему, — попросила она, — что я буду послушна и терпелива. Какое бы горькое лекарство он мне ни дал, я его приму, какую бы боль он мне ни причинил, я не буду кричать. Скажи ему, что я хочу поскорее поправиться, чтобы ходить и работать и быть опять счастливой и здоровой.

— Ничего опасного нет, хирургический нож здесь даже не нужен, — сказал доктор. — Недельку в постели, принимать лекарства, и она сможет отправиться домой совершенно здоровой.

Приятная новость для Нэтаки. Она весело щебетала, как вольная птичка, с утра до вечера.

Сестры и сиделки все время приходили поговорить и пошутить с ней, а когда не было меня, чтобы служить им переводчиком, они все-таки, по-видимому, понимали друг друга. Нэтаки как-то умела дать им понять, что она думает. В любое время дня даже вниз, до холла, доносился ее веселый смех.

— Ни разу в жизни, — сказала старшая сестра, — я не видела такой веселой, простой, счастливой женщины. Вам повезло, сэр, что у вас такая жена.

Потом наступил день, когда мы смогли снова отправиться домой. Долгое время потом Нэтаки все говорила о чудесах, которые она видела. Вера ее в черноногих лекарей — мужчин и женщин — исчезла, и она не колеблясь заявляла об этом. Она рассказывала о поразительном умении, с каким доктор оперировал в больнице пациентов и излечивал их; о его чудесной молнийной лампе (рентгеновской трубке), при помощи которой можно видеть сквозь кожу и мускулы кости человека, весь его скелет. Все племя заинтересовалось этими рассказами, люди приходили издалека послушать ее. После этого многие страдавшие всевозможными болезнями отправились в большую больницу к нашему доктору с полной верой в возможность излечения.

Я вспоминаю, как на обратном пути мы увидели мужчину и двух женщин, накладывавших сено на телегу. Мужчина стоял наверху на сене, а женщины непрерывно подавали ему вилами громадные охапки сена, не обращая внимания на сильную жару. Моя маленькая жена удивилась и возмутилась.

— Никогда не думала, — сказала она, — что белые мужчины могут так дурно обращаться со своими женщинами. Черноногие не так жестоки. Я начинаю думать, что белым женщинам живется гораздо тяжелее, чем нам.

— Ты права, — отозвался я, — большинство бедных белых женщин — рабыни: им приходится вставать в три-четыре часа утра, готовить еду три раза в день, шить, чинить и стирать одежду детей, мыть полы, работать на огороде, и, когда наступает ночь, у них едва хватает силы заползти в постель. Как ты думаешь, ты могла бы все это делать?

— Нет, — ответила она, — не могла бы. Хотела бы я знать, не потому ли белые женщины так нас не любят, что им приходится тяжело работать, в то время как у нас много досуга, мы можем отдыхать, ходить в гости или ездить верхом по прекрасной прерии. Конечно, наша жизнь лучше. А ты... счастлив был тот день, когда ты решил сделать меня своей маленькой женой.

.

Шли безмятежные годы нашей жизни с Нэтаки. Наше стадо все разрасталось, дважды в год его сгоняли на клеймение вместе с остальным скотом резервации. Я провел две оросительные канавы и сеял траву на сено. Работать приходилось мало, и мы каждую осень ездили куда-нибудь: в Скалистые горы с друзьями или по железной дороге в более далекие места. Иногда мы садились в лодку и неторопливо спускались по течению, останавливаясь в палатке на берегу Миссури, и отъезжали вниз от Форт-Бентона на 300—400 миль, возвращаясь домой по железной дороге. Пожалуй, путешествие по воде мы любили больше всего. Вечно манящее бурное течение, мрачные скалы, заросшая красивым лесом безмолвная долина — все это таило в себе особое очарование, каким не обладало ни одно место в горах. Во время одного такого путешествия по реке Нэтаки пожаловалась на острую боль в кончиках пальцев правой руки.

— Это просто ревматизм, — сказал я, — скоро пройдет.

Но я ошибся. Боль становилась все сильнее, и мы, бросив лодку в устье реки Милк, сели на первый поезд, шедший в город, где жил наш доктор, и снова очутились в больнице, в той самой палате. Те же добрые сестры и сиделки окружили Нэтаки, пытаясь облегчить ее боли, ставшие мучительными. Пришел доктор, пощупал пульс,

вынул стетоскоп и стал передвигать его из одной точки в другую, пока наконец не остановился на правой стороне шеи у ключицы. В этой точке он долго слушал, и я начал волноваться.

— Это не ревматизм, — говорил я себе, — что-то неладно с сердцем.

Доктор отдал какое-то распоряжение сиделке, потом повернулся к Нэтаки:

— Не падайте духом, дружок, мы вас вытащим.

Нэтаки улыбнулась. Она стала задремывать под влиянием принятого снотворного; мы вышли из палаты.

— Ну, друг мой, — сказал доктор, — на этот раз я мало что могу сделать. Может быть, она проживет еще год, хотя это сомнительно.

Одиннадцать месяцев мы все делали, что могли, но наступил день, когда моя верная, любимая, мягкосердечная маленькая жена скончалась и я остался один. Днем я думаю о ней, по ночам она мне снится. Я хотел бы верить, думать, что мы снова встретимся на том берегу. Но все для меня покрыто мраком.

Оглавление

Предисловие	5
Главные действующие лица	13
<i>Глава</i> I. Форт-Бентон	14
<i>Глава</i> II. Военная хитрость влюбленного индейца	27
<i>Глава</i> III. Трагедия на реке Марайас	42
<i>Глава</i> IV. Поход за лошадьми	51
<i>Глава</i> V. На охоте	61
<i>Глава</i> VI. История Женщины Кроу	67
<i>Глава</i> VII. Белый бизон	77
<i>Глава</i> VIII. Зима на реке Марайас	85
<i>Глава</i> IX. Я ставлю свою палатку	90
<i>Глава</i> X. Я убиваю медведя	97
<i>Глава</i> XI. История кутене	107
<i>Глава</i> XII. Большие скачки	122
<i>Глава</i> XIII. Женщина из племени снейк	129
<i>Глава</i> XIV. Женщина Снейк ищет своего мужа	137
<i>Глава</i> XV. Я возвращаюсь к своим	141
<i>Глава</i> XVI. История Просыпающегося Волка	152
<i>Глава</i> XVII. Дружеское посещение нас племенем кроу	167
<i>Глава</i> XVIII. Набег кроу	182
<i>Глава</i> XIX. Свадьба Нэтаки	195
<i>Глава</i> XX. Нападение на охотников	210
<i>Глава</i> XXI. Никогда Не Смеется уезжает на Восток	217
<i>Глава</i> XXII. Военный поход Чудака	225
<i>Глава</i> XXIII. Пиеганы приходят в форт	234
<i>Глава</i> XXIV. Магическая сила скуссовой шкуры	238
<i>Глава</i> XXV. Конец Олененка	244

<i>Глава XXVI.</i>	Обычай Севера	251
<i>Глава XXVII.</i>	История Старого Спящего	262
<i>Глава XXVIII.</i>	Диана выходит замуж	276
<i>Глава XXIX.</i>	Роковая игра	289
<i>Глава XXX.</i>	Торговля, охота и нападение военного отряда	300
<i>Глава XXXI.</i>	Нэтаки на охоте	305
<i>Глава XXXII.</i>	Укрощение кочевников	314
<i>Глава XXXIII.</i>	Индейцы кри и ред-ривер	323
<i>Глава XXXIV.</i>	Последние бизоны	330
<i>Глава XXXV.</i>	Зима смерти	335
<i>Глава XXXVI.</i>	Последние годы	344

Шульц, Джемс Виллард

МОЯ ЖИЗНЬ СРЕДИ ИНДЕЙЦЕВ. М., «Мысль», 1965.
359 с. с илл. (Путешествия. Приключения. Фантастика).

И (Амер.)

Редактор *С. Н. Кумкес*

Младший редактор *В. В. Леонова*

Художественный редактор *С. С. Верховский*

Технический редактор *Э. Н. Виленская*

Корректоры *Л. Г. Севастьянова, С. С. Новицкая*

Сдано в набор 29/V 1965 г. Подписано в печать 15/XII 1965 г.
Формат бумаги 84×108¹/₃₂. Бумажных листов 5,625. Печатных
листов 18,45. Учетно-издательских листов 18,46. Тираж 75 000
экз. (допечатка). Цена 90 коп. Заказ № 129,

БЗ № 34 — 1965 — № 15

Издательство «Мысль»

Москва, В-71, Ленинский проспект, 15.

Ленинградская типография № 1 «Печатный Двор» имени
А. М. Горького «Главполиграфпрома» Государственного ко-
митета Совета Министров СССР по печати, Гатчинская, 26.

90 коп.

Д. В. ШУЛЬЦ • МОЯ ЖИЗНЬ • СРЕДН МДЪНН ЭТЪНН

90 коп.

В специализированных магазинах подписных изданий Книготорга и потребительской кооперации вы можете оформить подписку на географический календарь-ежегодник «Земля и люди», который выпускает издательство «Мысль». Статьи, заметки и стихи, кроссворды и викторины, таблицы и карты—такое содержание географического календаря-ежегодника. Календарь поможет вам совершить увлекательное путешествие по материкам и океанам, побывать в дебрях тропических лесов и в полярных льдах, углубиться в пучину океана и недра Земли. Географическая летопись даст вам возможность в течение всего года следить за юбилейными датами, связанными с географией. Цена календаря 1 р. 50 к.

ИЗДАТЕЛЬСТВО

„МЫСЛЬ“

Д. В. Шульц • МОЯ ЖИЗНЬ СРЕДИ ИНДЕЙЦЕВ

Д. В. Шульц

МОЯ ЖИЗНЬ
СРЕДИ
ИНДЕЙЦЕВ

В серии «Путешествия, Приключения, Фантастика», издательство «Мысль» выпускает ежегодно сборник «На суше и на море».

В книге публикуются повести, рассказы, очерки о жизни народов земного шара, художественные описания богатейшей природы нашей Родины и зарубежного мира, рассказы из истории исследования Земли.

В сборнике печатаются научно-фантастические произведения отечественных и зарубежных авторов. В разделе «Факты, догадки, случаи» ученые, писатели, журналисты делятся научными гипотезами, дают описание археологических раскопок, повествуют о тайнах древних цивилизаций, необычных и загадочных явлениях природы.